

№3 (34) Вып. 2
2007

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Учредитель

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Белгородский государственный университет»

Издатель

Белгородский государственный
университет.
Издательство БелГУ

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору за соблюде-
нием законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массо-
вой информации ПИ
№ ФС77-21121 от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного
университета, доктор социологических
наук, профессор

Зам. главного редактора

Давыденко Т.М.

проректор по научной работе Белгород-
ского государственного университета,
доктор педагогических наук, профессор

Ответственный секретарь

Московкин В.М.

заместитель по инновационной дея-
тельности проректора по научной рабо-
те, доктор географических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Председатель редколлегии

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного
университета, доктор социологических
наук, профессор

Главный редактор

Шатовалов В.А.

доктор исторических наук, профессор
(Белгородский государственный уни-
верситет)

Заместители главного редактора

Борисоглебская Л.Н.

доктор экономических наук, профессор
(Белгородский государственный уни-
верситет)

Шатохин И.Т.

кандидат исторических наук, доцент
(Белгородский государственный уни-
верситет)

Шилов В.Н.

доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный уни-
верситет)

Ответственный секретарь

Колесникова В.Л.

(Белгородский государственный уни-
верситет)

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БелГУ

История. Политология. Экономика

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

History Political science Economy

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

О семантике надгробных памятников некрополя Херсонеса классического и эллинистического периодов. **В.М. Зубарь 5**

Данайцы в трудах античных мифографов: к проблеме происхождения данайцев. **А.Г. Чередниченко 15**

Внешняя и внутренняя беотийская политика Фиванского полиса в период архидамовой войны 431-421 гг. до н.э. **А.Ю. Можайский 23**

К образу Аполлинария Сидония: человек поздней антично-сти. **Е.В. Литовченко 30**

Австро-германские дипломатические контакты по вопросу создания Великогерманского государства в 1918-1919 гг. **А.А. Борисова 39**

Роль СМИ в процессе эволюции образа СССР в США в годы президентства Г. Трумэна. **Е.Л. Ситникова 48**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Русская Америка первой половины XX века. К вопросу о возникновении и развитии диаспоры. **А.Б. Ручкин 53**

Курские губернаторы середины – второй половины XIX в. в воспоминаниях современников. **И.Т. Шатохин 60**

Правовая регламентация детского труда в фабрично-заводской промышленности России в 80 – 90-е гг. XIX в. **О.А. Смоленская 66**

Проблемы организации мукомольной промышленности в советской России в первой половине 20-х гг. XX в. **Е.Ю. Прокофьева 73**

Некоторые вопросы источниковедения истории русской общественной мысли X-XIX вв. **Л.Н. Пушкарёв 80**

Возникновение и деятельность отделов Всероссийского крестьянского союза в Вятско-Камском регионе в 1905 году. **Ю.А. Бальбердин 85**

Вице-адмирал Рожественский – «обесславленный герой одного из величайших сражений в истории флота». **Н.В. Шабуцкая 90**

Братия монастырей Москвы во второй половине XIX – начале XX вв. **Т.В. Балашова 96**

Надзор и наказания губернаторов (первая половина XIX века). **А.Н. Бикташева 103**

Члены редколлегии:

Абрамзон М.Г., доктор исторических наук, профессор (Магнитогорский государственный педагогический университет)

Амоша А.И., доктор экономических наук, профессор, академик НАН Украины (Институт экономики промышленности НАН Украины, г. Донецк)

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Глухова А.В., доктор политических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

Давнис В.В., доктор экономических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

Зубарь В.М., доктор исторических наук, профессор (Институт археологии Национальной академии наук Украины)

Литовка О.П., доктор географических наук, профессор (Институт проблем региональной экономики РАН, г. Санкт-Петербург)

Лобанов К.Н., доктор политических наук, доцент (Белгородский юридический институт МВД России)

Лялин В.Е., доктор экономических наук, профессор, (Ижевский государственный технический университет)

Матросова Л.Н., доктор экономических наук, профессор (Луганский национальный педагогический университет им. Т. Шевченко)

Молев Е.А., доктор исторических наук, профессор (Нижегородский государственный университет)

Нустратуллин В.К., доктор экономических наук, профессор (Башкирский государственный аграрный университет)

Павлов К.В., доктор экономических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Пушкарева И.М., доктор исторических наук, старший научный сотрудник (Институт Российской истории Российской академии наук)

Флигинских Т.Н., доктор экономических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Шихвердиев А.П., доктор экономических наук, профессор (Сыктывкарский государственный университет)

Щагин Э.М., доктор исторических наук, профессор (Московский государственный педагогический университет)

Редактор *Т.Г. Лазутина*
Оригинал-макет *В.Л. Колесникова*,
Н.А. Гапоненко

E-mail: vkolesnikova@bsu.edu.ru
Подписано в печать 14.05.2007.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Georgia, Impact.
Усл. п. л. 25,80.
Тираж 250 экз.
Заказ 144.

Подписные индексы в каталоге агентства «Роспечать» – 18078,
в объединенном каталоге «Пресса России» – 39723
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в издательстве Белгородского государственного университета
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Россия и Европа: между «Сциллой» партнерства и «Харибдой» национальных интересов. **К. Н. Лобанов 110**

Политический конфликт как механизм постсоциалистических трансформаций (восточноевропейский опыт и проблемы России). **А.В. Глухова 114**

Функционирование объединений предпринимателей в политической системе России. **Л.С. Половнева 125**

Современные тенденции формирования этнополитических элит в регионах России. **Э.А. Аракелян 131**

Институт президентства во Франции и России: неоинституциональные аспекты функционирования. **А.А. Романовский 136**

Сотрудничество России и Молдовы в гуманитарной сфере: поиск новой парадигмы. **В.В. Огнева, Л.А. Брысякина 144**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Приоритетные направления политики регионального развития в условиях глобализации экономики. **А.С. Зубарев 149**

Риск-менеджмент российской экономики. **Л.Н. Борисоглебская, С.Г. Емельянов 154**

Актуальные проблемы развития сферы образования в России. **Н.В. Панкова 159**

Новые подходы к управлению инновациями. **Е.Д. Щетинина, Н.Ю. Первова 164**

Система показателей регулирования инновационного потенциала промышленных предприятий. **К.В. Павлов, С.В. Кочетков, О.В. Кочеткова 169**

Формирование статистической базы развития сельских кредитных кооперативов в регионе. **О.П. Овчинникова, И.В. Бойченко 176**

Позиционирование мезоэкономической системы Белгородской области в инновационном пространстве национальной экономики. **С.А. Шанин, Т.Б. Климова 183**

Экспертиза в системе бухгалтерского учета как метод государственного финансового контроля. **С.А. Звягин 188**

Организационно-экономическое обеспечение повышения конкурентоспособности регионального промышленного комплекса. **А.И. Никитин, Е.П. Кузнецова 195**

Эффективность использования сельскохозяйственных земель (на примере ЗАО «Красненское» Белгородской области в 2002-2005 гг.). **Г.И. Чогул 201**

Основные направления повышения эффективности профессиональной подготовки безработных граждан и незанятого населения. **Ю.В. Болтенкова 205**

Методические подходы к оценке инвестиционной привлекательности АПК региона. **Ю.В. Наролина 209**

Методические подходы к расчетам лизинговых платежей в современных условиях хозяйствования. **В.В. Болтенков, О.В. Бульба 216**

CONTENTS**ACTUAL PROBLEMS OF A GENERAL HISTORY**

Semantic of rural monuments in Chersonesos (crimea) at classic and hellinistic time. ***V.M. Zubar' 5***

Danai in texts of the antique mythographs: to the problem of origin of the danai. ***A.G. Cherednichenko 15***

Foreign and internal (boeotian) policy of Thebes during the archidamian war period of 431-421 b.c. ***A. Mozhajsky 23***

To image of apollinarius sidonius: a man of late antiquity. ***E.V. Litovchenko 30***

Austro-german diplomatic contacts to a question created great Germany state of 1918-1919. ***A.A. Borisova 39***

The role of mass media in the process of the evolution of the image of the USSR in the USA during Truman presidency. ***E.L. Sitnikova 48***

ACTUAL PROBLEMS OF THE RUSSIAN HISTORY

Russian America in the first half of xx century. To the question of creation and the development. ***A.B.Rouchkin 53***

The Kursk governors of the centre – second half XIX century in memories of the contemporaries. ***I.T.Shatohin 60***

Legal regulation of child labour in the factory industry Of Russia in the 80-90-ths of the xix century. ***O.A. Smolenskaya 66***

The problems of organization of flour-grinding industry in soviet Russia in the 50-th of the xx century. ***E.U.Prokofieva 73***

Some matters of the source studies of the Russian public thought history of x-xix centuries. ***L.N. Pushkarev 80***

Establishment and activities of the all-Russia peasant's union divisions in the vyatka-kama region in 1905. ***Yu.A. Balyberdin 85***

Vice-admiral rozhestvenskiy– «defamed hero of the greatest battle in the navy history». ***N.V. Shabutskaya 90***

Monks and nuns from the Moscow monasteries and convents from the mid of the 19th century till 1917. ***T.V. Balashova 96***

Inspectorate and punishments of the governors (the first half of sixth century). ***A.N. Biktasheva 103***

ACTUAL PROBLEMS OF POLITICAL SCIENCE

Russia and Europe: between «scilla» of partnership and «haribda» of national interests. **K. N. Lobanov 110**

Political conflict as a mechanism of the postsocialist transformations (eastern european experience and Russia's problems). **A.V. Glukhova 114**

The functioning of the association of businessmen in the political system of Russia. **L.S.Polovneva 125**

Modern lines of formation of ethno-political elites in regions of Russia. **E.A.Arakelyan 131**

The institute of presidency in France and Russia: neoinstitutional aspects of functioning. **A.A. Romanovsky 136**

The cooperation of Russia and Moldova in the humanitarian sphere: Search for the new paradigm. **V.V. Ogneva, L.A. Brysjakina 144**

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMY

Priority guidelines of regional development policy in the terms of economic globalization. **A.S. Zubarev 149**

Risk – management of economic development in Russia. **L.N. Borisoglebskaya, S.G. Emelyanov 154**

Problems of formation unified educational space of Russia **N.V.Pankova 159**

New approaches to the management of innovations. **E.D. Schetinina, N.J. Pervova 164**

System of parameters of regulation of innovative potential of the enterprise. **K.V. Pavlov, S.V.Kochetkov, O.V.Kochetkova 169**

Formation of statistical base of rural credit co-operative's development In the region. **O.P. Ovchinnikova, I.V. Boychenko 176**

The positioning of mezo-economical system of Belgorod region in innovational expanse of national economy. **S.A.Shanin, T.B.Klimova 183**

Examination in book keeping system as the method of the state financial control. **S.A. Zvyagin 188**

Organizational and economic providing of raising to the competitiveness of a regional industrial comple. **A.I.Nikitin, E.P.Kuznetsova 195**

Efficiency of use of the agricultural grounds (for example joint-stock company "Krasnenskoe" of the Belgorod region). **G.I. Chogut 201**

The main directions of the improvement of effectiveness of professional trainings of unemployment citizens. **Y.V. Boltenkova 205**

Methodical approach to the rating of investment attractiveness of the regional agriculturer. **Y.V. Narolina 209**

Scientific and methodical foundations of accounts of leasing payments. **V.V. Boltenkov, O.V. Bulb 216**

О СЕМАНТИКЕ НАДГРОБНЫХ ПАМЯТНИКОВ НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА КЛАССИЧЕСКОГО И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДОВ

В.М. ЗУБАРЬ

*Институт археологии
Национальной академии наук Украины*

e-mail: zubar@i_com.ua

Статья посвящена рассмотрению одной из наиболее важных категорий материальной культуры античного Северного Причерноморья – надгробным памятникам некрополя Херсонеса Таврического. Автор не одно десятилетие участвовал в исследованиях этого материала. Рассматривая семантику надгробных памятников классического и эллинистического Херсонеса, автор показывает наряду с консервативным и традиционным характером погребального обряда определенную эволюцию представлений херсонеситов о судьбе погребенных и, соответственно, о семантическом оформлении этого феномена.

Ключевые слова: семантика, некрополь, героизация, антропоморф, стела, палестра, эволюция.

В отличие от одновременных некрополей других античных центров Северного Причерноморья некрополь Херсонеса классического и эллинистического периодов отличается сравнительно простой конструкцией погребальных сооружений и скромным набором погребального инвентаря, который, за редким исключением, клался в могилы вместе с умершими¹. Е.Я. Рогов на основании анализа материалов некрополя полагал, что за исключением захоронений в районе городских ворот, в южной части некрополя, на всех других участках инвентарь могил не отличается сколько-нибудь заметным разнообразием и богатством². Отмеченное явление исследователь был склонен объяснять не бедностью или скупостью жителей города, а спецификой погребальных традиций и норм, которые неукоснительно соблюдались³.

С этим нельзя не согласиться. Причем следует обратить внимание на то, что в Греции с VIII в. до н. э. вообще прослеживается тенденция к уменьшению количества вещей, клавшихся

¹ Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи //СА. 1981. № 3. С. 171-176; ср.: Сапрыкин С.Ю. Предпосылки основания Херсонеса Таврического // Античный и средневековый город. АДСВ. 1981. С. 45; Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 67.

² Рогов Е.Я. Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // Stratum plus. 1999. № 3. С. 126-129; ср.: Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 95-96.

³ Рогов Е.Я. Ук. соч. С. 129.

в могилу вместе с телом умершего⁴. Это, вероятно, связано с тем, что социальный статус погребенного теперь подчеркивался не столько количеством погребального инвентаря, сколько надгробным памятником, который в первую очередь следует рассматривать в качестве довольно верного маркера имущественного положения умершего и его семьи⁵. Следовательно, скромный набор погребального инвентаря в подавляющем большинстве погребений херсонесского некрополя классического и эллинистического периодов, а также наличие сравнительно дорогих надгробных памятников следует, очевидно, рассматривать как достаточно архаическую черту погребального обряда, прослеживающуюся в некрополе Херсонеса вплоть до рубежа н. э.

Греки верили в непосредственную связь умершего с могилой⁶, поэтому с очень раннего времени у них практиковался обычай ставить на месте захоронения надгробия, в том числе и антропоморфные⁷, что генетически связано с представлениями о сакральном значении определенного участка земли и одновременно было знаком памяти⁸. Здесь, у могилы, отправлялись ритуально-магические действия в дни поминовения умерших их ближайшими родственниками⁹, и тем самым осуществлялась связь между живыми и умершими¹⁰. Вместе с этим надгробие служило апотропеем, который предохранял могилу от разрушения и осквернения¹¹. В нем же была заложена идея героизации и обожествления умершего.

В представлениях греков, начиная с гомеровской эпохи, душа не мыслилась в отрыве от могилы, где совершались возлияния в честь умерших, являвшихся неотъемлемой составной частью традиционного погребального культа¹². Только в связи с развитием представлений о бессмертии души и ее загробном блаженстве, которые впервые нашли отражение в философских учениях Пифагора, Эмпедокла и Платона¹³, в мировоззрении определенной части населения античного мира постепенно начали складываться представления о раздельном существовании души и тела, т.е. вне связи с могилой, где погребались останки умершего¹⁴ (ср.: Plato, *Tim.*, 90a5, bc). Но такие представления были характерны для очень ограниченного круга приверженцев достаточно сложных религиозно-философских учений. Только в позднеантичный период в связи с распространением синкретических религиозных течений, в которых значительное место занимала вера в бессмертие, а позднее христианства, они постепенно приобрели популярность в разных слоях населения античного мира, но вплоть до полной победы новой идеологии все же полностью не вытеснили традиционные взгляды на погребальный культ.

В Херсонесе классического и эллинистического периодов на могилах также ставились надгробные памятники. Есть основания предполагать, что на территории некрополя имелись не только могилы, над которыми воздвигались монументальные надгробия, ук-

⁴ Snodgrass A. *Archaic Greece. The Age of Experiment*. London, 1980. P. 52-54; Langdon S. *Gift Exchange in the Geometric Sanctuaries // Gift to the Gods. Proceeding of the Uppsala Symposium 1985*. Uppsala, 1987. P. 107-114; Burkert W. *Greek Religion: Archaic and Classical*. Oxford, 1985. P. 194; Morris I. *Burial and Ancient Society: The rise of the Greek city-state*. New York, 1987. P. 23; Morris I. *Death-Ritual and Social Structure in Classical Antiquity*. Cambridge, 1996. P. 109-127.

⁵ Morris I. *Death-Ritual and Social Structure in Classical Antiquity*. P. 128-130.

⁶ Фрейденберг О.М. *Миф и литература древности*. М., 1978. С. 38-39; Burkert W. *Greek Religion: Archaic and Classical*. Oxford, 1985. P. 192; Garland R. *The Greek Way of Death*. Ithaca, New York, 2001. P. 104-120.

⁷ Nilsson M.P. *Geschichte der griechischen Religion*. München, 1976. Bd. I. S. 80; Молева Н.В. *О происхождении боспорских антропоморфных изваяний // СА*. 1991. № 2. С. 71-72.

⁸ Burkert W. *Greek Religion: Archaic and Classical*. Oxford, 1985. P. 194.

⁹ Kurtz D.S. Boardman J. *Greek Burial Customs*. London, 1974. P. 142-161; Garland R. *The Greek Way of Death*. Ithaca, New York, 2001. P. 37; Alcock S.E. *Tomb cult and the post-classical polis // AJA*. 1991. Vol. 95. № 3. P. 447-467.

¹⁰ Burkert W. *Greek Religion: Archaic and Classical*. Oxford, 1985. P. 194; ср.: Smith N.R.W. *Funerary Symbolism in Apulian Vasa-Painting*. Berkeley, Los Angeles, London, 1976. P. 214-221.

¹¹ Русяева А.С. *Религия и культы античной Ольвии*. К., 1992. С. 180-183.

¹² Кулаковский Ю. *Смерть и бессмертие в представлениях древних греков*. К., 1899. С. 55-58; Turçan R. *Origines et sens de l'inhumation a l'epoque Imperiale // Revue des Etudes ancienns*. 1958. 40. 3/4. P. 341; Burkert W. *Greek Religion: Archaic and Classical*. Oxford, 1985. P. 194-198.

¹³ См.: Коростовцев М.А. *Религия Древнего Египта*. М., 1976. С. 191. Ср.: Фрейденберг О.М. *Миф и литература древности*. М., 1978. С. 35.

¹⁴ Turçan R. *Origines et sens de l'inhumation a l'epoque Imperiale // Revue des Etudes ancienns*. 1958. 40. 3/4. P. 344; Burkert W. *Greek Religion: Archaic and Classical*. Oxford, 1985. P. 199; Burkert W. *Ancient Mystery Cults*. Cambridge; Massachusetts; London, 1987. P. 12-29; Morris I. *Death-Ritual and Social Structure in Classical Antiquity*. Cambridge, 1996. P. 43-52, 202.

рашенные живописью¹⁵, но и целые мемориальные комплексы, в частности, в виде прямоугольного портика и стелы на ступенчатом основании¹⁶.

Из надгробия и архитектурных деталей, обнаруженных при исследовании башни XVII (Зинона), А.В. Буйских выделила около трех десятков фрагментов, которые принадлежали наискам – небольшим надмогильным сооружениям, выполненным в виде двухколонного портика ионического или дорического ордера. Большая часть этих деталей была обнаружена в первом кольце башни XVII (Зинона), а также на примыкавшей к ней территории цитадели. Поэтому вполне логичным представляется предположение, что эти детали происходят с юго-восточного участка городского некрополя, находившегося в непосредственной близости от этой башни.

Использование наисков, погребальной скульптуры и стел, целиком и полностью соответствовало общегреческой традиции архитектурно-пространственной организации городских кладбищ на основных подъездных путях к городу. Как правило, они устанавливались на высоких террасах, которые фланкировали дороги, шедшие к городским воротам. Кроме террас, наиски и стелы могли быть укреплены на специальных возвышениях в виде оград-периболов¹⁷. Наличие монументальных надмогильных конструкций, а также связанных с ними деталей, изготовленных из мрамора и, видимо, использовавшихся на юго-восточном участке некрополя, позволяет предполагать, что именно здесь погребались представители наиболее зажиточной части гражданской общины, которая могла позволить себе покупку и установку не только дорогостоящих, а и импортных мраморных надгробных памятников.

Однако ввиду крайне фрагментарного характера дошедших до настоящего времени архитектурных фрагментов об облике таких участков можно говорить пока лишь предположительно на основании аналогий¹⁸. Вместе с этим, анализ типов херсонесских надгробий позволяет получить определенную информацию о верованиях, связанных с представлениями о потустороннем мире и характере погребального культа.

К наиболее ранним в Херсонесе относятся мраморные фрагменты надгробий греческого классического типа с рукой, держащей копьё¹⁹, и изображением стоящего обнаженного юноши-атлета (?)²⁰. Издатели каталога херсонесской скульптуры датировали эти фрагменты серединой – второй половиной V в. до н.э.²¹, когда в скульптуре после греко-персидских войн сложился и получил особую популярность образ героического гражданина и воина – победителя персов²². Несмотря на крайне фрагментарный характер, все же можно говорить о том, что здесь были изображены умершие в виде идеальных юношей-палестритов или воинов со скорбно склоненной головой²³. В представлениях греков, был счастлив тот человек, который погиб в бою за родину в молодом возрасте, и в память о нем должен быть воздвигнут надлежащий памятник²⁴. Сходными представлениями, вероятно, руководствовались и херсонеситы, ставившие своим родственникам аналогичные надгробия, которые вполне отвечали полисному мировоззрению²⁵. Эти па-

¹⁵ Чубова А.П., Федоров Б.Н. Некрополь Херсонеса IV – II вв. до н.э. // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Тезисы докладов. Л., 1973. С. 31-33; Чубова А.П., Федоров Б.Н. Вопросы реконструкции живописных надгробий Херсонеса // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 3-8; Чубова А.П. Расписные стелы Херсонеса IV – III вв. до н.э. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1976. М., 1977. С. 345-347; Федоров Б.Н. Три монументальных надгробия Херсонеса IV – III вв. до н.э. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1976. М., 1977. С. 348-352.

¹⁶ Стоянов Р.В. Две плитовые погребальные конструкции в Херсонесе Таврическом // Северное Причерноморье в античное время. К., 2002. С. 160; Carter J.C. (ed.) *The Gravestones of Chersonesos. Research and Conservation*. Istanbul, 2006. P. 77-82.

¹⁷ Подр. см.: Буйских А.В. О некоторых малоизвестных типах погребальных сооружений некрополя Херсонеса Таврического IV – III вв. до н.э. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной конференции. Киев-Судак, 2004. Ч. 1. С. 20-26.

¹⁸ Kurtz D.S. Boardman J. *Greek Burial Customs*. London, 1974. P. 142-161; Garland R. *The Greek Way of Death*. Ithaca, New York, 2001. P. 105-108.

¹⁹ Античная скульптура Херсонеса. К., 1976. С. 67. № 161.

²⁰ Там же. № 162.

²¹ Там же. Ср.: Тревер К. Мраморные скульптуры из Ольвии // ИАК. 1914. Вып. 54. С. 59-63.

²² Kurtz D.S. Boardman J. *Greek Burial Customs*. London, 1974. P. 142-161; Garland R. *The Greek Way of Death*. Ithaca, New York, 2001. P. 86, 88-89.

²³ Кобылина М.М. Античная скульптура Северного Причерноморья. М., 1972. С. 6-7.

²⁴ Ср.: Humphreys S.C. *The Family, Women and Death. Comparative Studies*. London, 1983. P. 145-150.

²⁵ Ср.: Kurtz D.S. Boardman J. *Greek Burial Customs*. London, 1974. P. 142-161; Garland R. *The Greek Way of Death*. Ithaca, New York, 2001. P. 108-121.

мятники, как и в Ольвии, безусловно, были привозными и принадлежали немногочисленным тогда еще представителям зажиточной части ранней херсонесской гражданской общины²⁶.

Значительно более многочисленны надгробия эллинистического периода, о которых можно судить по большой группе памятников из забутовки внутреннего ядра башни XVII²⁷. Внутренне ядро этой башни было возведено не позднее середины III в. до н.э.²⁸, а может быть, и несколько раньше²⁹. Поэтому надгробия, вынутые из башни XVII, в своей массе должны датироваться IV – началом III вв. до н.э.³⁰

В ходе исследования башни XVII (Зинона) был найден 151 фрагмент надгробных стел, разбитых на несколько частей. Все они изготовлены из местного известняка желтоватого цвета сарматского яруса с охристыми вкраплениями. Стелы представляют собой высокие вертикальные, слегка сужающиеся кверху плиты, высотой около 170 см, шириной 0,28 – 0,48 м, толщиной 0,12 – 0,22 см. Внизу стелы имели шип для крепления на ступенчатом постаменте³¹.

Верхняя часть стел, как и одновременных аттических, имела различное оформление, которое и позволило В.Н. Даниленко разделить их на несколько типов³². Это надгробные памятники с профилированным карнизом с антефиксами, фронтоном с антефиксами и угловыми акротериями. Иногда плита венчалась акротерием с растительным орнаментом, которые по стилю исполнения близки аттическим надгробиям классического периода³³. Стелы в своем подавляющем большинстве украшались розетками на лицевой и боковых сторонах, которые, видимо, рассматривались в качестве апотропеев³⁴, и различными рельефными изображениями атрибутов, которые зависели от пола и возраста погребенного. Для юношеских надгробий характерны изображения стригиля и сосуда, мужских – предметов вооружения, людей преклонного возраста – сучковатого посоха. Стелы умерших женщин украшались лентами (тефиями)³⁵. На лицевой стороне стелы или на мраморной плитке, вставлявшейся в углубление плиты, вырезалось или писалось краской имя погребенного. На части стел имелись следы росписи, сделанной полихромными красками³⁶. Все эти атрибуты, имевшиеся на стелах, свиде-

²⁶ Ср.: Русяева А.С. Скульптура // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. К., 1987. С. 158-159; Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. К., 1992. С. 181.

²⁷ Стржелецкий С.Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 7-29; Даниленко В.Н. Надгробные стелы // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 29-44.

²⁸ Антонова И.А. Юго-восточный участок обороны Херсонеса. Проблемы датировки // ХСб. 1996. 7. С. 120.

²⁹ Зубарь В.М. Херсонес и Северо-Западная Таврика во второй трети III – первой половине II вв. до н.э. // Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н.э. Очерки истории и культуры. К., 2005. С. 215-216; ср.: Борисова В.В. Гончарные мастерские Херсонеса (по материалам раскопок 1955-1957 гг.) // СА. 1958. № 4. С. 144; Монахов С.Ю. Производство амфор в эллинистическом Херсонесе // ВДИ. 1984. № 1. С. 127-128; Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов, 1994. С. 60.

³⁰ Даниленко В.Н. Просопография Херсонеса IV – II вв. до н.э. (по эпиграфическим и нумизматическим данным Северного Причерноморья) // Ученые записки УрГУ. 1966. № 53. Вып. 4. АДСВ. С. 137; Даниленко В.Н. Надгробные стелы // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 29-44.

³¹ Даниленко В.Н. Опыт реконструкции херсонесского надгробия // АДСВ. 1963. Вып. 6. С. 18-20; Даниленко В.Н. Надгробные стелы // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 29-30; Федоров Б.Н. Пьедесталы надгробий с узкими высокими стелами (Херсонес, IV – III вв. до н.э.) // СА. 1981. № 4. С. 30-45; Стоянов Р.В. Две плитовые погребальные конструкции в Херсонесе Таврическом // Северное Причерноморье в античное время. К., 2002. С. 158.

³² Даниленко В.Н. Стелы эллинистического Херсонеса как исторический источник / Автореф. дис. ... кандидата ист. наук. Харьков, 1968. С. 9-10; Даниленко В.Н. Надгробные стелы // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 29-44.

³³ Kurtz D.S. Boardman J. Greek Burial Customs. London, 1974. P. 142-161; Garland R. The Greek Way of Death. Ithaca, New York, 2001. P. 123-124.

³⁴ Даниленко В., Токарева Р. Башня Зенона. Симферополь, 1974. С. 58. Ср.: Kurtz D.S. Boardman J. Greek Burial Customs. London, 1974. P. 142-161; Garland R. The Greek Way of Death. Ithaca, New York, 2001. P. 136.

³⁵ Даниленко В.Н. Херсонесские акротерии // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 174 – 181; Даниленко В.Н. Надгробные стелы // СХМ. 1969. Вып. 4. С.30; Даниленко В., Токарева Р. Башня Зенона. Симферополь, 1974. С. 58-63; Античная скульптура Херсонеса. К., 1976. С. 68-71; Carter J.C. (ed.) The Gravestones of Chersonesos. Research and Conservation. Istanbul, 2006. P. 20.

³⁶ Античная скульптура Херсонеса. К., 1976. С. 68, 71 №№ 176, 178; с. 72, № 180; с. 72-73, №№ 190, 191, 194; с. 77, №№ 211, 212, 213; ср.: Даниленко В.Н. Херсонесские акротерии // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 174-181; Даниленко В.Н. Надгробные стелы // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 29-44; Колесникова Л.Г. Стелы с изображением оружия из Херсонеса // СХМ. 1961. Вып. 2. С. 13-21; Колесникова Л.Г. Воинские надгробия // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 44-45; Carter J.C. Color an Chersonesos (on the Black Sea): Funerary Monuments from the Early Hellenistic Necropolis // Color in Ancient Greece. The Role of Color in Ancient Greek Art and Architecture (700 – 31 B.C.). Thessaloniki, 2002. P. 161 – 170, fig. 32-33.

тельствуют о тесной связи данных надгробных памятников с представлениями о том, что именно могила в это время рассматривалась в качестве местопребывания души конкретного умершего.

Стелы рассмотренного типа устанавливались на семейных участках некрополя³⁷. Об этом можно говорить не только на основании дошедших архитектурных деталей монументальных надгробных сооружений³⁸, но и надписей с именами умерших на стелах. Вполне вероятно, что один такой участок принадлежал семье Санниона, сына Мегакла, где помимо хозяина были похоронены его жена Мендикю, дочь Герая (?), сыновья Мегакл, Аполлоний и Дионис. Все перечисленные памятники были найдены в башне XVII рядом друг с другом и, вероятно, взяты с одного участка некрополя, как, впрочем, и стела Аполлонии, дочери Геродота, жены сына Санниона – Диониса³⁹.

Среди стел наибольшую группу составляют памятники с изображением предметов вооружения, которые представлены несколькими вариантами. Первый – стелы, на лицевой стороне которых высечены изображения меча и портупей, а второй – с круглым выпуклым щитом, ниже которого на фоне защитного коврика также помещены меч и портупей⁴⁰. Третьим – являются воинские надгробия, на которых изображение меча и портупей было дополнено рельефным изображением стригиля и арибалла⁴¹, что, вероятно, отражает недавнее вступление юноши в число взрослых мужчин-воинов. Все эти надгробия датируются второй половиной IV – III вв. до н.э.⁴² и как нельзя лучше характеризуют военнизированную жизнь херсонеситов, противостоявших набегам тавров на земли Гераклейского полуострова и времени освоения Северо-Западной Таврики⁴³.

Следует обратить внимание, что на всех воинских надгробиях имелись изображения меча – ксифоса⁴⁴, что свидетельствует об использовании херсонеситами типично греческого, а не заимствованного у варваров вооружения. В противоположность этому на надгробии Парфения, сына Сирикса, конца IV в. до н.э., типологически близком одновременным херсонесским, которое обнаружено при раскопках Кульчукского городища в Северо-Западной Таврике, был изображен лук и меч варварских типов⁴⁵. Это, вероятно, позволяет говорить об определенной специфике вооружения, использовавшегося греческим населением этого района Херсонесского государства, и о его более тесных контактах с кочевыми скифами⁴⁶.

Нельзя не обратить внимания на группу стел с небольшим круглым выпуклым щитом, ниже которого расположен защитный коврик⁴⁷. В этих изображениях нашел отражение комплекс защитного вооружения граждан-воинов, составлявших костяк вооруженных сил Херсонеса во второй половине IV – III вв. до н.э. Небольшой круглый щит диаметром 45-60 см, который изготовлялся из кожи и дерева, хорошо известен в античном мире того времени⁴⁸. Он позволял легче сражаться мечом, который также изображен на таких надгробиях. Защитный коврик прикрывал нижнюю часть тела и был рассчитан на борьбу с легко воору-

³⁷ Даниленко В.Н. Просопография Херсонеса IV – II вв. до н.э. (по эпиграфическим и нумизматическим данным Северного Причерноморья) // Ученые записки УрГУ. 1966. № 53. Вып. 4. (АДСВ). С. 162-173.

³⁸ Стржелецкий С.Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 15-16. Ср.: Федоров Б.Н. Три монументальных надгробия Херсонеса IV – III вв. до н.э. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1976. М., 1977. С. 348-352.

³⁹ Даниленко В.Н. Просопография Херсонеса IV – II вв. до н.э. (по эпиграфическим и нумизматическим данным Северного Причерноморья) // Ученые записки УрГУ. 1966. № 53. Вып. 4. (АДСВ). С. 172.

⁴⁰ Колесникова Л.Г. Стелы с изображением оружия из Херсонеса // СХМ. 1961. Вып. 2. С. 14; Колесникова Л.Г. Воинские надгробия // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 45.

⁴¹ Колесникова Л.Г. Воинские надгробия // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 46.

⁴² Колесникова Л.Г. Стелы с изображением оружия из Херсонеса // СХМ. 1961. Вып. 2. С. 19; Колесникова Л.Г. Воинские надгробия // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 45, 54.

⁴³ Подр. см.: Зубарь В.М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. К., 2004. С. 26-46; Зубарь В.М. Формирование территориального государства в Западной Таврике и Херсонес во второй половине IV – первой трети III вв. до н.э. // Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н.э. Очерки истории и культуры. К., 2005. С. 203.

⁴⁴ Литвинский Б.А. Храм Окса (Южный Таджикистан). Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. Т. 2. С. 275-287.

⁴⁵ Голенцов А.С., Дашевская О.Д. Надгробие воина с херсонесской хоры // ВДИ. 1981. № 2. С. 109-114.

⁴⁶ Зубарь В.М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. К., 2004. С. 32-35.

⁴⁷ Колесникова Л.Г. Стелы с изображением оружия из Херсонеса // СХМ. 1961. Вып. 2. С. 14; Колесникова Л.Г. Воинские надгробия // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 45.

⁴⁸ См.: Литвинский Б.А. Храм Окса (Южный Таджикистан). Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. Т. 2. С. 270.

женным противником⁴⁹, широко применявшим оружие дистанционного боя – лук и стрелы, которым в основном пользовались исконные враги херсонеситов – тавры и скифы.

Весьма показательным изображением на херсонесских надгробиях этого типа именно защитного коврика, а не поножей и большого щита, входивших обычно в комплект вооружения греческого гоплита, как это имело место, например, на надгробном памятнике Газурия, сына Метродора (I в. н.э.)⁵⁰ Как представляется, это является дополнительным, хотя и косвенным свидетельством достаточно скромного достатка входивших в городское ополчение граждан, которые предпочитали не бронзовые поножи и большой щит, а менее дорогой защитный коврик.

Следует обратить внимание на то, что в Херсонесе второй половины IV – начала III в. до н.э. отсутствуют рельефные надгробия аттического типа с изображениями людей⁵¹. Поэтому надгробия в виде высоких узких стел следует рассматривать в качестве памятников, принадлежавших в своем подавляющем большинстве гражданам и членам их семей. Учитывая достаточно трудоемкий и сравнительно длительный процесс изготовления таких надгробий (20 человеко-дней)⁵², их, видимо, можно связывать с достаточно зажиточной, по меркам Херсонеса, частью населения. Этим же слоям населения принадлежали известняковые саркофаги с расписными фризами, украшенными грифонами и сиренами, которые имитировали одновременные им деревянные⁵³. Они могли устанавливаться не только в склепах, как думал В.Н. Даниленко, но и в могилах, вырубленных в скале, о чем свидетельствуют углубления для ножек, зафиксированные в ряде таких могильных ям⁵⁴.

Наибольшей по количеству группой были антропоморфные надгробия и постаменты для их установки, которые были проще по форме и, видимо, принадлежали самым широким слоям греков-херсонеситов. Известны такие надгробия не только в Херсонесе, но и в некрополях, расположенных поблизости античных поселений в Северо-Западной Таврике⁵⁵. Наиболее ранние памятники этого типа относятся к концу V в. до н.э.⁵⁶ Они изготавливались в виде человеческой головы с плоским лицом, со слегка намеченной шеей и короткими плечами. Внизу имеют шип для вставки в горизонтальную плиту прямоугольной или трапециевидной формы, ставившуюся на могилу. В ряде случаев такие памятники устанавливались на один постамент с высокой прямоугольной стелой. А лицевая сторона расписывалась в виде человеческого лица, причем не исключено, что ему придавалось портретное сходство с умершим⁵⁷.

Все антропоморфные надгробия подразделяются на два основных типа – объемные скульптурные и рельефные, которые в свою очередь подразделяются на ряд вариантов⁵⁸. К первому варианту второго типа антропоморфных надгробий относятся памятники

⁴⁹ Колесникова Л.Г. Стелы с изображением оружия из Херсонеса // СХМ. 1961. Вып. 2. С. 20.

⁵⁰ Ср.: Античная скульптура Херсонеса. К., 1976. С. 100, № 316.

⁵¹ Античная скульптура Херсонеса. К., 1976. С. 68. Ср.: Carter J.C. (ed.) *The Gravestones of Chersonesos. Research and Conservation*. Istanbul, 2006. P. 20–21.

⁵² Даниленко В.Н. Просопография Херсонеса IV – II вв. до н.э. (по эпиграфическим и нумизматическим данным Северного Причерноморья) // Ученые записки УрГУ. 1966. № 53. Вып. 4. (АДСВ). С. 169–170.

⁵³ Даниленко В.Н. Херсонесские каменные саркофаги эллинистического времени // ХСб. 7. 1996. С. 61–68.

⁵⁴ Зубарь В.М., Шевченко А.В., Липавский С.А. Западный некрополь Херсонеса Таврического (материалы раскопок 1983–1985 гг.). Погребальные сооружения и обряд. Препринт. К., 1989. Часть 1. С. 6.

⁵⁵ Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 48–49, рис. 19.

⁵⁶ Колесникова Л.Г. Хронология антропоморфных надгробий Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. К., 1986. С. 100–101; ср.: Федоров Б.Н. Три монументальных надгробия Херсонеса IV – III вв. до н.э. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1976. М., 1977. С. 348.

⁵⁷ Ср.: Чубова А.П. Расписные стелы Херсонеса IV – III вв. до н.э. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1976. М., 1977. С. 346.

⁵⁸ Подр. см.: Буйських А.В., Зубар В.М. До типології та інтерпретації антропоморфних надгробків Херсонеса Таврійського // Археологія. 2006. № 2. С. 16–20; ср.: Колесникова Л.Г. Кому принадлежали антропоморфные надгробия Херсонеса // СА. 1973. № 3. С. 37–48; Колесникова Л.Г. Значение и место антропоморфных надгробий в некрополе Херсонеса // СА. 1977. № 2. С. 87–99; Колесникова Л.Г. Хронология антропоморфных надгробий Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. К., 1986. С. 86–101; Античная скульптура Херсонеса. К., 1976. С. 79–95.

ки, где лицо умершего, написанное красками, располагалось в наиске или эдикуле с фронтоном и пилястрами⁵⁹.

Оформление верхней части высоких прямоугольных стел в виде фронтонов напоминает древнегреческий храм на высоком, трехступенчатом цоколе с двускатной крышей, украшенной акротериями и антефиксами⁶⁰. Близость оформления верхней части прямоугольных стел с храмом, как и антропоморфные надгробия в наиске или эдикуле с фронтоном и пилястрами, свидетельствует о том, что они рассматривались не в качестве храмов⁶¹, а, скорее, своеобразных героононов, возведенных на месте погребения умерших родственников. Иными словами, оформление надгробия в виде высокой стелы с фронтоном и антропоморфное надгробие в наиске или эдикуле свидетельствуют, что умерший его родственниками считался священным существом, в честь которого на его могиле ставилось надгробие, семантически связанное с герооном или алтарем⁶², отправлялись специальные обряды, совершались возлияния вином и ритуальные кормления умерших⁶³.

Такие действия ведут свое происхождение от культа предков⁶⁴, который являлся одной из форм первобытной религии. В греческом обществе он получил дальнейшее развитие в культе мертвых, которые считались добрыми, святыми и блаженными (ср.: Aeschyl, Noeph., 475; Plut. Mor. Qust. rom., 52). Они по своей сути рассматривались в качестве полубогов, и для этого не требовалось никаких условий, например, праведной жизни или иных добродетелей⁶⁵ (ср.: Hom. Od., X, 526; Aeschyl, Noeph., 475; Eurip. Phoenic., 1321; Verg. Aen., V, 80; Plut. Mor. Qust. rom., 14; Cic. Legg., II, 22). Такие представления и нашли материальное выражение в оформлении надгробий в виде героононов, где пребывало это полубожество⁶⁶, в которое превращался умерший, а также саркофагов, известных с эллинистического периода, но получивших особенно широкое распространение в первые века н.э.⁶⁷ С погребальным культом были связаны изображения сирен, грифонов и львицы на каменных саркофагах⁶⁸, использовавшихся для погребений в Херсонесе в IV – начале III вв. до н.э.⁶⁹ В этом отношении показательны, что такие же изображения имелись в сюжетах росписи на апулийских вазах, которые были связаны с погребальным культом и представлениями о смерти⁷⁰.

В Греции архаического и классического периодов героононы – небольшие храмы в честь героев, которые иногда возводились на месте их погребения и были посвящены выдающимся

⁵⁹ Федоров Б.Н. Три монументальных надгробия Херсонеса IV – III вв. до н.э. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1976. М., 1977. С. 348; Буйских А.В. Надгробия и строительные детали // Зубарь В.М., Шевченко А.В., Липавский С.А. Западный некрополь Херсонеса Таврического (материалы раскопок 1989-1985 гг.). К., 1989. Часть 3. С. 20-22; Буйських А.В., Зубарь В.М. До типології та інтерпретації антропоморфних надгробків Херсонеса Таврійського // Археологія. 2006. № 2. С. 17.

⁶⁰ Kurtz D.S. Boardman J. Greek Burial Customs. London, 1974. P. 136-141.

⁶¹ Ср.: Даниленко В., Токарева Р. Башня Зенона. Симферополь, 1974. С. 55.

⁶² Ср.: Javis C.G. Greek altars. Saint Louis, 1949. P. 180, № 10, fig. 85.

⁶³ Kurtz D.S. Boardman J. Greek Burial Customs. London, 1974. P. 142-161; Burkert W. Greek Religion: Archaic and Classical. Oxford, 1985. P. 194; Alcock S.E. Tomb cult and the post-classical polis // AJA. 1991. Vol. 95. № 3. P. 449; ср.: Smith N.R.W. Funerary Symbolism in Apulian Vasa-Painting. Berkeley, Los Angeles, London, 1976. P. 214-221.

⁶⁴ Ср.: Alcock S.E. Tomb cult and the post-classical polis // AJA. 1991. Vol. 95. № 3. P. 447.

⁶⁵ Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 32, 39.

⁶⁶ Ср.: Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 32; Семина К.А. О феномене раннегреческого храма // ВДИ. 1996. № 4. С. 129.

⁶⁷ Гриневич К.Э. Мраморный таманский саркофаг // ТСА РАНИОН. 1928. Т. 4. С. 171; Сокольский Н.И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья / САИ. 1969. Вып. Г1-17. М., 1969. С. 12; Koch G., Sichtermann H. Römische Sarkophage. München, 1982; Диатроптов П.Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001. С. 72.

⁶⁸ Ср.: Шауб И.Ю. Погребения кургана Большая Близница как источник по истории религиозных представлений жителей Боспорского царства // КСИА. 1987. Вып. 191. С. 30.

⁶⁹ Стржеалецкий С.Ф. Живопись и полихромные росписи монументальных надгробных сооружений IV – III вв. до н.э. // СХМ. 1969 а. Вып. 4. С. 80 – 81, рис. 40-41; Даниленко В.Н. Херсонесские каменные саркофаги эллинистического времени // ХСб. 1996. 7. С. 63-64.

⁷⁰ Ср.: Smith N.R.W. Funerary Symbolism in Apulian Vasa-Painting. Berkeley, Los Angeles, London, 1976. Fig. 7, 8, 16 и др.

гражданам полиса за заслуги перед всей гражданской общиной⁷¹. Ведь могила в представлениях эллинов была не только жилищем, но и храмом героя⁷². В эллинистический период в связи с демократизацией апофеоза и начавшейся индивидуализацией религиозного мировоззрения в представлениях широких народных масс начинает утверждаться представление о том, что почти каждый умерший после смерти становился героем и полубогом, в честь которого его ближайшие родственники должны были отправлять культ⁷³. Дальнейшее развитие таких представлений привело к тому, что рельефы со сценой загробной трапезы, которые первоначально посвящались героям, превратившимся за свои подвиги в богов, и находились в общественных героонах, постепенно стали популярным сюжетом, который получил распространение на надгробиях простых людей в первые века н.э.⁷⁴ Но такие героизированные умершие, души которых обитали в могилах, хотя и рассматривались в качестве существ, близких к божествам⁷⁵, все же не были равны богам (Pind. Ol., II, 62 ff.), например, олимпийского пантеона, а оставались священными только для ближайших родственников (ср.: КБН, №№ 119, 1057).

Если семантика оформления надгробий в виде высоких стел, верхняя часть которых оформлена в виде героона, и антропоморфных памятников в наиске или эдикуле более или менее ясна и может связываться с идеей героизации умерших, то антропоморфы в виде схематического изображения человеческой головы долгое время считались по своему происхождению варварскими и в Херсонесе связывались с таврами⁷⁶. Но после выхода работ Л.Г. Колесниковой, скрупулезно проанализировавшей такие надгробия, их греческая принадлежность уже не вызывает сомнений⁷⁷. Наиболее весомым аргументом в

⁷¹ Cumont F. *After life in Roman paganism*. New-York, 1959. P. 105, 112; Whitley J. *Early states and hero cults: a re-appraisal* // JHS. 1988. Vol. 108. P. 173-182; ср.: Alcock S.E. *Tomb cult and the post-classical polis* // AJA. 1991. Vol. 95. № 3. P. 451.

⁷² Фрейденберг О.М. *Миф и литература древности*. М., 1978. С.39, 72.

⁷³ Cumont F. *After life in Roman paganism*. New-York, 1959. P.105-112; Nock A.D. *Essays on religion and Ancient World*. Cambridge, 1972. Vol. 2. P. 575-597; Burkert W. *Greek Religion: Archaic and Classical*. Oxford, 1985. P. 206; Alcock S.E. *Tomb cult and the post-classical polis* // AJA. 1991. Vol. 95. № 3. P. 447, 457; Фестюкьер А.-Ж. *Личная религия греков*. СПб., 2000. С. 35-36; Диатроптов П.Д. *Культ героев в античном Северном Причерноморье*. М., 2001. С. 73; Свенцицкая И.С. «Памяти ради»: эволюция отношения греков к смерти и погребальным обрядам в эллинистическо-римское время // ВДИ. 2003. № 4. С. 104-105.

⁷⁴ Тончева Г. *Хронологическо развитие на плочите с "погребално угощение" от Одесос* // Археология. 1964. № 4. С. 37-46; Alexandrescu-Vianu M. *Les stèles funéraires de la Macédoine romaine* // Dacia. 1975. Т. 19. P. 183-200; Alexandrescu-Vianu M. *Le banquet funéraire sur les stèles de la Mesie Inférieure* // Dacia. 1977. Т. 21. P. 139-166; Иванова А.П. *Сцена "загробной трапезы" на херсонесских надгробных рельефах* // Археология. 1970. Т. 23. С. 74-76; Зубарь В.М. *О некоторых аспектах идеологической жизни населения Херсонеса Таврического* // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990. С. 63; Русяева А.С. *Религия и культы античной Ольвии*. К., 1992. С. 183-184; Диатроптов П.Д. *Культ героев в античном Северном Причерноморье*. М., 2001. С. 82-83; Oppermann M. *Die westpontischen Polis und Ihre indigenes Umfeld in vorrömischer Zeit*. Langenweißbach, 2004. S. 266-269, Taf. 66-68.

⁷⁵ Ср.: Фрейденберг О.М. *Миф и литература древности*. М., 1978. С. 39; Burkert W. *Greek Religion: Archaic and Classical*. Oxford, 1985. P. 203-204.

⁷⁶ Пятшышева Н.В. *Античное влияние на культовую скульптуру Причерноморья* // ВДИ. 1946. № 3. С. 175-179; Шеглов О.М. *Херсонескі антропоморфні стели з врізними зображеннями* // Археологія. 1968. Т. 21. С. 218-221; Молева Н.В. *О происхождении боспорских антропоморфных изваяний* // СА. 1991. № 2. С. 71; Кучеревская Н.Л. *Типы надгробных памятников античного Боспора и их хронологические рамки* // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. Ч. 1. С. 219-220.

⁷⁷ Подр. см.: Колесникова Л.Г. *Кому принадлежали антропоморфные надгробия Херсонеса* // СА. 1973. № 3. С. 37-48; Колесникова Л.Г. *Значение и место антропоморфных надгробий в некрополе Херсонеса* // СА. 1977. № 2. С. 87-92; Колесникова Л.Г. *Хронология антропоморфных надгробий Херсонеса* // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. К., 1986. С. 86-101; ср.: Диатроптов П.Д. *Культ героев в античном Северном Причерноморье*. М., 2001. С. 64; Зубарь В.М. *Формирование территориального государства в Западной Таврике и Херсонес во второй половине IV – первой трети III вв. до н.э.* // Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н.э. *Очерки истории и культуры*. К., 2005. С. 205-206; Буйских А.В., Зубар В.М. *До типології та інтерпретації антропоморфних надгробків Херсонеса Таврійського* // Археологія. 2006. № 2. С. 14-19.

пользу такого заключения являются следы полихромной росписи на лицевой стороне, которые позволили реконструировать древний облик этих памятников⁷⁸.

Правда, говоря о символике антропоморфных надгробий, трудно согласиться с Л.Г. Колесниковой в том, что они могли быть изображением воскресающей Коры-Персефоны⁷⁹. Аналогичный тип надгробного памятника, известный в греческом мире с крито-микенской эпохи⁸⁰, ведет свое происхождение от герм и межевых знаков, которые являлись апотропеями или сакральными сторожами определенного участка земли⁸¹. Такая защитная, охранительная функция была присуща и надгробиям, которым придавалась антропоморфная форма, а на лицевой стороне красками рисовался портрет умершего⁸² и писалось его имя. Антропоморфные надгробия, таким образом, с одной стороны, выполняли апотропеическую функцию⁸³, а с другой – являлись знаком памяти, воздвигнутым в честь умершего родственника⁸⁴.

Следует отметить, что антропоморфные надгробия известны не только в античных центрах Северного Причерноморья⁸⁵, но и в Греции⁸⁶. Однако, насколько можно судить по имеющимся в настоящее время данным, в Херсонесе их найдено значительно больше, чем в других античных центрах региона, и они ставились над могилами умерших херсонеситов на протяжении всей античной эпохи⁸⁷. Учитывая генетическую связь такого типа надгробий с очень древними по происхождению верованиями греков⁸⁸, их использование на протяжении весьма продолжительного времени, вероятно, может рассматриваться в качестве весомого

⁷⁸ Колесникова Л.Г. Значение и место антропоморфных надгробий в некрополе Херсонеса // СА. 1977. № 2. С. 87-92.

⁷⁹ Там же. С. 93-99.

⁸⁰ Ср.: Nilsson M.P. *Geschichte der griechischen Religion*. München, 1976. Bd. I. S. 80; Молева Н.В. О происхождении боспорских антропоморфных изваяний // СА. 1991. № 2. С. 71-72.

⁸¹ Кагаров Е.Г. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб., 1913. С. 54-69; Молева Н.В. О происхождении боспорских антропоморфных изваяний // СА. 1991. № 2. С. 71-72; Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. К., 1992. С. 181.

⁸² Ср.: Чубова А.П. Расписные стелы Херсонеса IV – III вв. до н.э. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1976. М., 1977. С. 346.

⁸³ Burkert W. *Greek Religion: Archaic and Classical*. Oxford, 1985. P. 194; Молева Н.В. Антропоморфные памятники Боспора / Автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1986. С.20-21; Молева Н.В. Антропоморфные изваяния в погребальном обряде Боспора // Очерки сакральной жизни Боспора (Избранные статьи). Нижний Новгород, 2002. С. 33-34.

⁸⁴ Кагаров Е.Г. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб., 1913. С. 54-69; Burkert W. *Greek Religion: Archaic and Classical*. Oxford, 1985. P. 194; Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. К., 1992. С. 183; Диатроптов П.Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001. С. 59; Свенцицкая И.С. «Памяти ради»: эволюция отношения греков к смерти и погребальным обрядам в эллинистическо-римское время // ВДИ. 2003. № 4. С. 103.

⁸⁵ Козуб Ю.И. Историческая топография некрополя Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья. К., 1984. С. 168, рис. 5; Молева Н.В. Группа антропоморфных надгробий из некрополя Мирмекия // Античный мир и археология. Саратов, 1977. Вып. 3. С. 106-115; Молева Н.В. Антропоморфные памятники Боспора / Автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1986; Молева Н.В. О происхождении боспорских антропоморфных изваяний // СА. 1991. № 2. С. 71-75; Молева Н.В. Антропоморфные памятники Китея // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж-Белгород, 1991. С. 102-111; Молева Н.В. Классификация и датировка боспорских антропоморфных изваяний // Очерки сакральной жизни Боспора (Избранные статьи). Нижний Новгород, 2002. С. 37-69; Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. К., 1992. С. 181; Диатроптов П.Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001. С. 64-65; Tssetskhladze G.R., Kondrashev A.V. Notes on the Rescue Excavation of the Tuzla Necropolis (1995–1997) // North Pontic Archaeology. Recent Discoveries and Studies. Colloquia Pontica. Leiden, Boston, Köln, 2001. Vol. 6. P. 345-363; Кучеревская Н.Л. Типы надгробных памятников античного Боспора и их хронологические рамки // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. Ч. 1. С. 219–220.

⁸⁶ Robinson H.S. A Sanctuary and Cemetery in Western Corinth // *Hesperia*. 1969. Vol. 38. № 1. P. 26-27; Kurtz D.S. Boardman J. *Greek Burial Customs*. London, 1974. P. 244, fig. 52; Bradeen D.W. *Inscriptions on the funerary Monuments // Athenian Agora*. Princeton, New Jersey, 1974. Vol. 17. P. 149, pl. 66, 807.

⁸⁷ Подр. см.: Колесникова Л.Г. Хронология антропоморфных надгробий Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. К., 1986. С. 86-101; Буйских А.В., Зубарь В.М. До типології та інтерпретації антропоморфних надгробків Херсонеса Таврійського // Археологія. 2006. № 2. С. 19–20. Ср.: Диатроптов П.Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001. С. 64-65; Молева Н.В. Классификация и датировка боспорских антропоморфных изваяний // Очерки сакральной жизни Боспора (Избранные статьи). Нижний Новгород, 2002. С. 37.

⁸⁸ Кагаров Е.Г. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб., 1913. С. 54-69. Ср.: Гочева З. Антропоморфные изображения богов у фракийцев // ВДИ. 1981. № 2. С. 155-161.

подтверждения вывода о консервативном характере взглядов херсонеситов на погребальный культ⁸⁹, в конкретных проявлениях которого устойчиво сохранялись архаические черты ритуальных действий, связанных с захоронением (ср.: Herod., III, 38).

Вместе с этим, использование в Херсонесе надгробий с антропоморфом в наиске или эдикуле с фронтоном, а также стел, верхняя часть которых оформлена в виде героона, свидетельствует, что отмеченный консерватизм был характерен только для части населения. Наряду с этим, над могилами более зажиточной и, вероятно, образованной части жителей, ставились надгробия в виде высоких стел, которые типологически близки аттическим надгробным памятникам, непосредственно связанными с идеей героизации умерших⁹⁰. А антропоморфные надгробия в наиске или эдикуле с фронтоном, вероятно, можно рассматривать в качестве переходного типа от простого антропоморфного надгробия в виде человеческой головы, рассматривавшегося в качестве апотропея, к памятникам, отражающим сравнительно новые верования, связанные с героизацией умерших, которые в греческом мире стали широко распространяться с эллинистического периода⁹¹. Следовательно, есть все основания говорить об определенной динамике представлений и верований населения Херсонеса, связанных с погребальным культом, несмотря на устойчивое сохранение частью населения достаточно архаических черт в оформлении надгробных памятников⁹². Вероятно, в этом следует видеть то особенное, что было присуще взглядам населения Херсонеса на погребальный культ в классический и эллинистический периоды.

Список сокращений

АДСВ	- Античная древность и средние века. Свердловск
АСХ	- Античная скульптура Херсонеса
ВДИ	- Вестник древней истории
ИАК	- Известия Императорской археологической комиссии
КБН	- Корпус боспорских надписей
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии АН СССР
СА	- Советская археология
САИ	- Свод археологических источников
СХМ	- Сообщения Херсонесского музея. Севастополь
ТСА РАНИОН	- Труды секции археологии и искусствознания Российской ассоциации научных институтов общественных наук
ХСб	- Херсонесский сборник. Севастополь
УрГУ	- Уральский государственный университет
АЖА	- American Journal of Archaeology
ЖНС	- The Journal of Hellenic Studies

SEMANTIC OF RURAL MONUMENTS IN CHERSONESOS (CRIMEA) AT CLASSIC AND HELLENISTIC TIME

V.M. ZUBAR'

**Institute of Archaeology,
National Academy
of Science, Ukraine**

e-mail: zubar@i_com.ua

In this article tell about problems some of more important categories of material culture ancient Black Sea Coast – burial monuments of Chersonesos (Crimea). An author many years took part in research of it.

In semantic of burial customs and monuments in Classic and Hellenistic Chersonesos are conservative and traditionally character of this ritual and some mental evolution about live after death too. This phenomenon has semantic expression and register.

Key words: semantic, tomb, burial, hero, anthropomorphos, monument, palestra, evolution.

⁸⁹ Ср.: Стоянов Р.В. Некрополь Херсонеса Таврического V – I вв. до н.э. / Автореф... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 15.

⁹⁰ Даниленко В., Токарева Р. Башня Зенона. Симферополь, 1974. С. 56-57. Ср.: Smith N.R.W. Funerary Symbolism in Apulian Vasa-Painting. Berkeley, Los Angeles, London, 1976. P. 25, 217, 230.

⁹¹ Ср.: Snodgrass A. Archaic Greece. The Age of Experiment. London, 1980. P. 38-40; Polignac de F. La naissance de la cité grecque. Paris, 1984. P. 127-151; Burkert W. Greek Religion: Archaic and Classical. Oxford, 1985. P. 203-207; Фестюжьер А.-Ж. Личная религия греков. СПб., 2000. С. 35-45.

⁹² Зубарь В.М. Религиозное мировоззрение // Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н.э. Очерки истории и культуры. К., 2005. С. 469.

ДАНАЙЦЫ В ТРУДАХ АНТИЧНЫХ МИФОГРАФОВ: К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДАНАЙЦЕВ

А.Г. ЧЕРЕДНИЧЕНКО

ГОУ ВПО «Белгородский
государственный универ-
ситет»

E-mail:
cherednichenko@bsu.edu.ru

В данной статье рассматривается проблема происхождения данайцев. Автор приводит аргументы в пользу гипотезы, согласно которой обитавшие в Арголиде в микенскую эпоху данайцы были реликтовым индоевропейским этносом, родственным праславянам, прабалтам, праскифам и праиранцам.

Ключевые слова: артефакт; археологический; ахейцы; Балканский полуостров; балты; генеалогия, родословная; данайский; данайцы; диалект; доисторический, доисторический период; доистория; древнеиндийский; Египет; индоарийцы (индоарии); индоевропейский, индоевропейец; индоиранский; иранский; микенский; минойский; миф; мифологический, легендарный; мифология; неолит; племя, клан; прародина; прародитель, основатель рода; праславянский; Скифия; скифский, скиф; традиция, старый обычай, предание; Троя; троянский, троянец; фракийский; шахтовая могила, гробница; Эгейское море; Эллада; элин, грек; элинский, греческий, греческий язык; эпос, эпическая поэма; этногенез; язык.

Особое место в комплексе проблем палеобалканистики, микенологии и индоевропеистики занимают вопросы, связанные с изучением этнокультурной истории Балкано-Эгейского региона в эпоху, которая нашла отражение в большей степени в произведениях античных мифографов, нежели в трудах историков, т.е. в III – II тыс. до н.э.

Большинство современных исследователей (Л.С. Клейн, А. Бартошек и др.), следуя устоявшейся еще в XIX веке точке зрения, полагают, что данайцы, наряду с ахейцами, были одним из греческих племен, обитавшим в Арголиде в микенскую эпоху¹. Однако рассматривать проблему этнокультурной атрибуции данайцев, на наш взгляд, необходимо в контексте последних достижений индоевропеистики. Важно также учитывать данные древнегреческой мифологической традиции, полагавшей, что данайцы были лишь дальними родственниками элинов.

Многообразие представлений о мифах как форме архаического мышления, идеологии первобытного общества, эмоционально окрашенном осмыслении феноменов мира и т.д. не исчерпывает специфики мифов. Мифологические традиции как системы мифов различных этносов представляют собой сакральные генеалогии и отражают воззрения людей традиционных обществ на мир как на космическую родовую общину. События, описываемые в мифах, могут быть локализованы не только в сакральном, но и реальном пространстве и времени. Сравнительный анализ мифообразов индоевропейских мифологических традиций указывает на конкретный локус индоевропейской ойкумены, с которым они связаны. Ядром исследования индоевропейских мифотрадиций выступает древнегреческая мифология, сохранившая и сами праиндоевропейские мифологемы, и память об их месте в «космической» генеалогической системе, в то время как мифы других индоевропейских народов главным образом репрезентируют особенности мифологической ономастики. Сопоставление результатов исследований в области лингвистической палеонтологии и археологии с итогами изучения индоевропейских мифотрадиций на основании сравнительно-исторического метода позволяет определить в качестве ареала индоевропейской прародины земли в бассейне Эгейского моря. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что выделение индоевропейского праязыка из первобытного языкового континуума следует связывать с возникновением очага производящего хозяй-

¹ Бартошек А. Златообильные Микены. М., 1991. С. 8–21; Клейн Л.С. Данайская Илиада: К характеристике источников и формирования гомеровского эпоса // Вестник древней истории (ВДИ). 1990. № 1. С. 22–53; Лосев А.Ф. Гомер. М., 1960. С. 48–49, 267–270; Надь Г. Греческая мифология и поэтика. М., 2002. С. 120–131.

ства (очага неолитизации) в Эгеиде². Праиндоевропейцы начали свое расселение по ойкумене с юга Балканского полуострова и островов Эгейского моря. Таким образом, праиндоевропейский этнос выступает носителем неолитических культур Пелопоннеса, Киклад, Фессалии и Македонии (VII – VI тыс. до н.э.). В бассейне Эгейского моря на протяжении длительного времени сохранялись этнические группы, говорившие на реликтовых индоевропейских диалектах и перешедшие впоследствии на греческий язык.

Цель данной работы состоит в том, чтобы, опираясь на концепцию трактовки мифотрадиций как сакральных генеалогий, предложить вариант решения проблемы этнокультурной атрибуции данайцев в контексте достижений индоевропеистики. Рассмотрение вопроса о происхождении данайцев основано на анализе данных нарративных источников и лингвистической палеонтологии.

Сравнительный анализ индоевропейских мифотрадиций, являвшихся, по сути, сакральными генеалогиями, позволяет рассматривать их как важный источник информации, позволяющий исследовать индоевропейскую «доисторию» (prehistory). Эллинская мифологическая традиция возводила родословие эллинов к Девкалиону, в то время как данайцы считались отдаленными потомками Инаха, сына Океана и Тетис (Тетии), по имени которого была названа река Ἰναχός в Арголиде. Даже критически относившийся к произведениям логографов и мифографов древнегреческий историк Фукидид (V в. до н.э.) не подвергал сомнению верность эллинских этногенеалогических преданий (Фукидид. История. I, 2 – 3). Он полагал, что во времена Троянской войны Эллада (Ἑλλάς, -ῶδος) еще не носила этого имени. Различные населявшие ее племена (пеласги и др.) в силу близкого общения друг с другом уже после эпохи Гомера стали называться эллинами. Собственно эллинов (Ἕλληνες) Фукидид называет потомками Эллина (Ἕλλην, -ης), сына Девкалиона, правившего некогда во Фтиотиде (Φθιώτις, -ίδος, Φθία, Φθίη). Древнегреческий историк также обратил внимание, что Гомер нигде не обозначает все племена Эллады одним общим именем эллинов и никого так не называет, кроме воинов дружины Ахиллеса из Фтиотиды, которые и были первыми эллинами. Остальных же Гомер в своих поэмах именует данайцами, аргивянами или ахейцами.

Действительно, Гомер, например, перечисляя народы, воины которых прибыли осаждать Трои-Илион, называет эллинов и данайцев отдельно (Гомер. Илиада. II, 527 – 535).

Мифограф II в. до н.э. Аполлодор в труде «Генеалогии», более известном как «Мифологическая библиотека», сохранил и сакральное родословие эллинов, и родословие данайцев (Аполлодор. Мифологическая библиотека. I, 7 – 9, II, 1 – 8, III, 1 – 4). Эллины считались потомками Эллина, сына Девкалиона и Пирры (Аполлодор. Мифологическая библиотека. I, 7). От сыновей Эллина Дора, Ксуфа (отца Ахея и Иона) и Эола происходили греческие племена дорийцев, ахейцев, ионийцев и эолийцев. Данайцы считались потомками Даная, который был внуком Ливии, дочери Эпафа, сына Зевса и Ио, правнука Инаха (Аполлодор. Мифологическая библиотека. II, 1, 1 – 4). У Ливии и Посейдона родились сыновья-близнецы Агенор (Ἀγηνώρ, -ορός) и Бел (Βηλος). Агенор удалившись в Фойникию, воцарился там, став родоначальником великого рода. Бел же, оставшись в Египте, воцарился над Египтом и женился на Анхиное, дочери Нила. И у него родились сыновья-близнецы Айгюпт (Ἐγύπτος) и Данай (Δαναός), а также Кефей (Κηφεύς, -έως) и Финей (Φινεύς, -έως). Бел поселил Даная в Ливии, Айгюпта же – в Аравии. Тот, завоевав

² Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. 1 // ВДИ. 1982. № 3. С. 3–30; Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. 2 // ВДИ. 1982. № 4. С. 11–25; Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию: Родственные отношения индоевропейских языков. М., 1958. С. 269–280; Лелеков Л.А. К новейшему решению индоевропейской проблемы // ВДИ. 1982. № 3. С. 31–37; Лисицына Г.Н., Филипович Л.А. Палеоэтноботанические находки на Балканском полуострове // Studia Praehistorica. 4. София, 1980. С. 5–90; Маринович Л.П. Изучение Северной и Средней Греции в 1962–1966 гг. // ВДИ. 1969. № 3. С. 189–204; Маринович Л.П. Изучение Пелопоннеса в 1967–1970 гг. // ВДИ. 1973. № 1. С. 160–174; Маринович Л.П. Изучение греческих островов Эгейского моря и Крита в 1967–1970 гг. // ВДИ. 1973. № 2. С. 121–144; Одри Ж. Индоевропейский язык // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21: Новое в современной индоевропеистике. М., 1988. С. 24–121, 532–533; Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985. С. 48–77, 172–184; Renfrew C. The Origins of Indo-European Languages // Scientific American. 1989. № 10. P. 82–90.

страну меламподов (Μελάμπος, -лос «черноногий»), назвал ее по своему имени Египтом. У Айгюпта родилось от многочисленных жен пятьдесят сыновей, а у Даная – пятьдесят дочерей.

Если обобщить сведения, содержащиеся в труде Аполлодора, а также в произведениях Гесиода, Гомера, Эсхила, Геродота, Диодора Сицилийского, Страбона, Гигина и других античных авторов, то генеалогия данайцев представляется следующим образом (Геродот. История. I, 1 – 2, 56, II, 41 – 42; Гесиод. Теогония. 950 – 955; Гигин. Мифы. 19, 29 – 36, 63 – 64, 97, 157, 162, 168 – 170, 178; Гомер. Илиада. II, 527 – 535, 653 – 680, III, 250 – 258; Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. IV, 8 – 39, 57, V, 55 – 60; Страбон. География. VIII, 6, 9 – 10; Эсхил. Просительницы. 1 – 40, 540 – 594; Эсхил. Прометей прикованный. 700 – 741).

От брака *Ливии* (Λιβύη, Λιβύα) и *Посейдона* родились близнецы *Бел* и *Агенор*. Ливия (Либюз) была дочерью Эпафа, сына Ио (Ἰώ) и Зевса, и Мемфиды, дочери Нила. По ее имени земли к западу от долины и дельты Нила стали называться Ливией.

Сын Посейдона и Ливии Бел воцарился в Мемфисе, женился на *Анхиное*, дочери Нила, от которой породил близнецов *Египта* и *Даная*, позднее сыновей *Кефея* и *Финея*, а также дочь *Дамно*, став родоначальником многих великих народов (персов, индоариев). Айгюпт и Данай поначалу обитали в долине Нила, а в старости переселились в Арголиду вместе с детьми – египтиадами (Египтиадами, Ἐγυπτιαδαί, Ἰουλιταί) и данаидами (Данаидами, Δαναΐδες).

Айгюпт, сын Бела, царствовавший в Аравии, завоевал землю бродящих в болотах черноногих (меламподов). Он назвал ее своим именем, т.е. Египтом. От *Исеи*, дочери своей сестры Дамно и дяди Агенора, и многих других жен (ливиек, арабок, финикиянок) он породил 50 сыновей *египтиадов* и замыслил женить их на дочерях брата в знак примирения.

Данай, царствовавший в Ливии, боролся с братом за власть над страной бродящих в болотах черноногих (меламподов). Египтиады стали помогать его 50 дочерей-данаид, рожденных от *Мелии*, дочери его сестры Дамно, и других жен (наяд, гамадриад, принцесс из Элефантиды и Хеммиса, эфиопок).

Из страха перед Египтиадами Данай первым построил пятидесятивесельный корабль по совету Афины Тритониды. Посадив на него 50 своих дочерей, Данай спасся бегством, прибыл на остров Родос, где воздвиг статую Афины Линдской за совет о корабле, а затем приплыл в Аргос и получил от Геланора царскую власть.

Через некоторое время в Аргос прибыли преследовавшие Данаид Египтиады и потребовали от Даная дать согласие на брак. Добившись своего, все они кроме одного Линкея пали жертвами своих жен. Но от Даная и Данаид произошли *данайцы* в Арголиде, а позднее (через данайца Алкида-Геракла) *скифы* (Σκύθαι, -ων), *праславяне-агафирсы* (Ἀγᾶθυρσοί) и *прабалты-гелоны* (Γελωνοί).

Кефей, царствовавший в Хеммисе, женился на *Кассиопее* и поселился в Иоппе Палестинской. Кассиопея родила ему прекрасную дочь *Андромеду*, которая с детства была обручена с *Финеем*, царствовавшим в Эфиопии. Однако, спасенная данайцем *Персеем* (Περσεύς, -έως), она стала его женой и родила сына *Перса* (Πέρσης, -ου), оставленного на воспитание Кефеем и Кассиопее. От этого Перса ведут свой род персидские цари Ахемениды. По деду Перса его потомки носили древнее имя кефены (Κηφηνες). Это божественный родоначальник всех *иранцев*, *туранцев* и *сарматов*.

Фасос со своими спутниками вначале отправился в Олимпию, поставил там бронзовую статую, посвященную тирскому Гераклу: десятиметровый исполин был изображен с палицей и луком, а затем отправился на остров Фасос, где основал колонию и стал разрабатывать богатые золотые копи. Все это произошло за пять поколений до того, как в Арголиде родился Алкид, прозванный Гераклом (Ἀλκείδης, -ου, Ἴρακλής, -έως «Слава Геры»), сын Амфитриона (Геродот. История. II, 44; IV, 5 – 10, 47; Павсаний. Описание Эллады. V, 25, 6 – 7).

Согласно эллинской традиции, в начале XIII в. до н.э. состоялись легендарные походы Алкида Геракла в Мавританию и Иберию (к Атланту и Гесперидам), в Ирландию (на остров Эрифия за быками Гериона), в долину Роны, в Италию и Сицилию. Возможно, именно Геракл скрывается под именем кельтского мифического героя Миля («воин»). Можно предположить, что сюжет о поисках коров в предгорьях Фракии и сожительстве с праматерью скифских племен (Геродот. История. IV, 8 – 10) является подлинным преданием о раннем этногенезе скифов, славян и балтов, т.е. Σκύθαι, Ἀγᾶθυρσοί, Γελωνοί, яв-

лявшимися потомками сыновей Геракла Скифа, Агафирса и Гелона. Местом этногенеза этих племен указаны берега Геллеспонта (= Βορυσθῆνης, Борисфен) и некая Гилея, т.е. «Лесистая местность», близ Геллеспонта (Текирдаг?). Сами скифы также впоследствии переселялись из Тинии в Вифинию (Битинию), из Фракии (Тракии, «тройских владений») в Малую Скифию, Великую Скифию вплоть до Танаиса и Боспора Киммерийского. Вот, судя по всему, почему династы одрисов и династы Боспора Киммерийского носили одинаковые имена – Перисад, Спарток, Реметалк. Все они – потомки династии Паралатов (Παραλάται) и Данайцев (Δαναοί).

Паросская хроника («Паросский мрамор», III в. до н.э.) представляет достаточно точную хронологию событий происходивших в Эгеиде во II – I тыс. до н.э.:

«6. После того, как *Эллин*, сын *Девкалиона*, воцарился во *Фтиотиде* и называвшиеся прежде «греками» [Γραικοί] получили имя эллинов и [были учреждены] *состязания Пана...* а случилось это во время царствования в Афинах Амфикиона, прошло 1257 лет (1520/19 г. до н.э.).

7. После того, как *Кадм*, сын *Агенора*, прибыл в *Фивы* ... и построил *Кадмею*, а случилось это во времена царствования в Афинах Амфикиона, прошло 1252 года (1518/17 г. до н.э.)...

9. После того, как построенный *Данаем* первый *пятидесятивесельный* корабль пришел из Египта в Элладу и был назван «пентеконтер», а дочери *Даная* ...она, *Гелика* и *Архедика*, отделившись от прочих, основали на берегу *святилище Афины Линдии* и совершили жертвоприношение в ...Линде на Родосе, а случилось это во время *царствования в Афинах Эрхтония*, прошло 1242 года (1510/14 г. до н.э.)...

18. После того, как ... *Геракл...* а случилось это во время царствования в Афинах Эгея... (1307/06 – 1295/94 гг. до н.э.)...

28. После *начала творчества* поэта *Гесиода*, а случилось это во время царствования в Афинах ... прошло 67[3] года (9[37/35] [?] г. до н.э.).

29. После *начала творчества* поэта *Гомера*, а случилось это во время архонтства в *Афинах Диогета*, прошло 643 года (907/05 г. до н.э.)»³.

Данаиды, данайцы (Персей и Персеиды, Геракл и Гераклиды) имеют прямое соответствие в древнеиндийской мифо-эпической традиции. Данайцам соответствуют потомки богини Дану данавы. Дану – дочь седьмого сына Брахмы Дакши, жена мудрого Кашьяпы Праджапати, мать 40 или 100 данавов⁴.

Господином данавов считался данавапати Рааху (Раху). Рааху – сын Випрачитты и Синхики, похититель части амриты девов. Отрубленная голова его была вознесена на небеса, где регулярно проглатывает Сурью и Сому, а его драконий хвост Кету стал кометой. Рааху – олицетворение эклиптики, затмений и метеоритных потоков. Вождь данавов назывался также данавендра. Наставником данавов (данавагуру, данавапуджита) был Шукра, управитель светила Венеры. Недруги данавов – Шива Данававайрин, Индра Данавари.

Наиболее вероятное сопоставление: Dānu, dānavá- ~ Δαναός, Danaus «Данай», Δανάη, Danaē «Даная», Δαναΐδες, Danaïdes «Данаиды», Δαναοί, Danaī «данайцы».

Подводя некоторые итоги, заметим, что сакральная генеалогия данайцев связывает их происхождение с родом Инаха и Ио. Предания о странствиях Ио можно трактовать как сохранившиеся в эллинской мифотрадиции сведения о древнейших миграциях «сатэмных» индоевропейских этнических групп. Присутствие индоевропейских «сатэмных» этносов на Ближнем Востоке во II тыс. до н.э. зафиксировано в реликтовой ономастике (ср. имена богов и царей Митанни-Ханигальбата, имена царьков Сирии и Палестины)⁵. Приведем некоторые из них:

– название страны Maitan(n)i, Mitan(n)i производное с хурритским суффиксом -n[n]i от имени собственного *Mait(t)a, сохраненного также в причерноморской ономасти-

³ Паросская хроника // Диодор Сицилийский. Историческая библиотека: Греческая мифология / Пер. с древнегреч., статья, комментарии и указатель О.П. Цыбенко. М., 2000. С. 147–150.

⁴ Темкин Э.Н. Эрман В.Г. Мифы древней Индии. М., 1982. С.15–22, 63–66.

⁵ Вильхельм Г. Древний народ хурриты: Очерки истории и культуры. М., 1992. С. 42–75; Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986. С. 17–29; Елизаренкова Т.Я. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа: Мандалы I – IV. М., 1989. С. 429–431; Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье: Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999. С. 15–41, 157–178; Meyer G.R. Das Archiv von Tell el-Amarna eine wichtige historische Quelle // Тутанхамон и его время. М., 1976. С. 96–106.

ке (этноним Μαῖωται, Μαῖηται, наименование Азовского моря Μαῖωτις, -ἰδος, Μαῖητις, -ἰδος отражают индоарийскую форму *maua-vat-i «относящийся к Майе»);

– название столицы Митанни Waš(š)uk(k)an(n)i, Wašukanne, Uššukani также является собой хурритское суффиксальное оформление либо др.-инд. vasu-khani ‘рудник богатства, сокровищ и добра’, либо др.-инд. имени собственного Vasuki ‘имя царя змеевидных демонов’; хурритский суффикс -n(n)e, -n(n)i указывает на адаптацию индоарийского слова или имени в хурритоязычном окружении;

– теоним (Plani) Mītrāšīl [*Mitra-sil] возводим к индоиранскому имени бога Mitra, Mithra (Mītra); имя оформлено хурритским суффиксом -šīl;

– теоним (Plani) Urūanāšiel: Arunāšīl [*Urvana-si(e)]; *Aruna-sil], скорее всего, можно возвести к др.-инд. имени бога Varuna (менее вероятно – Aruna); имя адаптировано в хурритоязычии (суф. -šīl);

– теоним (Ilu) Indar(a) сопоставим с др.-инд. именем бога Indra;

– теоним (Plani) Nasāttīanna [*Nasatya-nne] производный от др.-инд. теонима Nasatya, адаптирован при помощи хурритского суффикса -n(n)e;

– имя царя Митанни XVI в. до н.э. Kirta сопоставимо с др.-инд. kīta ‘золотой век’ или kīt ‘творящий’;

– имя царей Митанни Artatama, Artadama I, II (XV – XIV вв. до н.э.) соотносимо с др.-инд. řta-dama(n) ‘тот, чье обиталище Праведность’, ср. авест. arθa «праведность»;

– имя царя Митанни Artasumara (XIV в. до н.э.) – ср. предыдущее от řta- (arta-) и др.-инд. su-mara;

– имя сирийского царя Artamanija (XIV в. до н.э.) – ср. предыдущее от řta-; arta-, man-ya;

– имя царя южнофиникийского города Januamna Biridašwa (XIV в. до н.э.) содержит индоиран. основу ašva ‘лошадь, конь’;

– имя сирийского царя XIV в. до н.э. Birijamaza содержит иранскую основу maza ‘великий, могучий’;

– имя сирийского царька Dašarti (др.-егип. dsr.t, tjt dsr.t) ср. с др.-инд. именем собственным Dašaratha;

– имя царя города Кинза-Кадеш на реке Оронт в Сирии (XIV в. до н.э.) Etagama сопоставимо с др.-инд. eta ‘пятнистый; вид оленя’ и gama ‘идуший; случка, соитье’;

– имя царька города Guddašuna (XIV в. до н.э.) Jamiuta сопоставимо с др.-инд. именами Yama, Yami + суф. -uta;

– имя палестинского царька (XIV в. до н.э.) Indaruta сопоставимо с др.-инд. именем Indrota (Indratuta);

– имя сирийского царька XIV в. до н.э. Irimajassa ср. с др.-инд. irma ‘рука’ и суф. -yasa;

– имя царя города Haz(z)i Majarzana (XIV в. до н.э.) имеет индоиранский облик: maua ‘колдовство, ведовство, магия’ и arjana ‘приобретение’: *maua-arjana ‘приобретенный с помощью колдовства’;

– имя царька города Ube (близ Дамаска) Namijawaza (XIV в. до н.э.) сопоставимо с др.-инд. namua ‘пастбищный, с выгоном’ и vasa ‘жилье’;

– имя царя Митанни XIV в. до н.э. Par(r)at(t)arna ср. с др.-инд. префиксальное образование para-tarna-ka ‘другой, более поздний теленок’ или ‘трава, стебель’;

– имя царя Митании XV в. до н.э. Parsadatara очевидный композит *parsa ‘барс; перс(?)’ и datar ‘датель; даритель’;

– имя царька города Saruna (в Галилее) Rusmanja (XIV в. до н.э.) сопоставимо с др.-инд. корнем rus- ‘убивать, ранить’; rus (ж.р.) ‘гнев, ярость’; ср. имя Artamanja и др.-инд. brahmanua ‘брахманский’;

– имя сирийского царька XIV в. до н.э. Šatija сопоставимо с др.-инд. satya ‘сотня’ или sati;

– имя царя Митании XIV в. до н.э. Šattiwaz(z)a возводят к др.-инд. sati-vaḷa ‘добывающий трофеи’; ср. vaḷa-sati ‘добыча трофеев’;

– имя царей Митании XIV – XIII вв. до н.э. Šatura (I, II) сопоставимо с др.-инд. satvara ‘поспешный’;

– имя царя Митании XV в. до н.э. Sausadatara, Saustatara композит – *sausa ‘Саушка, Сузы(?)’ и datar ‘податель, даритель’;

– имя царя городка Kelte недалеко от Иерусалима Šuw(a)ardata (XIV в. до н.э.) сопоставимо с др.-инд. svar-data ‘дар Солнца’;

- имя сирийского царька XIV в. до н.э. Subandu напоминает композит др.-инд. *su-bandhu* ‘добрый, хороший друг’;
- имя сирийского царька XIV в. до н.э. Šûta сопоставимо с др.-инд. *suta* ‘сок сомы’ или *suta* ‘сын’;
- имя царей Митании XVI – XIV вв. до н.э. Šuttarna (I, II, III), имя царя города Mušihuna (XIV в. до н.э.) Šuttarna имеют индоарийский облик: *su-ṭarna* ‘добрая трава, хороший стебель’; или *su-tarna* ‘имеющий доброго теленка, детеныша’;
- имя собственное из города Алалах (Северная Сирия), датируемое XVII в. до н.э., Tirgutawija с одной стороны сопоставимо с именем царицы Τῖρῦοτῶ в меотийских областях Северного Причерноморья, с другой – с др.-инд. *ṭgu-tava*;
- имя митанийского царя XIV в. до н.э. Tušeratta, Tušratta сопоставимо с др.-инд. *tvesa-ratha* ‘блистательный колесницей, чья колесница безудержно передвигается’;
- имя царька города Zilu близ Лакиша (XIV в. до н.э.) Turbazu сопоставимо с др.-иран. **tur* ‘тур, бык’, *bazu* ‘великий, большой’;
- имя митанийского царя конца XIV – начала XIII вв. до н.э. Vasašta, Vasašatta сопоставимо с др.-инд. именем *Vasišta*;
- имя предводителя города Аскалон в XIV в. до н.э. Widija сопоставимо с др.-инд. *vidya* ‘мудрец, ведун’;
- имя сирийского царька XIV в. до н.э. Zitrijara сопоставимо либо с др.-инд. названием месяца *çaitra*, либо с др.-иран. *çiθra* ‘знак’;
- имя царька города Akkon в XIV в. до н.э. Zurata, возможно, сопоставимо с *su-ratha* ‘с доброй колесницей’.

Можно также предположить, что, наряду с хамитоязычными египтянами (меламподами), определенный вклад в создание древнеегипетской цивилизации внесли и индоевропейские этнические группы, среди которых были предки данайцев. Во всяком случае, индоевропейцами по происхождению можно признать гиксосов, правивших Египтом в XVIII – XVI вв. до н.э. Приведем некоторые индоевропейско-древнеегипетские ономастические и культурно-религиозные параллели⁶:

- др.-егип. имя важного бога египетского пантеона Гора Hr.p.hrd [Harpokrates], Hr.s.'st [Harsies], **Har(a)*, судя по всему, восходит к и.-е. **jog-*: *jer-* ‘жаркое время года, лето’, ср. др.-греч. ‘*Ἦρα* (супруга Зевса), ‘*Ἦρα* (дочери Зевса, времена года), одно из «запретных» имен Зевса ‘*Ἦρως* (Hērōi Perkōnei);
- др.-егип. термин *k* ‘душа-двойник’ сопоставим с др.-инд. *ka* ‘душа; тело; время; солнце; радость, веселье; вода; голова; имя собственное нескольких богов’;
- наименование реки Нил (др.-греч. *Νεῖλος*; лат. *Nilus*), по всей видимости, восходит к др.-инд. прилагательному *nīla* ‘черный, иссиня-черный, лиловый’, соответствуя др.-егип. наименованию Египта **Ta`Keme(t)*, *kēme* ‘черная страна’; имеется в виду цвет иловых наносов Нила в отличие от охристых тонов (‘Красной земли’) окружающей пустыни;
- др.-егип. теоним *Gbb* [**gab(b)*] сопоставим с основой имени мифического родоначальника персидских царей *Κηφεὺς*, *Kēph-eus* (‘происходящий от **Kabh-* `a’) и т.д.

Таким образом, данайский язык можно отнести к «восточноиндоевропейским» языкам, т.е. к группе индоевропейских языков «сатэм». Самой заметной фонетической чертой индоевропейского (и.-е.) данайского языка следует считать распространение псилозы (переход и.-е. **s* в **h* в анлауте и по правилу «руки»). Это фонетическое новшество затронуло прагреческий, праславянский и праиранский индоевропейские диалекты (праязыки).

Происхождение праславянской фонемы **х* в результате мутации и.-е. **s* в **h* в определенных фонетических позициях подробно рассматривали многие индоевропеисты. Верность гипотезы А. Мейе и Я. Отрембского об изменении **s* в **h* через промежуточную стадию **š* маловероятна, а вот гипотеза С. Бернштейна о непосредственном изменении **s* в **h* получила дополнительные аргументы. Нам представляется весьма желательным обобщение данных ареального индоевропейского языкознания (ср. протекание подобных фонетических мутаций в ареале иллиро-кельтских языков Верхнего Дуная [**sal-* > *hal-*], в ареале греческого языка [**sal-* > *hal-*], в ареале иранских языков [**sar-* > *har-*]). На вопрос об артикуляционном механизме данной мутации дается несколько ответов. В ареале балтийских языков [**ur₁sus* > *viršùs*] и в ареале индийских языков [**-s-* > *-š-*] процесс мута-

⁶ Bomhard A.R. The Indo-European-Semitic Hypothesis Reexamined // The Journal of Indo-European Studies. Vol. 5. 1977. № 1. P. 55–99.

ции исконного и.-е. *s по правилу «руки» протекал другим путем, а в анлауте мутации не было вовсе.

В связи с этим еще раз затронем вопрос о процессе вхождения фонемы *s в систему консонантизма с точки зрения диахронической фонологии. Мы склоняемся к выводу, что, как в вопросе мутаций *s → *z, *s → *s^w, в данном случае речь идет об аллофонном характере дивергенции *s → *s и *s → *h. Эти фонетические законы имеют отношение лишь к фонетике, к аллофонному варьированию фонем в зависимости от определенных фонетических (позиционных) условий. И в этом смысле фонетические законы непреложны в эпоху своего действия. Процесс мутации s > h протекал в праславянском языке после окончания процесса сатэмной палатализации, но до конца процесса монофтонгизации дифтонгов и упрощения групп согласных (bs > s, ps > s, ds > s, ts > s), разрушения дифтонгического сочетания *or. Особо отметим положение о том, что именно в протославянском диалекте (в сравнении с пракеельтским, прагреческим и праиранским) процесс перехода *s в *h был наиболее активным⁷.

Ср. праслав. *xodъ и др.-греч. ὁδός, эп. ὄυδός ‘дорога, путь’, ‘переход’ (из и.-е. *sodos ‘перемещение сидя верхом или в повозке’).

Несколько примеров палатализованных форм, несвойственных прагреческой фонетической системе, сохранилось в аркадских диалектах. Особенно показательны примеры на переход и.-е. *g' > z, и.-е. *g'^w > z:

ῥαζα ‘зной, пыль, нагар’ – др.-инд. āsa- ‘пыль, зола’⁸;

ῥαζομαι, ῥαζεται ‘благоговеет, почитает’ – др.-инд. yajati, авест. yazaite⁹;

ζερεθρον ‘пропасть’ – др.-греч. βάραθρον, эп.-ион. βέρεθρον ‘жерло, пропасть’, праслав. *žьrdlo¹⁰;

ζηλος, ζηλόω, др. ζαλόω ‘зависть, ревность’ – и.-е. *g^wēl- ‘жалить, колоть; мучить’;

ζωή, ион. ζόη, др. ζωά, эол. ζοῖα; ζωον; ζάω, ζην ‘жизнь; живое существо; жить’ – др.-греч. βίος, βίωω ‘жизнь; жить’¹¹;

эп. φύζα ‘бегство’ – др.-греч. φυγή, др. φύγα¹².

Восточноиндоевропейское («сатэмное») в древнегреческом языке представлено многочисленными цельными изоглоссами. Приведем несколько примеров:

адстратное (эп.) др.-греч. θάμβος, -εος ‘изумление, ужас’, собственно др.-греч. τάφος, -εος (с.р.) – также и др.-инд. dambha- м.р. ‘обман’, ‘хитрость’, ‘лицемерие’, dabha- ‘обманчивый’, dabh- ‘вредить, причинять боль, ранить’, ‘вводит в заблуждение, обманывать’;

адстратное τῦμβος ‘могильный курган, могила’ и исконно др.-греч. τάφος (м.р.) ‘могила, курган, склеп’;

адстратное κύμβη, κύμβος, κυμβίου ‘сосуд, чаша, чашка’ (собственно др.-греч. οκύφος, οκύφεος ‘сосуд, чаша, чашка’) и др.-инд. kumbhá-, авест. xumba- ‘горшок’.

Источником «сатэмных» языковых элементов в «кентумных» языках Эгеиды являются древние диалекты восточноиндоевропейского праязыка, а именно: протоахайский (минойский) диалект потоков Эвропы на Крите, данайский диалект потомков Данаия и Данаид в Арголиде и Аркадии, протоалбанский (кадмейский) диалект потомков Кадма в Беотии и Иллирии, фасосский диалект на Фасосе, протофракийский диалект потомков Кабейро на Самофракии и Лемносе.

При этом протоахайский (минойский), протоалбанский (кадмейский) и фасосский диалекты происходили из более обширной подгруппы диалектов (вместе с протоармянским (хайк), протокилийским и протоиндоарийским). Это – потомки Агенора.

Данайский и кабейрский диалекты происходили из обширной подгруппы диалектов (вместе с протоиранским). Это – потомки Бела.

В Арголиде с миграцией Данаия и Данаид можно связать распространение разведения упряжных лошадей (ср. имена Ипподамия, Ипподика, Иппомедуса Данаиды, Иппокорист и Иппотой Египтиады, Иппотой Пеласгов, Ипподамант Ахелоев). С появлением

⁷ Маслова В.А. Истоки праславянской фонологии. М., 2004. С. 207.

⁸ Широков О.С. История греческого языка. М., 1983. С. 44.

⁹ Там же.

¹⁰ Маслова В.А. Истоки праславянской фонологии. М., 2004. С. 249–251.

¹¹ Широков О.С. Ук. соч. С. 44.

¹² Там же.

данайцев в конце XVI в. до н.э. можно также связать появление шахтовых гробниц круга А близ Микен¹³.

Итак, язык данайцев – связующее звено между иранским и славянским языковыми состояниями в рамках праиндоевропейской этнокультурной общности. Данайский язык является источником так называемой псилозы (перехода $\backslash s \backslash$ в $\backslash h \backslash$). С одной стороны, данаец Персей – родоначальник персов (кефенов-ахеменидов), с другой стороны, данаец Алкид-Геракл – родоначальник скифов, славян и балтов. Помимо данайского наследия в праславянском, прабалтском, праскифском, праиранском языках, можно предположить существование значительного культурного, мифологического, идеологического наследия в культурах славян, балтов, скифов, иранцев.

Положение об особенной связи раннепраславянской общности и праиранской общности с языковыми реликтами сатэмного субстрата Средней и Южной Греции можно аргументировать на фонетическом, морфологическом, словообразовательном, синтаксическом и лексическом уровнях. Но отождествить данайцев с определенным комплексом артефактов (археологической культурой) вряд ли удастся, так как данайцы жили на юге Балкан чересполосно с эллинами (граиками), аркадцами, дриопами и др.

Место предполагаемого раннепраславянского, раннепрабалтского и раннепраскифского этногенеза (XIII в. до н.э.) – берега Геллеспонта (Дарданелл, древнейшего Борисфена), нынешняя Турецкая Фракия.

DANAI IN TEXTS OF THE ANTIQUE MYTHOGRAPHS: TO THE PROBLEM OF ORIGIN OF THE DANAI

A.G. CHEREDNICHENKO

Belgorod State University

E-mail:
cherednichenko@bsu.edu.ru

This article examines problem of origin of Danai. The Danai inhabited in Argolis in Mycenaean epoch. The author proves that the Danai were relict Indo-European ethnos related with the Proto-Slavs, the Proto-Balts, the Proto-Scythians and the Proto-Iranians.

Key words: the Achaeans; Aegean Sea; archaeological; artifact; Balkan Peninsula; the Balts; Danaï; Danaian; dialect; Egypt; epos; ethnogenesis; genealogy; Hellas; Hellene; Hellenic; homeland; Indo-European; Indo-Iranian; the Indo-Aryans; Iranian; language; Minoan; Mycenaean; myth; mythological; mythology; Neolithic; Old-Indic; Prehistoric; prehistory; progenitor; Proto-Slavonic; Scythia; Scythian; shaft grave; Thracian; tradition; tribe; Trojan; Troy.

¹³ Бартошек А. Ук. соч. С. 244–246.

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ БЕОТИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ФИВАНСКОГО ПОЛИСА В ПЕРИОД АРХИДАМОВОЙ ВОЙНЫ 431-421 ГГ. ДО Н.Э.

А.Ю. МОЖАЙСКИЙ

ГОУ «Московский городской педагогический университет»

E-mail:
a.mozhajsky@mail.ru

Данная статья посвящена политике фиванского полиса в период Архидамовой войны 431-421 гг. до н.э. В это время к Беотийскому союзу была присоединена платейская область и ряд других территорий на беотийской границе с Аттикой. Фивы также укрепили свою позицию в Беотийском союзе, достигнув к 423 г. до н.э. 55% своего представительства в общесоюзном правительстве.

Ключевые слова: Фивы, Беотия, Беотийский союз, Афины, Аттика, Архидамова война, Пелопоннесская война, Платеи.

Цель данного исследования – проследить эволюцию и взаимосвязь внешней и внутрибеотийской политики¹ фиванского полиса в период Архидамовой войны.

Беотийский союз под эгидой Фив как военно-политическое объединение определенно известен нам со второй половины VI в. до н.э.² В греко-персидских войнах фиванцы были союзниками персов. После победы эллинов над персами в битве при Платеях 479 г. до н.э. фиванцы утратили свое лидирующее положение в Беотийском союзе в результате целенаправленных репрессий. Возможно, что и стены Фив были срыты³. После названной битвы при Платеях 479 г. до н.э. лидером Беотии вплоть до 457 г. до н.э., по-видимому, становится Танагра⁴.

Впервые после Греко-персидских войн Фивы становятся союзником Спарты, в том же 457 г. до н.э. Спартанцы привели Беотию в подчинение фиванцам, а также выстроили вокруг Фив новые стены (Diod. XI.81). Не прошло и двух месяцев после постройки новых фиванских стен, как афиняне нанесли беотийцам поражение в битве при Энофитах и тем самым подчинили большую часть Беотии (Thuc. I.108)⁵.

Однако уже в 447 г. до н.э. в битве при Коронее беотийцы отстаивали свою независимость и изгнали афинян (Thuc. I. 113). При этом следует отметить, что в данной битве против афинян беотийцы выступили единым фронтом⁶. Таким образом, союз восстано-

¹ Под внешней политикой фиванского полиса автор данной статьи понимает политику Фив вне Беотии, под внутренней беотийской политикой фиванского полиса – политику внутри Беотии, как взаимоотношения с другими полисами Беотии, так и внутрифиванскую политику.

² По литературным источникам (Hdt. VI.108; Thuc. III.68,5) и нумизматическим данным – см. Historia Nummorum: A Manual of Greek Numismatics. New and Enlarged Edition, by Barclay V. Head, assisted by G.F. Hill, George Macdonald and W. Wroth. London, 1911. p. 344-355; см. также Зограф А.Н. Античные монеты. М.-Л.1951. С.43; 230.

³ Поскольку в 457 г. до н.э., по сообщению Диодора (XI.81), пелопоннесцы отстраивают новые стены Фив. К сожалению, мы пока не располагаем археологическими данными о каких-либо фортификационных сооружениях в Фивах этого времени. Самая ближайшая к этому времени фортификация Фив археологически представлена воротами Электры, которые, судя по кладке, (isodomic ashlar) могли быть воздвигнуты как в первой половине IV в. до н.э., так и в течение всего эллинистического периода; см. Fossey J.M. Topographie and population of ancient Boiotia. Chicago, 1988. P.204.

⁴ Аргументы этой точки зрения см. Duane W. Roller. Recent investigations at Grimádhá (Tana-gra) // Beotia antiqua I. Amsterdam, 1989. P. 138-139; нумизматическое обоснование см. Historia Nummorum: Manual of Greek Numismatics. New and Enlarged Edition, by Barclay V. Head, assisted by G.F. Hill, George Macdonald and W. Wroth. London, 1911. P.348.

⁵ Фивы в эту покоренную афинянами часть не входили (Diod. XI.83).

⁶ Так, в данной битве вместе с фиванцами сражались и орхоменцы. В тексте Фукидида сообщается, что в битве участвовали беотийские изгнанники, захватившие Орхомен (Βοιωτῶν τῶν φυγόντων εχόντων Ὀρχομενόν), – Thuc. I.113.1, и с лингвистической точки зрения они не могут быть полностью отождествлены с собственными орхоменцами. Однако в Национальном Археологическом музее Афин в Бронзовой коллекции под номером 15155 экспонируется шлем коринфского типа, вотивная надпись на нащечниках и части, прикрывающей шею которого, говорит о том, что он был посвящен орхоменцами Зевсу Олимпийскому как часть добычи, взятой в битве при Коронее.

вился под эгидой Фив. Была утверждена олигархическая конституция Беотийского союза, которую мы знаем по «оксиринхскому источнику»⁷.

К началу Пелопоннесской войны Беотийский союз подошел практически в том же составе, что и Беотийский союз 390-х гг. IV в. до н.э., описанный в *Hellenica Oxyrhynchia*, за исключением Платейской области, которая не входила в состав Беотийского союза и была союзником Афин. С большой долей вероятности можно предположить, что Танагра в 446 г. до н.э. вошла в Беотийский союз под эгидой Фив⁸. То же можно отнести и к Орхомену, граждане которого сражались вместе с фиванцами в битве при Коронее. Из крупных беотийских центров остаются только Феспии. Видимо, и они также примкнули к Беотийскому союзу уже в 446 г. до н.э., по крайней мере, феспийцы, наряду с орхоменцами и танагрейцами, участвовали в битве при Делии в 424 г. до н.э. на стороне Беотийского союза⁹. В период Пелопоннесской войны Фивы были самым сильным и стратегически важным сухопутным союзником Спарты. Рассмотрим людские и аграрные ресурсы Беотии. Дж. Бинтлиф на основе комплексного анализа литературных источников, топографических и археологических данных заключил, что при благоприятных погодных условиях и отсутствии внешнего вторжения Беотия могла самостоятельно обеспечить свое население зерном¹⁰.

Количество кавалерии и гоплитов, свободных от гарнизонной службы, в начале Пелопоннесской войны у Аттики и Беотии было вполне сопоставимым: Беотия – 11000 гоплитов, 1100 – кавалерии; Аттика – 13000 гоплитов, 1200 – кавалерии (Thuc. II.13, 6-8).

Имея сильных пелопоннесских союзников, фиванцы, приняв участие в грядущей войне (Пелопоннесской 431-404 гг. до н.э.), надеялись уничтожить Афины как полис – это могло быть их главной стратегической целью (Xen. Hell. II.2,19). Первой фазой реализации этой цели было стремление присоединить к Беотийскому союзу платейскую область и спорные с Афинами пограничные территории по линии гор – Киферон, Пастру, Парнес. Теперь рассмотрим подробнее данное направление внешней политики Фив.

Фивы в 431 г. до н.э. были значительной силой на геополитической карте материковой Греции, но не могли сокрушить Афины, атакуя в одиночку. Нам представляется наиболее реалистичной следующая трактовка фиванской политики в начале Пелопоннесской войны. Осенью 432 г. до н.э. спартанцы проголосовали за войну с Афинами. Однако, в самой Спарте не было полного единства относительно войны с Афинами. Так, сам царь Архидам, по-видимому, был довольно скептически настроен по отношению к началу военных действий со Спартой в это время (Thuc. I.80-85)¹¹. Спартанцы еще раз поставили вопрос на голосование перед союзниками (Thuc. I.119-125). И далее около года они посылали к афинянам посольства (Thuc. I.126). Все это говорит о том, что, несмотря на приготовления лакедемонян к войне, нельзя было наверняка сказать, когда будут открыты полномасштабные военные действия. Спарта и союзное собрание оформили свое отношение к Афинам законодательно, но ведь спартанские посольства в Афины могли продолжаться и после весны 431 г. до н.э. Ситуация была во многом схожей с той, которая сложилась в 395 г. до н.э., когда, несмотря на все противоречия и антагонистические от-

⁷ В *Hellenica Oxyrhynchia* в связи с событиями 395 г. до н.э. приводится беотийская конституция 390-х годов, но большинство исследователей сходятся, что в основном она была той же, что и в 446 г. до н.э. см. Rhobert J. Buck. *Boeotia its development of institutions and oligarchic and democratic theory in the fifth and fourth centuries* // *La béotie antique*. Paris. 1985. P.291-296.

⁸ Танагра в это время не имела стен и не могла противостоять Фивам. Кроме того, ей было необходимо присоединиться к Беотийскому союзу в целях защиты от афинской экспансии.

⁹ Расстановка беотийских сил в битве при Делии в 424 г. до н.э. (Thuc. IV.93,4) и субъекты Беотийского союза, приведенные в *Hellenica Oxyrhynchia* 11, совпадают.

¹⁰ Население Беотии во второй половине V в. до н.э. равнялось приблизительно 165500 человекам, из них: 11000 – тяжеловооруженная пехота, 1100 – кавалерия; 5,4 га можно считать средним земельным наделом как для тяжеловооруженного воина, так и для всадника. Стандартное хозяйство из 5,4 га могло, вероятно, делиться на: 50% земли – под паром, из оставшихся 50%, включая оливковые деревья и растущий под ними виноград, 2/3 урожая приходилось на семью, а 1/3 – излишек. Античная Беотия имела площадь 2580 кв. км. Возделываемой земли – от 800 до 1200 кв. км. Полную аргументацию данных исчислений и экскурс в историю демографических исчислений по Беотии см. John Bintliff et Anthony Snodgrass. *The development of settlement in South-West Boeotia* // *La béotie antique*. Paris. 1985. P.49-70.

¹¹ См. Paul Cartledge. *The Spartans*. London 2003. p.148-150; Donald Kagan. *The Peloponnesian War*. London 2005. p.66-68.

ношения Спарты и Фив, война не начиналась до тех пор, пока фокидцы не вторглись в Локриду, начав военные действия. Далее, по словам Робина Осборна, произошел «эффект домино», когда другие государства только и ждали, чтобы кто-то начал военные действия, и как только эти действия начинались, примыкали к главным противоборствующим группировкам¹². Что касается начала Пелопоннесской войны, то здесь роль фокидцев сыграли фиванцы, совершив атаку на Платеи. Кроме того, у фиванцев были политические гарантии поддержки со стороны пелопоннесцев, которые проголосовали за войну. Таким образом, когда пришла весна и наступили пригодные условия для вторжения в Аттику (зерновые в это время легче подвержены огню), спартанцы осознали, что им надо или наступать, или извиниться за превентивный удар их союзников фиванцев. На последнее спартанцы никак не могли пойти, и фиванцы учитывали это при решении атаковать Платеи в конце марта 431 г. до н.э.¹³

Чем же были так важны Платеи для фиванцев, кроме того, что они были причиной давнишнего спора с афинянами? Платеи были небольшим городом с населением около 1000 граждан. Однако, город занимал важное стратегическое положение, находившись всего в 12,5 км от Фив, и примыкал к главному юго-западному пути из Беотии в Аттику, проходившему через границу Беотии в Аттику напрямую¹⁴. Платеи находились в непосредственной близости от узкого горного прохода через Киферон. Следует помнить и о том, что Платеи имели довольно мощные каменные фортификационные сооружения. Учитывая данные обстоятельства, в афинских руках Платеи могли служить базой для атак на Фивы и Беотию, а также могли быть угрозой для любой фиванской армии, пытающейся пройти в Аттику этим путем¹⁵. Также важно было еще и то обстоятельство, что Платеи примыкают к, пусть неудобному, но единственному пути, соединяющему Фивы, Мегары и Пелопоннес, который не проходит по афинской территории. Таким образом, в афинских руках Платеи могли быть помехой для связей афинских врагов в центральной Греции и Пелопоннесе¹⁶. Следовательно, выбор превентивного удара по Платеям и времени этого удара был сделан фиванцами по соображениям политического и стратегического характера¹⁷.

План фиванцев по захвату Платей провалился, пленные фиванцы были убиты (Thuc. II.2-6). В Платеях был поставлен афинский гарнизон, а совсем негодное к войне мужское население и женщины с детьми были эвакуированы. Потери фиванцев в результате неудачной атаки на Платеи были очень значительными. Так, погибла лучшая часть фиванского войска. Кроме того, погибли два фиванских беотарха.

Фиванцы блокировали Платеи. Поворотным моментом в истории с Платеями стал 429 г. до н.э., когда к Платеям подошла вся пелопоннесская армия царя Архидама. Несмотря на то, что, видимо, главной причиной прихода пелопоннесцев под Платеи была бушевавшая в Афинах чума 429 г. до н.э., приход пелопоннесцев – успех фиванской внешней политики. Ведь собрать столь многочисленное войско, возглавляемое спартанцами только для того, чтобы прибыть к небольшому беотийскому городу, который и так уже два года был блокирован беотийскими си-

¹² Robin Osdone. The fourth century: political and military narrative/ Short Oxford History of Europe. Classical Greece. NY 2000. p.201

¹³ О датировке атаки фиванцев на Платеи см. Хаммонд, Николас. Датировка нападения на Платею в 431 г. // История Древней Греции. М., 2003. С. 694-695.

¹⁴ О другом, юго-восточном пути со стороны Танагры см. Mark H. Munn & Mary Lou Zimmermann Munn. Studies on the Attic-Boiotian Frontier: The Standford Skourta plain project // *Boeotia Antiqua*. № 1. Amsterdam, 1989. P.79.

¹⁵ В сентябре 2006 г. автор данной статьи прошел этой дорогой через проход Каза, на аттической стороне которого возвышаются останки афинской крепости первой четверти IV в. до н.э. Гиптокастро, у подножья которой лежат античные Элевтеры. Археологически форт Гиптокастро прослеживается уже со второй половины V в. до н.э., однако он не имел таких мощных фортификационных сооружений, как в IV в. до н.э., и, видимо, не мог в полной мере остановить беотийцев в их рейдах через этот путь, по крайней мере, во время вторжения в Аттику всей пелопоннесской армии. О размерах форта, количестве башен и датировке см. J. Ober. Early artillery towers: Messenia, Boiotia, Attica, Megarid // *Amer. Journ. of archaeology*, N.Y., 1987. Vol. 91. № 4. P. 582-585, 602.

¹⁶ Donald Kagan. The Peloponnesian War. London, 2005. P.64.

¹⁷ Поставить Спарту в ситуацию, когда она не сможет отказаться от вторжения в Аттику уже весной 431 г. до н.э., воспрепятствовать афинянам использовать Платеи как базу для атак на Беотию, облегчить коммуникации и логистику беотийцев с пелопоннесской армией во время грядущего вторжения в Аттику.

лами и имел гарнизон всего в 400 платейцев, насчитывал 80 афинян и 110 женщин, которые готовили осажденным пищу, выглядит почти нонсенсом (Thuc. II.78,3)¹⁸. Пелопоннесская экспедиция была ценой за поддержку Фивами Спарты в войне против Афин. Более того, вся пелопоннесская армия оставалась в Беотии более 70 дней и ночей, почти вдвое дольше рекордного пребывания пелопоннесской армии в Аттике (Thuc. II.75,3). Фукидид описывает попытки штурма Платей, а также планомерной осады города, которая длилась с 429 по 427 гг. до н.э. (Thuc. II.71-78; III.20-24). После сдачи Платей пленники были казнены, а женщины проданы в рабство, город был снесен, платейская земля объявлена общественным достоянием и отдана в аренду фиванцам (Thuc. III.68). Фукидид прямо указывает, что спартанцы поступили так с платейцами исключительно в угоду фиванцам, полагая, что последние будут полезны им в войне (Thuc. III.68,4). Лакедемонянам было важно, чтобы афиняне продолжали воевать на два фронта. Теперь фиванцы полностью контролировали беотийскую сторону границы с Аттикой по линии гор Киферон-Пафра. Следует заметить, что, несмотря на аренду платейской земли, фиванцы уже к 421 г. до н.э. заявляют о платейской земле как о своей собственной территории (Thuc. V.17,2).

Фиванский контроль над платейской областью значительно укрепил положение фиванцев в Беотийском союзе. До присоединения платейской области с 446 г. до н.э. фиванцы имели 2/9 (22%) членов правительства в Беотийском союзе. Теперь же к этому количеству прибавилось еще 2 беотарха и 120 советников, назначаемых фиванцами за платейскую область, что дало Фивам 4/11 (36%) от общесоюзного представительства¹⁹.

Несмотря на потерю Платей, афиняне не теряли надежду если не устранить Беотию из войны, то, по крайней мере, ослабить ее, нанести ощутимый ущерб. Первой пробной операцией по вторжению в Беотию стал десантный рейд Никия в район Танагры в 426 г. до н.э., навстречу которому вышло войско из Афин²⁰. Точка сбора была назначена в районе Танагры²¹. Один день афиняне разорили местность, затем состоялось сражение между афинянами и танагрейцами и подошедшими к ним на помощь фиванцами. Соот-

¹⁸ αὐτοὶ δὲ ἐπολιόρουντο εὐκαταλελεῦσμένοι τετρακόσιοι, Ἀθηναίων δὲ οὐδοῆκοντα γυναικὲς δὲ δέκα καὶ ἑκατὸν σιτολοιοὶ (Thuc. II.78,3).

¹⁹ Подробнее см. R.J. Buck. *Boeotia its development of institutions and oligarchic and democratic theory in the fifth and fourth centuries* // *La béotie antique*. Paris. 1985. P.291-296. Существует также точка зрения, что дополнительные две избирательные единицы фиванцы получили еще в 447 г. до н.э. за Скол, Эрифры, Скафы и Гисии; см. P. Salmon. *Étude sur la Confédération béotienne (447/6-386)*. Brussels, 1978. P.116. Однако, как нам представляется, если фиванцы и получали дополнительные избирательные единицы до присоединения платейской области, то скорее в самом начале Пелопоннесской войны около 431 г. до н.э., т.к. именно тогда вследствие угрозы со стороны афинян к пограничным областям Беотии в Фивы переселились жители Эрифры, Скафа, Скола, Авлиды, Схэна, Потний и других местностей, не имевших стен (*Hellenica Oxyrhynchia*, 12.3). Однако, более обоснованным выглядит получение фиванцами этих избирательных единиц около 427 г. до н.э.

²⁰ О количестве вышедших из Афин со всем войском (πλυνθημεῖ Ἀθηναίων). В 426 г. до н.э. Демосфен, совершивший разорение Пелопоннеса, имел 30 кораблей, следовательно, около 1000 гоплитов. Эта цифра дана по следующим соображениям: Никий имел для разорения Мелоса 2000 гоплитов и 60 кораблей, следовательно, Демосфен, имея 30 кораблей, мог держать в два раза меньше гоплитов (Thuc. III.91). Далее, часть афинских войск находилась в Сицилии. Там было 20 кораблей – это около 700 гоплитов (Thuc. III.86). В начале 426 г. до н.э., в Афинах с новой силой вспыхнула чума, которая унесла жизни 4400 гоплитов (Thuc. III.87). Однако и здесь непонятно: эта цифра умерших только за 426 г. до н.э. или за период с 430 по 426 гг. до н.э.? Последний вариант представляется наиболее реальным, причем в эту цифру должны входить погибшие от болезни 1500 афинян у Потидеи в 430 г. до н.э. Вычтем из общего числа 13000 гоплитов, указанных Фукидидом на начало войны, сумму погибших гоплитов и командированных в экспедиции, получим цифру 4900 гоплитов, которые могли быть в Афинах для каких-либо операций. Следовательно, Никий имел под Танагрой 2000, а навстречу к нему могло выйти войско не более чем 5000 гоплитов. Соответственно, общее число собранных под Танагрой афинских гоплитов могло составлять около 7000. В данном случае показательно еще и то, что спустя два года, в 424 г. до н.э. в битве при Делии участвовали около 7000 афинских гоплитов (Thuc. IV.93,3). На наш взгляд, это была более крупная сухопутная операция, нежели представлено в работах Хансона (Victor Davis Hanson. *A war like no other*. London, 2005. P. 126) и Кагана (Donald Kagan. *The Peloponnesian War*. London, 2005. P.128).

²¹ Данная афинская кампания интересна также тем, что Никий передает сигнал (αὐτοῦ σημεῖου) в Афины о встрече под Танагрой. Нам представляется, что данный сигнал был дан огнем, поскольку он передавался ночью от Оропа. Мы предполагаем, что сигнал от Оропа достиг Афин по системе башен и фортов, которые располагались от Оропа до Афин через равнину Скурта (Skourta) (см. Mark H. Munn & Mary Lou Zimmermann Munn. *Studies on the Attic-Boiotian Frontier: The Stanford Skourta plain project* // *Boeotia Antiqua*. № 1. Amsterdam, 1989. P.73-127; J Ober. *Early artillery towers: Messenia, Boiotia, Attica, Megarid* // *Amer. J. of archaeology*, N.Y., 1987. Vol. 91. № 4. P. 591).

ветственно, беотийское войско могло насчитывать лишь около 3000-4000 гоплитов. Неудивителен результат столкновения, в котором победу одержали афиняне, после чего они возвратились в Афины (Thuc. III.91). Потери беотийцев остались неизвестны, что говорит о том, что данная битва не окончилась тотальным разгромом фиванцев.

После того, как успешно закончилась эта операция, также увенчались успехом и действия афинян у Пилоса и Киферы, афиняне поверили в свои силы и предприняли «специальную операцию» по захвату Нисеи, рассчитывая затем подчинить и сами Мегары. Афиняне добились частичного успеха, но вынуждены были отступить, когда в ситуацию вмешался Брасид. В составе его войск присутствовал значительный контингент беотийцев – 2200 гоплитов и 600 всадников (Thuc. IV.72,1). Фиванцы понимали, что если афиняне будут контролировать Мегары и их гавани, то Беотия будет отрезана от Пелопоннеса, а следовательно, у афинян не будет сухопутной войны на два фронта, что в условиях недавнего поражения под Танагрой ничем хорошим для фиванцев не было. Начиная с 426 г. до н.э., в действиях афинян прослеживается активная позиция, имеющая цель – покончить с сухопутной войной на два фронта. Удар по танагрской области хоть и принес сухопутную победу, но не привел к демократической революции в беотийских городах, поскольку для одновременного удара из двух позиций был выбран малый сектор только танагрской области. Поражение беотийцев в данном случае было больше психологическим, кроме того, однодневное разорение танагрских полей не могло привести к экономическим проблемам в Беотии²². Однако, если бы удался план Демосфена по вторжению в Аттику через Фокиду в том же 426 г. до н.э. и, что еще эффективнее для афинян, он совпал бы с ударом Никия на Танагру, то, вполне вероятно, что ход войны мог пойти иначе²³. Раз Беотию не удалось вывести из войны, то афиняне рассчитывали попытаться перекрыть путь в Аттику для Пелопоннесского войска путем обретения контроля над Мегаридой. Когда же и этого не произошло, афиняне в 424 г. до н.э. решили вернуться к беотийской кампании, создав план, основанный на идеях Демосфена и опыте предыдущей беотийской кампании 426 г. до н.э. и мегарской кампании 424 г. до н.э. На западе беотийские сторонники демократии хотели предать афинянам Сифею – порт Феспий, куда должен был быть высажен десант Демосфена, и Херонею. На востоке тем временем афиняне под командованием Гиппократы должны были оккупировать святилище Аполлона в Делии, которое находилось сразу после афинской границы. Как и в случае с танагрской областью и с Мегарами, успех дела должен был быть обеспечен одновременными атаками для того, чтобы не дать беотийцам сгруппировать все их силы против главной афинской армии в Делии. Атака была намечена на конец ноября 424 г. до н.э. Все говорит о том, что афиняне не планировали давать большого сухопутного сражения. Операция была блестяще спланирована теоретически, но план по передаче Сифеи и Херонеи был предан фиванцам, и Демосфен не мог продвигаться в глубь Беотии с запада. Гиппократ же, ничего не зная об этом, укрепил Делию, оставил там гарнизон и с основным войском возвращался в Аттику. Соответственно, силы фиванцев разделить не удалось. В результате, по дороге в Аттику Гиппократ был атакован фиванцами во главе с Пагондом.

Разбор этой многогранной битвы сам по себе может являться темой для целой статьи²⁴. Скажем лишь, что афиняне потерпели сокрушительное поражение. В битве пало около 1000 афинских гоплитов (из общего числа в 7000 участвовавших в битве) и много легковооруженных и обозных. Беотийцы потеряли убитыми около 500 гоплитов (также из общего числа в 7000). Это было самое крупное сражение первого периода войны. После этой битвы приобретенная в 425 г. до н.э. стратегическая инициатива была потеряна для афинян. Афиняне еще не несли таких больших военных потерь в результате сражения. Однако, потери от болезней были несравненно большими, но в данном случае важен

²² Сложность и степень разорения сельскохозяйственных угодий в Греции можно проследить на примере разорения Аттики пелопоннесским войском (в том числе о проблеме уничтожения зерновых) см. Victor Davis Hanson. A war like no other. London, 2005. P. 35-64; Victor Davis Hanson. Warfare and Agriculture in Classical Greece. Pisa, 1983. P.59; John Keegan. A history of warfare, Berkshire, 1994. P. 245.

²³ О плане Демосфена по вторжению в Беотию через Фокиду см. Thuc. III.95.

²⁴ Версию Дональда Кагана см. Donald Kagan. The Peloponnesian War. London, 2005. P.165-170; версию Виктора Хансона см. Victor Davis Hanson. A war like no other. London, 2005. P.123-161.

психологический эффект потери уверенности в своих силах, о котором нам сообщает Фукидид (Thuc. V.14,1). Этот психологический эффект повлиял на внешнюю политику Афин, где пошатнулись позиции партии войны и усилились позиции партии мира, которая привела к заключению мирного договора в 421 г. до н.э.

Результаты сражения при Делии сильно повлияли и на внутрибеотийскую ситуацию, еще более укрепив позицию Фив в Беотийском союзе. Так, среди беотийских контингентов самые большие потери понесли феспийцы. Вероятно, не менее 300 феспийцев пало в битве из феспийского контингента приблизительно в 600-700 гоплитов. Получается, что около 50% феспийских гоплитов было убито. Соответственно, как минимум 1/3 всех средних землевладельцев Феспий погибла. Еще более наглядным выглядят следующие исчисления: 60% потерь беотийцев происходило из 10% от всей их армии, и это были феспийцы²⁵. Воспользовавшись данной ситуацией, фиванцы летом 423 г. до н.э. срыли стены Феспий и захватили контроль над городом, обвинив феспийцев в афинофильстве. Роберт Бак считает, что у Фив были реальные мотивы опасаться, что Феспии могут попасть под контроль негоплитских элементов (малоимущего населения), и именно поэтому Фивы незамедлительно отреагировали²⁶. Но, как нам представляется, для интерпретации данного события существует прямое указание Фукидида о том, что фиванцы давно намеревались это сделать, а теперь, когда цвет феспийцев погиб, осуществить это желание было легче (Thuc. IV.133,1). С этого момента фиванцы имели 6/11 (55%) представительства в союзном правительстве, что являлось большинством.

Особо следует отметить взятие (путем измены) беотийцами летом 422 г. до н.э. пограничного афинского укрепления Панакт (Thuc. V.3,5). Именно эта крепость контролирует проход из Аттики в Танагскую область²⁷. Соответственно, после того как Панакт оказался в фиванских руках, ни о каком сухопутном вторжении из Аттики в Беотию не могло быть и речи. При этом более западный путь через ущелье Каза (Kaza) был недоступен для афинян с тех пор, как платейская область полностью попала под контроль к фиванцам в 427 г. до н.э. С другой стороны, взятие Панакта, возможно, позволяло фиванцам самим совершать вторжения в Аттику этим путем.

Помимо главного южного направления внешней политики Фив, существовало еще и северное. Так, Фессалия была враждебна фиванцам, то же можно было сказать и о Фокиде. Кроме того, озольские локры находились в союзе с афинянами (Thuc. III.95). Тем не менее, каких-либо активных действий против Беотии из данных регионов не происходило. Опасность была в том, что афиняне могли использовать данные территории для вторжения в Беотию, но на практике этого не произошло. Следует также заметить, что не вся Локрида была в союзе с афинянами; так, восточная Опунтская Локрида была в союзе с Фивами. Именно ее берега разорил в 426 г. до н.э. Никий после успешной для афинян битвы под Танагрой (Thuc. III.91,6). Кроме того, опунтские локры участвовали в преследовании афинян в битве при Делии в 424 г. до н.э. (Thuc. IV.96,8).

Внешняя политика Фив не ограничивалась материковой Грецией, но также проявлялась в Эгейском бассейне. Так, фиванцы предложили лесбосцам план восстания против афинян (Thuc. III.13,1). Фиванцы были единоплеменниками с лесбосцами, т.к. все они эолийцы. Кроме того, с митиленцами фиванцев роднила форма государственного устройства – олигархия. При таком раскладе неудивительно, что между фиванской и митиленской олигархией существовали тесные дипломатические взаимоотношения. Беотийцы предложили митиленцам совершить синойклизм Лесбоса в Митилене, отпасть от афинян и вступить в Пелопоннесский союз, причем беотийцы и лакедемоняне оказывали помощь митиленцам в приготовлениях к восстанию (Thuc. III.2,3). Смысл этих действий был тот, что объединенный флот Лесбоса мог значительно усилить Пелопоннесский флот (Thuc. III.11,4). Однако, спартанцы не спешили принимать лесбосцев в Пелопоннесский союз и

²⁵ В Феспиях, немного восточнее поселения, археологи обнаружили полиандрион – место братского захоронения погибших в этом сражении феспийцев. До сих пор на этом месте стоит основание, на котором в античности стояла статуя льва. В основном эти феспийцы были кремированы. См. J.M. Fossey. Topographie and population of ancient Boiotia. Chicago, 1988. P.135-140.

²⁶ R.J. Buck. Boeotia its development of institutions and oligarchic and democratic theory in the fifth and fourth centuries // *La béotie antique*. Paris, 1985. P.292.

²⁷ См. Mark H. Munn & Mary Lou Zimmermann Munn. *Studies on the Attic-Boiotian Frontier: The Standford Skourta plain project // Boeotia Antiqua*. № 1. Amsterdam, 1989. P.79; E. Vanderpool. *Roads and Forts in Northwestern Attica // CSCA*. 11. 1978. P. 227-245.

оказывать им поддержку пелопоннесским флотом, возможно, потому, что память о поражениях от Формиона была еще слишком свежей. Драгоценное время было упущено, и афиняне смогли подавить восстание на Лесбосе. Так реализация этой фивано-митиленской стратегии не удалась.

Подводя итоги внешней и внутренней беотийской политики фиванского полиса в период Архидамовой войны, следует отметить следующее.

1. На южном направлении фиванцами в период Архидамовой войны были достигнуты значительные успехи. Так, в Беотийский союз была возвращена платейская область. Кроме того, к концу Архидамовой войны важнейшие пути из Аттики в Беотию находились в руках фиванцев. Путь из Аттики в танагрскую область, по которому афиняне в 426 и 424 гг. до н.э. осуществили два вторжения в Беотию, был перекрыт фиванцами в 422 г. до н.э. после взятия ими афинской крепости Панакт. Кроме того, после поражения афинян в битве при Делии в 424 г. до н.э. афиняне не пытались проводить сколько-нибудь крупных операций в Беотии. И, наоборот, создавшееся положение позволяло фиванцам более тесно взаимодействовать с пелопоннесцами по разорению Аттики.

2. На северном фокидо-локридском направлении фиванцы путем союза с опунтскими локрами создали себе буферную зону. Несмотря на то, что атак с этого направления на Беотию не осуществлялось, такой возможности исключать было нельзя. Опунтская Локрида больше была важна беотийцам как сдерживающий фактор против афинских союзников озольских локров, которые могли тревожить северную границу Беотии.

3. Фиванцам не удалось провести эффективную политику в Эгейском бассейне, поскольку восстание в Митилене было подавлено афинянами. С другой стороны, если принимать во внимание такой фактор, как истощение Афин и увеличение афинских затрат на войну, то лесбосскую политику фиванцев можно назвать успешной²⁸.

4. В период Архидамовой войны фиванцы также укрепили свою позицию в Беотийском союзе, достигнув к 423 г. до н.э. 55% своего представительства в общесоюзном правительстве.

5. Фивы закончили период Архидамовой войны с относительно малыми людскими потерями. Так, основной урон в этой области фиванцы понесли в 431 г. до н.э., когда потеряли 300 лучших гошлитов, в том числе трех влиятельнейших граждан. Однако, если охватить весь период Архидамовой войны, то эти потери не идут ни в какое сравнение с теми, которые понесли афиняне, лишившись в общей сложности не менее 1/3 своего населения²⁹.

В результате данной политики фиванцы не приняли «Никиева мира» 421 г. до н.э., поскольку им было выгодно продолжение войны. В период Архидамовой войны фиванцами была подготовлена база для дальнейшего усиления своей власти как внутри Беотии, так и за ее пределами, что и было сделано во второй период Пелопоннесской войны.

FOREIGN AND INTERNAL (BOEOTIAN) POLICY OF THEBES DURING THE ARCHIDAMIAN WAR PERIOD OF 431-421 B.C.

A. MOZHAJSKY

Moscou Sity
Pedagogical University

E-mail:
a.mozhajsky@mail.ru

The present article gives an overview of the Thebian policy during the Archidamian War period of 431-421 B.C. It was a time when the area of Plataea and a number of other territories on the Boeotian border with Attica were joined the Boeotian league. Thebes influence in the Boeotian league reached its high in 423 B.C. to 55% seats in the League Council.

Key words: Thebes, Boeotia, Boeotian league, Athens, Attica, Archidamian War, Peloponnesian War, Plataea.

²⁸ Нуждаясь в деньгах для проведения осады Митилены, афиняне в первый раз внесли прямой подати 200 талантов, также была отправлена экспедиция под начальством Лисикла для сбора денег с афинских союзников (Thuc. III.19,1-2).

²⁹ Только потери от чумы могли унести жизни 80 000 населения Аттики см. Victor Davis Hanson. A war like no other. London 2005. p. 296-297

К ОБРАЗУ АПОЛЛИНАРИЯ СИДОНИЯ: ЧЕЛОВЕК ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Е.В. ЛИТОВЧЕНКО

*ГОУ ВПО «Белгородский
государственный
университет»*

*E-mail:
Litovchenko@bsu.edu.ru*

Данная работа посвящена одному из аспектов сложной переходной исторической эпохи – поздней античности. Микроуровень истории, «антропологическое измерение» исторического процесса стимулируют обращение к тому, каким образом крупная историческая эпоха, смена парадигм цивилизации отражалась в ментальности человека. Личность позднеримского магната и писателя Аполлинария Сидония как нельзя лучше подходит для раскрытия данной темы. Формально приняв христианство и даже став епископом, Сидоний воплотил в себе мировоззрение «последнего римлянина» – хранителя угасающей культуры. Автор приходит к выводу о том, что Сидоний реагировал на происшедшие исторические события, но предпочитал сохранять свои консервативные идеалы. По чисто внешним признакам в новой эпохе наступавшего Средневековья образ Сидония был интерпретирован уже в рамках средневековых культурных парадигм.

Ключевые слова: поздняя античность, Галлия, епископ, послания, панегирик, император, континуитет, цивилизация, менталитет, аристократия, варвары, традиция.

Проблема трансформации античного общества в средневековое, в цивилизацию нового типа – из числа самых сложных в исторической науке. Одним из наиболее важных аспектов этой проблемы является, прежде всего, восприятие и интерпретация данного процесса современниками.

В попытке понять и объяснить мироощущение «последних римлян», степень влияния на их взгляды старых (античных) и новых (христианских) элементов, составляющих духовную основу цивилизации проявляется реальная возможность для современных историков по-новому подойти к изучению некоторых источников.

В последнее время появилось значительное количество работ, рассматривающих социальную психологию, образ мыслей, ценностные ориентации различных слоев в Римской империи¹. Признано, что каждая эпоха имела специфические особенности мировосприятия, нормы мышления, формы и традиции поведения. Открылись возможности для познания эпохи через человека, через проникновение в самосознание изучаемого времени, через рассмотрение «картины мира», т.е. в том виде, в каком этот мир реально жил с сознанием человека².

Новое прочтение источников – также достаточно актуальная проблема современной исторической науки. Анализ произведений на основе комплексного подхода позволяет использовать их и как источник по истории культуры, и в то же время как источник по экономической, социальной и политической истории, из которого при применении различных методов исследования оказывается возможным извлечь новые данные о состоянии общества и конкретной личности.

Новое прочтение и интерпретация ранее сравнительно мало привлекаемых источников позволяют историкам глубже и более всесторонне проанализировать все закономерности исторического процесса, приведшего к фундаментальным изменениям в жизни мировой цивилизации. Опыт и достижения Римской цивилизации носят универсальный характер и оказывают значительное влияние на современную жизнь.

В последние века существования империи ее территория настолько расширилась и включила в свой состав столько варварских земель, что управлять ими из Рима становилось все сложнее. Поэтому на этих территориях все большее и большее значение приобретает местное население, все больше и больше включающееся в систему Римской цивилизации.

¹ См., например, диссертацию: Евтухов И.О. Концепция человека поздней античности. Мн., 1991. Автор, однако, сосредоточил свое внимание на христианине эпохи поздней античности.

² Шкаренков П.П. Флавий Кассиодор: римский сенатор в эпоху крушения империи // Диалог со временем. 2002. 8. С. 392.

лизации. Уже в III веке нашей эры многие из них (особенно галлы) настолько романизируются, что из категории *gentile* или *foederati* переходят в категорию *cives*, то есть фактически становятся гражданами империи³.

Оставаясь этническими варварами, такие народы настолько воспринимают традиции новой для них римской цивилизации, что становятся римлянами не только по форме, став ее гражданами, но и по существу (например, такие деятели позднеримской культуры, как Авзоний, Аполлинарий Сидоний, Рутилий Намациан, которые были галлами по своему происхождению). Начинается процесс романизации Европы к северу от Альп и к востоку от Дуная, то есть территории, населенной до этого в основном германскими племенами.

Вместе с тем роль варварского элемента в самой империи уже к IV веку настолько усиливается, что это приводит к обратному процессу – наряду с романизацией Европы идет и все более и более активный процесс варваризации самой империи⁴.

Одной из основных причин падения Римской империи в 476 г. европейская историография прошлых лет считала разгром и завоевание Рима варварами, чуждыми традициям античной цивилизации и находящимися на низком уровне развития. Однако, для самих жителей империи ее упразднение предводителем германцев Одоакром вряд ли выглядело как нашествие со стороны. За два десятилетия до этого, в 452 и 455 годах, она подвергалась гораздо более страшным и опустошительным нашествиям (имеются в виду племена гуннов и вандалов). Тем не менее, империя еще продолжала существовать на востоке реально, а на западе в форме «римского мифа»⁵.

Романизированные германцы на протяжении практически всего IV столетия уже были настоящими римлянами, они составляли основу римского войска, получали за это во владение землю, становясь римскими же землевладельцами и римскими патрициями, избирались на консульские должности.

По мнению Дж.-М. Уоллес-Хедрилла, возникновение цивилизации средневековой Европы, которая стала началом современной европейской цивилизации, – это во многом процесс обретения варварами самосознания римлян. Именно поэтому, несмотря на кардинальную перемену этнической картины расселения народов, ставшей следствием «великого переселения», социально-экономического устройства мира (феодализация, пришедшая на смену системе классического рабовладения) и его мировоззренческих основ (христианизация, заменившая язычество как самих римлян, так и варваров), возникшие на развалинах Западной империи новые государства, так или иначе, стремились воспроизвести модель развития классического Рима⁶.

В пользу этого утверждения свидетельствуют и слова французского историка XIX века Жюль Мишле: «Можно ли сказать, <...> что этот всепоглощающий Рим не оставил ничего, например, на галльской почве, откуда он также удалился? То, что он оставил здесь, было, в самом деле, неизмеримо. Он оставил здесь организацию, администрацию. Он основал общину (*cité*); Галлия прежде имела только села и, самое большее, города. Эти театры, цирки, водопроводы, эти дороги, которым мы до сих пор удивляемся, служат прочным символом цивилизации, основанной римлянами, оправданием их покорения Галлии. И такова сила этой организации, что даже тогда, когда жизнь ее, казалось, удалялась, тогда как варвары готовы были ее уничтожить, она подчиняла их себе против их воли. Они принуждены были нехотя жить под этими несокрушимыми сводами, которых не могли поколебать; они склоняют голову и, несмотря на то, что они победители, получают законы от побежденного Рима»⁷.

Фундаментальной основой римской цивилизации являлось государство. После нестабильности и потрясений III века, с установлением системы домината при Диоклетиане и его преемниках, империя получила возможность сохранять устойчивое положение еще почти целое столетие. Однако в V веке от этого равновесия не осталось и следа. Вновь активизируются варвары, и теперь уже территориальные вопросы решаются в их пользу.

³ Уоллес-Хедрилл Дж.-М. Варварский Запад. Раннее Средневековье 400-1000 : пер. с англ. А.П. Санина. СПб.: Евразия, 2002. С. 5.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Там же. С. 8.

⁷ История Средних веков: от падения Западной Римской империи до Карла Великого (476–768 гг.) / сост. М.М. Стасюлевич. 3-е изд., испр. и доп. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2001. С.78.

Императорская власть, переходя из одних рук в другие, дискредитируя сам институт, постепенно утрачивает свой авторитет.

Языческие культы под напором христианства сдают свои позиции. Гонения на христиан при Диоклетиане и языческая реставрация Юлиана стали последними попытками отстоять языческую религию. Реальным выражением триумфа христиан стало закрытие в 529 г. Платоновской академии.

Кризис всех систем (политической, социальной, духовно-религиозной) в их совокупности, в конечном итоге, приводит западную империю к гибели. Падение государства на Западе в 476 г. можно считать концом позднеантичной цивилизации, лишь если считать государственность важнейшим ее элементом. Однако, второй по важности элемент – языческая в своей основе культура – еще целое столетие существует как самостоятельный пласт культуры раннего средневековья⁸.

По мере обострения физической угрозы римляне с растущей озабоченностью размышляли о своем культурном наследии. Оно было сложным и многосторонним. В него входил пласт философии, давшей цивилизации идейные основы развития на многие века вперед; религии – культ языческих богов, в условиях которого существовал древний мир; литературы – набор классических приемов и произведений, от которых к нашему времени протянулись отдельные нити; и, наконец, пласт права⁹.

По словам историка-медиевиста Ж. Ле Гоффа, «очень трудно оценить, в какой мере умственный инструментарий античности (словарь, понятия, методы) перешел в средние века. Степень его восприятия, преобразования, искажения меняется от одного автора к другому, и часто даже один и тот же автор колеблется между двумя полюсами средневековой культуры – страхом перед языческой литературой, бегством от нее и страстным восхищением ею, влекущим широкие заимствования»¹⁰.

Процесс становления западнохристианской цивилизации рассматривается современными учеными преимущественно с позиций континуитета между позднеантичной и раннесредневековой Европой (А. Кэмерон¹¹, П. Браун¹², П. Шувэн¹³, Г. Бауэрсок¹⁴, Дж.-М. Уоллес-Хедрилл, В.И. Уколова), в которой уже в IV-VI вв. был осуществлен глубокий синтез элементов греко-римской и христианской традиций, а также этнический романо-германский синтез. Уже значительная литература рассматривает позднюю античность с позиции новой парадигмы¹⁵. Все чаще поздняя античность предстает как особая самостоятельная историческая эпоха.

Особый интерес вызывает проблема восприятия и интерпретации этой эпохи и происшедших в ней процессов современниками. В последнее время появилось значительное количество работ, рассматривающих социальную психологию, образ мыслей, ценностные ориентации личности и общества в целом в различные исторические эпохи (В. Уколова, П. Шкаренков, В. Шкуратов, Р. Тарнас, И. Евтухов, Е. Боброва и др.), в частности, и в Поздней Римской империи.

Литература и эпистолография конца IV – начала VI вв. позволяют нам составить представление о мировосприятии людей эпохи «заката» Римской империи. Переписка проливает свет на настроения поздней западноримской аристократии, раскрывает мысли и чувства образованных представителей римского общества, которые в состоянии были осознавать происходящие события и прогнозировать будущее. Анализируя эти источники, мы получаем возможность проникнуть в повседневную жизнь римского нобилитета, как в общественную, так и частную.

⁸ См.: Например, Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья. М., 1989. С.3-18.

⁹ Уоллес-Хедрилл Дж.-М. Ук. соч. С. 18.

¹⁰ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 107.

¹¹ Cameron A. The Mediterranean World in Late Antiquity. AD 395-600. L., 1993.

¹² Brown P. The World of Late Antiquity. AD 150-750. L., 1971.

¹³ Chuvin P. Chronique des derniers païens. P., 1990.

¹⁴ Bowersock G. Hellenism in Late Antiquity. – Ann Arbor, 1990.

¹⁵ Болгов Н.Н. Поздняя античность: очерки истории и культуры. Белгород, 2007 (в печати). См. также: Селунская Н.А. Осень Средневековья и Поздняя Античность: как антиковеды с медиевистами историю делили // Диалог со временем. 13. 2004. С. 232-246; Late Antiquity: A guide to the Postclassical World / Ed. by Bowersock G., Brown P., Grabar O. Cambr. Mass., 1999; Interpreting Late Antiquity: essays on the Postclassical World / Ed. by Bowersock G., Brown P., Grabar O. Cambr. Mass., 2001.

Одними из наиболее характерных для данной эпохи были взгляды, мироощущение, образ жизни и восприятие картины мира уроженца Галлии Сидония Аполлинария¹⁶, епископа Клермонского, канонизированного церковью, и, одновременно, представителя слоя так называемых «последних римлян»¹⁷, культурной заслугой которых было, как известно, сохранение и передача классических античных традиций следующей эпохе.

Особенностью картины мира западно-римской аристократии IV-VI вв. является устойчивая приверженность римским (классическим) ценностям, римскому образу жизни в целом, что дает основания называть многих ее представителей «последними римлянами»¹⁸.

Гай Соллий Модест Аполлинарий Сидоний (Gaius Sollius Modestus Apollinaris Sidonius) (≈430-485 гг.) – латинский писатель из Галлии (Лугдун), представитель высшей провинциальной знати, зять императора Авита, префект Рима. С 461 г. жил в своем поместье Авитак в Оверни. С 470 г. – епископ Клермона; в этом качестве возглавлял оборону города от вестготов. В 471-476 гг. – в ссылке в Испании, затем – снова епископ¹⁹. Впоследствии Сидоний был канонизирован как христианский святой.

От Сидония сохранилась книга стихов (24 стихотворения) и девять книг писем. Стихи его продолжают традицию Клавдиана – это панегирики, эпитафии, стихи на случай, лежащие почти целиком в русле классической традиции. Письма Сидония внешне следуют традиции Плиния и Симмаха: это продуманно составленные сборники, где реальные письма с просьбами, поздравлениями, утешениями перемежаются с посланиями, написанными специально для публикации, панегирического или описательного содержания, интересными для истории быта. Это источник, в котором воссоздаются не абстрактно-теоретические построения, а конкретно-исторические и социальные реалии эпохи, облеченные в риторическую форму.

Несмотря на то, что Сидоний родился в христианской семье и закончил свою жизнь в сане епископа Клермон-Феррана, его поэзия и проза, благодаря языческим мотивам, гораздо ближе к произведениям Клавдиана и Симмаха Старшего, чем к творениям Амвросия Медиоланского и Августина Блаженного. Именно поэтому Сидония причисляют к «последним римлянам» наряду с Авзонием, Кассиодором, Боэцием.

На долю Сидония выпала сложная роль представителя переходной эпохи, когда окружающий мир стремительно менялся: на смену монолитной и стабильной политической системе римской государственности приходили разрозненные и политически обособленные варварские королевства, которые, постоянно враждуя между собой, вели римский мир и античную культуру к постоянному ослаблению. Происходил политический распад прежде единого мира, сопровождающийся усилением раздирающих его противоречий и военных конфликтов.

По свидетельствам ближайших предшественников и современников Сидония – христианских авторов Лактанция (ок. 250 – ок. 330 гг.) и Сальвиана (V век)²⁰, жизнь римлян этой эпохи характеризовалась не только тяжелым экономическим положением, засильем варваров, произволом чиновников, но и общим падением нравов.

Но как бы ни обстояло дело с низшими слоями населения, какова бы ни была печальна ситуация в экономике, что оказалось роковым в исторической перспективе, аристократия сохраняла уверенность в себе и продолжала вести традиционный для римского нобилитета образ жизни.

Исследуя внутренний мир человека прошлого, рассматривая его собственное восприятие картины мира, т.е. образ реального мира, преломленный сознанием его современника, мы можем получить наиболее полное, «живое» представление об эпохе. Действительность в интерпретации Сидония получает некий эталонный, вневременной харак-

¹⁶ В старой отечественной литературе Сидонию была посвящена монография: Ешевский С.В. Аполлинарий Сидоний. М., 1870.

¹⁷ Одно из первых исследований о них в России: Карсавин Л.П. Магнаты конца Римской империи. М., 1910.

¹⁸ Уколова В.И. «Последние римляне» и парадигмы средневековой культуры // ВДИ. 1992. № 1. Подход автора к поздней античности здесь и в других работах, скорее, медиевальный.

¹⁹ Болгов Н.Н. Античные письменные источники: Рим. Белгород, 1998. С. 39.

²⁰ К сожалению, более точную дату привести невозможно. Согласно «Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона» род. в 390 г., ум., по одним данным, в 484, по другим, в 492 г. (полная он-лайн версия словаря <http://www.vashperezd.ru/word>).

тер, конкретные детали исторического бытия образуют новое, не реально-историческое, а историко-культурное единство²¹.

Из писем Сидония мы получаем подтверждения того, что образ жизни римских аристократов V века, несмотря на их принадлежность к христианской религии, клиру, мало изменился. Эти источники свидетельствуют о том, как классическая древность и прежние общественные традиции проникали в высшее христианское духовенство в эпоху падения Западной Римской империи в противоположность нравам и обычаям древних христиан эпохи гонений.

В письме к одному из друзей, приглашая того посетить его виллу, Сидоний подробно описывает свое поместье и обычные занятия, которым он предается в часы досуга. Среди них – игры: в мячи (*pila*) и в кости (*tabula*), охота, прогулки, литературное творчество. Привычка и любовь к играм и зрелищам (вековые традиции) были так крепки, что сломать их не была в состоянии никакая сила. Игры и зрелища – это одно из тех языческих установлений, которое, невзирая ни на какие превратности исторических событий, продолжало существовать рядом с христианской церковью до последних дней жизни императорского Рима²². Сидоний пишет: «В ту же минуту, разделяясь на две партии, смотря по летам, одни требовали с громким криком игру в мячи, другие – стол и кости. Что касается меня, то я первый подал знак к игре в мячи, которую, ты это знаешь, я люблю так же, как и книги. <...> Мы же вместе с толпою школьников натешились вдоволь, чтобы здоровым движением размяться после долгого и утомительного стояния»²³.

Заметим, что письмо датируется примерно 480 г., т.е. к этому времени Сидоний уже довольно давно был в сане епископа. Еще более занимательным является тот факт, что под «долгим и утомительным стоянием» Сидоний подразумевает церковную службу, точнее, заутреню (*vigilia*). Исполнив эту необходимую, но явно не привлекательную для него обязанность, Сидоний вместе с другими представителями высшего общества и духовенства с радостью предается более привычным и приятным занятиям: «...знатнейшие граждане собрались у гробницы консула Сиagriя <...>, мы легли на зеленой лужайке. <...> Разговор шел приятно, весело, шутливо. <...> Всякий, кто мог красочно рассказать занимательную историю, был уверен, что его выслушают с жадностью. Во всяком случае, не было связных рассказов, потому что веселость слушателей часто прерывала речь»²⁴.

Одним из самых достойных занятий римского интеллектуала IV-V вв. было литературное творчество. Практически каждый человек, получивший риторическое образование, мог считать себя писателем. «В античном мире риторика обладала не только эстетическим и литературно-лингвистическим смыслом; она играла также роль определенной модели культуры. Риторическая система норм и правил была пригодна к оформлению любого материала и могла обслуживать самые разные творческие индивидуальности, подчиняя поиски, стремления и находки каждого единому канону. Тем самым риторика выражала краеугольный тезис античной культуры: примат единого над многим, нормы над прихотью, знания над интуицией, закона над частностью...»²⁵.

Для Сидония, как и для других позднеимперских авторов, характерны реминисценции стиля и цитирование известных писателей, редко употребляемые слова, изысканные архаизмы, бесчисленные метафоры. Содержание отходит на второй план, превращаясь в повод для проявления стилистического дарования. Каждый случай в жизни, каждое явление может вызвать произведение от письма или четверостишия до целой поэмы²⁶. Таковым, например, является письмо Сидония, полностью посвященное описанию своего поместья и его окрестностей (*Sid. Epist. I, 2, II.*).

Игра цитатами и переход к символически-аллегорическому отражению реальности характерны для языка и стиля не только Сидония, но и многих других авторов той эпо-

²¹ Шкаренков П.П. Римская империя в «эпоху упадка»: между мифом и реальностью // Новый исторический вестник. 2004. № 2 (11). С. 22.

²² Там же. С. 10.

²³ *Sid. Epist. V. 17, 6.*

²⁴ *Ibid.*

²⁵ Кнабе Г.С. Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М., 1999. С. 115-116.

²⁶ Шкаренков П.П. Римская империя в «эпоху упадка»... С. 20.

хи²⁷. По мнению ряда исследователей, можно говорить о «новом» латинском языке (позднелатинском) как следствии определенного культурного сдвига, а не упадка культуры и образованности как таковой. Письма Сидония свидетельствуют о необыкновенной образованности, изысканности, утонченности интеллектуального сообщества²⁸.

Провинциальная элита, выставляя напоказ свою учёность, прославляла ее носителей в гиперболических комплиментах, типа «сама Аттика не была так аттична, и сами Музы так мусичны», [как ты]²⁹. Любовь к редкостным словам, неологизмам, панегирикам, поэзии галльская знать впитывала со школьной скамьи. Высшей заслугой считалось риторическое образование и обладание литературным талантом, например, у Сидония в панегирике на смерть священника церкви во Вьенне Клавдиана в качестве хвалебной характеристики приводятся такие слова:

...Диалектик, оратор, стихотворец.

Геометр, музыкант, знаток Писанья...³⁰

Целью научного и литературного образования V в. было не умение мыслить, а искусство рождать красивые парадоксы, и такой характер образования – одна из существенных причин поверхностности мышления большинства людей V в.³¹

Одной из причин тогдашнего «упадка интеллектуальной культуры», по мнению Ж. Ле Гоффа, была необходимость приспособить ее к условиям той эпохи, сделать культурное наследие античности доступным не только рафинированным аристократам, представителям «умирающего класса», но и «новым римлянам» – выходцам из среды варваров. «Наиболее образованные, выдающиеся представители новой христианской элиты вызывают удивление именно тем, что они, сознавая недостатки своего образования перед лицом великих предшественников, тем не менее, отказывались даже и от того запаса утонченной культуры, которым они еще владели или могли бы овладеть ради того, чтобы стать понятными своей пастве. Опроститься, чтобы завоевать сердца – таков был их выбор. И если он нам кажется не совсем удовлетворительным, то все же он производит впечатление»³².

Не лестно отзывался об общем уровне культуры современников и сам Сидоний: «...кто же, право, из наших современников не окажется пред делами предков полным бездельником, а пред их речами бессловесным младенцем? Ибо ведь дарованиями в этих искусствах правитель веков наделил по преимуществу древние века; когда же, с годами одряхления мира, дарования эти истощились и стали бесплодными, они в наше время и лишь у немногих являют что-либо удивительное и достопамятное»³³.

Сидоний никогда не утаивал своей великолепной образованности и использовал любую возможность, чтобы продемонстрировать свои познания в области риторики. В «Похвале Консентию» он перечисляет многочисленные размеры, которые и он, и его друзья используют при написании стихов (гекзаметры, пентаметры, трёхмерные трохеи, дактиль, спондей, одиннадцатисложник – 22-27); в «Послании о замке Понтия Леонтия» он сообщает, что, как и его кумир Стаций, не любит двустипишия или четверостишия, но, следуя науке поэзии Флакка, «расширяет свой предмет, вставляя пурпурные лоскутья общих мест»³⁴.

Учеба в риторической школе дала Сидонию прекрасное владение греческим языком. Сидоний даже перевёл с языка оригинала сочинение греческого писателя II – III вв. Филострата Старшего «Жизнь Аполлония Тианского» (Epist. VIII.3)³⁵.

«Последние интеллектуалы» античной эпохи выполнили свою культурно-историческую миссию, передав в доступной форме основные элементы греко-римской традиции средневековой цивилизации. «Клонившийся к упадку античный мир облегчил труд христианских ученых первых веков Средневековья. <...> Средневековье узнало лишь

²⁷ Шкаренков П.П. «Variae» Кассиодора в контексте позднеантичной интеллектуальной культуры // Диалог со временем. 2. 2000. С. 95-109.

²⁸ Там же. С. 101.

²⁹ Sid. Epist. IV. 3.

³⁰ Ibid. IV. 11, 6.

³¹ Подробнее об этом см. Карсавин Л.П. Из истории духовной культуры падающей Римской империи (политические взгляды Сидония). СПб., Сенатская типография, 1908.

³² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. С. 109-110.

³³ Sid. Epist. VIII. 6, 3.

³⁴ Перфилова Т.Б. Две модели обучения философии в Римской империи // Ярославский педагогический вестник. № 3. 2004. С. 44, 45.

³⁵ Там же. С. 43.

то из античной культуры, что оно получило от Поздней империи, которая настолько перемолола, упростила и разложила греко-римскую литературу, мысль и искусство, что варваризованному Раннему Средневековью легко было их усвоить»³⁶.

По мнению исследователей Поздней античности, главным средством сохранения римского наследия и его проводником в будущие века была риторическая школа. Это был важнейший инструмент для духовного единения распадавшегося общества. Школа учила разнородное население Поздней империи общему образу жизни и общему образу мыслей. Влияние школы было уже влияния церковной проповеди, но оно было глубже. Если проповедь учила дорожить вечной жизнью, то школа объясняла систему ценностей земной жизни – давала общий язык культуры³⁷.

Провинциальная элита ценила «словесное знание», считала его эквивалентом знатности³⁸, сам Сидоний сделал блестящую карьеру благодаря своему поэтическому дарованию, красноречию, ораторскому искусству. Эти же качества делали мессы Сидония привлекательными для народа. По словам Григория Турского: «Сидоний был так красноречив, что часто мог, не подготовившись, говорить на любую избранную тему с большим блеском и без всякого затруднения. <...> Сидоний <...> так отслужил праздничную службу, что все присутствовавшие дивились, а стоявшим близко казалось, будто с ними говорит не человек, а ангел»³⁹.

Вообще же в изображении более поздних христианских авторов, например, у Григория Турского (ок. 540–594 гг.) в «Истории франков» (II. 21-25) Сидоний предстает перед нами в совершенно ином образе. Здесь Сидоний выглядит вполне канонично. За каких-то сто лет образ Сидония трансформировался из светского интеллектуала в святого мужа благодаря усилиям христианской апологетики. По словам Григория Турского: «Сидоний всецело был предан служению Господу и вел в миру святую жизнь».

В своей «Истории франков» Григорий Турский употребляет эпитеты «святой», «блаженный»⁴⁰ применительно к образу Сидония и представляет его человеком глубоко религиозным и по-христиански альтруистичным: «Так как Сидоний отличался исключительной набожностью и, как мы упоминали, принадлежал к числу первых сенаторов, он нередко тайком от жены уносил из дома серебряную посуду и раздавал ее бедным. Когда она узнавала об этом, она сильно его бранила, и Сидоний, выкупив посуду у бедняков, приносил ее домой»⁴¹.

После этих строк полезно посмотреть на письма Сидония, адресованные церковным иерархам (VI, 9-12; VIII, 15 и др.). В них церковной лексики и христианского духа немалого больше, чем в прочих посланиях, которые стилистически от них ничем не отличаются.

Необходимо отметить, что до недавнего времени исследователи не придавали большого значения важности хронологического подхода к работам Сидония. Более предпочтительной считалась тенденция воспринимать его работы как продукт неизменной, целостной («монолитной») личности. Биограф Сидония К.И. Стивенс пишет по этому поводу: «Он был добросовестным обозревателем своего времени... Он был честным, достойным уважения человеком... Мы не видим развития его характера, но мы видим коллекцию точных и выразительных изображений, иллюстрирующих образ действий людей V века. Вокруг действий Сидония сконцентрирован его мир; это разнообразный мир, но он стоит неподвижно в его центре»⁴².

Однако, если подходить к работам Сидония, используя хронологический подход, можно обнаружить, что в действительности Сидоний был вполне динамичной и эволюционирующей личностью. Ему были свойственны переживания и сомнения. В какой-то мере по этой причине и отчасти из политических соображений между 469 и 476 гг. Сидоний сменил свои мировоззренческие парадигмы и переориентировался не только морально, но и принял сан епископа.

³⁶ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. С. 108.

³⁷ Гаспаров М.Л. Авсоний и его время // Авсоний. Стихотворения. М., 1993. С. 256.

³⁸ Sid. Epist. VIII. 1.

³⁹ Hist. Franc. II. 22.

⁴⁰ Ibid. II.24.

⁴¹ Ibid. II.22.

⁴² Stevens C.E. Sidonius Apollinaris and his age. Oxf., 1933 (ND Westport, 1979). P. 9.

Тем не менее, для нас решающее значение имеет то обстоятельство, что Сидоний, может быть, и не осознавая этого, продолжал оставаться приверженцем языческой традиции, для него классическая античность не кончилась, он продолжает жить в ней, ее система ценностей вечна и нетленна. И это ярко отражалось в языке и стилистике его посланий.

В творчестве Сидония сочетается детальное отражение реалий его времени и поразительная способность к созданию с позиций образованного аристократа удивительной новой реальности, продолжающей римскую традицию и создающей иллюзию вечности Рима, когда этот мир уже пал и им правили варвары⁴³. Сидоний, для которого присутствие варваров на территориях, формально принадлежащих империи – это уже довольно неприятная реальность, иногда был и более резок в выражении своего презрения к варварам:

*...Раз живу я средь полчищ волосатых,
Принужденный терпеть германский говор
И хвалить, улыбаясь против воли,
Обожравшихся печенки бургундов,
Волоса умастивших тухлым жиром...⁴⁴*

Но отсюда же мы ясно видим, что римляне как побежденные вынуждены были смириться с присутствием «в своем доме» победителей. В 471-475 гг. Сидоний как епископ защищал свой город от вестготов⁴⁵, но в целом выступал за мирное сосуществование галло-римлян и вестготов. Год заключения заставил его обратиться к королю Эвриху с полным лестным панегириком, считая вестготов меньшим злом по сравнению с другими германскими племенами. Однако, местами прорывается его истинное отношение к варварам – горькое и отталкивающее (и здесь Сидоний следует классическим образцам – «Письмам с Понта» Овидия, правда, в прозе). Сидоний с презрительным удивлением относится к друзьям, выучившим германские наречия: этот «талант» он не считает полезным и необходимым. Образ Вечного Рима, персонифицированный в языческом образе Богини Ромы, выражает классические идеалы автора. Визит в Рим в 467 г. не вызвал у Сидония никаких опасений за судьбу империи – все показалось ему незыблемым и безмятежным. Ощущения «конца времен» у Сидония не возникло. И это главное в ментальности нашего героя: несмотря на германские вторжения в провинции, несмотря на более жесткие отношения между властью и простолюдинами, Рим существует и не может исчезнуть. В этом отношении христианские теологи оказались гораздо проникательнее (Августин пишет свою эпопею с новой философией истории уже на фоне первого падения Рима в 410 г.). Но, быть может, это – сознательная «слепота». Сидоний не видел того, чего не хотел видеть.

Помимо темы варваров, реальная жизнь время от времени вторгалась на страницы посланий Сидония. Он написал ряд панегириков западным императорам. В 457 г. он в панегирике на восшествие на престол императора Майориана просит о снижении чрезмерного налогового бремени. Просьба была удовлетворена. Став епископом, Сидоний не смог избежать встреч с толпами просителей. Несколько раз он напоминает в своих письмах о староримских принципах поведения знатного аристократа, которые необходимо продолжать соблюдать. В нескольких случаях Сидоний прямо обвиняет знатных римлян Галлии, облеченных властью, в различных злоупотреблениях и грабежах своего собственного населения. Но и сам Сидоний позволил себе пытать могильщиков, нечаянно потревоживших могилу его матери. Таким образом, по письмам Сидония создается впечатление полного произвола «сильных людей» в Галлии, которые сдерживаются лишь моральными принципами. Уже лежавшие в руинах городá (как Нарбонн), он воспекает как памятники славного прошлого. Императорская резиденция Равенна вызывала у Сидония эстетическое неприятие из-за своих загрязненных каналов и стоячей воды в них. В панегирике Антемию Сидоний осознает обреченность западных императоров и высказывает пожелание о воссоединении всех частей империи под властью Константинополя.

Но несмотря на серьезную военную угрозу в лице варваров, слабость центральной власти, экономическую нестабильность, а в значительной степени и благодаря всем этим явлениям, важнейшее значение в эту эпоху приобрел культурно-религиозный кризис, кон-

⁴³ Шкаренков П.П. Римская империя в «эпоху упадка»... С. 24.

⁴⁴ Sid. Carmina, 12.

⁴⁵ См. также: Грант М. Крушение Римской империи. М., 1998. С. 50, 126 и др.

фликт между умирающей, но все еще достаточно сильной языческой культурой и христианством, усиливающимся не только посредством овладения умами и сердцами все большего числа людей, но и все чаще – замещения самого государства в его основных функциях. К началу V века христианство уже становится официальной религией умирающей империи.

Результатом борьбы старых и новых традиций стал их своеобразный синтез, а проводником античных идей были представители аристократии, стремившиеся занять высшие места в духовенстве, так как в тот период положение епископа давало больше реальной власти, чем любой государственный пост. Из писем Сидония (в частности, Sid. Epist. V. 17 и мн. др.) видно, как классическая древность и старые общественные привычки проникали в высшее христианское духовенство, в эпоху падения Западной Римской империи, в противоположность нравам и обычаям представителей древней христианской общины. Такой переворот был следствием не деморализации самой общины, но изменением ее отношения к высшему светскому сословию империи: христианские епископы, несмотря на отсутствие официального характера, имели больше действительной власти над обществом, нежели чиновники, а потому высшая аристократия, как то представляет и Сидоний, старалась приобрести епископские места. Поэтому само избрание и жизнь таких епископов отразили на себе характер светского сословия империи, с его привычками и любовью к изящной и философской классической литературе. Но при этом высшее духовенство продолжало сохранять то же влияние на широкие слои населения, и при разрушении светского государства оставалось в то время единственной действительной властью⁴⁶.

Таким образом, необходимо признать, что попытка взглянуть на эпоху глазами ее современников, а не поздних интерпретаторов, является, несомненно, плодотворной, дает возможность составить наиболее реальную картину происходящего, убедиться в том, что ментальный образ человека поздней античности (по крайней мере, интеллектуала) характеризовался устойчивой приверженностью римскому образу жизни, классическим ценностным ориентирам, традициям. Главную цель своей жизни «последние римляне» видели в сохранении староримских традиций и передаче их в наследство потомкам. С этой задачей они в определенной мере справились⁴⁷.

TO IMAGE OF APOLLINARIUS SIDONIUS: A MAN OF LATE ANTIQUITY

E.V. LITOVCHENKO

Belgorod
State University

E-mail:
Litovchenko@bsu.edu.ru

This article is dedicated to one of the aspects of transitional historical epoch – the Late Antiquity. The microlevel of history, the “anthropological point of view” to the historical process is a stimulant for the research of some questions, such as, the influence of the global historic epoch, of the transformation of civilizations paradigm to the human mentality. Sidonius Apollinaris, late roman aristocrat and writer, show the best correlation with this role. Nominally adopted Christianity and even accepted a post of bishop, Sidonius was the incarnation of the world view of the “last Roman”, which was the keeper of declining culture. The author is coming to a conclusion, that Sidonius reacted upon the historical events in V centuries Rome, but preferred to keep his conservative ideals. On the superficial signs the image of Sidonius Apollinaris in new times of the Middle Ages was interpreted on the attitude of medieval cultural paradigm.

Key words: Late Antiquity, Gaul, bishop, letters, panegyric, emperor, continuity, civilization, mentality, aristocracy, barbarians, tradition.

⁴⁶ История Средних веков: от падения Западной Римской империи до Карла Великого. С. 160.

⁴⁷ См.: Goffart W. Rome's fall and after. L., 1989 и др.

АВСТРО-ГЕРМАНСКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ ПО ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ ВЕЛИКОГЕРМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1918-1919 гг.

А.А. БОРИСОВА

Воронежский государственный университет
e-mail:

allaborisova@yandex.ru

В статье рассматриваются дипломатические отношения между Австрией и Германией по вопросу объединения в 1918-1919 гг. Анализируется отношение двух стран и их лидеров, исследуется позиция министра внутренних дел Австрии Отто Бауэра, описываются переговоры и их результаты в 1918-1919 гг.

Ключевые слова: аншлюс, Великогерманское государство, Дунайская федерация, социал-демократия, Отто Бауэр, граф Ведель.

Когда осенью 1918 г. габсбургская монархия под гнетом внутренних противоречий находилась на пороге своей гибели, стало ясно, что немецкоязычные австрийцы стоят перед проблемой своего политического будущего. Существовало три возможности для будущего развития Австрии: во-первых, сохранить многонациональную монархию на федералистских началах; во-вторых, объединить Австрию с Германией; и, в-третьих, образовать независимое государство Австрия с перспективой австрийской нации.

Однако уже в октябре 1918 г. стало понятно, что первая возможность – федерализации монархии – отпадает. Нерешенный национальный вопрос, дезинтеграция многонационального населения привели к осознанию того, что дальнейшее государственное сосуществование австрийцев со славянскими народами стало невозможным. Оставалось либо присоединиться к Германии, либо идти по небезопасному пути независимости.

12 ноября 1918 года на третьем заседании Временного Национального собрания было решено считать Немецкую Австрию демократической республикой и составной частью Немецкой республики¹. Поэтому после 1918 года вопрос присоединения Немецкой Австрии к Германии постоянно находился в центре внимания правящих кругов, как Австрии, так и Германии.

Германия стремилась к расширению экономического и политического господства в Европе в области политики и экономики, мостом к достижению которого была Австрия. Основной упор немецкой политики сближения делался на дипломатическую сферу. Особую роль в этом сыграл назначенный в 1916 г. немецкий посол в Вене, граф Бото фон Ведель, который стал убежденным приверженцем немецко-австрийского объединения и посредником между Берлином и Веной. В марте 1916 г. Ведель уже ходатайствовал об австро-немецких переговорах и настаивал на предварительном совещании об австро-немецком экономическом сближении. Австрийская сторона была очень уязвлена прямой немецкой срочности и настоятельностью и пыталась оттянуть их.

Более жесткой немецкая интервенция стала после смерти кайзера Франца Иосифа. Теперь скорый распад Австро-Венгерской монархии немцы считали делом решенным и открыто выступали с намерениями аннексии немецкоязычной Австрии. Так как граница принимала в расчет национальный распад габсбургской монархии после войны и объединение остаточной Австрии с Германией – идея аншлюса была поддержана политиками эмиграции, в первую очередь чехами Масариком и Бенешем. Присоединительное движение в Австрии получило большой стимул и одобрение со стороны лидеров других частей монархии.

Официальное австрийское руководство еще придерживалось фикции многонационального государства. Князь Бюлов выразил вследствие этого укрепленную немецкую уверенность в 1916 г.: «Даже если мы должны были проиграть эту войну, мы все же выиграем партию, поскольку аннексируем Австрию»². Вместе с тем впервые появляется немецкая «идея компенсации», которая должна была стать существенным компонентом

¹ Kreissler F. Von der Revolution zur Annexion. Österreich 1918-1938. Wien-Frankfurt-Zürich, 1970. S. 55.

² Schausberger N. Der Griff nach Österreich. Der „Anschluß“. Wien-München, 1988. S. 21.

в немецкой внешней политике в течение первых послевоенных месяцев. В Германии предполагали, что Антанта после окончания войны будет вести экономическую войну против стран Центральной Европы (Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции). Поэтому немцы считали необходимым достичь по возможности согласования обеих экономических систем, как в экономическом законодательстве, так и в социальной политике.

Австрийская сторона пыталась достичь разделения экономических и политических переплетений. При выходе России из войны возник вакуум власти в том районе Европы, который был целью немецкой экспансии. Отягчающие изменения в Восточной Европе вызвали у западных держав полный переворот в оценке Австро-Венгерской монархии. Если недавно Антанта приветствовала решение о присоединении Австрии к Германии, то теперь она настолько боялась такого перераспределения «баланса сил» в Средней и Восточной Европе в пользу Германии, что сохранение Австро-Венгерской монархии снова получило определенную политическую важность как противовес могуществу Германии. Мысль о присоединении потеряла на западе свою привлекательность, поскольку присоединение остаточной Австрии к Германии означало бы экономическое, стратегическое и политическое укрепление и без того могущественной власти Германии. Изменчивая судьба идеи аншлюса зависела не от национального, народного течения, которое только намечалось, а от всемирно-политического и экономического развития.

Небезопасная, напряженная ситуация Австро-Венгрии в течение первых октябрьских дней 1918 г. была тщательно зафиксирована немецким имперским правительством. Насколько велик был немецкий интерес к Австрии, ясно из переписки между уже упомянутым немецким послом в Вене, графом Веделем и генералом Людендорфом. Вместе с рейхсканцлером Максом фон Баденом они задавали тон и проявляли инициативу в вопросе аншлюса в течение октября 1918 г.

Граф фон Ведель 2 октября 1918 г. сообщил министерству иностранных дел, что австрийцы ввиду национального распада габсбургского государства требовали присоединения к Германии. Они, по его мнению, видели в аншлюсе последнюю надежду и одновременно настаивали на проведении ясной немецкой политики по вопросу присоединения³.

Немецкий посол в Вене, который был обеспокоен федеративными планами того времени, настаивал в Берлине на присоединении. Разумеется, было бы лучше, если бы австрийцы взяли инициативу на себя в этом вопросе, так как Антанта была бы обеспокоена возможностью увеличения Германии. Германия не хотела создавать впечатление, будто бы она проводит империалистическую политику.

В середине октября 1918 г., в то время как на фронтах начались боевые действия, и в Австрии не было еще никакой ясности в желаниях населения, в Берлине снова стали активно ратовать за аншлюс. Ввиду военного положения и ожидаемых потерь территорий после заключения мира, вспомнили о теории компенсации, которая уже обсуждалась в 1916/17 гг. Прежде всего, высшее командование искало возможность возместить вероятные территориальные убытки и в некоторой степени восстановить экономический потенциал. Усилившаяся национальная волна в Австрии позволяла Германии продолжать свою империалистическую внешнюю политику, ссылаясь на право самоопределения народов. При поддержке кругов тяжелой и химической немецкой промышленности, которая начала прощупывать новые рынки, имперское правительство тайно форсировало все присоединительные стремления. В военно-стратегических и экономических аспектах высшее командование видело в присоединении Австрии возможность образовать закрытую торговую область, которая создаст унифицированный большой внутренний рынок⁴.

Генерал Людендорф считал присоединение неизбежным и думал, что «раньше или позже присоединение областей немецкой национальности осуществится»⁵. Такое развитие событий было бы, по его мнению, ценной компенсацией разочарований. В тот же день он передал императору Вильгельму II «Замечания об Австрии», где говорилось, что Венгрия и Австрия, окруженные независимыми и враждебно настроенными государ-

³ Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918-1945. Serie A: 1918-1925. Bd. 1. Gottingen, 1984. S. 46 (далее ADAP).

⁴ Schausberger N. Op.cit. S. 33.

⁵ Ibid. S. 33.

ствами, такими как Чехия, Румыния, Польша, нуждаются в присоединении к Германии, чтобы дать жизнь и будущее своей расе⁶.

Между тем вопрос дальнейшего существования обсуждался в Австрии в духе присоединения к Германии. Ярым сторонником аншлюса был, прежде всего, теоретик социал-демократии Отто Бауэр. Бауэр, который уже перед началом мировой войны предсказывал национальный распад Габсбургского государства, не сразу добился признания в своей партии как представитель левого крыла. Еще 11 октября 1918 г. руководство партии отклонило предложение Бауэра о присоединении. Виктор Адлер и Карл Реннер еще лелеяли надежду на создание Дунайской федерации⁷. Несмотря на сдержанное отношение по вопросу аншлюса своих товарищей по партии, Бауэр разработал программу будущего Австрии, которую он изложил на страницах «Арбайтер-Цайтунг».

Бауэр считал, что немецко-австрийского государство нуждается в судето-немецкой области и видел в объединении с Германией единственную возможность ее получить. 13 октября 1918 г. он писал: «Мы должны создать, по меньшей мере, три немецко-австрийских государства; внутренне-австрийское, немецко-богемское и силезко-североморавское... Даже самое большое из них, внутренне-австрийское государство не способно самостоятельно существовать... Для немцев в Австрии, поскольку они придерживаются права на самоопределение народов, вообще возможна только одна программа: Мы образуем три немецко-австрийских государства, которые должны присоединиться как особые федеративные государства к Германии...»⁸.

По существу корни политики аншлюса Отто Бауэра имеют идеологическую и экономическую природу. В Германии рабочий класс собирался захватить власть, а объединение обеих стран ускорит социальную революцию и поспособствует учреждению могущественного социалистического центра. Поэтому в социал-демократическом предвыборном обращении 1919 г. говорилось, что теперь «возникла новая Германия: немецкий народ освободился от господства Пруссии, в большой немецкой социалистической народной республике немецкий рабочий класс борется за социализм... Мы хотим присоединиться к красной Германии! Присоединение к Германии есть присоединение к социализму»⁹.

Бауэр считал Немецкую Австрию экономически нежизнеспособной и видел лишь один выход – присоединиться к большой немецкой экономической области Германии¹⁰. Кроме того, он полагал, что движение за присоединение усилило республиканскую идею – габсбургская Австрия как составная часть Германии была бы немислима.

В конечном счете, романтические, великогерманские идеи присутствовали в социал-демократическом движении за аншлюс. Здесь отчетливо отразилось понимание, что австрийцы являются частью немецкой нации, которого многие социал-демократы придерживались вплоть до эмиграции 1938 г. В то время, как социал-демократия стала борцом за присоединение к Германии, для других партий Австрии на первом месте стоял вопрос о будущей форме государственного правления.

Так, в октябре 1918 г. либеральные партии ратовали за республику; христианские социалисты, напротив, выступали в защиту Дунайской федерации и за сохранение конституционной монархии, и только небольшая часть интеллигенции сначала выступала за аншлюс. В немецко-национальных партиях не было единодушного воодушевления по вопросу присоединения: только две партии – Немецко-австрийская партия Независимости и Немецкая Национал-социалистская рабочая партия – выступали за быстрое объединение с Германией. Разумеется, были и безусловные противники аншлюса – коммунисты и монархисты. Они были последовательными сторонниками независимой Австрии, которую одни видели как республику, другие – как ядро монархии. И хотя во влиятельных группах немногочисленного состава (христианские социалисты и немецко-национальная партия) было много капиталистических предпринимателей, они были, по меньшей мере до 1920 г., решительными противниками аншлюса, так как опасались социализации в великогерманской социалистической республике.

⁶ Jedlicka L. Ende und Anfang Österreich 1918/19. Salzburg 1969. S. 43.

⁷ Renner K. Österreich von der Ersten zur Zweiten Republik. Wien 1953. Bd. 2. S. 19.

⁸ Arbeiter-Zeitung 13. Oktober 1918.

⁹ Stadler K. Hypothek auf die Zukunft. Wien-Frankfurt-Zürich, 1968. S. 84.

¹⁰ Arbeiter-Zeitung 15. Oktober 1918.

Таким образом, понимание политических объединений по вопросу присоединения только частично совпадало с общим мнением в Австрии, и даже внутри партий часто имелись расхождения по этому вопросу.

Очевидная деятельность в вопросе аншлюса исходила от немецко-австрийской стороны. Действительно, австрийцы, ставшие «за ночь народом без государства», – как говорил Карл Реннер, – «испытывали тяжелый шок от распада хорошо функционирующей хозяйственной организации и сомневались, что оставшейся промышленностью можно возместить потерянные рынки сырья и рынки сбыта»¹¹. Возникла идея о «нежизнеспособности» Австрии, которая искусно была пущена в ход немецкими политиками. Быстро распространились слухи о беспомощности и незащищенности Австрии. Социал-демократы, которые с самого начала пропагандировали присоединение Австрии к Германии, натолкнулись на отчуждение представителей промышленности, дворянства и крестьян. Промышленники и банкиры боялись немецкой конкуренции; аристократия, чиновники монархии, офицеры и высшее духовенство не надеялись на реставрацию Габсбургов посредством присоединения; крестьянское население, преимущественно католики, боялось протестантского севера. В федеральных землях настроение также не было единодушным. Тироль ратовал за собственную независимость, Каринтия беспокоилась за южные части страны, а Форарльберг решил плебисцитом присоединиться к Швейцарии¹².

Бауэр говорил о том, что при плебисците даже большинство проголосовало бы против присоединения. О национальном воодушевлении, которое настаивало присоединиться к так называемому братскому народу, не могло быть никакой речи. Социалистические круги связывали идеологические мотивы с идеей аншлюса. Карл Реннер подчеркивал в беседе с немецким посланником, что австрийцы отстаивают идею присоединения без какого-либо воодушевления; опыт сотрудничества обоих партнеров на войне еще были слишком живы в памяти¹³. Таким образом, можно установить, что присоединительное движение не было в 1918 году народным движением; если во время некоторых периодов 1918-1938 гг. широкие круги в Австрии требовали аншлюса, то это происходило в большинстве случаев из разочарования политическими и экономическими условиями, а не из энтузиазма.

Опасение немцев в Германии, что распад Австро-Венгерской империи создаст вакуум власти, торопило высшее командование и имперское правительство решить вопрос о присоединении. Но в то же время, с другой стороны, все шаги должны были быть продуманы с самой большой осторожностью, чтобы не повлиять неблагоприятно на переговоры о перемирии и мирные переговоры. Можно предположить, что Германия в 1918 году стремилась создать подготовку для аншлюса, меньше всего заботясь о национальных и экономических желаниях самих австрийцев.

Посол Ведель телеграфировал 16 октября 1918 г. в Берлин, что «поспешных действий против австрийцев, которые препятствовали бы Германии захватить инициативу аншлюса, нужно избегать, чтобы Антанты не смогла обвинить Германию в империалистических амбициях»¹⁴.

Ввиду императорского манифеста 16 октября 1918 г. немецкое имперское правительство решило, что издаст ясные политические директивы по вопросу Австрии. В письме государственного секретаря Зольфа графу Веделю от 19 октября 1918 г. говорилось: «Ни один немец, даже социалист, не стоял бы в стороне и не допустил бы славянизации братской нации в федерации. Германия должна помогать австрийцам, и в случае необходимости принять их в Германию»¹⁵. Если габсбургское государство распадется, Зольф уверял, что имперское правительство окажет помощь и предоставит защиту австрийцам.

Относительно неизбежной политической участи австрийцев Зольф в своем письме выразил надежду, что независимое немецко-австрийское государство скоро будет создано и получит на мирной конференции разрешение решать собственное будущее по принципу самоопределения, и вскоре сможет присоединиться к Германии. До аншлюса Зольф хотел, чтобы территориальные вопросы Польши и Эльзас-Лотарингии были урегулиро-

¹¹ Renner K. in Dokumenten und Erinnerungen. Wien, 1982. S. 28.

¹² ADAP. 1918-1945. Serie A: 1918-1925. Bd. 1. S. 476-479.

¹³ Renner K. In Dokumenten und Erinnerungen. Wien, 1982. S. 43.

¹⁴ ADAP. 1918-1945. Serie A: 1918-1925. Bd. 1. S. 157-158.

¹⁵ Schausberger N. Op.cit. S. 40-42.

ваны в немецком духе на мирных переговорах. Государственный секретарь отметил, что присоединение может позволить Германии распространить экономическую и даже политическую гегемонию на Богемию и Венгрию¹⁶.

Из этого ясно следовало, что Германия проявляла сначала определенный интерес к сохранению монархии, чтобы образовывать «сильный фронт при мирных переговорах», но уже освоилась с мыслью о независимой Австрии, которая должна была присоединиться к Германии. Вместе с тем могла быть создана основная база для немецких империалистических стремлений. По содержанию ничего не изменилось, менялись только методы в зависимости от политического положения. Следовательно, план аншлюса Австрии должен был быть подготовлен уже в октябре 1918 г., причем тактика была выбрана такая, чтобы предоставить всю инициативу австрийцам.

Но у социал-демократов Австрии были совсем иные мотивы. «Победа немецкой демократии станет победой немецкого пролетариата, победой немецкого социализма. Никакая страна мира не созрела для социализма так, как Германия... Присоединение к Германии привело бы нас в общество, в котором все объективные предпосылки социализма уже выполнены», – писала *Arbeiter-Zeitung*¹⁷.

В то время, как руководитель партии Виктор Адлер от имени социал-демократической партии еще раз предложил народам монархии в своей речи перед депутатами образование «свободной Лиги наций», и в противном случае сообщил о присоединении Немецкой Австрии к Германии как сепаративного союзного государства, национал-социалисты требовали прекращения контактов с прежними частями монархии и немедленного государственно-правового присоединения Австрии к Германии как федерации. В общем, на одной линии находились «немецкий национализм среднего класса и социализм рабочего класса», которые были направлены в своих «воздействиях против династии, и ориентированы на присоединение»¹⁸.

Граф Ведель предупредил нескольких депутатов подготавливать поспешную акцию аншлюса. Он их проинформировал, что Германия ни в коем случае не против присоединения, но этот шаг вызвал бы теперь ответное действие со стороны Антанты. Перед мирной конференцией присоединение Австрии не должно ни в коем случае осуществиться.

Интересы крупной промышленности представлял в этой связи Густав Штретземанн, ведущий член Всегерманского союза и с 1911 г. руководитель союза промышленников, который представлял экспортную промышленность. 22 октября 1918 г. он обещал министерству иностранных дел полную поддержку немецкого крупного капитала в случае аннексии Немецкой Австрии и этим подтверждал политические амбиции немецкой экономики. Также Густав Носке сделал как представитель немецкой социал-демократии одностороннее заявление неограниченно отстаивать присоединение¹⁹.

Комментарий Е. Келера по переписке Зольфа и Веделя с 19 по 22 октября 1918 г. характеризует фактическую ситуацию в вопросе присоединения. Прежде всего, немецкое правительство решило, когда узнало об окончательном крушении Габсбургов, принять в расчет возникшую Немецкую Австрию. Осуществление новой Дунайской федерации, по всей вероятности, не удалось бы, и в соответствующее время, возможно, после мирных переговоров Немецкая Австрия могла бы стать частью Германии. В то время, как присоединение с австрийской точки зрения означало конец, причем исполнение законных стремлений к самоопределению играло важную роль, аншлюс с немецкой точки зрения был только лишь первым шагом в направлении господства Германии в Дунайском бассейне, который превратился бы вскоре после ухода Габсбургов в политически свободную от власти территорию. Для последующих событий можно употребить сравнение с принципом домино; как ясно свидетельствует из корреспонденции Зольфа-Веделя, для Германии присоединение означало бы, что оно приведет пограничную Чехословакию в зависимость от Германии, если Австрия сможет сохранить за собой немецко-богемские области. Владение Австрией дало бы повод Германии искать доступ к Адриатическому морю за счет Югославии или Италии. В свою очередь, на юго-востоке Венгрия в скором времени ощутила бы давление своего могущественного соседа, который распространит свое влияние в глубь Дунайского бассейна. Геополитическое присое-

¹⁶ Ibid. S. 43.

¹⁷ Arbeiter-Zeitung 16. Oktober 1918.

¹⁸ Schausberger N. Op.cit. S. 43.

¹⁹ Ibid. S. 44.

динение означало бы заключительное установление Великогерманской империи, власть которой простиралась бы до Балкан²⁰.

27 октября 1918 г. Германия, проявляя свою заинтересованность в Австрии, оказала продовольственную помощь последней в размере 12 тыс. тонн зерна. Однако поддержка немецкого правительства относилась не к императорской Австрии, а к новому государству. Германия предлагала ей официально полную поддержку, чтобы защитить южный фланг и лучше подготовить присоединение. Министерство иностранных дел поручало графу фон Веделю «настоячиво требовать быстрого назначения немецко-австрийского правительства». Немецкому послу было поручено в интересах официальной немецкой политики не содействовать открыто присоединению. Однако «было бы хорошо, если бы Австрия соединилась с Германией после мирной конференции»²¹.

В Австрии события получили быстрое развитие: армия находилась в процессе распада, в то время как 30 октября 1918 г. в Вене установилось первое временное правительство Немецкой Австрии во главе с обоими социал-демократами – Карлом Реннером в качестве государственного канцлера и Виктором Адлером в качестве государственного секретаря. Это была коалиция трех крупных партий. Но до сих пор не было принято решение ни об окончательной форме правления, ни о присоединении. Решения об аншлюсе не было принято прежде всего потому, что немецкий посол граф фон Ведель ходатайствовал перед президентом Временного национального собрания Францу Дингхоферу, что «сейчас не нужно выражать мысль о присоединении к Германии, так как это могло бы повредить при заключении мира»²². Тем не менее, немецко-австрийский исполнительный комитет направил просьбу немецкому имперскому правительству о соблюдении немецко-австрийских интересов, а также о военной помощи для обеспечения государственных областей и для поддержания спокойствия и порядка. Это происходило также под впечатлением беспорядков, которые 30 октября носили в Вене социальный и политический характер. Массы требовали конца войны и провозглашения республики. В лозунгах демонстрантов не было ни слова о присоединении к Германии. Следующий этап в развитии отношений в направлении республики наступил после того, когда последнее имперское правительство Ламмаша передало управление немецкими областями Государственному Совету.

В то время, как немецкие националисты требовали республики и присоединения (объединение с Германией с давних пор было основным требованием этой партии), христианские социалисты действовали нерешительнее и осторожнее. Прежде всего в интересах экономики, они полагали, что нужно предостерегаться присоединения, так как австрийская промышленность не выдержит конкуренции с промышленностью Германии, что приведет к экономическим жертвам. Но другого выхода защитить свою народность, кроме как присоединиться к Германии, они не видели²³.

Австрийскую социал-демократию особенно разочаровывало то, что отклика из Германии по вопросу аншлюса, прежде всего даже от братской партии, не было. С немецкой стороны государственный секретарь Зольф занял внешне приветливую, но сдержанную позицию, заверяя, что из тактических соображений необходимо повременить с этим вопросом²⁴. Почти полная незаинтересованность немецких социал-демократов в присоединении исходит из ответа совета уполномоченных на телеграмму Отто Бауэра от 1 ноября 1918 г. В ответ сообщалось – «не удовлетворять вопрос о присоединении из-за международного положения»²⁵.

Для немецкой социал-демократии, в противоположность международной традиции Австрии, были важны лишь временные национальные интересы Германии. Для немецких социал-демократов проблема благоприятного заключения мира была важнее, чем наднациональные намерения и мечтания Бауэра о завершении революции и будущей социалистической власти в Средней Европе.

²⁰ Keleher E. Deutschland, Deutschösterreich und die Anschlussfrage in den letzten Wochen des Ersten Weltkrieges. 1968. S. 140.

²¹ Цит. по: Schausberger N. Op.cit. S. 45.

²² Ibid. S. 45.

²³ Ibid. S. 45.

²⁴ ADAP, 1918-1945. Serie A: 1918-1925. Bd. 1. Gottingen, 1984. S. 72-73.

²⁵ Miller S. Das Ringen um "die einzige grossdeutsche Republik". Die Sozialdemokratie in Österreich und im Deutschen Reich zur Anschlussfrage 1918-1919 // Archiv für Sozialgeschichte. Bd. XI. 1971. S. 19.

Австрийцы со всей ясностью понимали свое изолированное положение и осознавали, что именно они потеряли с крушением монархии. Неудивительно, что они начали сомневаться в лучшем будущем своего маленького государства, когда их попытки потерпели неудачу. Однако они все же пытались продолжить экономическое сотрудничество с бывшими составными частями габсбургской монархии.

Антанта имела негативное отношение к вопросу о присоединении, потому что она боялась значительного прироста власти Германии за счет присоединения к ней Австрии и угрозы из-за этого для Юго-Восточной Европы. На Западе видели в аншлюсе угрозу собственной безопасности и мира в Европе, несмотря на торжественно провозглашенное Вильсоном право на самоопределение народов. Таким образом, немецкий генеральный консул в Осло сообщил уже 23 октября 1918 г. о воспрепятствовании аншлюсу²⁶.

Позиция Антанты не была тайной для немцев. Так, немецкий посол в Вене сообщил рейхсканцлеру Макс фон Бадену 30 октября 1918 г., что, хотя большинство австрийцев было за присоединение, нужно принимать в расчет протест Антанты. 5 ноября 1918 г. немецкий посланник в Берлине передал секретное сообщение рейхсканцлеру, в котором говорилось, что «Франция больше всего беспокоится из-за присоединения немецких австрийцев к Германии. Она понимает, что немецкое восьмидесятимиллионное государство должно получить рычаги управления Европой. Поэтому пытается способствовать спасению Австрии в какой-либо форме и даже в форме династии Габсбургов. Остальные страны Антанты не заинтересованы в этом. Англия и Америка не возражали бы против воссоединения немцев»²⁷.

Учитывая международную ситуацию, граф фон Ведель 7 ноября дал понять Виктору Адлеру, что руководство аншлюса – это дело Австрии. Сначала Германия хотела занять выжидательную позицию и провести присоединение только после заключения мира²⁸.

Отто Бауэр осознавал, что часть немцев выступает против аншлюса, отмечая, что «правительство и общественное мнение в Германии относились к присоединению более сдержанно и более боязливо, чем в Немецкой Австрии»²⁹. Бауэр назначает послом в Германию австрийского представителя для ведения переговоров Людо Мориц Хартмана, убежденного сторонника аншлюса, которому, по мнению Бауэра, удалось вызвать сочувствие и интерес к присоединению.

Вплоть до конца февраля 1919 г. австрийские представители могли вести переговоры об аншлюсе лишь с послом Германии в Австрии графом фон Веделем, который придерживался позиции: «согласно праву самоопределения австрийцы должны свободно решать, а Германия не должна ничего требовать и аннексировать, если Австрия решается на присоединение, то мы это приветствуем»³⁰. Все это лишний раз свидетельствует о нежелании нового германского правительства, пришедшего к власти после ноябрьской революции 1918 г., форсировать события в деле объединения с Австрией. Правительство Германии понимало, что при нынешних обстоятельствах и господствующем положении Антанты Франция будет делать все, «чтобы предотвратить присоединение, чтобы отстранить нас (Германию) от Балкан и Востока...»³¹. Поэтому из корреспонденции графа фон Ведера определенно явствует, как в Берлине относились к аншлюсу: необходимо поддерживать стремления Австрии к присоединению, но эти стремления должны исходить только от Австрии³².

Но, несмотря на трудности, Бауэр совместно с Хартманом настаивали на скорейшем разрешении вопроса аншлюса. Бауэр утверждал, что аншлюс, который увеличит численность населения Германии лишь на 10 миллионов человек, не приведет к усилению военной угрозы для 40 миллионов славян, венгров и румын и не нарушит равновесия сил в Европе³³.

²⁶ Schausberger N. Op.cit. S. 49.

²⁷ ADAP, 1918-1945. Serie A: 1918-1925. Bd. 1. S. 108.

²⁸ Schausberger N. Op.cit. S. 50.

²⁹ Бауэр О. Австрийская революция 1918 года. М.-Л., 1925. С. 140.

³⁰ ADAP, 1918-1945. Serie A: 1918-1925. Bd. 1. S. 300-302.

³¹ Ibid. S. 198-201.

³² Schausberger N. Deutsche Anschlussaspirationen 1918-1919 (Bisher wenig beachtete ökonomisch-strategische Aspekte zum November 1918) // Österreich. November 1918. Protokoll des Symposiums in Wien am 24. und 25. Oktober 1978. Wien, 1986. S. 88.

³³ Станков Н.Н. Отто Бауэр и австро-германские отношения (ноябрь 1918 г. – июль 1919 г.) // Вилли Брандт – человек, политик: история и современность. Волгоград. 2005. С. 168.

При торжественном открытии Национального собрания Германии 6 февраля 1919 г. будущий президент Веймарской республики Ф. Эберт выразил надежду на скорое объединение с Немецкой Австрией. Лидер СДПГ и председатель Совета народных уполномоченных, открывая собрание, заявил, что вся германская нация «искренне и с радостью отвечает сердечным братством» и должна объединиться «в рамках одного государства»³⁴. Эберт выразил надежду на то, что Национальное собрание сформирует в скором будущем новое правительство, которое будет вести переговоры с правительством австрийского государства об окончательном присоединении. «Между нами не должен стоять пограничный столб, если мы хотим быть братским народом»³⁵. 7 февраля вновь выбранный президент немецкого Национального собрания Дэвид убеждал, что Немецкая Австрия на основе права на самоопределение относится к Германии, и объединение для всех немцев является кровным делом. По временной конституции предусматривалось участие австрийских делегатов в государственном комитете после присоединения, но только имея право совещательного голоса. Проект германской конституции оставлял открытым вопрос о присоединении Австрии к Германии.

За идею объединения обоих государств с самого начала высказывался и новый министр иностранных дел Германии граф Ульрих фон Брокдорф-Рантцау³⁶. Но министр осознавал, какие трудности могут возникнуть при скорейшем решении этого вопроса до окончания мирных переговоров с Антантой, дабы не скомпрометировать Германию в ее глазах. Эта политика, конечно, шла вразрез с желаниями австрийского правительства, делавшего акцент на отсутствие промышленности, тяжелое финансовое положение.

В начале февраля 1919 г. Бауэр отправился в Веймар и Берлин, чтобы вести переговоры об аншлюсе и другим вопросам. Министр иностранных дел Германии знал, что Бауэр хочет использовать свою поездку для того, чтобы поставить на рассмотрение политические, экономические и финансовые проблемы Австрии и добиться от Германии в этих вопросах «обязательного согласия»³⁷. Брокдорф-Рантцау в телеграмме Шейдеману 25 февраля 1919 г. рекомендовал оказать немецко-австрийским представителям «любезный и предупредительный прием из политических соображений, чтобы сохранить за собой принципиальную оценку по сложным вопросам...»³⁸ и просил президента Эберта не давать Бауэру какого-либо обязательного согласия по вышеперечисленным вопросам.

Один из ведущих христианских социалистов сообщал британскому дипломатическому представителю, что эта поездка «была абсолютным промахом, так как немцы не намерены были усугублять существующие трудности в отношении объединения с Немецкой Австрией»³⁹. Австрия воспринималась немцами как родственная, но, тем не менее, чужая страна. Немецкая пресса опубликовывала статьи, поддерживающие в общих словах объединение, право на самоопределение народов Австрии, а также ее инициативу, но немецкие журналисты не давали никаких конкретных предложений, как этот аншлюс можно осуществить⁴⁰.

С начала 1919 г. активизировались поиски путей сепаратного, негласного соглашения между Австрией и Германией. На первое место выдвигались вопросы не политического, а экономического объединения. В речи, произнесенной 29 июля 1919 г., подводившей итог восьмимесячной деятельности его в качестве министра иностранных дел, Бауэр заявил: «Когда я вступил в ведомство иностранных дел, моей главной целью было расчистить путь для объединения Немецкой Австрии с Германией». При этом он склонялся к очень простому методу решения вопроса: «поставить мир перед совершившимся фактом, ничего не спрашивая»⁴¹.

В целях выработки конкретного плана аншлюса делегация Немецкой Австрии во главе с Бауэром вела в Берлине с 27 февраля по 2 марта 1919 г. секретные переговоры с представителями германской стороны. В ходе переговоров выявились непреодолимые противоречия при обсуждении экономических проблем. Германия стремилась оттянуть

³⁴ Verhandlungen der verfassunggebenden Deutschen Nationalversammlung. Stenographische Berichte. Berlin, 1920. Bd. 326. S.2.

³⁵ Цит. по: Schausberger N. Deutsche Anschlussaspirationen 1918-1919... S. 88.

³⁶ См: Wengst U. Graf Brockdorf-Rantzau und die aussenpolitischen Anfänge der Weimarer Republik. Frankfurt/M., 1973. S. 35.

³⁷ ADAP. Bd. 1. № 153. S. 259-260.

³⁸ Ibid. S. 259-260.

³⁹ Francis L. Carsten. Revolution in Mitteleuropa 1918 – 1919. Köln, 1973. S. 239.

⁴⁰ Schausberger N. Österreich. Der Weg der Republik, 1918-1980. Graz-Wien. 1980. S. 45.

⁴¹ Турок В.М. Очерки истории Австрии, 1918–1929. М., 1955. С. 194.

соглашение по вопросу аншлюса до тех пор, пока не будут достигнуты благоприятные для Германии мирные договоры со странами Антанты. 2 марта 1919 г. Германия и Австрия подписали Берлинский протокол⁴², который долгое время был полностью засекречен, чтобы не ставить под угрозу договоры о мире. Тайный протокол об объединении Германии и Немецкой Австрии заключал в себе государственно-правовые и политические соглашения, торговые, финансовые вопросы.

Но правительство Германии вело себя осторожно. Оно отказывалось зафиксировать в протоколе сроки объединения. Брокдорф-Рантцау высказался за хранение этого соглашения в тайне, так как Германии предстояли мирные переговоры, и лучше было не раздражать Антанту раньше времени. Бауэр также считал нецелесообразным опубликовать этот договор, опасаясь, что Антанта поставит в мирном договоре такие условия, которые сделают невозможным объединение с Германией⁴³. Окончательное решение об объединении могла вынести только Антанта.

Таким образом, Австрия и Германия достигли согласия в том, что: во-первых, Австрия должна входить как независимое и целое государство в составе союзного государства. Во-вторых, присоединение Австрии к немецкой таможенной системе будет осуществляться на основании существующего немецкого таможенного тарифа, для всех тех товаров, которые нуждаются в особой защите ввиду неблагоприятных условий производства. В-третьих, для переходного периода Австрия сохраняет право самостоятельно в согласии с немецким правительством заключать договоры о торговых сношениях с областями, которые раньше принадлежали Австро-Венгерской монархии. В-четвертых, одновременно со вступлением Австрии в Немецкое государство должна установиться полная валютная общность. В-пятых, возмещение военных долгов Германия и Австрия должны нести отдельно. Вене предоставлялось привилегированное положение⁴⁴.

Двустороннее обсуждение наболевшего вопроса обернулось повышенным вниманием и недоверием со стороны стран-победительниц, которые исходили при этом из своих империалистических целей — они не хотели усиления Германии. Статья 80 Версальского договора обязывала Германию признать независимость Австрии, а Статья 88 Сен-Жерменского мирного договора содержала обязательство не нарушать независимости Австрии. Это означало, что вопрос о великогерманском объединении был снят с повестки дня.

Таким образом, решение проблемы аншлюса ставилось в зависимость от результатов мирной конференции. Австрийская внешняя политика вынуждена была приспособливаться к действительности, и с октября социал-демократы более не затрагивали вопрос об аншлюсе, который резко критиковался немцами Германии. Австрия полностью зависела от продовольственных поставок и от экономической помощи стран-победительниц. Доверие к решению о независимости Австрии систематически подрывалось и вскоре погибло в сознании многих австрийцев, хотя первоначальная идея попробовать собственный путь не была чужда австрийцам. Запрет аншлюса Антантой имел психологическое влияние на австрийцев, так как формула права на самоопределение народов достигла между тем потрясающего влияния в Европе, и австрийцы чувствовали себя обманутыми таким решением мирных договоров.

AUSTRO-GERMAN DIPLOMATIC CONTACTS TO A QUESTION CREATED GREAT GERMANY STATE OF 1918-1919

A.A. BORISOVA

Voronezh
State University

e-mail:
allaborisova@yandex.ru

The article described diplomatic relations Austria and Germany with question of union in 1918-1919. The analysis relation these countries and their leaders. Researching position Otto Bauer – Home Secretary of Austria. Focuses negotiations and their results in 1918-1919.

Key words: anschluss, Germany, the Danube federation, Social Democracy, Otto Bauer, Wedel.

⁴² Steininger R. 12. November 1918 bis 13. März 1938: Stationen auf dem Weg zum „Anschluß“ // Österreich im 20. Jahrhundert. Von der Monarchie bis zum Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. Wien-Köln-Weimar, 1997. S. 104.

⁴³ Бауэр О. Указ. соч. С. 140-141.

⁴⁴ ADAP. Bd. 1. № 205. S. 382-385.

РОЛЬ СМИ В ПРОЦЕССЕ ЭВОЛЮЦИИ ОБРАЗА СССР В США В ГОДЫ ПРЕЗИДЕНТСТВА Г. ТРУМЭНА

Е.Л. СИТНИКОВА

*Российский государственный социальный университет,
филиал в г. Воронеж*

e-mail: elsitnik@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению роли, которую сыграли американские средства массовой информации в эволюции образа СССР от союзника к врагу в эпоху президентства Г. Трумэна. Дается краткая характеристика состояния СМИ США к 1945 г., показано взаимодействие прессы и властей в области формирования образа СССР. Прослежены причины, по которым негативный образ Советского Союза был поддержан средствами массовой информации Соединенных Штатов.

Ключевые слова: средства массовой информации, пресса, образ, СССР, Г. Трумэн, США.

Период президентства Г. Трумэна был ключевым для формирования новой концепции взаимоотношений Вашингтона с Москвой. Сотрудничество во Второй мировой войне постепенно перерастало в противостояние. В этих условиях в США происходило складывание такого образа СССР, который соответствовал внешней политике администрации Г. Трумэна. Американские СМИ не могли остаться безучастными в этом процессе. В данной статье предпринята попытка рассмотреть роль, которую сыграли средства массовой информации США в эволюции образа Советского Союза в 1945–1952 гг.

В Соединенных Штатах Америки к 1945 г. средства массовой информации были представлены широким спектром ежедневных и периодических изданий, радиовещанием и набирающим силу телевидением. Все они принадлежали частным лицам и формально были независимы от государства.

Традиционным источником информации для рядовых американцев были ежедневные газеты. Действительное значение для формирования общественного мнения имели лишь 50 газет. Вся газетная пресса США к 1945 г. являлась собственностью 1,5 тысяч компаний и лиц, из которых 10 собственников, то есть 0,7% от их общего числа, контролировали 30% газетного тиража¹.

Особое место среди печатных изданий США занимали так называемые качественные газеты, к которым относились в первую очередь «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк геральд трибюн». «Нью-Йорк таймс» считалась самой влиятельной газетой США. Как писал Дж. Кеннан в своих воспоминаниях, 98% информации, необходимой конгрессменам для принятия решений по вопросам внешней политики, они могли найти на страницах «Нью-Йорк таймс»². Формально она была независимой, но фактически поддерживала демократов³. «Нью-Йорк геральд трибюн», по признанию республиканца Г. Стассена, являлась ведущим печатным органом Республиканской партии⁴. Данные издания имели собственных корреспондентов в Европе, в Вашингтоне и на местах. Их журналисты всегда присутствовали на заседаниях конгресса, были аккредитованы на важнейших пресс-конференциях Белого дома и мероприятиях международного уровня. Статьи политических обозревателей этих газет охотно перепечатывались в провинции.

Важнейшим каналом передачи информации в США было, однако, радио. В 1942 г. в США насчитывалось более 28 млн. радиоточек, которые охватывали 82,8 % всего насе-

¹ Михайлов С.А. Журналистика Соединенных Штатов Америки. СПб, 2004. С. 183–184.

² Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана / Пер. с англ. Л.А. Игоревского, Ю.Д. Чупрова. М., 2002. С. 302.

³ Зарубежная печать. Краткий справочник. Газеты. Журналы. Информационные агентства / Редкол.: С.А. Лосев и др. М., 1986. С. 404.

⁴ Запись беседы И.В. Сталина с деятелем Республиканской партии США Г. Стассеном о советско-американских отношениях. 9 апреля 1947 г. // Советско-американские отношения. 1945–1948 / Под ред. Г.Н. Севостьянова; сост. В.В. Адлюшин, Ю.В. Иванов, В.М. Семенов. М., 2004. С. 398.

ления⁵. По силе эмоционального воздействия радио также опережало печатные СМИ. Наиболее крупными радиовещательными компаниями в это время в США были корпорации Эн-Би-Си (NBC – National Broadcasting Company) и Си-Би-Эс (CBS – Columbia Broadcasting System).

Несмотря на давнюю традицию свободы печати в США, война внесла свои коррективы в деятельность американских СМИ, которые вынуждены были включиться в начатую в 1943 г. администрацией Ф.Д. Рузвельта кампанию по созданию позитивного образа Советского Союза. Газеты и радио в своих материалах, также как официальные лица в своих речах, уверяли, что Советский Союз был доблестным и мужественным борцом с фашизмом, и, следовательно, являлся достойным доверия союзником. Американская пресса внесла весомый вклад в процесс создания позитивного образа СССР в сознании общественности США.

С приходом к власти Г. Трумэна и окончанием войны уже не было необходимости в поддержании заданного ранее тона сообщений американских СМИ. Теперь печатные издания и радио-обозреватели могли отражать проявление антисоветских настроений среди американской общественности и демонстрировать собственное видение Советского Союза. Летом и осенью 1945 г. в американской прессе активно обсуждались перспективы развития советско-американских отношений, от самых радужных до самых пессимистичных⁶. С нарастанием противоречий между Москвой и Вашингтоном пресса США стала уделять им все больше внимания. Причину этого обозначил один из самых авторитетных журналистов США XX века.

Еще в 1922 г. У. Липпман в своей книге «Общественное мнение» писал: «Для того чтобы публика не была пассивной, созерцая некий образ или картинку, – а это в полной мере относится как к газетным сообщениям, так и к художественной литературе и кино, – ее нужно вовлекать в активное сопереживание с помощью образов. Существует две формы вовлечения в такое активное сопереживание. Эти формы превосходят все другие – как по степени легкости, так и по тому, с какой готовностью для них отыскиваются стимулы. Это сексуальные переживания и драки»⁷. В американской политике сексуальные мотивы практически отсутствовали. А, следовательно, единственной доступной формой привлечения внимания читателей к международной ситуации оставалось освещение «драк» или конфликтных ситуаций. Уже с весны 1946 г. на страницах газет и журналов, в радиозфере Советский Союз перестал изображаться союзником, а превратился в конкурента, имевшего давние противоречия с Вашингтоном.

С провозглашением «доктрины Трумэна» в 1947 г. в американском обществе усилились антикоммунистические тенденции, произошел поворот в восприятии СССР в США. Белым домом начал распространяться негативный образ Советского Союза. Вслед за официальными лицами американские СМИ в большинстве своем находили в деятельности СССР признаки агрессивности, экспансионизма и стремления установить коммунистический режим во всем мире. Образ, якобы, злобного Советского Союза, от которого, начиная с 1947 г., уже не ждали ничего кроме провокаций и лжи, хорошо подходил для построения на страницах газет сюжетов «героической» борьбы светлых сил демократии с темными силами коммунизма. Создание образа СССР – врага, отвечавшее нуждам внешней политики США, проходило не без помощи американских СМИ.

Взаимоотношения властей и прессы в США всегда носили особый характер. Респектабельные издания старались позиционировать себя независимыми и объективными. Однако у крупных газет в конгрессе и госдепартаменте обязательно имелись свои «достоверные источники», которые информировали о последних новостях и настроениях в политических верхах⁸. Местные газеты контактировали с законодателями из своих штатов на взаимовыгодной основе: представители прессы получали эксклюзивную информацию,

⁵ Михайлов С.А. Журналистика Соединенных Штатов Америки. СПб, 2004. С. 179.

⁶ Статья журнала «Лайф» «Америка и Россия». 28 июля 1945 г. Архив внешней политики РФ. Ф. 566. Оп. 6. П. 55. Д. 113. Л. 97–98; Американская печать о советско-американских отношениях. 15 октября 1945 г. АВП РФ. Ф. 566. Оп. 6. П. 55. Д. 114. Л. 127–132; Американская печать о внешней политике Соединенных Штатов. 3 ноября 1945 г. АВП РФ. Ф. 566. Оп. 6. П. 54. Д. 111. Л. 86–89.

⁷ Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М., 2004. С. 168.

⁸ Vandenberg A.H., Jr. The Privat Papers of Senator Vandenberg. Boston, 1952. P. 459.

а конгрессмены – возможность донести свое мнение до широкой аудитории, при этом продемонстрировав своим избирателям, как они «защищают их интересы».

Власть в свою очередь была заинтересована в своевременном доведении до сведения населения своих внешнеполитических решений. Для президента были обязательными еженедельные пресс-конференции с журналистами. В его администрации прекрасно осознавали ту роль, которую играли в США средства массовой информации. 20 апреля 1950 г., выступая на завтраке Американского общества редакторов газет, Г. Трумэн заявил: «У нас с вами имеется множество общих важных проблем и важнейшей из них является ответственность, которую мы с вами разделяем за содействие внешней политике Соединенных Штатов Америки. В нашей стране нет такой группы людей, которая имела бы большее значение для нашей внешней политики, чем группа, представленная вашим обществом. В демократической стране внешняя политика базируется на решении народа. Одна из жизненно важных задач свободной печати заключается в том, чтобы давать факты, на которых граждане демократической страны могли бы обосновать свои решения. Вы служите звеном между американским народом и международной жизнью»⁹. Надо полагать, что под «содействием внешней политике» Г. Трумэн понимал создание такого информационного фона, при котором эта политика будет одобряться большинством населения страны. Свобода слова, видимо, должна была существовать в рамках установленной официальной концепции видения международной ситуации. При этом Белый дом искал разнообразные пути и методы контроля над содержанием статей и передач.

Осознавая необходимость взаимодействия с журналистами, администрация США стремилась привлечь их на свою сторону. При подготовке важнейших внешнеполитических мероприятий в госдепартаменте обсуждалась концепция работы с представителями прессы, устраивались специальные пресс-конференции¹⁰. Авторитетные журналисты принимали участие в разработке внешнеполитических проектов в качестве внештатных советников¹¹. Это создавало ощущение сопричастности представителей прессы к принятию внешнеполитических решений, которые позднее предстояло защищать на страницах газет. С другой стороны, такое сотрудничество открывало возможность подготовки общественного мнения страны к одобрению запланированных правительством мер. На индивидуальном уровне деятели администрации поддерживали доверительные отношения с именитыми журналистами. Однако, по утверждению левого американского журналиста И. Стила, применялись и другие методы: «Вас приглашают в ресторан, вас с женой приглашают провести конец недели в поместье какого-нибудь крупного дельца... вас обволакивают роскошью, вас ставят в такое положение, что вы уже не можете отказаться от того, чтобы поступиться своими убеждениями. Надо признаться, что это искушение очень велико»¹². А те журналисты, публикации которых шли вразрез с официальной позицией, зачастую становились в Белом доме персонами нон грата¹³.

Белый дом не мог себе позволить напрямую контролировать прессу, поскольку, согласно его же собственной пропаганде, это было признаком тоталитарного государства. Это заставляло его искать более тонкие подходы. Радиовещание, например, регулировалось Федеральной комиссией коммуникаций, которая выдавала лицензии на осуществление деятельности радиостанций. Это заставляло радиовещателей искать пути добровольного и совместного урегулирования конфликтов. Кроме того, сотрудничество крупных вещателей с правительством приносило им большую выгоду, чем оппозиция¹⁴.

В распространении антисоветских настроений свою роль сыграла «сенсационная» подача в прессе материалов о Советском Союзе. Излагая точку зрения, якобы, «авторитетного в своих кругах лица» или «осведомленного источника», американская пресса подавала информацию, которую в условиях дефицита сведений о СССР было трудно под-

⁹ Public Papers of the President of the United States. Harry S. Truman. January 1 to December 31, 1950. Washington, 1965. P. 260–261.

¹⁰ Acheson D. Present at the Creation. My Years in the State Department. New York, 1969. P. 219.

¹¹ Печатнов В.О. Уолтер Липпман и пути Америки. М., 1994. С. 214.

¹² Цит. по: Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М., 2006. С. 509.

¹³ Там же. С. 512.

¹⁴ Bernhard N.E. U.S. Television News and Cold War Propoganda, 1947–1960. Cambridge, 2001. P.28.

твердить или опровергнуть. Претензия на уникальность привлекала внимание к подобным новостям и, следовательно, способствовала увеличению числа читателей – потребителей образа. В атмосфере поощрения антисоветских тенденций со стороны официальных лиц распространение сомнительной информации о Советском Союзе стало еще более простым. Зачастую правительство США намерено организовывало «утечки» информации. Они служили своего рода лакмусовой бумажкой для общественного мнения и показывали готовность населения страны к одобрению того или иного решения. Если реакция была относительно позитивной, то через какое-то время следовало подтверждение появившейся ранее информации, а если негативной, то официальные лица ее опровергали как недостоверную¹⁵.

Львиная доля американских изданий в 1945–1952 гг. была далека от объективности. Провинциальные газеты зачастую поддерживали официальную точку зрения, поскольку они были ограничены в других источниках информации относительно происходящего на международной арене. Более солидные издания имели возможность помещать на своих страницах комментарии, критику позиции Белого дома или же оппозиционные статьи. Но все это было невозможно без публикации текстов оригинальных заявлений или выдержек из них. Таким образом, официальная точка зрения Вашингтона в любом случае доносилась до рядовых американцев.

Более того, освещение «русского вопроса» вообще гарантировало читательский интерес. В июне 1950 г. радиокomentатор Э. Мэррей проанализировал результаты опроса, проведенного среди 50 американских журналистов. Им был задан вопрос: «Под каким заголовком вы хотели бы опубликовать передовую статью на завтра?». На что 80 % опрошенных заявили, что они выбрали бы темой: отношения с Россией, разоружение России, гарантии мира во всем мире, война с Россией и т.п. Одна треть журналистов заявила, что им очень понравился бы заголовок, говорящий о стихийной революции русского народа против коммунистического режима¹⁶.

Телевидение США в 1945–1952 гг. стояло особняком в ряду американских СМИ. Оно только начинало развиваться. В 1946 г. в США было продано всего 6400 телевизоров, а в 1948 г. в США было приобретено уже 1 млн. телевизоров в 350 тыс. американских домов¹⁷. В США в это время наиболее крупными телеведущими компаниями были Эн-Би-Си, Си-Би-Эс и Дюмон.

В пору своего становления американское телевидение воспринималось как средство развлечения. Начиная с 1947 г., оно вступило в борьбу за место на рынке новостей. Однако нехватка средств и опыта превращали его первые информационные выпуски в цитирование качественных изданий. Американские телевизионные сети в конце 1940-х – начале 1950-х гг. не могли позволить себе посылать свои собственные съемочные группы за границу, а чаще использовали материал, снятый правительственными агентствами. Стремление привлечь широкий круг спонсоров создавало на телевидении особый вид объективности: не давая политизированных комментариев, просто повторять официальные заявления. На этой основе возникло сотрудничество правительства и телевидения, которое использовалось руководством страны для обеспечения идеологической координации внутренних новостей с потребностями внешней политики¹⁸. При создании телепрограмм с участием чиновников госдепартамента специальный помощник госсекретаря оценивал степень необходимости их появления на экране, согласовывал список «неожиданных» вопросов и «спонтанных» ответов, просчитывал предполагаемый эффект. Передачи были полностью подготовлены и отрепетированы, однако подавались как живое общение журналистов с представителями власти¹⁹. Таким образом, телевидение стало для высших государственных лиц трибуной для донесения до населения своего видения международной ситуации.

¹⁵ Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии в масс-медиа // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2005. №1. С. 48.

¹⁶ Комментарий Эдуард Мэррей о данных одной анкеты. 22 июня 1950 г. АВП РФ. Ф. 56б. Оп. 17. П. 543. Д. 470. Л. 176–177.

¹⁷ Раскин А.В. Освещение президентских предвыборных кампаний телевидением США: формы и методы (1952–1992 гг.): дисс. ... канд. истор. наук. М., 1997. С. 24.

¹⁸ Bernhard N.E. U.S. Television News and Cold War Propoganda, 1947–1960. Cambridge, 2001. P.43.

¹⁹ Ibid. P.77.

С нарастанием антикоммунизма телевидение в США оказалось под подозрением, поскольку оно представляло собой мощное средство формирования общественного мнения, сконцентрированного в руках узкого круга лиц, и могло использоваться для распространения коммунистической идей. Эти подозрения в адрес телеведущих вынуждали их еще теснее сотрудничать с высокопоставленными должностными лицами для предотвращения подобных нападков. Телевидение США начала 1950-х гг. превратилось в средство массовой информации, ретранслировавшее официальную точку зрения по ключевым вопросам международной политики и отражавшее образ Советского Союза, господствовавший в Белом доме и госдепартаменте.

Средства массовой информации США в годы президентства Г. Трумэна являлись основным проводником формировавшегося образа СССР. Отвечая нуждам времени, СМИ Соединенных Штатов следовали в большинстве своем за официальной позицией, донося до рядовых американцев необходимое власти видение бывшего союзника. Американские издатели и вещатели хорошо понимали, что новости – это товар, который можно выгодно продать, и не отказывались от использования образа агрессивного противника для этой цели. Зачастую в США сами журналисты верили в то, что «красная зараза» стремительно распространяется по планете. Но и сотрудничество с официальными лицами давало представителям прессы определенные преимущества, заставляя поддерживать на страницах газет и в радиоэфире концепцию видения госдепартаментом бывшего союзника по антигитлеровской коалиции. Лишь те издания, которые дорожили своей репутацией, старались оставаться относительно объективными при подаче новостей. Американское телевидение конца 1940-х – начала 1950-х гг. отличалось не критичностью подхода в подаче информации о Советском Союзе и советско-американском диалоге. Оно только завоевывало себе место на рынке новостей и стремилось извлечь выгоду из сотрудничества с представителями власти.

THE ROLE OF MASS MEDIA IN THE PROCESS OF THE EVOLUTION OF THE IMAGE OF THE USSR IN THE USA DURING TRUMAN PRESIDENCY

E.L. SITNIKOVA

**Russian State Social
University,
Voronezh branch**

e-mail: elsitnik@mail.ru

The article is dedicated to consideration of the role which american mass media played in the evolution of the image of the USSR from the ally to the enemy during H. Truman's age. A short characteristic of the condition of mass media in the USA by 1945 is given, interaction between the press and authorities in the formation of the image of the USSR is shown. The reasons for which the negative image of the Soviet Union was supported by mass media of the United States are tracked.

Key words: mass media, press, image, the USSR, H. Truman, the USA.

УДК: 940.5

РУССКАЯ АМЕРИКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА. К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ И РАЗВИТИИ ДИАСПОРЫ

А.Б.РУЧКИН

*Московский
гуманитарный универ-
ситет*

Статья посвящена проблемам возникновения и развития русской диаспоры в США в первой половине XX столетия. В работе прослежены основные этапы русской иммиграции в контексте организационного строительства русских общественных организаций до- и постреволюционных волн. Автором рассмотрено отношение диаспоры к ключевым событиям российской истории в отмеченный период, выявлены основные черты Русской Америки, ее отличительные особенности и характеристики.

Ключевые слова: русская иммиграция, эмиграция из России, история иммиграции США, диаспора, социокультурная адаптация.

Современному этапу постановки проблемы возникновения и развития русской диаспоры в США и социокультурной адаптации русских эмигрантов как процессу взаимодействия личности с новой социальной средой предшествовали годы крайне политизированного подхода к истории русской эмиграции. Предмет исследования – Русская Америка – до последнего времени не рассматривался в качестве целостного явления общественной и политической жизни, его изучение проходило фрагментарно. К истории русской колонии в США обращались исследователи русской эмиграции, специалисты по межгосударственным отношениям, американисты, историки международного рабочего и коммунистического движения, социологи, этнологи, культурологи и т.д.

Изучение собственно русской эмиграции на протяжении значительного периода времени выпало из рамок приоритетных направлений отечественной историографии и до сегодняшнего дня не существует обобщающих трудов по истории русской эмиграции в США в XX веке. Несмотря на появление ряда работ в последнее время [1, 2, 3, 4] тема русской диаспоры в США в первой половине XX столетия остается малоизученной. Проблемы самоорганизации выходцев из России в Новом Свете, преемственности между поколениями иммигрантов, вопросы социальной и культурной адаптации в Северной Америке выходцев из России не получили должного освещения и комплексно не рассматривались. И сегодня можно согласиться с В.М. Селунской в том, что «процесс изучения истории эмиграции из России стремительно расползался вширь...но, не вписывая адаптантов в окружающую новую среду, а оставляя их словно в вакууме»¹.

¹ В.М. Селунская Рецензия на книгу Г.Я. Тарле // Отечественная история. 1994. № 4. С. 12.

Русская Америка остается одной из крупнейших диаспор дальнего зарубежья. Прошлое и настоящее этого субконтинента вызывает острые дискуссии по обе стороны Атлантики. Иммиграция из России – это немалая часть мирового потока, сформировавшего Соединенные Штаты. В общем потоке европейской иммиграции (с 1820 г.) численность выходцев из России составила 4 млн. человек, то есть 10 % от европейской иммиграции и около 5% – от общемировой². Процессы перемещения соотечественников в поисках свободы и лучшей жизни продолжаются и сегодня. К проживавшим в США в начале 1990-х 2,95 млн. американцев, имевших российские корни, за 10 лет (1990-1999 гг.) добавилось еще 441 тыс. выходцев из новых независимых государств, расположенных на территории бывшего СССР.

Начало русской иммиграции в Америку, то есть прибытие русских на территорию другого государства, можно вести с момента продажи Аляски. Однако массовое переселение выходцев из Российской империи началось лишь в самом конце XIX столетия. Иммиграционная политика США первых десятилетий XX века благоприветствовала прибытию трудовых мигрантов из Российской Империи в Америку. В начале прошлого столетия правила допуска в страну белых переселенцев были достаточно либеральны, что позволило некоторым современникам характеризовать предвоенное время как период «Laissez-Faire» натурализации и ассимиляции. Этап становления русской диаспоры относится к 1900 – 1920 гг. К концу второго десятилетия столетия русский язык впервые входит в десятку языков (9-е место), наиболее распространенных среди групп белого населения США, родившихся за рубежом.

Адаптация русских иммигрантов к американским реалиям соответствовала тенденциям, характерным для всей «новой», т.е. юго- и восточно-европейской иммиграции. Подавляющее большинство выходцев из России осело на Восточном побережье, а три четверти иммигрантов размещалось в восьми штатах. Иммигранты из России принадлежали к наиболее урбанизированным группам (наряду с ирландцами и поляками). Лидерство по числу выходцев из России прочно удерживал Нью-Йорк, русскоязычное население которого составляло примерно 500 тыс. чел., из которых «чисто русских» насчитывалось 125 тыс. В благоприятной обстановке в стране (прежде всего речь идет о возможности трудоустройства) значительному количеству иммигрантов удалось приспособиться к новым условиям.

При отсутствии государственной российской политики по отношению к соотечественникам общественные и политические функции берут на себя организации, традиционно ориентированные на социальную защиту мигрантов или культурные объединения. Кроме организаций церковных или тесным образом с церковью связанных, в Соединенных Штатах иммигрантские массы были вовлечены в деятельность партийных, культурно-просветительских и профессиональных объединений.

События 1917 г. всколыхнули колонию. Февральская, а затем и Октябрьская революции способствовали организационному всплеску, появлению новых и оживлению деятельности уже существовавших объединений и групп. В результате политических разногласий в начале 1918 г. в Соединенных Штатах состоялся сразу два съезда представителей русской колонии. 1 февраля в Нью-Йорке под красным и американским флагами открылся Первый русский Общеколониальный съезд, а 9-11 февраля 1918 г. там же состоялся Первый Русский Всегражданский Съезд. Оба эти съезда «не оставили после себя никаких практических результатов, не закрепили ни одной колониальной позиции, потому что они прошли исключительно под знаком политических настроений». В силу определенных финансовых и организационных причин период существования подобных объединений был кратким, а лепта, внесенная в дело объединения русской колонии – малой.

Постреволюционная эйфория и стремление вернуться домой скоро сошли на нет. Ужесточение иммиграционного законодательства в США и все большее закрытие советских границ остановили процесс взаимного сближения русской колонии и метрополии. С середины 1920-х гг. русская колония снова оказалась предоставлена сама себе. Контакты с Родиной становятся делом просоветски настроенных организаций и не носят массового характера. Укрепление русской колонии происходит без определяющего влияния родины.

Активность русской колонии наряду с событиями, происходящими в России, не остались незамеченными американскими властями. Результатом общественного подъема русской колонии и революционных событий на родине стала массовая антикрасная, а фактически антирусская истерия начала 1920-х гг., практически уничтожившая организационные формы русской диаспоры (за исключением русской православной церкви, значительно ослабленной постреволюционным расколом).

² Ю.Л. Неймер Иммиграция в США, русская и иная // Мир России. 2003. №1. С. 121.

Второй этап развития диаспоры приходится на 1920 – 1933 гг. и связан с появлением новой постреволюционной волны иммигрантов. После Первой мировой войны в связи с изменением иммиграционного законодательства США приток русских туда значительно сократился. В 1923 г. в страну въехало 4346 человек (по сравнению с 48,5 тыс., прибывшими в США в 1913 г.). В дальнейшем количество приезжавших не превышало 1800 чел. ежегодно. Вновь прибывшие русские иммигранты начали процесс организации своей Русской Америки практически с нуля. Представители постреволюционной иммиграции селились в тех же городах, но на значительном расстоянии от «старой колонии», не смешиваясь даже в пределах одного города. Представляя более образованную и более сплоченную группу, постреволюционная иммиграция относительно быстро прошла этап выживания и приступила к активной общественной деятельности, вне связи с массами русских, уже находившихся в Америке. Отличительной особенностью этого этапа развития диаспоры стало возникновение обширной сети национальных организаций и объединений, нередко конфликтующих между собой, но связанных общим интересом диаспоры.

Проведенный в конце 1920-х гг. опрос русских иммигрантов, проживавших в Калифорнии в течение 6-11 лет, позволяет оценить, что нравилось и что не нравилось русским в Америке. Русским не хватало в Америке атмосферы оставленного родного города, общества, привычного круга общения и связей, которые было уже невозможно приобрести в новой стране из-за отсутствия свободного времени и средств, особенностей культурной и общественной жизни, форм проведения досуга (музыкальных вечеров, оперы, зимних видов спорта). В американской жизни не хватало искренности, честности, открытости, сочувствия и понимания ситуации беженцев, высказывались пожелания американцам, «чтобы они знали немного больше о нас». Отмечались различия русских и американских культурных ценностей, манеры общения, характеров. Жизнь в Америке представлялась «отчаянной борьбой за существование, в которой побеждал лишь сильный, а слабый безжалостно растирался между колесами бегущих все дальше колесниц. Всем управляет, над всем господствует частный интерес, частная инициатива. Это торжество бессердечного индивидуализма, презирующего нелепую выдумку слабых о какой-то общности частных интересов»³.

Что же нравилось русским в Америке? Подавляющее большинство отмечало комфорт (санитарные условия домов и предприятий), материальный и технический прогресс (цивилизация, дух изобретательства) и свободу (личная независимость, демократические принципы государственного устройства и общественной жизни, отсутствие четких социальных границ, равенство, религиозная терпимость, независимое положение женщин). Русские высоко ценили порядок и организацию американской жизни, возможность бесплатного образования для детей, наличие библиотек и условий для продолжения образования и возможности «пробиться наверх» при наличии желания и воли.

Несмотря на тяжелый труд, почти все опрошенные отметили, что «Америка нравится», хотя у многих «первые шесть лет прошли на фабрике и в квартире в тяжелом труде и заботе о завтрашнем дне»⁴.

Отсутствие социальных границ отмечалось русскими как одна из особенно важных положительных черт американской жизни, так как многим приходилось начинать с низших ступеней общественной лестницы. Однако американское равнодушие к титулам и званиям с успехом компенсировалось внутриобщинными различиями. М.Железнов называл это явление «перевернутой демократией». Какой бы ни была работа у человека днем, это никак не влияло на его социальное положение в русской колонии, где он продолжал оставаться уважаемым генералом, судьей или князем.

Дипломатическое признание Советской России США 16 ноября 1933 г. де-юре закрепило существование русской иммиграции без родины, без права официального представительства своей страны. После установления дипломатических отношений с точки зрения адаптационных процессов доминирующим становится представление о неизбежности и желательности дальнейшей интеграции группы в локальное сообщество. Многими иммигрантами принимается окончательное решение о получении американского гражданства.

К 1938 г. две самые значительные колонии русских в США (в Сиэтле и Нью-Йорке), насчитывавшие соответственно 2500 и 6000 чел., на 90% состояли из американ-

³ В. Зензинов Железный скрежет. Из американских впечатлений. Париж, 1927. С.22.

⁴ Hoover Institution on war, revolution and peace Archive (Stanford, USA) HIA. Day Collection, Russian Occupation questionnaire.

ских граждан. Русские иммигранты, находясь на 17-м месте по продолжительности пребывания в США, тем не менее, занимали 10-е место по уровню натурализации. На этой стадии в сознании иммигрантов происходит отказ от возможности реэмиграции в пользу перспектив развития в инациональной среде.

Выступая за американизацию, представители русской общественности рисовали ее как «процесс внутренний, эволюционный, прививающий детям или внукам иммигрантов понятия об американском демократическом идеале и лучших американских традициях для руководства в личной и общественной жизни». В частности, в ходе обсуждения возможности введения русского языка в американскую программу среднего образования представители иммиграции практически отрицали неразрывную связь языка и самосознания, чтобы избежать подозрений и обвинений. Неоднократно подчеркивалось, что подавляющий процент детей русских иммигрантов не вернется в Россию, а сама иммиграция заинтересована «в ассимиляции подрастающими поколениями тех общечеловеческих идеалов и отдельных мыслей, которые удачно выразились в формах русской культуры, а внешне воплотились в языке». Центрами колонии наряду с православными храмами становятся созданные в этот период культурные и образовательные объединения. Так, в Сан-Франциско русскую колонию сплотило создание постоянно действующего Русского центра, который существует и сегодня, сохраняя и оберегая традиции России, которую они покинули уже почти столетие назад.

С начала 1940-х гг. наступает период упадка диаспоры (третий по счету). На этой стадии диаспора уже не удерживает соотечественников в орбите своего влияния, что выражается в росте дисперсности проживания и ассимиляции ее членов. Община становится символом существования диаспоры, но не реальным социальным образованием, «памятником» истории выживания, источником преданий для этнокультурной группы, чье самосознание в отношении к окружающему практически в основном уже совпадают с менталитетом общества. Иммигранты активно адаптируются к условиям американской жизни. Под воздействием экономических и политических факторов сроки получения гражданства иммигрантами значительно сокращаются. Если в 1920 г. средний период получения гражданства составил 10,6 лет, то есть в два раза дольше необходимого, то в начале сороковых годов четверо из пяти иммигрантов, проживших в стране достаточное время для натурализации, уже становились гражданами.

Сложный внешнеполитический контекст накладывал отпечаток на формирование институтов русской диаспоры. Волны энтузиазма и общественного подъема разбивались о политику изоляционизма и подозрительности по отношению ко всему русскому и потому, возможно, советскому и коммунистическому. Исключением стал период Второй мировой войны, когда диаспора в своем подавляющем большинстве оказалась охвачена патриотическим подъемом и желанием помочь сражающейся родине.

«...Редкое единодушие проявили все русские и карпаторусские, светские и церковные газеты; все союзы, братства и приходы, все низшее духовенство, огромное большинство русских военных с оружием в руках боровшихся против большевиков в гражданскую войну» все интеллигентские и политические группировки; друзья русской культуры, монархисты, младороссы, кадеты, прогрессисты, социалисты и, к их чести, многие представители дома Романовых»⁵.

После сражения под Москвой и Сталинградской битвы гордость за «русский воинский дух и доблесть» все шире охватывает иммигрантское общество. Крах надежд на освободительное движение изнутри, вызванное внешним импульсом, заставило многих наблюдателей изменить свои взгляды на будущее русской государственности. На «непримиримых» позициях оставались немногие. После окончания войны и непродолжительной эйфории диаспора вернулась к повседневным заботам и активной благотворительной деятельности.

В целом следует признать, что в первой половине прошлого столетия проблемы иммиграции находились на периферии двусторонних отношений. Диаспора не была активно вовлечена в развитие двусторонних контактов. В 1940-е гг. русские общины в Америке были в значительной степени предоставлены сами себе. До них все реже докатывались политические и общественные дискуссии, бушевавшие в Европе. Отстраненность русских от «русских дел», привыкание и увлеченность американской культурой отмечались многими европейскими эмигрантами, посещавшими США в этот период.

Появление послевоенной иммиграции – «дипийцев» – не оказало существенного влияния на жизнь диаспоры в целом. Временные рамки этого этапа русской иммиграции ограничены окончанием боевых действий и прекращением деятельности международных

⁵ Новое русское слово (Нью-Йорк). 1941. 22 ноября.

организаций по осуществлению массовой репатриации в начале 1950-х гг. По сложившейся традиции представители новой волны (насчитывающей около 40 тыс.) предпочли создавать собственные поселения и общественные организации.

К рубежу 1950-х гг. после непродолжительной эйфории послевоенных надежд на «русское пришествие» в Америку иммигрантская жизнь все больше пронизывалась ощущением «безвоздушного пространства», когда интеллектуальные силы иммиграции, по выражению М.Вишняка, были вынуждены творить в «физически неизменно убывавшей среде» без возможности ее расширения за счет российского читателя или слушателя. За исключением единичных случаев перебежчиков и невозвращенцев эмиграция как массовое явление прервется до начала 1970-х гг., когда наступит время «русскоязычной» волны, имеющей свои социокультурные особенности.

Всего по данным американских государственных учреждений, с 1901 по 1949 гг. в США прибыло 2 603 826 иммигрантов из России. Максимальное число русских, проживавших в США (определяемое по принципу родного языка), составляло 731 949 чел., к 1940 г. оно снизилось до 585 080 чел. Наиболее распространенной оценкой количества «русских» в США в 1920-1940-е гг. является 360-400 тыс⁶. Становление диаспоры необходимо рассматривать в контексте адаптационных процессов русских иммигрантов, принимая во внимание особенности группового характера этого явления.

В научном сообществе продолжают дискуссии о содержании самого термина «диаспора» и отличительных особенностях этого социального феномена. При изучении процессов возникновения и развития в США русской иммиграции нами выбрана концепция диаспоры Р. Кохена, где в качестве отличительных особенностей диаспоры выделяется совокупность факторов, среди которых важнейшими являются: «рассеяние» группы; коллективная память и миф о родине, включая ее местоположение, историю и достижения; наличие постоянной связи в том или ином виде между диаспорой и родиной; идеализация предполагаемой родины предков и коллективная вовлеченность (или попытки) в ее внутривнутриполитическую жизнь; возвращенческое движение в условиях его коллективного одобрения.

К обязательным признакам диаспоры относят сегодня и сильное групповое этническое самосознание, наличие проблем с принимающим обществом, «ценз давности», то есть временной отрезок, отмеряющий период существования группы в новых условиях, что позволяет оценить, превратилась ли группа в диаспору или нет. В качестве важного отличия диаспоры от других этнических групп отмечается чувство сопричастности и солидарности с членами этнической группы в других государствах.

Развитие диаспоры неизбежно затрагивает все сферы иммигрантской жизни. Переплетение политических, экономических и социокультурных факторов определяет особенности процесса групповой адаптации иммигрантов. Его наиболее полным отражением является процесс возникновения и деятельности сети общественных, культурных учреждений, призванных оказать содействие широкому кругу выходцев из страны в усвоении правил нового окружения и отстаивании их интересов. Деятельность этих организаций оформляет и поддерживает границы группы, придает ей «институциональную завершенность». Цель различных организаций диаспоры – не только предоставить место для социального взаимодействия, но в большей степени способствовать созданию и развитию общепринятого и разделяемого чувства единства, ассоциированного с осознанием этнической общности. Возникающие объединения формируют «каркас» диаспоры.

С учетом «ценза давности», то есть временного отрезка, отмеряющего период существования группы в новых условиях, по прошествии которого возможно оценить превратилась ли группа в диаспору или нет, можно утверждать, что этнокультурная социальная общность, сформированная в США русской иммиграцией первой половины прошлого столетия, соответствует предложенным Р. Кохеном критериям диаспоры. Мы можем с уверенностью говорить о рассеянии группы из одного места в два региона и более. Российское Зарубежье, возникшее в результате трудовой миграции начала века и революционных событий 1917 г., охватывало практически все континенты и насчитывало миллионы бывших российских подданных. Русская Америка стала одной из наиболее массовых и, в силу определенных геополитических обстоятельств, наиболее стабильной частью русского рассеяния в первой половине прошлого столетия. Особенностью правового положения русской иммиграции в 1920-30-е гг. в США было отсутствие юридически закрепленного «беженского» статуса и специального правительственного органа, который ре-

⁶ Govorchin G. From Russia to America with Love: A study of the Russian Immigrants in the United States. Kingston, 1990. P. 49.

гулировал бы русские вопросы, что способствовало скорейшему вхождению русских в американское правовое поле на общих для всей иммиграции основаниях.

Являлась ли русская диаспора единой? Безусловно, нет. Русская диаспора первой половины XX столетия – это соединение несоединимого, то есть широкого спектра социальных групп и сословий, оказавшихся за пределами родины в разное время и в силу разных причин. Каждая из групп имела свой набор мифов, свое восприятие прошлого и планы на будущее России. Эти представления претерпевали изменения под влиянием процессов, протекающих в диаспоре, событий на родине и в стране пребывания. Представление о родине применительно к русской диаспоре становится мощным разделяющим фактором, препятствующим созданию общеколонизационных организаций. Право на собственную Россию и признание ее единственно верной предопределило феномен русской политической эмиграции, ее роли как политического проекта и особой жизненной ситуации.

Идеализация предполагаемой родины и коллективная вовлеченность в обсуждение путей развития русской государственности были характерны для постреволюционной иммиграции. Применительно к этой волне мы можем говорить о наличии сильного группового этнического самосознания, поддерживаемого в течение длительного периода, основанного на чувстве отличия, общей истории и веры в общую судьбу. Однако, в целом политический проект белого изгнания с его миссией спасения культуры и возрождения русской государственности оказался чужд диаспоре.

В определенный период в США в среде русской иммиграции активно развивалось возвращенческое движение. Процесс реэмиграции в первую очередь захватил дореволюционную политическую эмиграцию. По оценке русского дипломатического представительства, количество эмигрантов, планировавших вернуться на родину после Февральской революции, составляло около 2 тыс. чел. Возвращенческая волна на своем пике в 1920-1921 гг. достигла 10-15 тыс. чел. Прекращение движения было предопределено развитием внутривнутриполитических событий в Советской России. Впоследствии закрытие страны от внешнего мира поставило точку в возвращенческом движении широких масс, сократив его до «возвращенчества» как политического проекта по разложению белой эмиграции.

Русская Америка пережила ряд моментов в своей истории, в полной мере испытав воздействие идеологии, политики, культурных традиций и общественных институтов принимающей стороны. На протяжении полувека русским иммигрантам приходилось существовать в условиях настороженного и подозрительного отношения со стороны американского общества. В то же время многим русским в Америке удалось реализовать творческий, научный и культурный потенциалы, а диаспоре в целом вести в определенные периоды творческую и насыщенную жизнь. Русские американцы оставили яркий след в науке, культуре, образовании новой родины. Жизнь диаспоры освещалась на страницах русской прессы. К середине XX века в США выходило на русском языке 5 ежедневных газет и 14 еженедельных, ежемесячных и ежеквартальных изданий, многие из которых выпускались на очень высоком уровне.

Соотнесение своего представления о России с социальным опытом и знаниями иммигрантов каждой из последующих волн приводило к укреплению и фиксации наиболее важных черт в рамках каждой из традиций, поддерживаемых той или иной группой, сохранению отличительных черт своей «русскости», выстраиванию своей траектории развития для русских в изгнании и будущего русской диаспоры. При ослаблении иммиграционного движения из России, смене поколений внутри страны деление диаспоры на трудовую и жертвенную постепенно стирается, и для середины прошлого столетия мы можем говорить о начале процесса преобразования диаспоры в культурную, подчеркивающую, прежде всего духовную связь с идеализируемой родиной. Отмеченная тенденция отчетливо прослеживается в деятельности русских иммигрантских объединений, в том числе и связанных с Русской Православной Церковью.

Как правило, новые иммигранты позиционировали себя значительно выше предшественников и не особенно были готовы прислушиваться к советам о «правильном» вхождении в американскую жизнь. Соответственно, если на стадии борьбы за иммиграционные возможности для соотечественников (прежде всего речь идет о помощи оформления иммиграционных документов, различных подтверждений и т.д.), мы прослеживаем активное участие иммиграционной общественности в судьбе потенциальных иммигрантов, то после прибытия в США, по мере проявления социальных и культурных отличий, новые иммигранты встречали все более и более равнодушный прием. Так, общественные организации русской постреволюционной иммиграции активно выступали в поддержку «перемещенных лиц» (displaced persons – DP). Объединенный комитет русских национальных организаций в Сан-Франциско неоднократно призывал предоставить всем

русским, оказавшимся за рубежом, международное покровительство, запретить насильственную репатриацию, облегчить процедуру въезда в США, особенно для эмигрантской молодежи, ввести специальные квоты для русских студентов-иммигрантов, что сделало бы для них возможным получение высшего или специального образования в США.

В полной мере для русской диаспоры в США характерно чувство сопричастности и солидарности с членами этнической группы в других государствах. Ярким примером участия лучшей устроенной части русской иммиграции в судьбах соотечественников стала активная международная деятельность Общества помощи русским детям. Важнейшим ежегодным событием, объединившим самые широкие круги русской колонии и сочувствовавших им американцев, стало празднование Дня русского ребенка. Собранные Обществом средства направлялись нуждающимся детям русской иммиграции в самые отдаленные уголки Европы и Азии.

Таким образом, каждая из волн была вынуждена трансплантировать, поддерживать и развивать собственные сети социального взаимодействия в привычной и понятной для себя форме. История диаспоры – это история развития и укрепления таких связей, попыток привлечь к ним новые поколения русских американцев. Идеологическая жесткость и нетерпимость иммигрантов первого поколения, часто стремившихся сохранить чистоту рядов своих союзов, в большинстве случаев сменялась организационной целесообразностью последующих поколений.

Проведенный анализ документов российских и американских архивов⁷ позволяет утвердительно ответить на вопрос о существовании в США в первой половине XX века русской диаспоры, под которой мы понимаем часть этноса, проживающего вне своей исторической родины, сохраняющего представления о единстве происхождения и не желающего терять стабильные групповые характеристики, заметно отличающие его от остального населения страны пребывания, вынужденно подчиняясь принятому в ней порядку.

В своем развитии русская диаспора в США прошла этапы становления, развития и упадка. В условиях прекращения иммиграционного движения из России диаспора была обречена на постепенное растворение в американской жизни. Тем не менее, на протяжении первой половины столетия русские иммигранты сумели создать обширную сеть общественных организаций, призванных способствовать социальной, культурной и правовой адаптации к условиям Америки и воспитанию новых поколений в традициях русской культуры.

Опыт развития русской диаспоры в США, имеющий почти вековую историю, представляет несомненный общественный интерес с точки зрения изучения процессов правовой, социально-экономической и социокультурной адаптации значительных иммигрантских групп в новой среде под воздействием миграционной политики, способствующей максимальному использованию потенциала прибывающих мигрантов во внутренних и внешнеполитических интересах страны⁸.

RUSSIAN AMERICA IN THE FIRST HALF OF XX CENTURY. TO THE QUESTION OF CREATION AND THE DEVELOPMENT

A.B. ROUSHKIN

*Moscow University
for the Humanities*

The article is devoted to the questions of the creation and development of Russian Diaspora in USA in the first half of the XX century. The author traces the main periods of Russian immigration in the context of the development of organizations founded by pre and post revolutionary immigrants. The Diaspora's attitude towards major events of Russian history is examined, and the main characteristics of Russian America with its peculiarities and features are displayed.

Key words: Russian immigration, history of immigration USA, emigration from Russia, Diaspora, social and cultural adaptation

⁷ Государственный архив Российской Федерации. ГАРФ. Ф. 10143. Коллекция микрофильмов Музея русской культуры в Сан-Франциско (США). Hoover Institution on War, Revolution and Peace Archive (Stanford, California, USA) Архив Гуверовского Института войны, революции и мира (Стенфорд, Калифорния, США). Immigration History Research Center Archive IHRC (Minneapolis, Minnesota, USA). Архив исследовательского центра по истории иммиграции, (Миннеаполис, Миннесота, США). New York Public Library, Manuscripts and Archive Division – NYPL (New York, USA). Нью-Йоркская публичная библиотека (Нью-Йорк, США) Отдел рукописей и архивных документов.

⁸ Подробнее см.: А.Б. Ручкин. Русская иммиграция в США в первой половине XX века (опыт социокультурной адаптации). М., 2006. 386 с.; А.Б. Ручкин. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. М., 2007. 427с.

КУРСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ СЕРЕДИНЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

И.Т. ШАТОХИН

*Белгородский
государственный
университет
e-mail: shatohin@bsu.edu.ru*

Корпоративная солидарность губернаторов. Взаимоотношения губернаторов с сословными структурами поместного дворянства. Борьба местных чиновников с произволом губернаторов. Характеристики курских губернаторов в воспоминаниях современников.

Ключевые слова: губернаторы, мемуары, корпоративность, сословные структуры дворянства.

Губернаторы в системе местного управления российской империи занимали ключевое место. Будучи представителями высшей власти, «хозяевами» вверенных территорий, они отвечали за реализацию правительственной политики всеми коронными учреждениями, осуществляли надзор и попечительство за органами местного самоуправления. Усердное исполнение многочисленных обязанностей по управлению, надзору, администрированию требовало от губернаторов максимального напряжения сил, поэтому на эти должности верховная власть подбирала администраторов, имевших значительный управленческий опыт и всецело преданных престолу. В свою очередь наиболее успешные губернаторы могли продолжить свою карьеру в центральном аппарате управления, куда их приглашали для исполнения обязанностей начальников департаментов министерств, министров и их товарищей, членов сената или государственного совета.

Деятельность губернаторов была в центре внимания местного населения, особенно образованного общества, поэтому в мемуарах современников нашлось место описанию отдельных эпизодов деятельности губернаторов, их деловых и человеческих качеств; оценке отношения различных кругов общественности к личности того или иного «хозяина» губернии. В рассматриваемый период (1840-1902 гг.) в Курске сменилось 12 губернаторов, о многих из них мы имеем мемуарные свидетельства современников.

О первом из этого числа губернаторов – Андрее Прокопьевиче Устимовиче, занимавшем эту должность с 12 ноября 1840 г. по 14 сентября 1850 г.¹, известно из воспоминаний Н.А.Решетова. Автор поведал читателям «Русского архива» историю конфликта губернского предводителя дворянства А.А.Нелидова с губернатором, возникшего из-за влияния на полицейских чиновников. Результатом этого конфликта стало смещение А.П.Устимовича в результате сенаторской ревизии, направленной в губернию стараниями предводителя². Сенаторские ревизии были очень страшны для губернаторов, т.к. в деятельности любого из них всегда можно было найти основания если не для предания суду, то для серьезного взыскания или увольнения.

Губернаторы, несмотря на конкуренцию и присущее им стремление выдвинуться в глазах министра внутренних дел и императора, обладали еще и корпоративной солидарностью. На наш взгляд, этим, а также естественным желанием утвердиться в губернии можно объяснить следующий любопытный факт. Сменивший А.П.Устимовича на этом посту Владимир Александрович Казадаев (21 октября 1850 г. – 15 октября 1853 г.) не допустил утверждения А.А. Нелидова губернским предводителем на новый срок, хотя последний набрал на дворянских выборах подавляющее число голосов. Губернатор отправился в Петербург, где в таких красках представил А.А. Нелидова, что Николай I утвердил губернским предводителем второго кандидата – Киреевского³.

Более колоритно Н.А.Решетов написал о Владимире Ивановиче Дене, губернаторствовавшим в Курске с 19 января 1861 г. по 10 сентября 1863 г. Флигель-адъютант, генерал-майор В.И. Ден до назначения в Курск командовал Смоленским пехотным полком,

¹ Здесь и далее даты назначения и увольнения курских губернаторов даны по: Губернии Российской империи. История и руководители. 1708 – 1917. М., 2003.

² Решетов Н.А. Дела давно минувших дней // Русский архив. 1885. №12. С. 540-541.

³ Там же. С.542.

«и хотя считался строгим и взыскательным командиром, был честным и справедливым человеком»⁴. Его пребывание к губернии хорошо запомнилось курянам строгостью, борьбой с взятками, а еще тем, что «в нем было много странностей и чудаческих выходов, совершенно не связанных с его солидным положением начальника губернии»⁵.

Не менее обстоятельно пишет об этом губернаторе И.Т.Плетнев. Авторы приводят разные сведения о деятельности В.И. Дена в Курске. Единственный общий, но значительно различающийся в деталях эпизод – это борьба губернатора с махинациями винных откупщиков и чиновников Казенной палаты. Н.А.Решетов подробно повествует о том, как губернатор, получив сведения о подпольном изготовлении рома, явился на место преступления, арестовал его участников и всю продукцию, изъял обнаруженную там печать Казенной палаты. При этом он «не исполнил всех формальностей, соблюдаемых при открытии казенного ущерба, а просто распорядился самолично, как губернатор». Из-за этого, а также потому, что главный виновник – советник Казенной палаты Жуков – повесился, дело не удалось довести до суда⁶. И.Т. Плетнев же, упоминая о «разгроме» губернатором питейного отделения Казенной палаты из-за обнаруженных в нем крупных злоупотреблений по откупам, виновниками называет других – советника палаты Максимовича (повесился) и секретаря палаты Россинского (застрелился)⁷.

«Рыцарски благородный и честный правитель» В.И. Ден был для местного чиновничества чудаковатым и страшно опасным представителем верховной власти. Первым, ошеломившим государевых слуг случаем стал его вызывающий отказ принять взятку в 15 тыс. руб. от откупщиков. Попытался передать В.И.Дену на Пасху 1861 г. эти деньги председатель Казенной управы И.Я.Телешев. Позже он «уверял всех своих знакомых, что он никогда не мог себе представить подобной странности в новом губернаторе, и что бывшие перед ним шесть губернаторов не только за это не обижались, но, совершенно, напротив, находились с ним в самых дружеских отношениях». Стремясь обезопасить себя, И.Я.Телешев настроил против В.И. Дена своего министра, представив в выгодном для себя свете промахи губернатора в борьбе со злоупотреблениями в винных откупах. Поэтому посетивший позднее Курск министр финансов Княжевич весьма сухо обошелся с В.И. Деном, высказав ему недовольство за противодействие правительственной политике по откупам, от которых государство получает главный доход⁸.

Другим чудачеством В.И. Дена была его весьма экстравагантная борьба со взяточниками в полиции. Для этого он ночью «надевал костюм оборванца и, притворившись пьяным, бродил по улицам Курска», от ночного караула откупался десятирублевками, а на другой день чиновника, руководившего нарядом, своим указом увольнял от службы. Однажды один и чинов полиции раскусил эту хитрость и велел конвою оттащить загримированного губернатора в участок, поучить как следует и оставить до утра в «клоповнике». После этого случая таинственный оборванец с десятирублевками пропал⁹.

Не сложились отношения у В.И. Дена и с местным дворянством, особенно с его лидерами. При проведении крестьянской реформы нужно было назначить в каждом уезде из местных дворян посредников для полюбовного размежевания земель. Губернатор собрал предложения по кандидатурам на эти должности от каждого уездного предводителя, но не утвердил 9 претендентов из 15, заменив их своими кандидатами, т.к. собрал по своим каналам на предводительских кандидатов нелестные отзывы. Возбешенные таким к ним недоверием уездные предводители, подстрекаемые губернским предводителем Н.Я. Скарятиным, решили пожаловаться на губернатора Александру II, которого ожидали в Курской губернии на смотре войск. Император, хорошо зная честность своего флигель-адъютанта, дал жесткую отповедь предводителям: «Вы занимаетесь сплетнями, недостойными Вашего звания. Вы жалуетесь на губернатора, который есть представитель моей власти и которого я лично знаю. Чтоб этого впредь не было!»¹⁰. Этот случай, а также раз-

⁴ Решетов Н.А. Дела давно минувших дней // Русский архив. 1885. №12. С.543.

⁵ Плетнев И.Т. Воспоминания шестидесятника. В Курской губернии // Наша старина. 1915. №7. С.658.

⁶ Решетов Н.А. Дела давно минувших дней... С.545.

⁷ Плетнев И.Т. Воспоминания шестидесятника... №7. С.659.

⁸ Решетов Н.А. Дела давно минувших дней... С.543-545.

⁹ Плетнев И.Т. Воспоминания шестидесятника... №7. С.659.

¹⁰ Решетов Н.А. Дела давно минувших дней... С.546-547.

личие с губернским предводителем Н.Я. Скарятиным во взглядах на вопросы земельного устройства освобожденных крестьян и другие нелады с местным чиновничеством стали причинами ухода В.И. Дена в отставку.

О губернаторстве Ивана Александровича Звегинцова (27 апреля 1881 г. – 14 февраля 1885 г.) чиновник губернского правления И.Т.Плетнев оставил в своих мемуарах краткую, но весьма лестную характеристику. «После Жердинского (тайный советник Александр Николаевич Жердинский был курским губернатором с 28 января 1866 г. – по 16 апреля 1881 г. – Ш.И.) губернаторствовал А.И.Звегинцов, в высшей степени деликатный, гуманный администратор, простой и доступный губернатор. Прослужа четыре года, он перевелся членом совета министра внутренних дел, оставив по себе прекрасную память в Курской губернии»¹¹. Это несмотря на то, что у И.Т.Плетнева были основания серьезно обидеться на своего бывшего начальника. Когда он в 1890 г. обратился за помощью к И.А.Звегинцеву и рассказал о своей жалобе министру внутренних дел на губернатора В.В. фон Валя, то Иван Александрович «из доброжелателя сделался чуть ли не врагом». Отказывая своему бывшему подчиненному, И.А.Звегинцов выступал как высокопоставленный чиновник МВД. В его ответе-отповеди звучала идея корпоративной губернаторской солидарности, это была демонстрация того, каким образом создавался и поддерживался ореол непогрешимости губернатора в его действиях по отношению к подчиненным: «Что Вы мне рассказываете! Вы понятия не имеете, что такое губернатор! Губернатор полновластный хозяин губернии, это – царь, это – бог в своей губернии. Если бы даже он 130 чиновникам отрубил головы, и тогда министерство не обратило бы на это никакого внимания... каждый губернатор ведет собственную политику в соответствии с своими убеждениями»¹².

Сменивший И.А.Звегинцова на посту курского губернатора Павел Павлович Косаговский (14 февраля 1885 – 25 февраля 1889 г.) прибыл из Одессы, где вынужден был оставить должность градоначальника из-за «неладов» с одесским генерал-губернатором Роопоом или из-за своего кадрового просчета. Отличаясь страстной нелюбовью к немцам, Павел Павлович принял к себе чиновником особых поручений, а затем сделал правителем своей канцелярии молодого человека, имевшего плохую характеристику от гродненского губернатора Н.М. Цеймерна. Однако, намереваясь сделать гадость немцу Н.М. Цеймерну, П.П. Косаговский поставил себя в неприятное положение и вынужден был покинуть Одессу, так как его протеже через два года службы в Одессе был осужден и отправлен в Сибирь за преступления по службе¹³.

С молодых лет П.П. Косаговский был избалован фортуной. Он получил прекрасное образование в Павловском кадетском корпусе и Константиновском артиллерийском училище, однако военную карьеру сделать ему не удалось: по просьбе больного отца он управлял имением, был избран уездным предводителем в Новгородской губернии. В период подготовки крестьянской реформы его пригласили участвовать в Редакционных комиссиях, где на него обратили внимание из-за того, что он выделялся «особой начитанностью и образованностью». Вскоре началась его карьера в МВД. Сначала он был вице-губернатором в Пензе, где удачно женился на дочери героя Крымской войны генерала Я.Загоскина¹⁴. Следующим местом службы стал Симбирск. Уже тогда вице-губернатор обладал очень важным для бюрократа качеством – «мастерством обольванивать официальные бумаги так, что они выходили в его изложении и деловыми и не сухими по форме»¹⁵. После непродолжительного губернаторства в Витебске (1867 – 1868 гг.)¹⁶ П.П. Косаговский был назначен директором Департамента полиции исполнительной МВД, где прослужил до 1880 г. В ходе предпринятой М.Т.Лорис-Меликовым реформы центрального аппарата полиции Департамент полиции исполнительной был присоединен к Департаменту государственной полиции, а

¹¹ Плетнев И.Т. Воспоминания шестидесятника... №11. С.1062.

¹² Плетнев И.Т. Воспоминания шестидесятника... №12. С.1142-1143.

¹³ Андреевский Е.К. Особые взгляды (Из воспоминаний о П.П.Косаговском) // Русская старина. – 1908. №2. С.472-473; Плетнев И.Т. Воспоминания шестидесятника... №11. С.1062.

¹⁴ Андреевский Е.К. Особые взгляды... №2. С.471.

¹⁵ Егоров А.Е. Страницы из моей жизни // Исторический вестник. 1912. №1. С.58.

¹⁶ Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2001. С.275.

должность, которую занимал П.П. Косаговский, была упразднена¹⁷. Его увольнение было, как предполагает И.Т.Плетнев, вызвано трениями с всемогущим «диктатором»¹⁸.

После этого фортуна стала менее благосклонна к тайному советнику П.П.Косаговскому. Из Одессы пришлось уезжать из-за собственного капризного желания сделать что-то наперекор мнению немца. Курск он также вынужден был покинуть, легкомысленно втянувшись в противоборство с местным губернским предводителем дворянства. Суть и детали этого скандала подробно описали в своих мемуарах его сослуживцы – вице-губернатор Евгений Константинович Андреевский и чиновник особых поручений Иван Тимофеевич Плетнев. Несмотря на близость этих авторов к участникам события, рассказы их сильно отличаются в деталях.

Отношения П.П. Косаговского к губернскому предводителю были «строго официальными»¹⁹, хотя «изошряя свое остроумие, он нередко подтрунивал над предводителем и тем, несомненно, очень вооружил его против себя»²⁰. Это было известно в обществе, поэтому когда предводитель уехал отдыхать на 2 месяца за границу, некоторые его недоброжелатели попытались воспользоваться этой ситуацией в своих целях. По версии И.Т.Плетнева, курский уездный предводитель Н.П.Анненков, оставшийся исполнять обязанности А.Д.Дурново и, вероятно, надеявшийся в будущем занять его место, убедил губернатора, что деньги на поездку А.Д.Дурново взял из дворянской кассы. А так как Н.П.Анненков, единственный из местной дворянской элиты, «пользовался личным расположением губернатора», то П.П. Косаговский поверил в это и командировал полицмейстера осмотреть дворянский денежный ящик. Свою роль сыграло и то, что было известно о финансовых затруднениях губернского предводителя: его имение в Щигровском уезде «почти каждое полугодие ... публиковалось банком в продажу». С ящика были сорваны печати, вскрыт замок, полицмейстер и Анненков не обнаружили в нем денег, но находившаяся в нем расписка Госбанка о приеме от А.Д.Дурново на хранение всех 22 тыс. руб. дворянских денег повергла их в шок²¹.

У Е.К. Андреевского этот случай имеет иную подоплеку и иных действующих лиц. Некий статский советник Л-ч, служивший интендантом в армии в русско-турецкую войну 1877-1878 гг., захотел пожертвовать курской гимназии 10 тыс. руб., чтобы на проценты с капитала воспитывать несколько детей дворян – его стипендиатов. А.Д.Дурново ему отказал, считая деньги «грязными». Однако губернатор настоял деньги принять, а дело обсудить на губернском дворянском собрании. Через несколько месяцев Л-ч попросил губернатора вернуть ему деньги, но А.Д.Дурново был за границей. Замещавший предводителя Хорват денег не получал при своем вступлении в должность и о них не знал ничего. Полицмейстер Топчиев доложил губернатору, что Дурново перед отъездом пытался найти деньги займы под вексель, но не нашел и взял деньги Л-ча. Топчиев предложил вскрыть денежный ящик в дворянском собрании. П.П. Косаговского безуспешно пытался отговорить от этого необдуманного шага правитель канцелярии губернатора И.В. Сукман. «Что почувствовал П.П. Косаговский и в каком положении очутился Топчиев, когда на дне ящика нашли аккуратно сложенный пакет с десятью тысячами рублей: надпись, сделанная рукою губернского предводителя Дурново, гласила: 10000 рублей, деньги, которые г-н Л-ч намеревается пожертвовать дворянству на курскую гимназию. 1888 года июня 10-го». Итог для губернатора был печален, он был приглашен к министру внутренних дел Д.А.Толстому, который отчитал тайного советника как мальчишку: разбили ящик – нашли деньги – плохо, а не нашли – оказали бы «медвежью услугу правительству», так как совершенно не думали о последствиях²².

Удивлены были таким поступком губернатора и его подчиненные. «Непостижимо, – сокрушался чиновник особых поручений при губернаторе И.Т.Плетнев, – как умный и опытный Косаговский мог пойматься на такую удочку?»²³ Прослужив 3 года полтавским губернатором, П.П. Косаговский получил почетную должность члена совета МВД²⁴. Несмотря на скандальное оставление должности в Курске, горожане сохранили о нем добрую память.

¹⁷ Перегудова З.И. Политический сыск России (1880-1917 гг.). М., 2000. С.31.

¹⁸ Плетнев И.Т. Воспоминания шестидесятника... №11. С.1062.

¹⁹ Там же. С.1135.

²⁰ Андреевский Е.К. Особые взгляды... №3. С.547.

²¹ Плетнев И.Т. Воспоминания шестидесятника... №12. С.1135-1036.

²² Андреевский Е.К. Особые взгляды... №3. С.548-551.

²³ Плетнев И.Т. Воспоминания шестидесятника... №12. С.1135-1036.

²⁴ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц, по всем управлениям в Российской империи на 1893 год. СПб., 1893. Ч.2. С.105.

«Суровый на вид старик, порою грубый, Косаговский был в сущности добрый человек и, как губернатор, очень деятельный. Вставал он в 5 часов утра и к этому времени полицмейстер и один из его приставов уже дежурили у подъезда, ожидая его выхода, чтобы сопровождать губернатора по Курску. Заходил он на базары, подтягивал мясников, ходил по улицам, наблюдая за чистотою и исправностью мостовых. Осматривал дворы, часто посещал трактиры и гостиницы. Против присутственных мест была свалка навоза; он приказал выровнять всю площадку и засадить ее деревьями. Получился небольшой сквер для гулянья с прекрасным видом на реку Тускарь и слоб. Стрелецкую. Он настоял, чтобы все домовладельцы сажали на тротуарах деревья против своих домов. Теперь эти тополиные аллеи разрослись по обеим сторонам улиц, придавая нарядный вид городу, утопающему в зелени. Такие же посадки производились и в уездных городах. ...Театр был в здании дворянского собрания, но в конце семидесятых годов дворянский дом с театром сгорел, и Курск остался без театра. На Херсонской улице пустовало здание бывшего манежа. Трудом арестантов Косаговский перестроил и приспособил это здание для театра с довольно большим зрительным залом. Вообще благоустройство Курска многим обязано Косаговскому»²⁵.

По иронии судьбы, П.П. Косаговского в Курске сменил немец Виктор Вильгельмович фон Валь (25 февраля 1889 – 4 мая 1892 г.). Нормализовав отношения администрации с дворянством, он добился уже в 1890 г. не утверждения на очередной срок губернским предводителем А.Д.Дурново. Вскоре после прибытия в Курск губернатор уволил полицмейстера Топчиева, замешанного в скандальном уходе прежнего губернатора. Таким образом, вольно или невольно, но фон Валь наказал тех, кто стал основанием для удаления своего предшественника, отличавшегося нелюбовью к немцам²⁶.

В.В. фон Валь родился в 1840 г., военную карьеру начал офицером в Польше, участвовал в 1863 г. в подавлении польского восстания. В 1876 г. полковником и флигель-адъютантом фон Валь перешел на гражданскую службу и был назначен вице-губернатором в Ярославль. Затем он губернаторствовал в Гродненской (1878-1879), Харьковской (1879-1880); Витебской (1880-1884), Подольской (1884-1885), Волынской (1885-1889) губерниях²⁷.

Местные чиновники, особенно находившиеся в непосредственном подчинении губернатора, всегда со страхом и трепетом переживали смену главного начальствующего лица в губернии. Вскоре после приезда нового губернатора стали подтверждаться ходившие накануне слухи «неутешительного характера». В первые месяцы были уволены многие полицейские чиновники, а их места «замещали чиновники Волынской и Подольской губерний». Затем настала очередь советников губернского правления и чиновников особых поручений, в т.ч. и И.Т.Плетнева²⁸, который оставил подробные воспоминания о курских губернаторах и жизни курского чиновничества в 1860-1880-е гг.

И.Т.Плетнев был сначала переведен из чиновников особых поручений на должность Дмитриевского уездного исправника, а затем уволен по надуманному основанию и с этого места. В отличие от многих своих «товарищей по несчастью» ему не был выдан «волчий» билет – увольнение по причине «несоответствия своему назначению». Даже четверть века спустя И.Т.Плетнев продолжал удивляться «непонятной корректности» губернатора при его увольнении, так как кроме мягкой причины, не препятствовавшей дальнейшей карьере, фон Валь разрешил ему трехмесячный отпуск для поиска службы и даже предложил через начальника Курского губернского жандармского управления должность помощника уездного исправника²⁹.

Жалоба И.Т.Плетнева министру внутренних дел, его обращения к влиятельным лицам (к члену Совета МВД И.А. Звегинцову; к редактору журнала «Гражданин» князю В.П.Мещерскому), публикации в печати о гонениях фон Валя на неугодных чиновников в Курской губернии отчасти увенчались успехом³⁰. В.В. фон Валь в 1892 г. покинул Курск, перейдя на должность Санкт-Петербургского градоначальника. На новой должности он прославился широ-

²⁵ Плетнев И.Т. Воспоминания шестидесятника... №11. С.1062-1063.

²⁶ Андреевский Е.К. Особые взгляды... №3. С.552; Плетнев И.Т. Воспоминания шестидесятника... №12. С.1137.

²⁷ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Биографии. В 12 т. М., 1993. Т.3. С.32; Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи... С.275; 279; 284; 321; 349.

²⁸ Плетнев И.Т. Воспоминания шестидесятника... №12. С.1137-1138.

²⁹ Там же. С.1138, 1141.

³⁰ Там же. С.1142-1144; 1146.

ким применением административных репрессий. С 1895 г. фон Валь шесть лет был почетным опекуном Опекунского совета учреждений Императрицы Марии. В 1901 г. вновь был востребован его административный опыт – он стал виленским губернатором. Чрезмерная жесткость нового губернатора в отношении политических заключенных, которых стали сечь в местном тюремном замке, стала причиной неудачного на него покушения. В министерство В.К.Плеве фон Валь был призван стать его товарищем и командиром отдельного корпуса жандармов. С 1 января 1904 г. и до смерти в 1915 г. В.В. фон Валь был членом Государственного совета³¹.

10 лет (1 июня 1892 – 13 октября 1902 г.) возглавлял Курскую губернию генерал-майор граф Алексей Дмитриевич Милютин. В Курск он прибыл из соседнего Харькова, где с 1889 г. исполнял обязанности вице-губернатора³². Довольно нелицеприятную характеристику этому администратору дал видный земский статистик и деятель либерального движения И.П. Белокопский: «...губернатор Милютин, родной сын знаменитого Милютина – министра, совершенно не похожий на своего отца. Это был горчайший пьяница, форменный алкоголик. Полицейстер каждую ночь ездил «разыскивать» владыку губернии, кутившего в гостиницах, ресторанах и больше всего в «царских комнатах» на вокзале. Бывали случаи, когда находили его превосходительство валявшимся на улице. Каждое утро перед приемом посетителей и чиновников он вынужден был отрезвляться в ванне, чтобы не шататься»³³.

Такая оценка и акцентирование внимания на злоупотреблении губернатора спиртным вполне объяснима. Либеральный земский деятель и губернатор априори относились к разным социальным и политическим группам. А.Д. Милютин стремился предотвратить распространение во вверенной ему губернии либерализма, поэтому пытался избавиться от деятельного земского служащего, имевшего известную репутацию и широкие связи в отечественных оппозиционных кругах. И.П. Белокопский после двух с небольшим лет службы в губернском земстве был вынужден покинуть Курск, а о губернаторе у него остались исключительно негативные впечатления.

Воспоминания Н.А.Решетова, Н.А.Плетнева, Е.К.Андреевского, И.П. Белокопского о своих современниках – курских губернаторах дают возможность в той или иной степени оценить их как администраторов, попытаться понять логику их действий в разных, подчас экстраординарных, жизненных ситуациях. Несомненно, что это были неординарные государевы слуги, которые на этом посту не только делали свою служебную карьеру, но и, как правило, усердно управляли вверенной им территорией, стремясь, настолько это было возможно и насколько они это понимали, способствовать благу местного населения. Некоторые самозабвенно боролись с коррупцией, как это делал В.И. Ден, другие методично добивались благоустройства городов, как П.П. Косаговский. Однако губернаторы отнюдь не были ангелами и мудрыми, добрыми правителями, у них были те же пороки, что и у всего государственного аппарата и у российского общества той поры. Курские губернаторы могли не только закрывать глаза на чиновничьи взятки, но и сами брать их; страдали пристрастным отношением к спиртным напиткам и к людям, увольняя неугодных, приближая любимчиков, среди которых иногда оказывались проходимцы, бездари и бездушные карьеристы; самодурствовали, отстаивали корпоративные интересы, несмотря на этические нормы и законы.

THE KURSK GOVERNORS OF THE CENTRE – SECOND HALF XIX CENTURY IN MEMORIES OF THE CONTEMPORARIES

I.T.SHATOHIN

Belgorod State University

e-mail: shatohin@bsu.edu.ru

Corporative solidarity of the governors. Relationships of the governors with class structure of the landed gentry. The struggle of the local official with arbitrariness of the governors. The characterizations of Kursk governors in memories of the contemporaries.

Key words: governors, memories, corporative solidarity, class structure of the gentry.

³¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Биографии... Т.3. С.32; Бородин А.П. Государственный совет России (1906-1917). Киров, 1999. С.252.

³² Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих... на 1889 год. СПб., 1889. Ч.2. С.132; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих... на 1892 год. СПб., 1892. Ч.2. С.136.

³³ Белокопский И.П. В годы бесправия. Воспоминания. М., 1930. С.143.

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕТСКОГО ТРУДА В ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В 80-90-Е ГГ. XIX В.

О.А. Смоленская

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова

В статье рассматриваются законодательные акты, регламентировавшие труд детей в фабрично-заводской промышленности России в 80-е гг. XIX в., показаны условия и причины их появления, сделана попытка проанализировать эффективность их практического применения.

Ключевые слова: рабочие, труд малолетних, фабричная инспекция, фабрично-заводская промышленность.

На исходе первого двадцатилетия развития пореформенной России ведущей формой промышленности становится фабрично-заводское производство, основанное на машинной технике.

Рост крупной машинной индустрии ускорял формирование промышленного пролетариата. За 15 лет, 1865 г. по 1879 г. в обрабатывающей и горнозаводской промышленности рабочий класс вырос более чем в 1.5 раза – с 670 тыс. до 1 млн. человек. В 70-х гг. XIX в. наблюдались высокие темпы формирования городского фабричного пролетариата. В 1879 г. в Европейской части России насчитывалось до 40 крупных промышленных городов, на фабрично-заводских предприятиях которых было занято свыше 35 % всех индустриальных рабочих.

Уже в первую пореформенную эпоху в капиталистическом производстве стал интенсивно применяться дешевый труд малолетних и подростков в связи с внедрением в производство машин, дающих возможность заменить мужскую силу гибкостью детского организма. Количество несовершеннолетних в промышленности, по сведениям профессора Янсона, в 1874 г. равнялся 10-15 % общего числа рабочих, а дети от 10 до 12 лет составляли от 25 до 40 % несовершеннолетних¹.

В дореволюционной промышленности рабочие делились по возрастам на три группы: малолетние – до 15 лет, подростки - 15-17 лет и взрослые. Внедрение машинного производства вело к резкому удлинению рабочего дня для всех категорий рабочих, средняя продолжительность которого по всей России составляла от 12 до 15 часов в сутки. Наиболее длительным он был на предприятиях текстильной, пищевой и горнозаводской промышленности.

Материалы ряда массовых обследований рабочих фабрично-заводской промышленности капиталистической России показали, что преобладающая масса рабочих начинала впервые работать на фабриках в чрезвычайно раннем возрасте. Так, по данным обследования фабрично-заводской промышленности Московской губернии, произведенного в начале 80-х гг. XIX в., видно, что почти две трети всех рабочих поступило на фабрику в возрасте до 14 лет, из них в возрасте моложе 10 и 10-11 лет – 33 % общего числа рабочих².

В.Ю. Гессен, специально изучавший применение детского труда на предприятиях фабрично-заводской промышленности в России, пришел к выводу, что «в начале 80-х годов эксплуатация детского труда приняла огромные размеры... в пореформенное время, от опубликования акта об освобождении крестьян до издания закона о труде малолетних, т.е. за время промышленного подъема, число малолетних рабочих на предприятиях фабрично-заводской промышленности и в абсолютных, и в процентных цифрах сильно и заметно возросло»³.

Между тем, детский труд ни в какой мере не был ограничен и применялся в объеме взрослого за пониженную плату. Зарплата подростков составляла 50 %, а малолетних – менее 30 % заработка взрослых⁴.

¹ Шелымагин И.И. Фабрично-трудоустройство законодательство в России, 2-я половина XIX века. М., 1947. С. 38.

² Полное собрание законов Российской империи III. (Далее ПСЗ) Т.2. № 931. С. 299.

³ Гессен Ю.В. Труд детей и подростков в России. М.; Л.: Изд-во Ленинградского губпрофсовета, 1927. Т. 1. С. 57.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1885. №23. Ст. 214. С. 38.

В обстановке все более нараставшего социального напряжения, роста стачечного движения в стране был издан указ от 4 февраля 1880 г. Министрам было рекомендовано «по мере обнаружившейся на опыте потребности входить в Государственный совет с изменениями и дополнениями действующих о рабочих узаконений по тем отдельным предметам, которые будут требовать ближайшего определения в законодательном порядке»⁵.

Переход от подготовки всеобъемлющих проектов к разработке законодательных актов частного характера, регулирующих отдельные стороны фабрично-заводской жизни, наметился еще до этого указа. Так, в 1879 г. три члена Совета торговли и мануфактур при Министерстве финансов (Андреев, Кулибин и Шопен) подали министру просьбу о разрешении возбудить вопрос на одном из заседаний совета об ограничении труда малолетних. «Необходимость оградить малолетних рабочих от истощения, при слишком раннем поступлении их на работу и обеспечить за ними самое элементарное образование вызвало в Европе издание целого ряда законов», – заявляли подписавшие просьбу. «В России вопрос этот был, неоднократно обсуждаем, но обсуждения ни к какому результату не приводили». Между тем, потребность «принять надлежащие меры» чрезвычайно остра⁶. Министр одобрил их предложение. С этого времени по существу начинается подготовка законопроекта, регламентирующего труд детей на промышленных предприятиях.

В мае 1881 г. на пост министра финансов был назначен видный ученый-экономист Н.Х. Бунге. Он в законодательном урегулировании отношений предпринимателей и рабочих видел одно из главных и необходимых условий для успешного развития промышленности. В своей программной записке 1880 г. в разделе «Улучшение положения промышленности, обрабатывающей и торговой» Бунге с сожалением констатировал: «Россия не имеет законов, регулирующих наемный труд, т.е. определяющих возраст малолетних, употребляемых в работы, продолжительность дневных и ночных занятий»⁷.

И в начале 1881 г. в Министерстве финансов началась активная работа над проектом правил о регламентации детского труда. При этом чиновники опирались на обширные материалы комиссий П.Н. Игнатъева и П.А. Валуева, а также комиссии при московском генерал-губернаторе под председательством известного статистика М.А. Саблина (1878 г.), составивших на основании осмотра городских предприятий «Правила об улучшении рабочих помещений и мастерских», которые были утверждены как обязательные для всей губернии.

Подготовленный проект поступил на отзыв в другие ведомства и 30 декабря 1881 г. был внесен в Государственный совет за подписью 4 министров: финансов – Н.Х. Бунге, внутренних дел – Н.П. Игнатъева, юстиции – Д.Н. Набокова и народного просвещения – А.П. Николаи.

Проект предусматривал: 1) запрещение труда детей до 12 лет, но с представлением министру финансов права определять те предприятия, на которых может допускаться работа детей в возрасте с 10 до 12 лет; 2) запрещение ночной работы для 12-14-летних и ограничение дневной 8 часами; 3) ограничение дневной работы для 14-17-летних 10 часами, ночной – 6 часами; 4) возложение на фабрикантов обязанности обеспечить малолетним и подросткам, не окончившим одноклассного начального училища, возможность посещать школу не менее 2 часов в день; 5) утверждение фабричной инспекции для надзора за выполнением закона, разделение основных промышленных регионов на три округа (Петербургский, Московский, Владимирский) во главе с фабричным инспектором, подчиняющимся главному инспектору при Департаменте торговли и мануфактур Министерства финансов. Ввести закон в действие предполагалось с 1 июля 1882 г.

Предприниматели Центрального промышленного района заявили протест. В записках на имя министра финансов (декабрь 1881 г., февраль-март 1882 г., март 1883 г.) фабриканты повторяли свои возражения против запрета ночных работ для малолетних и ограничения возраста подростков 17 годами (предлагали 16). Московское отделение Совета торговли и мануфактур представило в финансовое ведомство заключение, в котором высказалось против обязанности владельцев предприятий открывать при фабриках школы для малолетних и нести при этом неизбежные расходы.

Проект обсуждался в соединенных департаментах государственного совета 13, 20, 22 марта и 4 апреля 1882 г. с привлечением в качестве экспертов петербургских и москов-

⁵ Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 129.

⁶ РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1784. Л. 281.

⁷ Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 186.

ских предпринимателей. Участники заседаний сделали «москвичам» ряд уступок: 1) министру финансов предоставлялось право в течение двух лет со дня издания закона допускать на работу детей с 10 лет; 2) было отвергнуто деление несовершеннолетних на две возрастные группы (12-14 и 14-17 лет) и установлен один разряд неполноправных рабочих от 12 до 15 лет с 8-часовым рабочим днем; 3) обязанности фабрикантов в деле образования малолетних были сведены лишь к такому распределению их работы, чтобы они имели возможность ежедневно находиться в школе в течение 3 часов. Новая редакция проекта была утверждена Александром III 1 июня⁸.

Наконец, спустя 23 года с момента первых разработок о регулировании фабричного труда, 1 июня 1882 г. был издан первый фабричный закон «о малолетних работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» (далее – закон 1 июня 1882 г.), регламентировавший труд малолетних и учреждение фабричной инспекции. Согласно закону: 1) дети, не достигшие 12-летнего возраста, к работам в промышленных заведениях не допускались; 2) малолетними считались дети от 12 до 15 лет, их работа была ограничена 8 часами в сутки (не включая время, необходимое на завтрак, обед, отдых и посещение школы), причем не должна продолжаться более 4-х часов подряд; 3) ночная работа малолетних, между 9 часами вечера и 5 часами утра, а также в воскресные и праздничные дни – была запрещена; 4) в производствах, «которые по своим свойствам вредны» и изнурительны, труд несовершеннолетних до 15 лет не допускалась; 5) на владельцев заведений возлагалась обязанность предоставлять возможность малолетним, не имеющим свидетельства об окончании курса народного училища, посещать школу.

В случае точного выполнения ст. 1 закона, запрещающей труд детей до 12 лет, Россия по охране детского труда заняла бы одно из первых мест в Европе, где малолетние не допускались к работе до достижения следующего возраста: 14 лет – в Швейцарии и Австрии, 13 лет – во Франции, 11 – лет в Англии, 10 лет в Испании и Дании, 9 лет – в Италии⁹.

Норма о запрете работы малолетних в возрасте до 12 лет носила по своей сути декларативный характер, так как этим же законом министру финансов было предоставлено право по согласованию с министром внутренних дел допускать к работам на заводах, фабриках и мануфактурах малолетних в возрасте не менее 10 лет. Хотя данное полномочие носило временный характер и было предоставлено на двухлетний срок со дня введения в действие закона, подобное отступление позволяло министру финансов фактически отменять норму закона о минимальном возрасте детей, которых можно было привлекать к работе.

Такой же по характеру была норма об особенностях работы малолетних от 12 до 15 лет. Так министру финансов было предоставлено право по согласованию с министром внутренних дел разрешать ночную работу малолетних не более четырех часов в сутки в тех промышленных заведениях, в которых по роду производства она окажется необходимой и не будет причинять вреда здоровью малолетних. Одновременно была допущена непрерывная 6-часовая работа и прерывная 9-часовая, по четыре с половиной часа подряд.

Так как ночную работу вследствие необходимости «по роду производства» фабриканты могли вводить в любом производстве и на любой фабрике, то и второй важный пункт закона фабриканты также могли обходить. Закон должен был получить силу с 1 мая 1883 г.

Однако даже столь существенные уступки не удовлетворили московских фабрикантов. Весной 1883 г. они ходатайствовали перед министерством финансов об отсрочке введения закона в действие на один год. Они аргументировали это тем, что отсутствие окончательной ясности в использовании детского труда, особенно в период кризиса, ставит в сложное положение владельцев предприятий и самих рабочих, семьи которых могут потерять жизненно важный источник дохода. Московское отделение совета торговли и мануфактур поддержало предложение фабрикантов и указало на необходимость «крайней осторожности и строгой постепенности» в применении закона на практике, поскольку до сих пор четко не определены случаи допущения труда детей с 10-летнего возраста и разрешение ночных работ для малолетних.

Финансовое ведомство признало обоснованность опасений предпринимателей, и Бунге внес в государственный совет соответствующее представление. Совет пошел на встречу и 11 апреля отсрочил вступление закона в силу до 1 мая 1884 г.¹⁰.

⁸ Полное собрание законов Российской империи III. (Далее ПСЗ) Т.2. № 931.

⁹ Рашин А.Г. Формирование рабочего класса в России. Историко-экономические очерки М., 1958. С. 93.

¹⁰ ПСЗ III. Т. 3. № 1509.

Так как в попытке практического осуществления закона возникал ряд вопросов, не разрешаемых ни законом 1 июня 1882 года, ни другими действовавшими постановлениями: 1) какие именно заведения подчинялись действию закона? Разрешение этого сомнения было особенно важно ввиду неопределенности ст. 1 и 2 Устава о промышленности, дающих крайне сбивчивое и неполное определение понятиям «фабрика» и «ремесленное заведение»; 2) можно ли требовать исполнения каких-либо формальностей в целях контроля, как, например, ведения списков малолетних, вывешивание объявлений с расписанием рабочего времени; 3) каким способом должен был удостоверяться возраст малолетних; 4) каким путем и на основании каких статей закона должны были фабричные инспекторы привлекать к ответственности виновных в нарушении закона?

Лишь после издания в 1884 г. ряда законов часть вопросов была регламентирована. Это были законы 5 июня «о взысканиях за нарушение постановлений о малолетних на заводах, фабриках и мануфактурах» (карательные статьи определяли за нарушение закона об обучении малолетних штраф 100 р., а за нарушение правил о работе такой же штраф или арест до месяца)¹¹ и 12 июня — «о школьном обучении малолетних рабочих на фабриках, заводах и мануфактурах, о продолжительности их работы и о фабричной инспекции»¹².

Кроме того, министром финансов 19 декабря 1884 г. были утверждены правила относительно исполнения постановлений о работе и обучении малолетних рабочих владельцами заводов, фабрик и мануфактур, а также лицами, заведующими этими заведениями¹³.

Правилами было постановлено, что малолетние, должны были приниматься на заводы, фабрики и мануфактуры только после предъявления ими документов, удостоверяющих их возраст — метрических свидетельств или выписок из церковных книг. Данные документы должны были храниться в конторе промышленных заведений и подлежали предъявлению чинам фабричной инспекции по их требованию.

Владельцы фабрик и заводов, которые использовали на работах малолетних, обязаны были письменно доводить до сведения местного окружного фабричного инспектора:

а) о намерении использовать в своих заведениях труд малолетних узаконенного возраста и приблизительно в каком объеме;

б) как будут распределены работы малолетних — по сменам или иным образом;

в) список праздничных дней, в которые работы детей не будут производиться.

В соответствии с п. 14 правил все работающие на заводе, фабрике и мануфактуре малолетние записывались в особую книгу, которая предъявлялась в местное полицейское управление. Впоследствии эта книга должна была постоянно находиться в конторе фабрики или завода и подлежала предъявлению чинам фабричной инспекции по их требованию.

Форма книги (величина ее обуславливалась числом малолетних на фабрике)

Всех малолетних обоего пола, работающих на бумагопрядильной фабрике (название фабрики и фамилия владельца) <i>столько-то</i> , из них мальчиков <i>столько-то</i> и девочек <i>столько-то</i>										
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Число малолетних	Имя и фамилия малолетнего рабочего	Сколько лет от роду	Где постоянно живут родители, а если сироты, то родственники и опекуны	Когда поступил на фабрику и когда выбыл	Какою работою занят	Сколько часов работает в день, и если по сменам, то в какой именно	Имеет ли свидетельство об окончании курса	Посещает ли школу, какую именно и в какие часы	№ метрического свидетельства или выписки из него	Замечания инспекции

¹¹ ПСЗ III.- Т. 4.- № 2286.

¹² ПСЗ III.- Т. 4.- № 2316.

¹³ Собрание узаконений и распоряжений правительства.- 1885.- №23.- Ст. 214.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Алексеев (Иван)	13 лет и 4 мес.	В семидесяти верстах от фабрики, в с. Иванове, Покровского уезда, Владимирской губернии	1 октября 1884 г.	При мятелях, ставильщиком	6 час., от 6 ч. Утра до 12 час. По полудни, в первой смене	Не имеет	Посещает школу при фабрике находящуюся, от двух часов до пяти по полудни	№ 115	
2	Боброва (Пелагея)	12 лет и 5 мес.	В четырех верстах от фабрики, в с. Сабан Владимирского уезда и губернии	8 ноября 1884 г.	При ватерих, подмещицей	8 час., от 5 до 9 утра и от 1 до 5-ти по полудни.	Не имеет	Посещает земскую школу от 9 до 12 утра.	№ 99	

В книге должна была содержаться следующая информация: список малолетних, работающих на фабрике, заводе или мануфактуре; данные о малолетних: возраст, место жительства их родителей, время поступления на фабрику, свойства порученной работы, определение рабочего времени, род и номера документов, определяющих возраст малолетнего, сведения об окончании курса в одноклассном училище, а также посещает ли малолетний школу, и какую именно; особая графа для замечаний чинов фабричной инспекции.

Правилами также было установлено, что на каждой фабрике, на каждом заводе или мануфактуре должны были вывешиваться на видном месте (в конторе, в рабочих или в жилых общих помещениях) обязательные для фабрикантов и заводчиков правила относительно работы и обучения малолетних рабочих, список производств, к которым малолетние не допускались, список чествуемых на фабрике праздников, а также различные правительственные распоряжения и постановления касательно малолетних рабочих.

Обучение малолетних рабочих: ст. 3 закона, утвержденного 12 июня 1884 г., определяла, что владельцам фабрик, заводов и мануфактур «предоставляется» открывать при вышеуказанных заведениях школы для первоначального обучения малолетних. Подобные учебные заведения могли учреждаться для одного промышленного заведения на средства его владельца или для нескольких находящихся по соседству друг с другом промышленных объектов на общие средства их владельцев. Порядок посещения подобных учебных заведений, а также объем и план преподавания в них устанавливался по взаимному соглашению окружных фабричных инспекторов с директорами народных училищ.

В случае отсутствия школы при фабрике, заводе и мануфактуре фабричная инспекция могла достигнуть соглашения с местным учебным начальством относительно приспособления для обучения малолетних, работающих в означенных промышленных заведениях, находящихся вблизи их народных училищ.

Если невозможно было приспособить соответствующие начальные училища для удобного посещения малолетними рабочими, фабричная инспекция должна была обращаться к местному учебному начальству с вопросом о создании особых школ.

Ст. 5 закона определяла обязанность владельцев, заводов, фабрик и мануфактур предоставлять возможность работающим у них малолетним, которые не имели свидетельства об окончании курса обучения, по крайней мере, в одноклассном училище, посещать школы, от-

крываемые при данных промышленных заведениях или находящихся вблизи народных училищ, не менее трех часов ежедневно или восемнадцать часов в неделю.

После того, как фабричная инспекция указывала владельцам или управляющим промышленными заведениями школу, которую должны были посещать работающие у них малолетние, владельцы или управляющие промышленным заведением должны были еженедельно сообщать учителю школы поименный список таких малолетних. Учитель или лицо, непосредственно заведующее такой школой, обязаны были еженедельно возвращать владельцу или управляющему промышленным заведением упомянутый список с указанием в нем, сколько уроков каждый из учеников пропустил. Эти списки после указания на них причины непосещения школы каждым из малолетних должны были возвращаться учителю, для предоставления фабричным инспекторам (п.19 правил 19 декабря 1884 г.).

Необходимо отметить, что в законе не нашли закрепления важнейшие нормы о финансировании строительства школ и содержания учителей. Различные общества и комиссии обсуждали финансирование создания и деятельности школ как путем удержания соответствующих сумм денежных средств у рабочих, так и путем внесения дополнительного налога, который подлежал бы взысканию с владельцев фабрик, заводов и мануфактур в размере от половины до двух с половиной процентов от всей суммы заработной платы, выдаваемой рабочим¹⁴. Однако данные предложения не были включены в текст закона.

Деятельность инспекции в этом направлении оказалась малопродуктивной из-за отсутствия в законе прямых требований, замененных благими пожеланиями, а фабрикантам это дало повод и возможность закрыть организованные ранее при фабриках школы.

Из отчетов инспекции можно безошибочно заключить, что обучение малолетних рабочих сколько-нибудь успешно шло на фабриках там, где предприниматели заботились о нем по собственному почину и желанию. Положение же инспекции, на которой лежала забота о школьном обучении малолетних рабочих, и которая вместе с тем не имела никаких реальных средств к устройству приспособленных для них школ, бывало нередко крайне затруднительным.

После неудач первых лет фабричная инспекция прекратила сколько-нибудь серьезные попытки к проведению в жизнь закона об обучении малолетних рабочих и в своих отчетах этому вопросу не уделяла никакого внимания.

При отсутствии ясности и определенности норм закона и реальных гарантий выполнения его требований содержащиеся в нем нормы частично теряли свое значение. Как отмечал И.И. Шелымагин, закон нарушался фабрикантами совершенно открыто и безнаказанно: 100-рублевый штраф при полном игнорировании закона делал это нарушение прямо выгодным. Фабричные инспектора неоднократно отмечали в своих отчетах, что попытки привлечь нарушителей к ответственности были безуспешными. В 1885 г. только в Московском округе на 200 фабриках были обнаружены нарушения закона, а фабриканты в 1882-1887 гг. были привлечены к ответственности в размере штрафа в 100 рублей только в трех случаях. В остальных случаях возбуждение дел против фабрикантов ни к чему не приводило и не оставляло никаких следов¹⁵.

По сведениям, полученным первым фабричным инспектором Московской губернии И.И. Янжулом, было обнаружено, насколько широко применялся в то время на фабриках труд детей — это 9,5% от общего числа рабочих. Малолетние работали то же время, что и взрослые, а иногда даже дольше, оставаясь после ухода взрослых для уборки мастерских. Продолжительность их рабочего дня в среднем оказалась 12,5 часов, а высший предел достигал 16-18 часов в сутки¹⁶. Даже эти краткие сведения в достаточной мере указывают на то, что при столь изнурительном труде прямой ущерб здоровью детей очевиден, и насколько своевременно было вмешательство закона для их ограждения и учреждение инспекции для надзора за его применением.

¹⁴ Литвинов-Фаленский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. — СПб., 1900. — С. 37-38.

¹⁵ Шелымагин И.И. Фабрично-трудовое законодательство в России, 2-я половина XIX века. — М., 1947. — С. 70.

¹⁶ Янжул И.И. Фабричный быт Московской губернии: отчет за 1882-1883 гг. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Московского округа И.И. Янжула. — СПб., 1884. — С. 72.

Несмотря на все «урезания» и вышеуказанные недостатки закона и неоднозначность практики его применения, акт 1 июня 1882 г. дал положительные результаты. Удельный вес детского труда в производстве все же снизился. Численность малолетних среди рабочих за 1882-1885 гг. в Московском фабричном округе сократилась с 9,5 до 3,2 %, во Владимирском – с 10,8 до 3%. И в целом по России до принятия закона малолетние среди фабрично-заводских рабочих составляли в среднем 5% , тогда как в середине 90-х гг. Этот процент снизился до 2, а в европейской России – даже до 1,8%. Из общего числа 1 079 093 рабочих на долю малолетних в середине 90-х гг. приходилось 20 170 человек¹⁷.

Также необходимо учитывать, что ограничение детского труда побуждало фабрикантов вводить новые технику и технологии, повышающие производительность труда.

LEGAL REGULATION OF CHILD LABOUR IN THE FACTORY INDUSTRY OF RUSSIA IN THE 80-90-THS OF THE XIX CENTURY

O.A. SMOLENSKAYA

*Belgorod Shukhov state
Technological University*

This article deals with the act of law timing of work and training of the children labour at the Russian plants and factories in the 80's of the XIX century; it shows the conditions and causes of their appearance; the attempt has been made to analyze the effectiveness of their practical application.

Key words: workers, juvenile work, factory inspection, factory industry.

¹⁷ Шелымагин И.И. Указ. соч. С. 72.

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ МУКОМОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-х гг. XX в.

Е.Ю. ПРОКОФЬЕВА

Белгородский государственный университет

Prokofieva@bsu.edu.ru

В статье «Проблемы организации мукомольной промышленности советской России в первой половине 20-х гг. XX в.» автором рассматриваются актуальные вопросы, касающиеся истории развития мукомольной промышленности в России. Предпринята попытка выделить противоречия, имевшие место в организации мукомольного производства в РСФСР в 20-е гг., проанализировать мероприятия советского руководства по их разрешению.

Ключевые слова: мукомольное производство в РСФСР, НЭП, советская Россия в 20-е гг. XX в., развитие мукомольного производства в РСФСР и в Украине.

Мукомольное производство в рассматриваемый период было отнесено в соответствии со складывающейся советской хозяйственной структурой к отраслям местной промышленности, перерабатывающим сельскохозяйственное сырье (наряду с сахарной, маслосеменной, крахмалопаточной, винокурной и др.). Типичными для местной промышленности являлись предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, использующие местные ресурсы и обслуживающие население регионов. К 1925 г. наибольшее число предприятий, перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию, в том числе и мукомольных, имелось на территории РСФСР и УССР¹.

Несмотря на то, что мукомольное производство было отнесено к ведомству местных хозяйственных и регулирующих органов, в первой половине 20-х гг. XX века вопросы организации и управления мукомольной промышленностью неоднократно дискутировались на уровне Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) и Народного комиссариата внутренней торговли (Наркомвнуторг). Проблема состояла в распылении предприятий отрасли по многочисленным государственным и хозяйственным учреждениям двух этих крупных структур, что серьезно препятствовало эффективному функционированию, затрудняло отчетность и контроль. К началу 20-х гг. значительная часть предприятий мукомольной промышленности находилась в ведении Наркомвнуторга, часть предприятий отрасли, расположенных на территории Украины, была объединена в Украинский мукомольный трест (Укрмут), еще одна часть промышленных заведений была передана в распоряжение общесоюзной хлеботорговой организации Хлебобпродукт, находившейся под контролем структур Наркомвнуторга. Вместе с тем, местные хозяйственные органы – совнархозы и исполкомы местных советов выступали категорическими противниками подчинения мукомольной отрасли страны учреждениям хлебной торговли, сосредоточенным в Хлебобпродукте под контролем Наркомвнуторга, ссылаясь на исторический опыт организации мукомольной промышленности (как ее тогда называли) в дореволюционной России. Они требовали разделения хлеботорговли и мукомольной отрасли и передачи предприятий последней под управление ВСНХ².

Действительно, в начале XX века мукомольная промышленность в России занимала не только значительную, но и совершенно самостоятельную позицию. По совокупной годовой стоимости произведенной продукции мукомольная отрасль занимала третье место после текстильной и металлообрабатывающей. По приблизительным оценкам, к 1914 г. все мукомольные предприятия России, включая мелкие сельскохозяйственные и кустарные промышленные заведения, производили готовой продукции на сумму не менее одного миллиарда довоенных рублей в год, причем крупные промышленные мукомольные предприятия производили продукции на сумму в 486 млн. руб., хотя численно составляли лишь 24,4% всех мельниц страны. В 1916 г. в России была осуществлена «мукомольная перепись», по данным которой все мельницы были поделены на 8 классов в соответствии

¹ Шапиро Д. Лицо местной промышленности // Местная промышленность и торговля. 1925. № 7-8. С.3; Шапиро Д. Управление местной промышленностью // Местная промышленность и торговля. 1925. № 1-2. С.5; Александров Н. Пищевкусовая промышленность ЦЧО // Хозяйство ЦЧО. 1929. №2. С. 105-120.

² Бриф Э. Организация мукомолья // Местная промышленность и торговля. 1925. № 7-8. С. 18-19.

с их реальной производственной мощностью. Из 18579 зарегистрированных мельниц 594 были отнесены к 1-3 классам (с суточной производительностью более 2000 пуд. зерна) и 3937 – к 4-5 классам (с суточной производительностью от 500 до 2000 пуд. зерна). Остальные 14048 мельниц (т.е. 75,6% от общего числа зарегистрированных мукомольных промышленных заведений страны) с производительностью менее 500 пуд. зерна в сутки были отнесены к 6-8 классам. Таким образом, совокупная годовая производительность 4531 мельницы первых пяти классов составляла около 1 млрд. 455 млн. пуд. зерна (из них годовая производительность мельниц 1-3 классов составляла 605 млн. пуд., 4-5 классов – 850 млн. пуд.)³.

Мукомольные предприятия 6-8 классов причислялись к «мелким и кустарным сельскохозяйственным промышленным заведениям». Точных данных об их годовой производительности правительство не имело, однако по сохранившимся анкетам министерства финансов за 1908 г. предположительно она составляла не менее 1 млрд. 500 млн. пудов перерабатываемого зерна в год. Принимая во внимание тот факт, что совокупная производительная мощность всех предприятий мукомольной промышленности России к 1916 году достигала приблизительно 3 млрд. пудов зерна в год, на долю «кустарных промышленных заведений» приходилось около 50% всей производящейся в стране муки⁴.

Мукомольные предприятия России до революции делилась на 3 группы: крупные, (т.н. «товарные») – мельницы, работавшие полностью за свой счет, перемалывающие заготовленное своими силами зерно и поставлявшие его исключительно на рынок; средние (т. н. «заводные») – мельницы, перерабатывающие зерно клиентов-«перемольцев» (плативших деньгами или зерном), они обслуживали преимущественно местный рынок; наконец, мелкие сельскохозяйственные мельницы и «кустарки», работавшие главным образом на перемол крестьянского зерна, предназначенного не на продажу, а для домашних нужд крестьян. Приведенные выше данные свидетельствуют, что несмотря на то, что крупные капитализированные мельницы, составляющие 24,4% от общего числа мукомольных предприятий России, производили около половины товарной муки в стране, оставался еще очень значительный процент мельниц (75,6%), обслуживающих «натуральное» и «мелкотоварное» хозяйство крестьян.

Товарные предприятия мукомольной промышленности, как правило, работали за свой счет и на своем зерне и обслуживали мукой городское население потребляющих сельхозпродукцию центров, некоторые из них в небольших количествах производили муку на экспорт. Крупные товарные мукомольные предприятия самостоятельно закупали для себя зерно, используя в том числе и инфраструктуру предприятий хлебной торговли, являвшихся крупными поставщиками товарного зерна. Кроме того, владельцами крупных мельниц производилась заготовка зерна через собственных агентов на внутреннем рынке хлебоборных губерний, на территории которых с этой целью создавались их заготовительные конторы и ссыпные пункты. Вместе с тем, организационно торговля хлебом и мукомольная промышленность связаны не были. Хлебная торговля, имевшая развитый торговый аппарат, не зависела от мельниц. Она поставляла для них зерно, заготавливала муку на экспорт, однако крупная хлебная торговля не была связана с торговлей собственно мукой. Торговый «мучной» капитал был совершенно самостоятельным, поскольку получал уже готовую муку, главным образом, от мельников и лишь частично, преимущественно в хлебоборных губерниях, прибегал к самозаготовке и «самопомолу» зерна в муку. Таким образом, мукомолье дореволюционной России к концу первого десятилетия XX в. несмотря на большую долю мелких и кустарных заведений, имело определенно выраженный капиталистический, промышленный характер.

Накануне Первой мировой войны владельцы предприятий мукомольной промышленности объединились в Совет съездов мукомолов. По своему положению Совет съездов был общественной организацией представительства и защиты интересов и нужд мукомольной промышленности перед правительственными учреждениями и общественными организациями страны. Высшим органом был Общероссийский съезд мукомолов. На местах действовали 16 районных съездов мукомолов, подчинявшихся Общероссийскому съезду. В состав Общероссийского съезда мукомолов принимали исключительно

³ Шапиро Д. Экономическое районирование и местные органы // Местная промышленность и торговля. 1925. № 9-10. С.4; Руденко С. Мукомольная промышленность Ставрополя и возможности ее восстановления // Местная промышленность и торговля. 1925. № 11-12. С. 145.

⁴ Сахаров Г. Воспроизводство основного капитала местной промышленности // Местная промышленность и торговля. 1925. № 5-6. С.6-7; Слоним Я. К вопросу о передаче мельниц местным органам // Местная промышленность и торговля. 1925. № 3-4. С. 43.

владельцев мельниц первых пяти классов, что свидетельствовало о начале процесса синдицирования мукомольной отрасли. Порайонная организация мукомольной промышленности, по данным отчета Совета съездов мукомолов, за 1910 г. объяснялась условным делением территории страны на районы в зависимости от источников сырья и рынков сбыта готовой продукции. 9-й Всероссийский съезд мукомолов утвердил 16 таких районов: Московско-Рыбинский, связанный с хлеботорговым центром в г. Рыбинске и московским потребительским центром; Петербургско-Балтийский, Северо-Западный и Польский районы, где преобладало не производство, а потребление мукомольной продукции; районы Украины – Киевский, Черноморский и Южно-Малороссийский – хлебопроизводящие районы, имеющие также экспортное значение для мукомольной отрасли через морские порты (прежде всего Одессу); Азовско-Черноморский район, включавший хлеборобные территории Ставрополя, Кубани, Дона и имеющий важный для экспорта центр в Ростове-на-Дону; районы бассейна Волги – Средне-Волжский, Нижне-Волжский и Заволжский – здесь была сосредоточена значительная часть русского товарного мукомолья (города Нижний Новгород, Саратов, Самара); Урал и Сибирь – Челябинский, Екатеринбургский, Семипалатинский, Степной и Сибирский хлебопроизводящие и потребляющие районы⁵.

Несмотря на то, что к 1914 г. Совет съездов мукомолов не стал в полном смысле организацией промышленников по типу синдиката, все же он оказывал на внутрисельском рынке значительное влияние на политику цен на муку и хлеб и сумел добиться от правительства целого ряда тарифно-таможенных и налоговых льгот.

Таким образом, представляется возможным утверждать, что к 1917 г. мукомольная промышленность России в значительной степени носила товарный характер, имела самостоятельное значение на внутреннем рынке, организационно не была связана с хлебной торговлей и имела серьезное влияние на установление цен на готовый хлеб и хлебопродукты через Совет съездов мукомолов.

В годы гражданской войны большевистское правительство, осуществляя политику «военного коммунизма», полностью запретило торговлю продуктами питания, и прежде всего хлебом. В этих условиях Народный комиссариат продовольствия (Наркомпрод) стал единственным держателем и распределителем муки и хлебных запасов, собираемых в советской России по продразверстке, то есть через его структуры советское государство монополизировало снабжение мирного населения и Красной Армии и Флота продовольствием. Такое положение дел привело к тому, что вся национализированная мукомольная промышленность, находившаяся с 1918 г. в ведении ВСНХ (в отделении Главного управления по делам сельской промышленности – Главсельпроме), к 1919-1920 гг. фактически была передана целиком под контроль Наркомпрода. Другими словами, предприятия мукомольной промышленности и заготовка хлеба и других продуктов питания и фуража организационно были объединены через продразверстку, которую осуществлял Наркомпрод. Такое положение сохранялась вплоть до 1921 г., когда на X съезде РКП(б) был объявлен курс на переход к НЭПу. К этому времени после многочисленных реорганизаций структуры управления национализированной промышленностью в РСФСР мельницы находились в ведении мельотдела Наркомпрода. В соответствии с задачами НЭП продразверстка отменялась, начался процесс перевода предприятий мукомолья на хозрасчет. Допуск капиталистических элементов в экономику страны принципиально менял характер хлебозаготовок, которые осуществлялись теперь с учетом свободной хлебной торговли на внутреннем рынке, поэтому в начале 20-х гг. Наркомпрод был реорганизован, а в 1923/24г. – ликвидирован, и на его базе создано общероссийское заготовительное общество Хлебопродукт. На Украине был организован самостоятельный мукомольный трест – Укрмут, вошедший в подчинение Наркомвнуторга. Успехи НЭП в 1922- 1924гг. привели к существенному развитию частной торговли хлебом и оживлению деятельности как частных, так и арендованных у государства мельниц. При этом роль частного капитала в снабжении мукой потребляющих районов страны постоянно возрастала. По весьма приблизительным данным профсоюза рабочих пищевкусовой промышленности, за 1-е полугодие 1923/24 г. доля всех государственных заготовителей (включая и мельотделы совнархозов в губерниях) в обеспечении рынка мукой составляла не более 15%, еще около 5% поставок осуществляли различного вида кооперативы, то есть 80% поставок

⁵ Бриф Э. Организация мукомолья... С.21-22; Рысс Н. Организационные вопросы местной промышленности Украины // Местная промышленность и торговля. 1925. № 11-12. С. 89.

муки на внутренний рынок страны осуществляли владельцы частных мукомольных промышленных заведений и перекупавший готовую муку частный торговый капитал. Такое положение дел могло иметь для власти далеко идущие политические последствия. Начался поиск путей ужесточения регулирующих функций государства с целью вытеснения позиций частного капитала. Представители ВСНХ утверждали, что одной из важнейших причин ослабления значения государственной мукомольной промышленности являлась неэффективная система ее организации и управления, сложившаяся после ликвидации Наркомпрода, когда уцелевшие крупные мукомольные предприятия (217 мельниц первых 3-х классов) были переданы в ведение Хлебопродукта, в свою очередь Хлебопродукт организационно был подчинен Наркомвнуторгу (в ведении которого находился с 1923 г. и Укрмут); в то же время небольшие мельницы 4-8 классов были переданы в распоряжение местных губисполкомов. Таким образом, крупные мукомольные предприятия оказались в распоряжении Хлебопродукта и Наркомвнуторга и заняли там второстепенную роль, попав в полную организационную зависимость от предприятий и организаций, связанных с хлебной торговлей.

По данным ЦК профсоюза пищевкусовой промышленности, опубликованным в сборнике «Наемный труд и заведения пищевкусовой промышленности СССР за 1923/24 г.», на 1 января 1924 г. в СССР числилось 6565 мельниц, использующих наемную рабочую силу. Первое место по числу подобных промышленных предприятий занимала Украина – 2864 мельницы (или 43,6% от общего числа по СССР), на втором месте находилась территория Предкавказья – 645 (9,8%), далее следовал Урал – 635 (9,7%), Волжский район – 523 (8,0%) и Центрально-промышленный район – 516 мельниц (7,9 %). Именно в этих районах мукомольное производство было развито наиболее интенсивно: на их территории были сосредоточены около 80% всех мельниц страны.

Из 6565 зарегистрированных в стране мукомольных предприятий государству в 1923/24 г. принадлежали лишь 1362 (т.е. 20,7%), из них кооперации – 844 (12,9%), частным предпринимателям – 4359 (66,4%)⁶. Как уже отмечалось, Украина занимала первое место по числу мельниц. Однако и здесь четко прослеживалась обозначенная выше тенденция по лидирующей позиции частного капитала: из 2864 мукомольных промышленных заведений всех 3-х категорий на территории Украины 257 были государственными (8,9%), 380 – кооперативными (13,3%) и 2227 – частными (77,8%). Вместе с тем, анализ роли и удельного веса частного предпринимательства на предприятиях мукомольной промышленности СССР (с учетом количества работающих по найму рабочих) показывает, что частное мукомолье существенно преобладало на мелких предприятиях: из 3825 мельниц с числом рабочих от 1 до 5 частникам принадлежали 3129 мельниц (81,8%), тогда как из 467 мельниц с числом рабочих от 31 до 51 и более – 312 принадлежали государству (66,8%) и только 95 (20,3%) – частным лицам. Остальные 60 мельниц (12,9%) являлись кооперативными. Таким образом, цифры свидетельствуют, что как в целом по стране, так и в отдельных ее регионах наиболее крупные предприятия мукомольной промышленности являлись государственными. Однако, к 1925 г., по официальным данным, государственные мукомольные промышленные предприятия могли удовлетворить лишь около 35% потребности городского населения Советского Союза в муке. Приведенная ниже таблица характеризует распределение мельниц по количеству работающих и формам собственности⁷.

По числу рабочих мукомольная отрасль занимала первое место среди отраслей пищевкусовой промышленности страны: на 1 января 1924 г. на ее предприятиях работало 67021 чел. (33,7% от общего числа рабочих, занятых в пищевкусовой промышленности), из них на государственных предприятиях – 47,0%, на кооперативных – 16,3% и на частных предприятиях – 36,7% рабочих⁸.

⁶ Бриф Э. Организация мукомолья... С. 24-25; Из отчета Курского ГСНХ губисполкому о состоянии промышленности губернии и о новых формах ее организации // Из истории восстановления народного хозяйства в Курской губернии (1921-1925). Воронеж, 1990. С.115-116; Зазорин А. Мукомольная промышленность области в пятилетнем плане // Хозяйство ЦЧО. 1929. №3. С.70-73; Наемный труд и заведения пищевкусовой промышленности СССР за 1923/24г. М., 1925. С.5.

⁷ Советщание Президиума ВСНХ Союза ССР с президиумами ВСНХ союзных республик // Местная промышленность и торговля. 1925. № 7-8. С.110; Горшков Ю. Частная промышленность в СССР // Местная промышленность и торговля. 1925. № 1-2. С. 19; Рысс Н. Организационные вопросы местной промышленности Украины... С.23.

⁸ Этот вывод на региональном уровне подтверждает также В.В.Покшишевский в своем исследовании / См.: Покшишевский В.В. Центрально-Черноземная Область. М.-Л., 1929. С.86–88.

Группы по разм.	В абсолютных величинах				В процентах к итогу							
	Всего:	В том числе			Всего:	Группы по размерам			Всего:	По предпринимателям		
		Государственных	Кооперативных	Частных		Государственных	Кооперативных	Частных		Государственных	Кооперативных	Частных
С числом работающих по найму												
1-5 ...	3.825	386	310	3.129	100,0	10,1	8,1	81,8	58,3	28,3	36,7	71,8
6-15 ...	1.666	443	335	888	100,0	26,6	21,1	53,3	25,4	32,5	39,7	20,4
16-30 ...	607	221	139	247	100,0	36,4	22,9	40,7	9,2	16,2	16,5	5,7
31-50 ...	257	157	36	64	100,0	61,1	14,0	24,9	3,9	11,5	4,3	1,5
51 и более	210	155	24	31	100,0	73,8	11,4	14,8	3,2	11,4	2,8	0,7
Итого	6.565	1.362	844	4.359	100,0	20,7	12,9	66,4	100,0	100,0	100,0	100,0

К концу 1924 г. государственные мельницы страны по ведомственному подчинению распределялись следующим образом: 220 мельниц находились в ведении Хлебопродукта (их совокупная суточная производительность составляла примерно 1млн.400 тыс. пуд.); в состав Укрмута входили 118 мельниц (с совокупной среднесуточной производительностью в 235 тыс.пуд.); в административное подчинение местных организаций (исполкомов губсоветов и совнархозов) была передана 1561 мельница (со среднесуточной совокупной производительностью 1 млн. 200 тыс. пуд.). Для сравнения следует отметить, что в указанный период совокупная среднесуточная производительность кооперативных мельниц составляла около 1 млн., а частных – около 3 млн. пуд. зерна. В связи с неблагоприятными погодными условиями 1924 г., в 1925 г. из 220 крупных мельниц Хлебопродукта работало всего 113, и их годовой план помола зерна был снижен со 120 до 101 млн. пудов. Отчеты Хлебопродукта за 1924/25 операционный год показывали, что реальная загруженность работающих мельниц не превышала 60% от возможного уровня из-за нехватки зерна.

Как уже отмечалось, к числу наиболее мощных организаций промышленного мукомолья в СССР принадлежал Украинский мукомольный трест. В 1923/24 г. на его предприятиях перерабатывалось в общей сложности 41,5 млн. пудов зерна, из них 60% составляло зерно собственной заготовки. По данным Наркомфина чистая прибыль Укрмута за 1923/24 операционный год составила 3 млн.700 тыс. руб., а объем выпускаемой продукции позволял не только удовлетворять значительную часть потребности городского населения УССР, но и поставлять муку на общесоюзный рынок.

Несмотря на неурожай 1924 г., к середине 20-х гг. XX в. в целом были достигнуты существенные успехи в восстановлении довоенного уровня промышленного производства муки. Увеличивалась грузочная мощность мельниц, шел процесс образования самостоятельных мукомольных трестов в Крыму, Нижнем Новгороде и других регионах страны. К 1924/25 г. тресты существовали уже в 16 губерниях РСФСР, в некоторых регионах Российской Федерации мельницы включались в состав различных промышленных комбинатов, в том числе пищевых (Моссельпром в Москве), мукомольно-маслобойных (такие крупные комбинаты имелись, например, на территории Курской и Воронежской губерний) и др. Отчеты трестов свидетельствовали, что их относительная производственная независимость от Хлебопродукта и тесная связь с местным рынком позволяли даже при недостатке оборотных средств за счет быстроты оборота капитала (от 6 до 9 раз в год) в достаточно короткий срок достигать рентабельности мукомольных предприятий. Вместе с тем, в высших советских государственных и хозяйственных структурах продолжались ведомственные разногласия по вопросу руководства мукомольной промышленностью. В начале 1925 г. представители Наркомвнугорга обратились в Совет Труда и Оборона (СТО) с проектом о порядке управления предприятиями мукомольной промышленности. Главными в проекте обозначались два пункта: сохранение подчинения крупных мельниц Хлебопродукту и разделение всех мукомольных предприятий по статусу на 3 группы: союзного, республиканского и местного значения при сохранении общего руководства предприятиями отрасли за Наркомвнугоргом. ВСНХ выразил категорическое несогласие с проектом. Для выработки контраргументов и срыва принятия переданного на утверждение в СТО проекта Наркомвнугорга в отношении мукомольной промышленности при ВСНХ СССР в 1924 г. было созвано специальное общесоюзное совещание

мукомольных организаций. На совещании доказывалось, что по своему значению, числу предприятий, их материально-техническим показателям и количеству занятых рабочих и служащих мукомолье являлось «чисто производственной, а отнюдь не торгово-сбытовой отраслью народного хозяйства» и, следовательно, отрасль должна находиться в управлении ВСНХ. Связь хлеботорговли и мукомольной промышленности признавалась «исключительно в форме...заготовки сырья и его переработки». В качестве примера таких взаимоотношений на совещании приводилась маслособойная промышленность, для нужд которой Хлебопродукт заготавливал значительное количество маслосемян, часть их он даже экспортировал через свои структуры, однако маслособойная промышленность организационно не входила в структуру Хлебопродукта и не подчинялась Наркомвнуторгу, оставаясь в ведении ВСНХ. Чиновники Высшего совета народного хозяйства констатировали, что именно поэтому маслособойная промышленность к 1925 г. «по темпам своего развития значительно опередила развитие госмукомолья»⁹. Представители ВСНХ выступали противниками предложения Наркомвнуторга выделить из числа наиболее крупных и рентабельных мукомольных предприятий 224 госмельницы и передать их в общесоюзное подчинение. В ходе спора в качестве аргументов против этого предложения представители ВСНХ приводили перечень тех признаков, обладание которыми позволяло относить те или иные предприятия к категории общесоюзных. Общесоюзными признавались предприятия, имеющие первостепенное значение для обороны страны, связанные с упрочением роли СССР на мировом рынке (например, добыча платины и др.), а также те предприятия, «которые образуют ключ для планомерного восстановления промышленности и транспорта» в целом по стране. В заключение делался вывод: «ни к одному из общепринятых признаков определения союзного значения мельницы не подходят». В качестве альтернативного проекта предлагалось структурировать управление мукомольными госпредприятиями в республиканском, губернском и областном (там, где оно уже имелось) масштабах. «Все специфические задачи промышленных предприятий в области производства и в области использования ряда экономических возможностей для организации производства – все это чуждо Наркомвнуторгу, специальная задача Наркомвнуторга – использование всех возможностей текущего регулирования потребностей рынка...», – отмечалось на совещании. Общий вывод гласил: «мукомолье начнет нормально развиваться, как промышленность, при восстановлении...связи его с остальными отраслями промышленности, т.е. при переходе в ведение ВСНХ, как наркомата, объединяющего все отрасли промышленности». В работе совещания в числе других регионов страны принимали участие представители мукомольных объединений и Советов съездов промышленности и торговли Украины, которые отмечали, что проводимое до сих пор сращивание мукомолья с органами хлебной торговли отразилось самым отрицательным образом на производстве и деградировало, поскольку мукомолье рассматривалось как подсобная отрасль, не имеющая самостоятельности. «Между тем, мукомолье по удельному весу представляло в прошлом совершенно самостоятельную огромную отрасль промышленности. Хлебная торговля... снабжала только отчасти мукомолье... сырьем. Наиболее крупные хлеботорговые фирмы в довоенное время не были... связаны с мукомольем. И в настоящее время организационная связь мукомолья с хлебной торговлей в подсобном положении ничем не оправдывается... Полная самостоятельность мукомолья укрепит его, как промышленность, и даст толчок его развитию». Принятая на совещании при ВСНХ итоговая резолюция констатировала, что «совещание считает необходимым уничтожить существующий отрыв мукомолья от других отраслей промышленности и восстановить самостоятельность его работы..., подчинить мукомолье ВСНХ». Далее в резолюции отмечалось, что «мукомольная промышленность ни по особенностям строения своих капиталов, ни по функциям снабжения сырьем ... и сбыта своей продукции не дает оснований для управления ею в союзном масштабе», признавалось также, что разделение мельниц на союзные, республиканские и местные приведет к отрицательным последствиям как в области снабжения, так и сбыта продукции, существенно ослабит роль государственных мукомольных предприятий на рынке «в борьбе с частным и арендованным мукомольем», приведет к разрушению одного из сильнейших мукомольных трестов – Укрмута, поскольку именно из его состава предполагалось изъять и передать в общесоюзные структуры наиболее рентабельные и крупные мельницы. Совещание признавало необходимым соз-

⁹ Гинзбург А.М. Предисловие ко второму изданию сборника «Законодательство о трестах и синдикатах» / НЭП и хозрасчет. М.,1991. С.154; Материалы и резолюции Промбюро и ГСНХ РСФСР. 10-15 января 1924 г. М., 1924. С.64.

дание объединяющего все предприятия мукомольной промышленности синдиката «с вхождением в него всех трестов для объединения и защиты интересов отрасли через регулирование мучного рынка». Участники совещания обратились в Президиум ВСНХ с предложением: создать мукомольную секцию при Главном Экономическом Управлении (ГЭУ); организовать при Центральном отделе статистики (ЦОС) секцию по статистике мукомольной промышленности и разрешить созыв летом 1925 г. съезда мукомольной промышленности для окончательного решения организационных вопросов управления отраслью, что в свою очередь должно было способствовать быстрейшему восстановлению основного капитала, рационализации производства, поднятию производительности труда на предприятиях мукомолья¹⁰.

В заключение к вышесказанному необходимо еще раз подчеркнуть, что успехи НЭП в середине 20-х гг. XX в. имели неоднозначную политическую и хозяйственную оценку. С одной стороны, характерной тенденцией управляющих структур СССР являлось широкое декларирование преимуществ экономических методов управления, в том числе промышленностью (расширения коммерческой и хозяйственной самостоятельности предприятий и их объединений, хозрасчета, самокупаемости и т.д.). С другой стороны, на практике рост капиталистических элементов и их влияние на экономику страны, по свидетельству заместителя начальника Центрального производственно-экономического управления ВСНХ А.М.Гинзбурга, заставляли руководство «заметно усилить контроль и регулирование деятельности первичных хозяйственных единиц», т.е. предприятий. Спор о том, какое центральное ведомство – ВСНХ или Наркомвнуторг, в конечном итоге, должно контролировать мукомольную промышленность страны, являлся наглядным тому примером. Дальнейшее хозяйственное строительство в стране не предусматривало принципиального изменения иерархической структуры управления промышленностью (т.е. введения полного хозрасчета), поскольку хозяйственная свобода предприятий грозила власти потерей контроля над многоукладной экономикой. «Раскрепощение» госпромышленности в условиях НЭПа означало бы неизбежный экономический крах большевистского политического режима.

THE PROBLEMS OF ORGANIZATION OF FLOUR-GRINDING INDUSTRY IN SOVIET RUSSIA IN THE 50-TH OF THE XX CENTURY.

PROKOFIEVA E.U.

Belgorod State University

e-mail:

Prokofieva.@bsu.edu.ru

Actual historical problems of the development of flour-grinding industry in RSFSR at the National economy politic (NEP) time have been analyzed by the author Prokofieva E.U. in the article «The problems of organization of flour-grinding industry in Soviet Russia in the 50-th of the XX century». A successful attempt to analyze the raising realization of the most important problems of organization of flour-grinding industry in RSFSR has been made. The whole process of raising and development of flour-mills has been shown by the author basing on a great amount of Sources from regional archives and special periodical dated from 20-th years of XX century. Categories of national enterprises of flour-grinding industry in the RSFSR and Ukraine regions has been defined and systematized; types of non-state enterprises were designed and sizable factual material; about flour-grinding industries controls has been shown; problems of flour-grinding industry have been desorbed during the analyze taken.

Key words: flour-grinding industry in RSFSR, flour-mills, National economy politic (NEP), Soviet Russia in the 50-th of the XX century, development of flour-mills.

¹⁰ Гинзбург А.М. Предисловие ко второму изданию сборника «Законодательство о трестах и синдикатах»... С.154-155; Материалы и резолюции Промбюро и ГСНХ РСФСР. 10-15 января 1924 г. С.64.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ X-XIX ВВ.

Л.Н.ПУШКАРЕВ

*Институт российской
истории РАН*

В статье рассматривается значение различных типов и видов источников для исследования истории общественной мысли России X-XIX вв. и определение в историографии понятия «общественная мысль».

Ключевые слова: общественная мысль, источниковедение, типы и виды исторических источников.

Проблема источниковедения истории русской общественной мысли встала перед авторами готовящейся в 1980-гг. «Истории русской культуры X-XVIII вв.» в ИРИ РАН, но по ряду причин ее издание не было осуществлено. Теперь появляются новые обобщающие труды по источниковедению¹, но и в этих работах источниковедческие проблемы по истории общественной мысли не ставятся. Изданная в 2005 г. энциклопедия по общественной мысли в России², подчеркивая значения исследования проблемы, ограничивается в ряде случаев только историографическими экскурсами.

Между тем исследователи не всегда задумываются над источниковедческими проблемами, используя «на равных» источники разных типов и видов, хотя существует традиция теоретического источниковедения, соблюдение которой способствуют более точной трактовке развития общественной мысли. Возвращаясь к прошлому, следует особо отметить заметное развитие теоретического источниковедения во второй половине 1980-х гг., когда появились в свет капитальные труды, связанные с методами исторических исследований, работы, посвященные источниковедческим разысканиям в областях экономической, политической и культурной истории³, но практически единственная и тогда книга по источниковедению по истории русской общественной мысли первой половины XIX в. теоретических проблем не касалась⁴. Термин «общественная мысль» употреблялся в литературе с 1860-х гг. XIX в.⁵, хотя четкого определения этого понятия нет, как и слова «общество», которое стало часто употребляться еще в литературе XVIII в. В последних работах принято понимать под обществом «все слои российского населения» и поэтому усматривать его существование «еще до XVIII столетия»⁶. Что касается определения «общественная мысль», его нет и в широко известном по этой проблеме труде Г.В.Плеханова⁷. Философы и историки давно склонялись к тому, что под общественной мыслью следует понимать осознанное и социально-значимое отображение реально существовавшей и существующей действительности (т.е. общественной жизни) в виде исторически обусловленной динамической системы идей и взглядов того или иного общества, имеющей значение для

¹ Источниковедение. Теория, История, Метод. Источники российской истории. Учебное пособие для гуманитарных специальностей. М., 1998 (авторы – И.Н.Данилевский, В.В.Каблуков, О.М.Медушевская, М.Ф.Румянцева); Источниковедение отечественной истории. М. 2000 (авторы – А.Г.Голиков, Т.А.Круглова); Кляшко О.Л. История русской общественной мысли: методические рекомендации для студентов, обучающихся по специальности "История". Волгоград, 2002.

² Общественная мысль России XVIII- начала XX вв. М., 2005.

³ Бельский И.М. Разработка проблем теоретического источниковедения в советской исторической науке (1960–1984): Аналитический разбор. М., 1985; Ковальченко И.Д. Метод исторического исследований. М., 1987; Аласания Г.Г. Классификация грузинских письменных источников. Тбилиси, 1987; Болебрух А.Г. Теоретические вопросы истории русской общественной мысли конца XVIII- начала XIX века в исследованиях советских историков 60–80-х годов // Теоретико-методологические вопросы развития советской исторической науки: Межвузовский сб. научных трудов. Днепропетровск, 1987. С. 113–120.

⁴ Емельянов Б.В., Судаков В.В. Источниковедение истории русской общественной мысли первой половины XIX века. Свердловск, 1985.

⁵ Пушкарев Л.Н. Становление понятийного аппарата истории культуры (историографические заметки) // Историографические и исторические проблемы русской культуры: Сб. статей. М., 1982. С. 5–21.

⁶ Гросул В.Я. Русское общество XVIII – XIX веков. Традиции и новации. М., 2003.

⁷ Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. Кн. I-3. М., 1925.

всего населения и господствующей в данное время.⁸ Такая дефиниция предполагает использование разнообразных типов и видов исторических источников: содержащих материалы по истории общественной мысли и дающих возможность воссоздать на их основе ее историю как своеобразного идейного концентрата духовной культуры человечества.

В центре схемы циклической системы классификации исторических источников, введенной в научный оборот⁹, выделяется та сфера источникового материала, которая содержит в себе факты, относящиеся к общественной мысли. Он находится во всех типах и видах источников, но его удельный вес по значимости для освещения темы различен. На первом месте находятся, безусловно, письменные источники, хотя само «общество» в существующем понимании возникло до появления письменных исторических источников и выражалось до того в устных и этнографических исторических памятниках, и «общественная мысль» во всей ее полноте восстановлена быть не может, если не учесть этого фактора. На это указывали неоднократно крупные исследователи¹⁰. Другие исследователи специально подчеркивают, что применительно к этому времени можно говорить об общественном сознании, лишь понимая его как категорию, предшествовавшую общественной мысли¹¹, употребляя такие понятия, как мироощущение, мировосприятие, мировидение и т.д.¹² Из двух родов письменных исторических источников – повествовательных и документальных – важнейшим для воссоздания истории общественной мысли являются, безусловно, повествовательные, нарративные. Они в связной форме последовательного рассказа излагают сложную систему идей и взглядов и отдельного человека, и определенной социальной группы, классов, которые в сумме своей дают представление о направлениях развития общественной мысли общества в целом. Форма изложения может быть различной, как разнообразны и причины, послужившие поводом для рассказа, и существенно отличаться от цели появления того или иного нарративного документа. И во всех случаях это будет повествовательный памятник со всеми присущими ему атрибутами, и вся эта сумма сведений получила в источниковедении наименование «исторической традиции», когда тот или иной факт в источнике «отражает» как бы «результат того впечатления, какое то или иное событие произвело на современников или потомков»¹³. Большое значение имеют для раскрытия общественной мысли и документальные памятники. В них мы находим точные, а порой уникальные сведения о взглядах и идеях авторов, в том числе включавших чаяния представителей народа в челобитных, прошениях и проч. Историк не может обойтись и без делопроизводственных документов, особенно при воссоздании истории учреждений и организаций, в рамках которых формировались и развивались всевозможные культурные связи общества, центры. Например, в XVI-XVIII вв. Киево-Могилянская братская коллегия (позднее – академия) и Славянско-греко-латинская академия – братские школы. Иногда документальный памятник становится единственным самым ценным и авторитетным источником для воссоздания взглядов того или иного лица. Например, «Судное дело Максима Грека» XVI в. со сведениями для характеристики взглядов этого видного церковного деятеля и публициста¹⁴, или судебные дела декабристов после восстания 1825 г. Делопроизводственные материалы, начиная с XVII вв., особенно широко используются историками для воссоздания истории общественной мысли, так как значительная часть необходимых для истории общественной мысли

⁸ См. подробнее: Пушкарьов Л.М. Методологічні проблеми вивчення Історії суспільно думки // Український Історичний журнал. 1984. № 3. С. 55–65.

⁹ Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 259

¹⁰ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. СПб., 1866; Фрейзер Д.Д. Золотая ветвь. Перевод с англ. Т.1–2 М., 1928; Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930; Морган Л.Г. Древнее общество. Русск. пер. 2 изд., Л., 1934; Косвен М.О. Очерки первобытной культуры. М., 1957; Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981; Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1988. и др.

¹¹ Смирнов П.И. О народном самосознании // Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974. С. 119–128; Чижова Л.В. Анализ исторического развития общественного сознания в первобытности // Историческое знание и современность Сб. научных трудов. Свердловск, 1987. С. 135–142.

¹² Орлова Э.А. Мировоззрение как категория марксистско-ленинской теории культуры // Культура и мировоззрение. Вып. 2. М., 1985. С. 7.

¹³ Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962. С. 7–8.

¹⁴ Судные списки Максима Грека и Исаки Собаки. М., 1971.

документальных источников из государственного архива России XVI в. утрачена во время стихийных бедствий и войн.

Общественная мысль находит отражение в трудах мыслителей, публицистов, общественных деятелей, в их сочинениях, в которых выражены их взгляды и пропагандируемые ими идеи. Часто с ними связаны программные документы, манифесты, воззвания, в том числе на ранних этапах – поучения, «прелестные листы», в более позднее время – обращения, «манифесты» царю и проч. С собственными произведениями мыслителей связана древняя публицистика, летописи, повести, жития и проч., т.е. все многообразие разновидностей этого вида исторических источников. Другие не менее уникальные материалы для характеристики взглядов, например, того или иного общественного деятеля заключены в документах личного происхождения – дневниках, мемуарах, письмах. На более поздних этапах это группа документов в численном отношении начинает занимать все более лидирующее положение среди источников вместе с материалами прессы (газет и журналов).

В качестве источника по истории общественной мысли могут быть привлечены и исторические исследования, но в том случае, когда по тем или иным причинам оказались утраченными те источники, на которых они создавались. В качестве классических примеров можно взять труды историков XVIII в. – «Историю Российскую» В.Н.Татищева, «Историю государства Российского» Н.М.Карамзина или «Историю Грузии» П.Горгиджанидзе. Все эти авторы держали в руках многие источники, которые впоследствии были утрачены.¹⁵ Пожар в Костромском областном архиве 26 августа 1982 г. уничтожил 90% дел, относящихся в том числе к XVIII-XIX вв., что приводит к необходимости восстанавливать события того времени по работам исследователей, в которых имелись ссылки на этот архив.

Историческим источником при воссоздании общественной мысли могут стать исследования, которые своим выходом в свет вызвали большой общественный интерес, дискуссии, яркие отклики в печати, считавшиеся памятниками общественной мысли в совокупности с теми исследованиями, вокруг которых развертывалась полемика. Так, например, труд С.М.Соловьева «Публичные чтения о Петре Великом» – это не только яркое и глубокое историческое исследование, но и выдающийся памятник общественной мысли 1870-х гг., вписавшийся в общественную полемику по поводу путей развития России¹⁶.

Методика работы с источниками по истории общественной мысли, в целом не отличаясь от общеисториографических приемов, достаточно известна, но все же имеет определенную специфику, связанную с привлечением определенного круга источников не только повествовательных, но и вещественных, изобразительных, фольклорных, этнографических. Конечно, при всей яркости и впечатляющей внешней силе памятников искусства, так же как литературы и фольклора, эти источники требуют особого подхода, чтобы донести через века в более или менее нужном объеме всю сложность, многозначность, глубину, политическую остроту и общественную важность идей и взглядов, составляющих сущность общественной мысли. Высокохудожественные произведения живописи, рисунка, скульптуры, архитектуры, прикладного искусства, музыки и проч. всегда озабочены значительными общественными идеями, замыслами создателей, стремлением ими выразить духовную потребность общества. Например, миниатюристы летописей стремились в своих рисунках показать то, что по каким-либо причинам не сказала сама летопись. Часто миниатюра дополняет летопись, расширяет кругозор исследователя и тем самым доносит до него общественную оценку описываемого события.¹⁷ Равным образом и такая живопись, как древнерусская икона, например, Андрея Рублева, как средство яркое, мобильное было языком мира не только небесного, но и реально существующего, формой выражения высоких нравственных чувств и общечеловеческих идеалов жертвенности, сострадания, милосердия, любви к Родине. Многие из дошедших до нас икон – буквально «гимн» по силе выразительности труду, доблести защитников страны от врагов. Позднее,

¹⁵ Пронштейн А.П. Методика исторического исследования. Изд. 2-ое. Ростов-на-Дону, 1976. С. 67; Кикнадзе Р.К. Очерки по источниковедению истории Грузии: Парасан Горгиджанидзе и "Картлис Цховреба". Тбилиси, 1980.

¹⁶ См. Пушкарев Л.Н. Публичные чтения о Петре Великом С.М. Соловьева как памятник исторической и общественно-политической мысли // Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1994. С. 178–204.

¹⁷ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944; Подобедова О.И. Миниатюры русских исторических рукописей: к истории русского лицевого летописания. М., 1969.

на рубеже XVII-XVIII вв. заметную роль в выражении общественных идей и настроений стали играть лубочные листы и гравюры, проникнутые идеями человечности, служения добру, чистоте, Отечеству и одновременно не чуждые юмора¹⁸.

Многие церковные здания также являются памятниками – символами, сохранившими для потомков воспоминания о важнейших событиях в жизни страны, например, о Куликовской битве, взятии Казани и проч. Древнерусские храмы, такие, например, как Василия Блаженного и др. – это не только культовые сооружения, существенный элемент архитектурной организации пространства, но и выражение общечеловеческих идей, стремлений человека своего времени к духовному идеалу. История ранних эпох в России до XVIII в. не богата скульптурами. Православная церковь «не благословляла» употреблять в церкви трехмерные изображения (изваяния), но наперекор этому запрету в Перми возник обычай изображать и страдающего Христа. Пермская скульптура конца XVI- XVII вв. воплощала образы людей из народа, пахарей и дроворубов, рыбаков и плотников, и вместе с тем, помогала лучше понять чувства и мысли далеких предков, их представления о высоком идеале служения людям, понимании ими долга перед обществом. То же относится и к рельефным украшениям каменных древнерусских храмов, отразивших мировоззрение русского человека, сохранивших представления людей тогда об окружающем их мире.

Редко привлекаются для воссоздания истории русской общественной мысли интересные и богатые информацией памятники прикладного искусства¹⁹. Между тем, это – тоже исторический источник для понимания духовного мира, в частности, древних славян с их образами дохристианских верований. Они присутствуют в качестве элементов в вышивках с изображением «матери – сырой земли», «древа жизни», культовых фигурок – коня, оленя и проч. В них заключено изображение труда как основы жизни народа, и то же, как в других источниках – воспевание доблести защитников Родины (часто в украшениях конской сбруи, воинского оружия, доспехов).

Но подлинная и источниковедческая ценность памятников искусства раскрывается лишь при их сопоставлении с соответствующими письменными и другими источниками, при органичном сочетании искусствоведческих и источниковедческих методов исследования и с поправкой на образность отображения фактов общественной жизни в памятниках искусства, на многозначность этого отображения, на субъективизм восприятия событий авторами этих памятников. Все это предопределяет многовариантность их истолкования. Поэтому памятники искусства, взятые изолированно, без сопоставления их с другими типами исторических источников не могут быть полностью репрезентативными для истории общественной мысли. Это не уменьшает их ценности, и они являются прекрасным, а в ряде случаев и незаменимым дополнением к письменным источникам, раскрывают образную форму бытования различных идей и взглядов, определяя в ряде случаев широту их распространения, их значимость в общественной жизни эпохи.

Своя специфика имеется и в методике работы над фольклорными источниками, важными не только для анализа общественной мысли дописьменного этапа ее развития. В более поздние времена значение фольклорных памятников не уменьшается, а возрастает, и тогда они дают возможность исследовать идеи и взгляды трудовых масс. На это уже давно обратили внимание фольклористы и этнографы, а вслед за ними – историки²⁰. Некоторый же скептицизм историков в оценке источниковедческой ценности фольклорных и этнографических источников объясняется тем, что они несут в себе обобщенную, комплексную информацию, которая часто накапливается в них – от момента возникновения

¹⁸ Агеева О.Г. Гравюра петровского времени как один из источников изучения идеологии русского абсолютизма // Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников. Тбилиси, 1988. С. 8–10.

¹⁹ Рождественская С.Б. Русская народная художественная традиция в современном обществе. М., 1981.

²⁰ См. об этом: Коган Л.А. Народное миропонимание как основная часть истории общественной мысли // Вопросы философии. 1963. № 2. С. 82–92; Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М., 1967; Игнатов В.И. Мировоззрение русского народа в эпических произведениях начала XV в. Ростов-на-Дону, 1970; Раскин Д.И. Русские пословицы как отражение развития крестьянской идеологии // Русский фольклор. Л. 1972. Т. 13. С. 202–213; Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России: XIX век. М., 1977; Его же. Народная социальная утопия в России: XX век. М., 1978; Пушкарев Л.Н. Общественно-политическая мысль России: вторая половина XVII века: Очерки истории. М., 1982. С. 76–155 и др.

памятника (порой его корни уходят в первобытное общество!) и до момента фиксации источника, а она, как правило, довольно поздняя, относящаяся часто лишь к XVIII- XIX вв. Выделить в этих источниках то, что относится к локально ограниченному времени, очень трудно, а порой и невозможно.²¹ Поэтому предполагается опираться на время его фиксации (например, скажем, XIX век и т.д.). Если это удалось, то можно считать, что исторический памятник, «бытуя» в то время, жил закрепленным в сознании людей, удовлетворял их эстетические и общественные запросы, а сама запись будет являться очень важной для истории общественной мысли в информационном отношении. То, что фольклорные и этнографические источники составляют основу взглядов и идеологии трудящихся масс, общепризнанно. Их источниковедческая ценность для историков в том, что они являются той первичной ступенью становления общественной мысли, после которой ее история приобретает теоретическую стройность и программную мотивированность. Эти источники позволяют с наибольшей полнотой показать, как мироощущение и мировосприятие постепенно через мирозерцание и мировидение складываются в миропонимание, а позднее с формированием разграничения в обществе на социальные слои и классы – в осознанную различную оценку ими общественной жизни. Основной же костяк общественной мысли составляют глубокие философские мировоззренческие, общечеловеческие проблемы нравственно-этического и морального характера. Понимание этики и эстетики человеческих отношений, представления людьми прошлых эпох смысла жизни и общечеловеческих идеалов, в том числе в русском средневековье и в новое время, возможно выявить только при применении комплексного метода исследования источников по истории общественной мысли, о чем уже неоднократно указывалось в литературе²².

Анализ источников по источниковедению общественной мысли показывает, что за любым в ней конкретным и неповторимым всегда выступает нечто общее, повторяющееся, хотя и претерпевающее определенные видоизменения, но в рамках сохранения сути и это познание оказывается полезным и поучительным на протяжении целого ряда эпох, в процессе жизнедеятельности многих поколений. Совокупность источников по истории общественной мысли прошлого дает возможность показать все ее богатство, разнообразие в ней идейных тонов, полутонов и оттенков, побуждает к активному подключению изучения всего ее бесценного наследия, к духовным общественно-политическим исканиям современной России.

SOME MATTERS OF THE SOURCE STUDIES OF THE RUSSIAN PUBLIC THOUGHT HISTORY OF X-XIX CENTURIES

L.N. PUSHKAREV

*RAN Institute of Russian
History (RAN – Russian
Academy of Sciences)*

The author considers the significance of the different types and kinds of sources for the study of Russia`s public thought history in the X-XIX cent., as well as the definition of the notion “public thought” in historiography.

Key words: public thought, source studies, types and kinds of historical sources.

²¹ См. подробнее: Соколова В.К. Фольклор как историко-этнографический источник // Советская этнография. 1960. № 4. С. 11–16; Пушкарев Л.Н. Специфика фольклора как исторического источника // Современное состояние народного творчества. Л., 1970. С. 21–22; Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976. С. 187–191.

²² Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977; Марков Д.Ф. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. М., 1983; Отечественная общественная мысль эпохи средневековья. Историко-философские очерки. Сб. научных трудов. Киев, 1988.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТДЕЛОВ ВСЕРОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО СОЮЗА В ВЯТСКО-КАМСКОМ РЕГИОНЕ В 1905 ГОДУ

Ю.А. БАЛЫБЕРДИН

Вятский государственный гуманитарный университет

В статье предпринимается попытка проанализировать деятельность Крестьянского союза и его отделов в Вятско-Камском регионе на основе опубликованных материалов и архивных источников, частично восполнить имеющиеся в историографии пробелы.

Ключевые слова: Всероссийский крестьянский союз, Вятско-Камский регион, первая российская революция, социалисты-революционеры, социал-демократы.

Одним из этапов в истории нашей страны является первая российская революция, интерес к которой не ослабевает до сих пор. В этот период в общественно-политическое движение оказалась вовлеченной, наряду с пролетариатом, значительная часть крестьянства. Для успешной борьбы с существующим режимом революционным политическим партиям потребовалась опора на массовые организации, в частности, на Всероссийский крестьянский союз с многочисленными отделами во многих губерниях страны¹.

Несмотря на важность этой темы деятельность организаций крестьянского союза до сего времени не нашла должного освещения. Это в полной мере относится и к Вятско-Камскому региону. По данной проблеме приводятся лишь отдельные сведения в нескольких книгах местных историков² и в статьях Е.И. Кирюхиной³, в которых содержится анализ всех организаций Всероссийского крестьянского союза, в том числе и в Вятско-Камском регионе. Но и в этих статьях многие аспекты деятельности вятских организаций оказались неосвещенными.

Как известно, первые организации Крестьянского союза появились в Московской губернии, где 5 мая 1905 г. состоялся съезд крестьянства, который принял решение о создании Всероссийского крестьянского союза. Учредительный съезд этого союза прошел нелегально 31 июля – 1 августа 1905 г. в Москве. Съезд требовал немедленного созыва Учредительного собрания на основе всеобщих, прямых, равных выборов при тайном голосовании, демократизации местного самоуправления и т.д.

Резолюция съезда призывала крестьян осуществлять свои требования «всеми возможными способами» и убеждала их прежде всего «пользоваться правом составлять общественные приговоры»⁴. Этот съезд послужил толчком к созданию местных организаций союза.

В Вятско-Камском регионе местные организации Крестьянского союза стали создаваться в октябре – ноябре 1905 г., что несколько позднее, чем в центральных губерниях. Их организаторами были члены партии эсеров⁵, которые широко развернули работу в деревне и имели большое влияние во всех отделах союза. Социал-демократы стремились воздействовать на сельских жителей в революционном духе в своих выступлениях на сходах. В некоторых организациях они подчиняли крестьян своему влиянию. Так, в донесении начальника Вятского губернского жандармского управления в Департамент полиции

¹ Тюкавкин В.Г., Шагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1987. С. 83 – 88.

² Очерки истории Кировской области. Киров, 1972; Очерки истории Кировской организации КПСС. Киров, 1965; Папырина А.А. Революционное движение в Вятской губернии в 1905 – 1907 гг. Киров, 1975; Очерки истории Удмуртской АССР. Ижевск, 1958; Очерки истории Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1965.

³ Кирюхина Е.И. Всероссийский крестьянский союз в 1905 г. // Ист. зап., 1955. Т. 50.; Она же. Местные организации Всероссийского крестьянского союза в 1905 году // Уч. зап. Кировского пед. института, 1965. Вып. 10.

⁴ Постановления съездов Крестьянского союза. СПб., 1905. С. 5.

⁵ Кирюхина Е.И. Местные организации Всероссийского крестьянского союза в 1905 году. – Уч. записки Кировского пед. института. Киров, 1956. С. 94.

³ РГИА. Ф. 102. Д.П. Ос. Отд., 1905. Д. 1800. Ч. 30. Л. 17.

указывалось, что с момента организации Крестьянского союза в губернии социал-демократы поддерживали его и вместе с Союзом вели активную революционную агитацию в массе населения⁶.

Организации Крестьянского союза оформились в регионе быстро. В деревнях собирались сходы, на которых составлялись приговоры с изложением экономических и политических требований, под которыми крестьяне тут же и подписывались. Однако иногда эсеровские агитаторы при организации отделов Союза в погоне за массовостью записывали крестьян в члены Союза против их воли. Например, в конце ноября 1905 г. Георгиевский волостной писарь А.К. Блинов и учительница Шестаковской земской школы А.С. Раевская устроили собрание. Сначала они разъясняли Манифест, а затем предложили учредить «Шестаковский комитет крестьянского союза», заверив крестьян в законности такой организации и в необходимости подписаться под приговором. Блинов сказал крестьянам, что его надо подписать для того, чтобы все земли перешли народу, а начальство стало выборным⁷. Он заверил крестьян, что приговор пойдет прямо к государю, при этом «большинство крестьян записывались агитаторами самовольно, помимо всякого желания крестьян»⁸.

После этого собрания Блинов на постоялом дворе в г. Слободском раздавал копии приговоров, рассылал приглашения на съезд и предлагал устраивать в других местах такие же союзы.

Так же записывали крестьян в приговор Союза на сходке под председательством В.С. Вихарева и А.Т. Шибанова в Нолинском уезде 30 декабря 1905 г. Сын записанного таким образом крестьянина д. Градобоевской Самуил Соболев пришел на квартиру к Шибанову, «вытребовал от него приговор и изорвал, а затем представил местному благочинному священнику прокламацию Вятского революционного комитета «Товарищи!», полученную его отцом от Шибанова». Соболев также сказал Шибанову, что если последний появится в починке Градобоевском еще раз, то Соболев свяжет его и отправит в Нолинск⁹. Следует отметить, что далеко не все крестьяне были единодушными в положительном отношении к Союзу.

Например, из рапорта Талоключинского волостного правления земскому начальнику следует, что на митинге, созванном Афанасием Шибановым, присоединиться к Крестьянскому союзу и подписать договор согласились «не более 30 человек, хотя всех участвовавших на митинге было около 100 человек, но все остальные подписать его отказались»¹⁰.

Таким образом, несмотря на то, что эсеры проводили большую работу по организации Крестьянского союза, а самовольные сходы с составлением приговоров были одной из распространенных форм крестьянского движения, далеко не все крестьяне желали вступать в его члены. Те же крестьяне, которые ставили свои подписи под приговорами, зачастую не знали под чем подписываются; организаторы примитивно объясняли сельским жителям, что подпись ускорит получение земли крестьянами, и наивные мужики неосознанно делали этот шаг.

Осенью 1905 года процесс образования организаций Крестьянского союза шел быстрыми темпами. В конце ноября создавались организации в Слободском уезде, а 23 ноября состоялся учредительный съезд в г. Слободском под председательством эсера Н. Макушина. Первоначально губернатор приказал исправнику запретить собрание крестьян. Дом, выделенный для съезда, был опечатан. Тогда крестьяне послали к исправнику делегацию из трех человек, и полицейский чин вынужден был отдать распоряжение о снятии печати¹¹.

На съезде крестьяне постановили учредить союз, а также объявить вице-губернатора и исправника бунтовщиками, чтобы показать, что крестьяне не будут подчиняться незаконным требованиям начальства, имея в виду запрет съезда. Сообщение об этом собрании было отпечатано и распространено Вятским комитетом партии социалистов-революционеров 27 ноября 1905 г. во время приезда крестьян на ярмарку¹².

⁷ ГАКО (Государственный архив Кировской области). Ф. 714. Оп. 1. Д. 168. Л. 89.

⁸ Там же. Л. 89.

⁹ Там же. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 10.

¹¹ Там же. Л. 140.

¹² Там же. Л. 140.

После съезда в г. Слободском стали образовываться волостные союзы, 25 ноября были созданы крестьянские союзы в Косинской и Сочневской волостях, а 27 ноября в Георгиевской волости. «Волостные и сельские организации союза создались в Ильинской, Ракаловской, Вагинской, Ярославской, Сезеневской, Островновской, Мухинской, Сунской и Кайгородской волостях Слободского уезда»¹³.

Образование крестьянских союзов шло и в других уездах, но в Слободском – наиболее успешно, так как уезд находился под сильным эсеровским влиянием, и работа партии эсеров развернулась там с большим размахом.

Интенсивно шло присоединение крестьян к Союзу в Орловском и Нолинском уездах, где агитационную работу вели политические ссыльные, учителя и земские служащие. В течение декабря в этих уездах прошли волостные сходы, на которых выбирались волостные комитеты и принимались решения о присоединении к Крестьянскому союзу. В резолюциях содержались требования созыва Государственной думы на основе всеобщих выборов, упразднения полицейских стражников и урядников¹⁴. Приговоры о присоединении к Крестьянскому союзу составлялись в деревнях Вятского, Елабужского, Малмыжского и Яранского уездов. Требования крестьян были примерно одинаковы и касались земли, налогов, выборов.

На территории Удмуртии довольно активно включились в составление приговоров крестьяне Глазовского и Елабужского уездов. В качестве образца здесь был взят приговор крестьян с. Макарово Московской области, но наряду с требованиями созыва Государственной думы, наделения земель, снижения налогов в приговорах содержалось требование предоставить возможность обучать детей на родном языке¹⁵.

В Марийском крае наиболее успешно велась работа по составлению приговоров в Царевококшайском, Козьмодемьянском и Уржумском уездах. Первыми в Царевококшайском уезде организации Союза были созданы в Морках и Митькине, в Козьмодемьянском – в Еласах и Пертнурах.¹⁶ Организаторами работы по составлению приговоров выступали сельские учителя и эсеры (Т.Н. Николаев, П.Н. Мочалов и др.).

30 ноября, 1 и 2 декабря 1905 г. состоялся первый и единственный губернский крестьянский съезд. Подготовкой и проведением его занимался губернский комитет Союза, в который входили эсеры Соболев, Головизнин, Куличенко, Матошков и другие, а также прибывший с московского ноябрьского съезда, член партии эсеров, крестьянин Владимирской губернии И.В. Майоров. Организаторы съезда хотели провести его открыто, но этого не случилось. И.В. Майоров, отправленный к губернатору за разрешением открыть съезд, был обыскан и арестован, но при помощи товарищей скрылся¹⁷. В этот же день, накануне открытия съезда, губернский комитет отпечатал обращение к губернатору, в котором говорилось, что в разрешении съезда комитет не нуждается и что комитет на основании Манифеста 17 октября требует защиты съезда. В обращении говорилось, что если губернатор прикажет разогнать съезд, то он заклеймит себя как нарушитель Манифеста и «сотворит прямые проявления беспорядка, бесчинства и насилия вместо охраны людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга»¹⁸. Съезд открылся в назначенный день 30 ноября в здании фельдшерских курсов при губернской земской управе. На нем присутствовало более 300 человек.

Местные историки отмечали, что делегатами съезда были «крестьяне и интеллигенция» и что «большинство делегатов было избрано на сельских и волостных сходах»¹⁹. По данным же губернатора и полиции, «так называемый Крестьянский союз состоит почти исключительно из социалистов, что в нем больше лиц других сословий, чем крестьян, что на съезде были крестьяне только нескольких волостей, что они не были избраны законными приговорами, а сами назвали себя представителями крестьян»²⁰. Начальник

¹³ Папырина А.А. Революционное движение в Вятской губернии в революцию 1905 – 1907 гг. – Киров, 1958. С. 88.

¹⁴ ГАКО. 1906. Ф. 714. Д. 86. Лл. 5 – 6.

¹⁵ Очерки истории Удмуртской АССР. С. 226.

¹⁶ Очерки истории Марийской АССР. С. 273.

¹⁷ РГИА. Ф. 102. ДП. Ос. отд. 1905. Д. 1800. Л. 15.

¹⁸ РГИА. Отдел печати, № 12040.

¹⁹ Папырина А.А. Революционное движение в Вятской губернии в революцию 1905 – 1907 гг. Киров, 1958. С. 88.

²⁰ ГАСПИ КО, Ф. 45. Оп. 1. Д. 13. Л. 27.

Вятского губернского жандармского управления отмечал, что «на съезде не было ни одного добропорядочного крестьянина. Крестьян из 400 человек всей публики было лишь человек 40 и эти последние все социалисты-революционеры»²¹. По-видимому, значительная часть крестьянских депутатов действительно была избрана на сельских и волостных сходах. Известно, например, что крестьяне Селезневской волости Слободского уезда на многолюдном собрании избрали трех делегатов, крестьяне других волостей Слободского уезда – по одному или по два.

Большое количество участников съезда (по разным оценкам от 300 до 400 человек) объясняется тем, что на нем, кроме делегатов-крестьян, присутствовали рабочие, служащие и даже учащиеся средних учебных заведений, состоящие в партии социалистов-революционеров, либо сочувствующие ей.

Разогнать съезд губернатор не решился, так как на нем присутствовали солдаты резервного Котельничского батальона, расквартированного в Вятке. Характеризуя этот батальон, губернатор сообщил в Департамент полиции, что «батальон вообще недисциплинированный, унтер-офицерский состав никуда не годится, 3, 4, 5 роты батальона по имеющимся агентурным сведениям на стороне социал-революционеров, лишь 2-я рота и учебная команда от них отделились и то не в полном своем составе; в настоящее время роты не позволяют арестовать начальству известных уже агитаторов...»²².

Состоявшийся губернский съезд постановил присоединиться к Всероссийскому крестьянскому союзу и принял развернутую резолюцию, состоящую более чем из 20 пунктов, включающую в себя целый ряд революционных требований: национализацию земли, созыв всенародной Государственной думы, удаление со службы полиции, упразднение сословий, освобождение всех политических заключенных и т.д.²³

Выполняя решения съезда, крестьяне организовывали сходы и собрания, собирали деньги на покупку литературы, в ряде уездов участились случаи порубки леса, отказы платить подати и неповиновения властям.

В донесениях земских начальников и волостных старшин осенью 1905 года постоянно сообщалось, что крестьяне отказывались платить налоги, а на требования властей отвечали угрозами. Так, волостной старшина Сулаевской волости Слободского уезда писал 25 октября 1905 года, что «многие крестьяне отказываются платить подати не потому, что у них нечем, а потому, что не желают...»²⁴.

18 декабря должен был состояться съезд крестьян Вятского уезда. Съезд не состоялся, так как губернатор объявил его незаконным и выслал к зданию фельдшерских курсов, где должны были проходить заседания, воинскую команду.

В ответ на это состоялось выступление дружины Крестьянского союза в защиту запрещенного съезда. Выступление свелось к тому, что часть дружины, вооруженная винтовками и револьверами, похищенными в Слободском цейхгаузе, со стороны р. Вятки направилась в город и засела в здании городской водоканализации. Другая часть дружины пошла на помощь первой, но, встретившись с солдатами, забаррикадировалась в частном доме Мышкина на Кикиморской улице. Солдаты окружили дом. В результате перестрелки два солдата были убиты и несколько человек ранено с обеих сторон. Сопrotивление было сломлено, и в этот же день без единого выстрела сдались дружинники на водоканализации. Все участники выступления были арестованы и преданы суду.

Дружинники рассчитывали на помощь солдат Котельничского батальона. Но к моменту выступления волнения в среде солдат прекратились. И лишь один солдат, рядовой Фабричный, пытался вывести солдат своей роты на помощь дружинникам. Выполнить задуманное не удалось, и тогда он в отчаянии застрелил из пистолета командира батальона полковника Нестеренко и был тут же арестован.

Антиправительственная направленность Крестьянского союза и вооруженное выступление дружины привели к разгону его отделов и аресту их руководителей, после чего крестьянские организации сразу же распались и прекратили всякую деятельность. Так, в Орловском уезде был арестован «главный агитатор» студент Николаев. В руки полиции

²¹ ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. Д. 2550. Ч. 57. Л. 47.

²² ГАРФ. Ф. 102. ДПОО, 1905. Д. 2550. Ч. 57. Л. 47.

²³ Кирюхина Е.И. Местные организации Всероссийского крестьянского союза в 1905 году. – Ученые записки Кировского пед. Института. Киров, 1956. С. 110.

²⁴ Очерки истории Кировской организации КПСС. С. 162.

попал весь список членов Шалеговского волостного Крестьянского союза. «Наш Крестьянский союз должно быть существует после таких треволнений только на бумаге. Из 80 человек найдутся истинно сочувствующих крестьянскому союзу человек 10 – 12», – писал неизвестный автор своему однопартийцу в Казань.

Под ударами репрессий большинство организаций Крестьянского союза в регионе прекратило существование.

Итак, Крестьянский союз не сумел охватить широких слоев крестьянства и не стал действительно крепкой и массовой организацией. Создатели и вдохновители крестьянской организации надеялись, что Союз поможет революционным партиям, прежде всего эсерам, в борьбе с правительством. Но организаторы Союза не сумели добиться поставленной цели в силу ряда причин. Главные из них – это здравый консерватизм и православное воспитание большинства сельских жителей, а также решительная борьба правоохранительных структур с революционерами, лишенными возможности безнаказанно вести революционную агитацию.

ESTABLISHMENT AND ACTIVITIES OF THE ALL-RUSSIA PEASANTS` UNION DIVISIONS IN THE VYATKA-KAMA REGION IN 1905

YU.A. BALLYBERDIN

*Vyatka/Vyatsky
State Humanitarian
University*

The author makes an attempt to analyze the activities of the Peasants` Union and its divisions in the Vyatka-Kama region on the basis of the published materials and archival sources and, therefore, to liquidate some lacunae in the historiography.

Key words: All-Russia Peasants` Union, Vyatka-Kama region, First Russian Revolution, socialist-revolutionaries, socialist-democrats.

ВИЦЕ-АДМИРАЛ РОЖЕСТВЕНСКИЙ – «ОБЕСЛАВЛЕННЫЙ ГЕРОЙ ОДНОГО ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ СРАЖЕНИЙ В ИСТОРИИ ФЛОТА»

Н.В. ШАБУЦКАЯ

*Воронежский филиал
Российского
государственного
торгово-
экономического
университета*

Зиновий Петрович Рожественский (1848-1909) – выдающийся русский адмирал и флотоводец. В 1903-04 гг. исполнял должность начальника Главного морского штаба. В 1904 г. назначен командующим 2-й эскадрой Тихоокеанского флота и произведен в вице-адмиралы. Провел неподготовленную эскадру в тяжелейших условиях к Японским островам. В Цусимском морском сражении (14 мая 1905 г.) потерпел поражение, был ранен и попал в плен. После проигранной войны в его адрес развернулась уничтожающая критика и травля. Военно-морским судом был оправдан по факту нахождения в плену. Всю ответственность за поражение в Цусиме Рожественский взял на себя.

Ключевые слова: вице-адмирал, Зиновий Петрович Рожественский, русский флот, Цусимское сражение.

История русского военного флота насчитывает более тысячи лет. В русскую и мировую историю вписано не мало имен блестящих адмиралов, которые возглавляли отечественный флот на протяжении столетий его славной истории. В нем были приняты те же чины флагманов, что и во флотах Западной Европы: адмирал, вице-адмирал, контр-адмирал. В переводе с арабского – адмирал (амир аль бахр) – владыка на море. Адмиральские чины в русском флоте, как правило, присваивали плававшим морякам, тем самым плавсостав резко отделяли от тех, кто не ходил в море. Трудность морской службы подчеркивали также тем, что моряков, сделавших 18-20 кампаний в море, награждали орденом Св. Георгия 4-й степени, как за подвиг в сражении. Среди русских адмиралов были моряки, отличившиеся как флотоводцы и мореплаватели, дипломаты и кораблестроители. Их имена вошли в анналы истории Российского флота. Но далеко не всегда в памяти потомков они оставались теми, кем были на самом деле. Их истинные заслуги и деяния забывались, а народная молва приписывала им чужие грехи. Так случилось и с вице-адмиралом Зиновием Петровичем Рожественским. Его имя долгие годы предавалось забвению. О нем говорили только тогда, когда упоминали печально известное событие русско-японской войны 1904-1905 годов – Цусимское морское сражение. В то время как с его именем связана целая эпоха в истории отечественного флота.

Зиновий Петрович – один из немногих всемирно известных российских адмиралов. Стать известным далеко за пределами России ему позволило назначение на должность командующего 2-й Тихоокеанской эскадры. Его путь в воды Тихого океана освещали практически все газеты мира: негодуя по поводу Гулльского инцидента, восхищаясь флотоводческими способностями, которые позволили довести разнотипную эскадру на Дальний Восток. В итоге, весь мир был потрясен известием о поражении Российской эскадры, а Рожественский, получивший всемирную известность, стал печально известным российским адмиралом.

Зиновий Петрович Рожественский родился 30 октября (12 ноября по новому стилю) 1848 года в семье военного врача. Покровительствовать ему в военно-морской карьере было некому¹. 14 сентября 1864 года, успешно сдав экзамены, он был зачислен в Морской кадетский корпус кадетом младшей роты. Учился добросовестно, увлекался артиллерией, тактикой и историей, отличался трудолюбием, целеустремленностью, самостоятельностью поведения, но вместе с тем, неровностью характера и повышенным самолюбием. В корпусе Зиновий Рожественский считался одним из лучших учеников.

Первое плавание – в июне-августе 1865 года – он совершил в Финском заливе на винтовом фрегате «Громобой» под флагом самого директора, контр-адмирала В.А. Римского-Корсакова. Ко времени окончания училища старший воспитанник Рожественский имел за плечами 227 суток плавания, к тому же он был хорошо знаком с непростыми условиями кораблевождения в финляндских шхерах, с балтийскими портами и рейдами². В апреле 1868 го-

¹ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 4244. Л. 16.

² РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 4244. Л. 15.

да Зиновий Рожественский после сдачи выпускных экзаменов был произведен в гардемарины. Он окончил училище в числе лучших – пятым по списку (всего 44 человека).

«Характер Зиновия Рожественского вполне проявлялся уже в училище. Его добросовестность и трудолюбие внушали уважение. В то же время Зиновий Петрович рано обнаружил стремление не только подмечать любые, пусть незначительные, промахи начальства, но и открыто высказывать по ним свои категорические суждения. Это касалось и товарищей. Исключительно самостоятельный, замкнутый, болезненно самолюбивый, он не всегда считал нужным скрывать чувства собственного превосходства над теми, кто стоял ниже его по умственному развитию или допускал ошибки»³. В силу чего он не пользовался особой симпатией ни со стороны сослуживцев, ни со стороны дирекции корпуса. Так, В.А. Римский-Корсаков, выступая с речью перед вновь произведенными гардемаринами, ни разу не упомянул имя Рожественского в числе лучших. По каким-то неясным причинам не был он удостоен и премии адмирала П.С. Нахимова, которая по традиции распределялась между шестью лучшими выпускниками.

Свою службу Рожественский начал на одном из новых сильнейших кораблей, под флагом выдающегося адмирала – Г.И. Бутакова. Здесь же гардемарин Рожественский близко познакомился с новыми образцами артиллерийской техники, что, возможно, и определило для него специализацию – артиллериста. Такой выбор был достаточно редким случаем для флотского офицера.

17 апреля 1870 года Зиновий Рожественский был произведен в первый офицерский чин мичмана. В сентябре 1870 года он поступает в Михайловскую артиллерийскую академию. В мае 1873 года в чине лейтенанта оканчивает академию «по первому разряду с присвоением знака отличия за окончание курса и с награждением годовым вкладом жалованья по чину»⁴. Начало кампании 1873 года он встретил командиром роты на винтовом клипере «Алмаз», входившем в состав учебного отряда родного морского училища.

В октябре 1873 года Зиновий Рожественский приступил к исполнению новых обязанностей члена Комиссии морских артиллерийских опытов, состоявшей при Артиллерийском отделении Морского технического комитета. Однако, в это же время Рожественский плавал на кораблях практической броненосной эскадры: «Первенец» и «Петропавловск». На броненосном фрегате «Петропавловск» он состоял флаг-офицером штаба начальника эскадры адмирала Бутакова, который отзывался о нем как о бравом и очень хорошем моряке. По представлению Г.И. Бутакова, Зиновий Петрович получил свой первый орден – святой Станислав 3-й степени (январь 1876 г.).

В декабре 1876 года, в преддверии войны с Турцией, лейтенант Рожественский был откомандирован Артиллерийским отделением МТК в распоряжение главного командира Черноморского флота и портов Черного моря. 28 апреля 1877 года, вскоре после начала войны, Зиновия Петровича назначают «заведующим артиллерией на судах и плавающих батареях Черноморского флота». В июле, на пароходе «Веста» (вспомогательный крейсер) под командованием капитан-лейтенанта Н.М. Баранова, Рожественский вышел в поход. Цель похода: уничтожение военных и коммерческих судов противника, осмотр других подозрительных судов и испытания приборов Давыдова. В походе «Веста» встретила броненосный корвет «Фетхи-Буленд». После гибели подполковника К.Д. Чернова, проводившего испытания приборов управления стрельбой, у прицела встал Рожественский. Считается, что именно им пущенная бомба удачно попала в неприятельский корабль и вывела из боя. Современники сравнивали бой «Весты» с подвигом легендарного брига «Меркурий» (1829 г.).

Зиновий Рожественский был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (признак боевой награды) и орденом Св. Георгия 4-й степени: за спасение парохода и решение боя удачно произведенным выстрелом. Зиновий Петрович таким образом получил высшие боевые отличия и вне очереди стал штаб-офицером, украсив эполеты бахромой и двумя звездами. Однако, считая, что пришла пора броненосных судов, Рожественский вскоре после войны выступил с критикой технической отсталости отечественного флота, упоминая о подвиге «Весты» как о «постыдном бегстве». Этим он вызвал бурю негодования, вплоть до возбуждения судебного процесса.

Пять лет после скандального дела капитан-лейтенант работал членом комиссии Морских артиллерийских опытов. Это был один из наиболее мрачных периодов его жиз-

³ Последние адмиралы: Адмирал Макаров / С.Н. Семенов. Вице-адмирал Рожественский / В.Ю. Грибовский. М.; СПб., 2002. С. 331.

⁴ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 4244. Л. 16 об.

ни: обструкция со стороны части офицеров, рутинная служба (его лишили даже летних плаваний), отсутствие перспективы. Именно в этот период Зиновий Петрович позволил себе огромную роскошь – трижды подряд побывать в отпуске. За 36 лет офицерской службы у него было четыре отпуска, суммарной продолжительностью 99 суток⁵.

В июле 1883 года З.П. Рожественскому предложили новое и весьма необычное назначение: должность командующего морскими силами дружественной Болгарии. После образования независимой Болгарии, при помощи России, была создана небольшая болгарская флотилия. 13 июля 1883 года состоялось подписание приказа о назначении капитан-лейтенанта З.П. Рожественского исправляющим должность начальника флотилии и морской части Княжества и командиром княжеско-болгарской яхты «Александр I». Под его руководством были сформулированы задачи болгарского флота, приняты планы обороны болгарского побережья и боевой подготовки флота. Он стал одним из основателей болгарского технического общества, офицерского собрания, морского музея и морской библиотеки страны. Испытывая недостаток в ассигнованиях, Рожественский добился безвозмездной передачи Россией Болгарии нескольких судов, различных боевых средств, что способствовало укреплению болгарского военного флота.

11 октября 1885 года распоряжением из Санкт-Петербурга все российские офицеры были отозваны из Болгарии, в том числе и Рожественский. Прибыв в Санкт-Петербург, он был вновь определен на службу в Российский флот с чином капитана 2-го ранга (18 ноября 1885 г.). В мае 1886 года Рожественский был назначен флагманским артиллерийским офицером в походный штаб командующего Практической эскадрой Балтийского моря (самое крупное соединение флота того времени). На такую должность обычно назначались капитаны, подполковники или полковники Корпуса морской артиллерии. Таким образом, Зиновий Петрович, благодаря Михайловской академии, своему артиллерийскому опыту, стал одним из первых флотских офицеров, которому доверили столь ответственные специальные обязанности. Вскоре последовало важное для Зиновия Петровича цензовое назначение, он стал старшим офицером броненосной батареи «Кремль». Здесь он плавал две кампании (1887 и 1888 гг.) в составе Учебно-артиллерийского отряда. Начальство отметило службу Зиновия Петровича орденом Св. Анны 2-й степени.

В марте 1888 года Зиновия Петровича назначили старшим офицером полуброненосного фрегата «Герцог Эдинбургский». Кампанию 1889 года фрегат провел в составе Практической эскадры на Балтике, а 1 января 1890 года Рожественского назначили командиром клипера «Наездник». В апреле 1890 года возникла необходимость замены командира однотипного клипера «Крейсер», который находился в составе эскадры Тихого океана. Рожественский получил на него назначение и направился на Дальний Восток.

21 июня 1890 года он принял клипер от капитана 2-го ранга П. А. Безобразова. Это был первый корабль, на который капитан 2-го ранга З.П. Рожественский вступил в качестве командира. Своим первым кораблем Зиновий Петрович командовал 345 дней. В августе Рожественский был отчислен от командования клипером с назначением командиром новой броненосной канонерской лодки «Грозный», на которой он провел малый срок. Главный морской штаб готовил ему почетное и редкое, по тем временам, назначение – должность морского агента в Англии (в современном понимании – военно-морского атташе).

Должность морского агента второй половины XIX века в Российском флоте была редка, престижна и достаточно обеспечена в материальном отношении. К тому же, морскими агентами назначались не «простые» офицеры: учитывались либо выдающиеся способности, либо родственные связи, либо протекция. Кандидатура Рожественского была рассмотрена в числе других многих претендентов. Прежняя служба, сочетавшая в себе как командные, так и административные должности, боевой опыт и знание английского и французского языков выгодно отличали его от прочих кандидатов. Новое назначение состоялось 5 ноября 1891 года. Деятельность Рожественского в качестве морского агента полностью устраивала начальство. О своей работе в Англии и о самом себе он оставил мнение вполне достойное хорошего морского офицера.

20 июля 1894 года Зиновия Петровича назначают командиром крейсера 1-го ранга «Владимир Мономах». 14 мая 1896 года он был назначен командиром 16-го флотского экипажа броненосца береговой обороны «Первенец» и начальником Учебно-артиллерийской команды. Поручение руководства ими означало для З.П. Рожественского серьезное повышение по службе: 16-й экипаж объединял на берегу команды нескольких кораблей (включая «Первенец»). В трех кампаниях – 1896, 1897 и 1898 годов Зиновий Петрович неизменно командовал в составе Учебно-артиллерийского отряда своим ветераном «Первенцем» и руко-

⁵ РГАВМФ. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 4. Л. 68.

водил обучением комендоров всей Учебно-артиллерийской команды. В этот период времени заслуги Зиновия Петровича перед Отечеством были отмечены тремя медалями – в память царствования императора Александра III, за труды по первой всеобщей переписи населения и в память «Священного коронования императора Николая II» и, главное, высшей наградой для штаб-офицеров – орденом Св. Владимира 3-й степени. Начиная с 21 октября 1897 года, ему стали выплачивать ежегодное денежное вознаграждение (по 540 рублей в год) за длительное командование судами 1-го ранга. А 6 декабря 1898 года, в возрасте 49 лет, Зиновия Петровича Рожественского произвели в контр-адмиралы.

В кампанию 1899 года контр-адмирал З.П. Рожественский уже сам командовал Учебно-артиллерийским отрядом. За короткий срок ему удалось добиться идеальной организации службы в отряде, а также высокого теоретического уровня у обучаемых. Летом 1899 года на «Генерал-адмирале» проходил практическое обучение двоюродный брат Николая II, Великий князь Кирилл Владимирович. Его воспоминания об этом событии, а точнее, его мнение о Рожественском весьма интересно: «Эту донкихотскую флотилию я созерцал со смешанным чувством жалости, благоговения и ужаса. То были останки нашего флота, настоящие музейные экспонаты, которые представляли лишь археологический интерес... Несмотря на то, что мне пришлось иметь дело с коллекцией устаревших и разнородных посуды, я сумел узнать много полезного в области практической артиллерии и ближе познакомиться с адмиралом, человеком суровым и прямодушным, страстно преданным своему долгу и одержимым непреклонным стремлением преодолеть любые препятствия...»⁶. Кирилл Владимирович сохранил о З.П. Рожественском самое лучшее мнение и называл его уже позже, после Цусимской трагедии, «блистательным военным», «обесславленным героем одного из величайших сражений в истории флота», призванным в 1904-1905 гг. командовать «плавучей грудой металлолома»⁷.

Осенью 1900 года Учебный артиллерийский отряд был реорганизован. Постоянным начальником отряда назначили З.П. Рожественского, а его помощником – Н.И. Небогатова. В кампании 1902 года Зиновию Петровичу представилась новая возможность отличиться и проявить себя. По словам А.С.Новикова-Прибоя, «отсюда началась головокружительная карьера адмирала Рожественского»⁸.

В июне – июле 1902 года Учебный артиллерийский отряд, выполняя обычную программу стрельб, одновременно готовился к маневрам в присутствии двух императоров: Николая II и Вильгельма II. Оба монарха со своей свитой наблюдали за ходом маневров с крейсера «Минин». «... По окончании маневров и стрельбы Вильгельм, поздравляя своего коллегу, сказал:

- Я был бы счастлив, если бы у меня во флоте были такие талантливые адмиралы, как ваш Рожественский.

...Сейчас же высочайшим приказом Рожественский был зачислен в свиту его величества»⁹.

Зачисление в свиту его величества, которое было объявлено 26 июля 1902 года, надо сказать, являло собой редкое отличие для лиц всех чинов и ведомств, не обремененных унаследованной от предков особой близостью ко двору императора. Поэтому зачисление в свиту означало для Зиновия Петровича переход в высшую категорию подданных императора. Вслед за пожалованием в контр-адмиралы свиты и награждением прусским орденом З.П. Рожественский был назначен младшим флагманом Балтийского флота (с оставлением в свите) и зачислен в 18-й флотский экипаж для довольствия.

Вскоре Зиновий Петрович стал начальником Главного морского штаба (за десять месяцев до начала русско-японской войны). Так как начальником ГМШ по штату должен был состоять вице-адмирал (или адмирал), то в соответствии с правилами того времени контр-адмирал свиты Е.И.В. Рожественский официально именовался «исправляющим должность» (и.д.) начальника ГМШ. Трудлюбивый, самостоятельно мыслящий, Рожественский был не любим за неуравновешенность и деспотический характер. «Так или иначе, среди флагманов Российского флота в начале XX в. контр-адмирал свиты Е.И.В. З.П. Рожественский был заметной и яркой фигурой, человеком, не лишенным слабостей, но и отмеченным определенными достоинствами, которые были высоко оценены правящим императором. Оставалось

⁶ Великий князь Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России: Пер. с англ. Лики России, 1996. С. 129.

⁷ Последние адмиралы. С. 405.

⁸ Новиков-Прибой А.С. Цусима. Т. 3. Кн. 1. М., 1950. С. 57.

⁹ Новиков-Прибой А.С. Цусима. С. 59.

оправдать это доверие, для чего военному человеку представлялся редкий случай – канун войны с сильным и коварным противником и, наконец, сама война 1904-1905 гг.»¹⁰.

С 17 апреля 1904 года специальным приказом по Морскому ведомству корабли в водах Дальнего Востока стали именоваться 1-й эскадрой флота Тихого океана, а изготавливавшаяся на Балтике – 2-й эскадрой. Через два дня Николай II назначил командующим 1-й эскадрой вице-адмирала П.А. Безобразова, а 2-й – контр-адмирала З.П. Рожественского с оставлением его в должности и.д. начальника ГМШ. 2 октября 1904 года 2-я Тихоокеанская эскадра под командованием Зиновия Петровича из Либавы отправилась на Дальний Восток, чтобы в совместных действиях с Порт-артурской эскадрой переломить ход русско-японской войны.

Исход печально знаменитого Цусимского сражения хорошо известен. В данном случае можно говорить не столько о поражении Рожественского, сколько о победе того. Генерал-адъютант не сделал в этом сражении ни одной непростительной ошибки (правда, ничего умного он тоже не сделал). Путь через Корейский пролив, отсутствие плана боя, приказ «NO23» – все это, по сути, было predetermined еще в августе 1904 года, в Санкт-Петербурге. Рожественскому можно было поставить в вину только то, что он не попытался вырваться из «круга событий», но кто из адмиралов русского флота того времени был на это способен? Семь месяцев он честно выполнял задачи, решение которых было не по силам заурядной личности. И то, что, преодолев огромные трудности и опасности, Рожественский достиг вод Тихого океана – это уже подвиг. Его железной воли не хватило на то, чтобы отдать минимум необходимых распоряжений для предстоящего боя. Но до последнего мгновения, до потери сознания от полученных ран Зиновий Петрович исполнял свой долг – долг солдата. Раненого русского адмирала японцы отвезли в свой госпиталь в Сасебо, где окружили вниманием и заботой, здесь ему сделали и операцию.

5 октября 1905 года в газетах было официально объявлено о ратификации мирного договора между Японией и Россией. Для Рожественского, впрочем, как и для всех других, это означало скорое возвращение на родину. В ноябре 1905 года Рожественский прибыл во Владивосток и направился по железной дороге в Петербург. Где по прибытии встречается с Николаем II. Содержание их беседы, к сожалению, неизвестно. Но вполне понятно, что отношение к адмиралу существенно изменилось. Ситуация усугублялась и огромным негодованием со стороны прессы в адрес адмирала. Российские газеты, набравшие полный голос после Манифеста 17 октября, требовали суда над виновниками небывалой катастрофы. Но кто был виновником этого небывалого в истории разгрома и позора? Россия тем и замечательная страна, что виновных в ней никогда не найти.

19 декабря 1905 года приказом по Морскому ведомству была назначена следственная комиссия обстоятельств Цусимского боя под председательством контр-адмирала Я.А. Гильтебрандта. В своем заключении комиссия назвала Зиновия Петровича в числе лиц, персонально ответственных за поражение, вторым после неопределенных персонажей, «стоявших во главе Морского министерства». В сложившихся обстоятельствах Рожественский принимает решение уволиться со службы. Высочайшим приказом по Морскому ведомству от 8 мая 1906 года (№ 679) Зиновий Петрович был уволен «по болезни от ран и контузий происходящей, с мундиром и пенсией...»¹¹.

В июне 1906 года Рожественский, офицеры его штаба и командир «Бедового» предстали перед судом особого присутствия Кронштадского военно-морского суда по делу о сдаче 15 мая 1905 года неприятелю без боя миноносца «Бедовый». Суд оправдал адмирала «за недоказанность обвинений», так как, будучи тяжело раненым, он не принимал участия в сдаче миноносца противнику. По окончании суда, в одной из газет было напечатано: «Прокурор отказался его обвинять, суд отказался его судить. Да и весь приговор суда явился только исполнением тягостной формальности. Победителей не судят, но не судят также и побежденных, когда поражение подводит лишь итог целой эпохе, когда оно пишет слово: «конец» на последней, и – как это не редко бывает – кровавой странице, закрывающей собою отдельный том истории народа»¹².

Почитатели Зиновия Петровича, а несмотря ни на что в России их было много, надеялись на то, что он не оставит флот, морское дело. Они считали его преданным своему делу, родному Отечеству, в то время как вокруг было мало талантливых, честных работников. В одном из своих писем к адмиралу, они высказывают свое горячее пожелание: «...Снова стать во главе нашего обновленного флота и восстановить его прежнюю славу,

¹⁰ Последние адмиралы. С. 454.

¹¹ РГАВМФ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 472. Л. 126.

¹² РГАВМФ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 472. Л. 100.

доказать нашу правоспособность на морское могущество и смирить дерзких соперников наших на море»¹³. Эти слова, к сожалению, так и остались лишь только пожеланиями. Опыт Рожественского востребован не был. Все оставшиеся годы своей жизни он прожил в забвении. Весь остаток жизни был для него прямым продолжением Цусимского ада. Пресса, незримо, но умело направляемая господами «из-под шпика» объявила его главным и едва ли не единственным виновником национальной катастрофы. В печати постоянно появлялись язвительные статьи и критика в адрес опального адмирала.

Новый 1909 год адмирал встречал в кругу семьи. Рядом были дорогие его сердцу и близкие люди: жена, дочь, зять и внук. Зиновий Петрович в новогоднюю ночь был необыкновенно бодр и весел. Провозглашал тосты за светлое будущее. Около двух часов ночи вышел к себе в кабинет, где и скончался. Врач констатировал мгновенную смерть от паралича сердца. Бывший командующий, ведя замкнутый образ жизни в своей петербургской квартире, пережил свою эскадру на три года, семь месяцев и семнадцать дней.

Провожавших Рожественского в последний путь было немного: родственники, близкие друзья, моряки, матросы, и те, кому полагалось по службе. Официальные почести высшим морским начальством были проигнорированы. Отпевание состоялось в петербургской церкви святого Спиридона, на территории адмиралтейства, в присутствии почетного эскорта из лейб-гвардии Семеновского полка и гвардейской артиллерийской бригады. Многие, присутствовавшие в адмиралтейской церкви и на кладбище, плакали. Печальную колесницу сопровождал по Невскому батальон лейб-гвардии Семеновского полка. Гроб был покрыт Андреевским флагом, поверх его – парадная треуголка адмирала и перекрещенная с ножами шпага. Процессия долго шла до ворот Тихвинского кладбища Александро-Невской лавры. Там тело предали земле. Похоронили Рожественского, согласно завещанию, в штатском костюме. Над последним пристанищем адмирала треснул винтовочный залп салюта. Моряк и честный воин, способный в иных обстоятельствах умножить славу Русского Флота, закончил свой путь. В.И. Семенов записал: «Теперь все кончено! Адмирал умер! По уставу надо было поднять сигнал: «Адмирал передает командование». Но кому?»¹⁴.

На наш взгляд, лучшей эпитафией вице-адмиралу Зиновию Петровичу Рожественскому являются слова, опубликованные в журнале «Русское знамя» в 1906 году: «Нам кажется, что адмирал сыграл в этом деле роль доктора, на руках которого умерло любимое дитя, и неутешная семья бранит и винит в этой потере только врача. Русские вообще народ несдержанный ни в похвалах, ни в брани. Когда адмирал Рожественский, пройдя Атлантический и Индийский океаны, вошел в Китайское море, то этим был завершён поразивший весь мир поход. Сколько нужно было затратить мужества, силы воли и характера, чтобы провести эскадру, при самой неблагоприятной политической обстановке, на расстоянии 35 000 верст, хорошо понятно каждому знакомому с морем. Вся Россия во главе с печатью, славилась своего героя, пела хвалебные гимны. Но случилась беда – и старые заслуги позабыты и за него никто не сказал ни одного слова в защиту...»¹⁵.

VICE-ADMIRAL ROZHESTVENSKIY – «DEFAMED HERO OF THE GREATEST BATTLE IN THE NAVY HISTORY»

N.V. SHABUTSKAYA

Voronezh Branch of Russian State Trade-Economic University

Zinovy Petrovitch Rozhestvenskiy (1848-1909) was an outstanding Russian admiral and sea captain. In 1903-04 he was a Commander of Supreme Navy headquarters. In 1904 he was appointed to be a second squadron Commander of the Pacific Navy and later was made to be a vice-admiral. In the hardest conditions he led the untrained squadron towards Japanese islands. He was defeated during the Tsushima navy battle (14 May, 1905) was wounded and captured.

After he lost the war the scathing criticism and persecution was displayed to his address. The Navy Court justified him as he was captured. Rozhestvenskiy took on all responsibility for the Tsushima defeat.

Key words: vice-admiral, Zinovy Petrovitch Rozhestvenskiy, Russian Navy, Tsushima battle.

¹³ РГАВМФ. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 4. Л. 70.

¹⁴ Последние адмиралы. С. 614.

¹⁵ РГАВМФ, ф. 763, оп. 1, д. 472, л. 108.

БРАТИЯ МОНАСТЫРЕЙ МОСКВЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**Т.В. БАЛАШОВА**ФГУК ГИКМЗ
«Московский Кремль»

В статье проанализирована специфика жизни монашествующих монастырей Москвы во второй половине XIX – начале XX вв. На основе послужных списков исследован социальный и возрастной состав, уровень образования братии. Рассмотрены уставы, определявшие порядок жизни в монастырях Москвы, и показано их влияние на формирование определенного типа монашествующих столичных монастырей. Изучены попытки преобразования в монастырях Москвы, связанные с общими тенденциями подъема монашеской жизни и увеличения социальной роли монастырей в среде столичного города. Показано значение должности настоятеля московских монастырей в карьере церковных иерархов, а также влияние личности настоятеля на известность и процветание монастыря.

Ключевые слова: монастыри, Москва, вторая половина XIX в., начало XX в., монашествующие, социальный состав, послужные списки, монастырские уставы, духовная карьера.

В Москве к началу XX в. находилось 25 монастырей. В них жили монашествующие, послушники и проживающие на испытании. Это было достаточно большое сообщество, учитывая, что монастырей в Москве было больше, чем в других городах и даже целых епархиях Российской империи. Монастыри Москвы славились своей историей, хранили множество святынь и являлись центрами духовной жизни города, привлекая множество богомольцев и любителей старины. Известность того или иного монастыря во многом определялась духовным авторитетом его иноков. Именно сами монашествующие и настоятели влияли на внутренний уклад монастырской жизни. Монастыри Москвы на протяжении нескольких веков пользовались привилегиями столичных обитателей и покровительством светских и церковных властей. Расположение в крупном городе способствовало частому соприкосновению с мирской средой. Все это создавало особый тип столичного монастыря, который во многом определял и состав братии.

Социально-экономические изменения, происшедшие в стране после отмены крепостного права, оказали существенное влияние на развитие Москвы. Процессы урбанизации отразились на различных сторонах городской жизни – экономическом развитии, социальном облике, повседневной жизни. Этот факт делает особенно интересным изучение жизни монахов и монахинь московских монастырей в условиях развивающегося города и меняющейся социальной и культурной среды второй половины XIX – начала XX вв.

Законодательство второй половины XIX – начала XX в. о монашествующих.

Все стороны жизни монашествующих во второй половине XIX – начале XX вв. определялись законодательством Российской империи. Желая стать монахом не должен был находиться под судом, иметь супружеских уз и непоплаченных долгов. Служащие должны были предъявить увольнение от начальства, лица податных сословий – увольнения от своих обществ и согласие Казенной Палаты. Окончательное решение об увольнении в монашество выносил губернатор.

Для поступления в московский монастырь требовалось согласие настоятеля или настоятельницы и резолюция епархиального начальства. На благоусмотрение архиерею подавались документы с указанием возраста, сословного положения, образования кандидата и отсутствия препятствий для поступления в монастырь. Митрополитом Филаретом (Дроздовым) были составлены «Правила благоустройства монашеских братств в Москве», утвержденные Синодом в 1852 г. Они предписывали не принимать в монастыри Москвы или принимать только после строгого испытания тех, кто «замечены в проступках против благоповедения»¹.

До пострижения в монашество необходимо было прожить в монастыре «безысходно под испытанием настоятеля или настоятельницы» не менее трех лет. Послушники должны были находиться «под особым руководством старца», в качестве которого мог

¹ Чижевский И. Собрание церковно-гражданских постановлений о монашествующих и монастырях. Харьков, 1898. С. 155.

выступать настоятель, духовник монастыря или кто-либо еще из братии, «способные назидать словом и примером».

Монастырские послушники делились на указных и неуказных. Первые были определены в штат монастыря по указу консистории. До этого они жили в монастыре «на испытании» и назывались «неуказными». Синод обязывал настоятелей и настоятельниц немедленно удалять из монастырей тех послушников и послушниц, которые будут замечены монастырским начальством «в несвойственных иноческой жизни качествах»².

Постриг в монашество по законодательству Российской империи разрешался мужчинам с тридцати, а женщинам с сорока лет³. Исключение составляли выпускники духовных семинарий и академий, которые могли постричься в монашество с 25 лет и вдовы священники. При решении о постриге учитывались возраст кандидата, время, проведенное в монастыре на искусе, свидетельства о поведении и «беспрепятственность в гражданском ведомстве».

Особенности жизни монашествующих московских монастырей

Рассмотрим послужные списки пяти московских обителей конца XIX в., имевших различный статус: кафедрального, ставропигиального первоклассного и третьеклассного мужских монастырей, а также первоклассного и третьеклассного женских.

Число и состав братии зависели от класса монастыря. Например, в Чудовом монастыре и Архиерейском доме по штатам должны были состоять наместник, эконо, ризничий, 11 иеромонахов, 8 иеродьяконов и 7 монахов и бельцов, то есть 29 человек. В 1894 г. в послужных списках кроме наместника значились казначей, эконо, ризничий, 11 иеромонахов, 2 иеродьякона и 5 указных послушников⁴. В штате ставропигиального Новоспасского монастыря в 1894 г. состояло 20 человек, среди них 10 иеромонахов, 6 иеродьяконов, 2 монаха и 2 указных послушника⁵. Состав братии третьеклассного монастыря был несколько меньше. В 1897 г. в Златоустовом монастыре состояли 7 иеромонахов, три иеродьякона и один монах⁶.

Состав женских монастырей был гораздо более многочисленным. В штате Страстного третьеклассного монастыря в 1894 г. находились 34 монахини и 3 рясофорные послушницы. Кроме того, в монастыре проживали 14 заштатных монахинь и послушницы на испытании⁷. Состав первоклассного Вознесенского монастыря был почти вдвое больше. В 1883 г. в нем проживали 63 монахини и 48 послушниц⁸.

В целом, численность монахов и монахинь монастырей Москвы соответствовала общероссийским тенденциям. В конце XIX в. на один мужской монастырь в среднем приходилось около 25 человек: 14 монахов и 11 послушников, на один женский монастырь в среднем приходилось 120 обительниц, в том числе 30 монахинь и 90 послушниц⁹.

Социальный состав женских и мужских монастырей также заметно различался. В мужских обителях он был достаточно смешанным, но преобладали выходцы из духовного сословия. На втором месте стояли бывшие крестьяне и мещане. Крайне редко встречались представители купечества и дворянства. Например, в Новоспасском монастыре в 1894 г. проживали восемь человек братии из духовного звания, пятеро из крестьян, пятеро из мещан, один военный и один из цеховых. В Златоустовом монастыре шесть человек братии были из духовенства, двое из крестьян, двое из мещан и один из купцов. В Чудовом монастыре проживали семь выходцев из крестьян, шесть из духовенства, шесть из мещан, а также отставной штабс-капитан и сын титулярного советника.

В женские монастыри, наоборот, крайне редко поступали дочери духовных лиц. Большинство было представлено бывшими крестьянками и мещанками. Представительниц купечества и дворянства в женских обителях было хотя и немного, но больше, чем в мужских монастырях; притом дворянки предпочитали, как правило, монастыри первого класса. В Вознесенском монастыре состояло 28 монахинь и 18 послушниц из мещанского

² Проволович А. Сборник законов о монашествующем духовенстве. Троице-Сергиева Лавра, 1902. С. 20.

³ Свод законов Российской империи. Т. 9. СПб., 1899. Свод законов о состояниях. С. 410.

⁴ РГАДА. Ф. 1207. Оп. 1. Д. 966. Л. 34 об – 35.

⁵ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1/44. Д. 11. Л. 68-78.

⁶ РГАДА. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 14 а. Л. 2 об. – 11.

⁷ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1/44. 1895. Д. 11. Л. 10 – 25.

⁸ РГАДА. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 149. Л. 70 об. – 81.

⁹ Преображенский И.В. Отечественная Церковь по статистическим данным с 1840-1841 по 1890-1891 гг. Изд. 2-е. СПб., 1901. С. 17.

сословия, 24 монахини и 26 послушниц из крестьян. Четыре монахини были родом из семей духовенства, две из купечества, одна из цеховых. Среди монахинь состояли дочь барона и дочь подполковника, среди послушниц две дворянки, дочь чиновника и вдова подпоручика. Две монахини были воспитанницами Воспитательного дома. В Страстном монастыре проживали 32 монахини и послушницы из крестьян, 10 из мещан, 4 из духовенства, 2 из купечества, 1 из цеховых, а также вдова коллежского секретаря.

Уровень образования монашествующих в целом был не слишком высок. Однако, как в мужских, так и в женских монастырях в послужных списках отмечалось отсутствие неграмотных. В мужских обителях братия из духовного звания имела за плечами, как правило, несколько классов духовных училищ. Выходцы из мещан обучались в уездных городских училищах. Про монахов крестьянского происхождения в послужных списках указывалось: «обучен читать и писать» или «обучен в доме родителей чтению и письму». В Страстном монастыре «читать и писать» умели 37 монахинь, только «читать» – 12. Кроме того, две монахини умели вышивать золотом, одна – играть на скрипке, две монахини получили образование в Филаретовском училище. В Вознесенском монастыре «читать и писать» умели 28 монахинь и 18 послушниц, читать были обучены 33 монахини и 30 послушниц. Монахини и послушницы дворянского происхождения были «обучены разным наукам».

Возраст.

Средний возраст монашествующих по мужским монастырям Москвы колебался между 50-55 годами, женских – между 53-60. Средний возраст указных послушников составлял 30 лет, послушниц – 40 лет. Большинство неуканых послушников проживало при монастырях в возрасте 20-30 лет, неуканых послушниц – в возрасте 23-33 года.

Поступление в монашество и возведение в сан.

Между определением в монастырь и постригом, например, в Новоспасском монастыре, проходило от 4 до 13 лет. Большинство монашествующих приняли постриг в возрасте от 33 до 42 лет. Дьяконами становились в возрасте от 33 до 44 лет. В сан иеромонаха посвящали в возрасте от 40 до 51 года¹⁰.

Посвящение в сан иеродьякона или иеромонаха меняло статус монашествующего. Поступившие в Чудов монастырь ожидали посвящения в сан от 5 до 16 лет. Иеродьяконами становились, как правило, в возрасте 31-34 лет, иеромонахами – в возрасте 36-44 лет.

В третьеклассном монастыре зачисление в штат, постриг и посвящение в сан происходило значительно быстрее, чем в первоклассном ставропигиальном или кафедральном монастырях. Поступившие в Златоустов монастырь в возрасте от 24 до 27 лет принимали постриг в возрасте 32-33 года. Через год они получали сан иеродьяконов, в течение 2-5 лет становились иеромонахами. Поступившие в монастырь в более зрелом возрасте принимали постриг через год-два пребывания в монастыре, еще через несколько лет они посвящались в сан¹¹.

В женских монастырях постриг значительно менял статус послушницы, но ожидать его приходилось значительно дольше, чем в мужских. Немалый срок проходил и между приходом в монастырь и официальным зачислением в него, то есть получением статуса указной послушницы, с которым обычно совпадал постриг в рясофор. Средний возраст поступления в Страстную монастырь составлял 22 года, средний возраст зачисления – 33 года. Затем еще около 10 лет, как правило, послушница ожидала пострига. Средний возраст, в котором указные послушницы становились монахинями, составлял 44 года¹².

Зачисление в Вознесенский монастырь также происходило через несколько лет жизни и труда в обители. Средний возраст послушниц при зачислении составлял 37 лет. Постриг происходил в среднем через 9,5 лет после зачисления. Средний возраст пострига составлял 46,5 лет. Самый ранний постриг был совершен в 32 года, самый поздний в 71 год. Больше всего постригов проходило в течение нескольких лет после достижения послушницей сорокалетнего возраста¹³.

Смена монастыря.

Церковные правила, сформулированные еще на Вселенских соборах, предписывали монашествующим пребывать в тех монастырях, где они отреклись от мира. Тем не менее, переходы из одного монастыря в другой были довольно частым явлением. Например, из 20 человек братии Новоспасского монастыря только 7 начинали свою монаше-

¹⁰ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1/44. Д. 11. Л. 70 об. – 71, 72 об. – 73.

¹¹ РГАДА. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 14 а. Л. 2 об. – 11.

¹² РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1/44. 1895. Д. 11. Л. 10 – 25.

¹³ РГАДА. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 149. Л. 70 об. – 81.

скую жизнь в этой обители. Остальные сменили от 1 до 5 монастырей. Например, иеромонах Пантелеимон до поступления в Новоспасский монастырь, был монахом в 4 монастырях Калужской епархии: 20 лет он провел в Боровском Пафнутьевом монастыре, после чего был переведен в Тихонову пустынь, затем в Оптину пустынь, после в Мещевский Георгиевский монастырь, затем в Новоспасский. В третьеклассный Златоустов монастырь также переходили иноки из других обителей. Из 11 монашествующих 5 человек сменили от 1 до 3 монастырей различных епархий.

В Чудовом монастыре из 18 монашествующих только 5 поступили сразу в эту обитель. Состав кафедрального монастыря определялся его статусом. Некоторые из его братии прежде управляли различными монастырями и подворьями. Ведущие должности занимали монахи, имевшие опыт жизни и послушания в крупных и знаменитых обителях.

В женских монастырях, в отличие от мужских, большинство монахинь на протяжении всей жизни оставались в том монастыре, в который поступили послушницами. Среди инокинь Страстного монастыря (51 человек) только девять перешли из других обителей. Подавляющее большинство монахинь Вознесенского монастыря также всю жизнь посвятили одной обители, только две перешли из Бородинского монастыря.

Послушания.

В мужских монастырях главной обязанностью священноиноков было совершение церковной службы, а также треб для богомольцев. Послушники и часть иеродьяконов несли клиросное послушание. Обязанностью монахов и части послушников было чтение псалтири.

Важнейшую роль в управлении монастырем играли казначей, ризничий и благочинный. Казначей заведовал денежными суммами монастыря, вел отчетность, выдавал жалование монахам. В ведении ризничего находилось монастырские церкви и ризница. В обязанности благочинного входило наблюдение за церковной службой и порядком в обители. Духовно-нравственной жизнью братии руководил духовник. Духовниками женских обителей, как правило, являлись иеромонахи мужских монастырей Москвы.

Монашествующие могли получить различные награды. Самым распространенным поощрением иеромонахов было награждение набедренником¹⁴. В Новоспасском монастыре семь из десяти иеромонахов имели такую награду. Один из иеромонахов был награжден наперсным крестом «от Синода выдаваемым за усердную службу». Монашествующие могли получать и другие награды. Например, иеромонах Златоустова монастыря Авель, два раза ходивший в плавание на крейсере «Адмирал Нахимов» в качестве священника на флоте, был награжден в 1892 г. крестом от Синода и испанским морским знаком ордена 1-го класса с грамотой. Годом раньше наследник Николай Александрович пожаловал ему золотой наперсный крест с цепочкою с драгоценными камнями. Во время пребывания русской эскадры во Франции в 1893 г. он был награжден от французского правительства золотым наперсным крестом, а в 1896 г. – орденом св. Анны 3-й степени¹⁵.

В женских монастырях важнейшими после настоятельницы также являлись должности казначей, ризничей и благочинной. Как правило, до получения этих должностей монахини исполняли различные послушания. Например, казначея Страстного монастыря, монахиня Сергия, вдова коллежского секретаря, поступившая в монастырь в 26 лет, сменила должности экономки, смотрительницы в Болгарском приюте при монастыре, старшей в просфорне, помощницы ризничной и благочинной. В монашество она была пострижена в 47 лет и через три года назначена казначеей.

Некоторые монахини совмещали сразу несколько послушаний. Например, монахиня Сарра пела в монастырском хоре и учила рукоделию в монастырской школе. Монахиня Херувима также пела на клиросе, правила церковным уставом и вышивала золотом. Часть заштатных монахинь находились «без послушания по старости лет», но некоторые продолжали исполнять послушания: читали поминания, вышивали золотом и пели в хоре¹⁶.

Послушания в женских монастырях распределялись не только в зависимости от способностей, но и от статуса проживающей. В Вознесенском монастыре на наиболее тяжелых послушаниях, таких как работа в просфорной и на кухне, были задействованы по-

¹⁴ Набедренник – часть богослужебного облачения священника в виде прямоугольника, который носится на длинной ленте у бедра. Право ношения набедренника дается священникам в качестве награждения.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 14 а. Л. 7 об. – 8.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1.44. 1895. Д. 11. Л. 10 об. – 13, 15 об. – 16, 19 об. – 23.

слушницы, в то время как за состоянием церквей и церковного богослужения следили монахини¹⁷. Свободное от послушаний время монахини тратили на рукоделия. Женские монастыри Москвы славились изготовлением высокохудожественных произведений искусства. Во второй половине XIX – начале XX вв. в них создавались церковная утварь, монастырская одежда и выполнялись частные заказы.

Монастырский устав.

Уклад жизни монастыря зависел, прежде всего, от его устава. Большинство монастырей Москвы имели необщежительный устав. В них монашествующие имели отдельные кельи и самостоятельно распоряжались своей собственностью, например, одежду и все необходимые вещи приобретали сами. Они получали в качестве жалованья часть монастырских доходов и могли продавать результаты своего труда. Общей была только трапеза, которую предоставлял монастырь. Необщежительный устав давал братии достаточно большую независимость и фактически исключал возможность духовного руководства со стороны настоятеля.

Устав общежительного монастыря предполагал общий труд для пользы обители и отсутствие собственности. Все необходимое для жизни монашествующие получали от монастыря, а результаты их труда поступали в пользу обители. Общежительный устав требовал беспрекословного повиновения настоятелю, который мыслился как глава многочисленной монашеской семьи, призванный заботиться о душевных и телесных нуждах братии. «В общепитии, без сомнений, более забот, скорбей, столкновений, лишений, борьбы с людьми и с самим собою, но в них-то и растет дух человека, образуется терпение, крепость, мужество»¹⁸, – считала игуменья Страстного монастыря Евгения (Озерова). Общежительный устав был введен в Москве только в монастырях, открытых во второй половине XIX в¹⁹.

Введение общежительного устава, по мнению Синода, должно было уменьшить «поводы к справедливым нареканиям» и поставить монастыри «ближе к идеалу монашества»²⁰. Во второй половине XIX – начале XX вв. не раз предпринимались попытки его введения в российских монастырях. Однако в московских обителях это вызывало существенные трудности, связанные с их традициями и составом братии. Московские монахи представляли собой людей зрелого возраста, прошедших всю свою сознательную жизнь в монастыре вне условий общежительного устава. Архимандрит Новоспасского монастыря Макарий (Гневушев) считал, что введение общепития должно было представлять собой длительный процесс, «установление такого распорядка жизни и деятельности монашеской братии, который бы постепенно хотя бы, отучил эту братию от исключительных взглядов на монастырское житие, как на источник безбедного существования»²¹.

Преобразования в Чудовом монастыре были связаны с именем его последнего наместника архимандрита Арсения (Жадановского). Он стремился приблизить Чудов монастырь по внутреннему строю к лучшим обителям того времени. Монахи должны были непременно посещать все церковные службы и общую трапезу. Они могли покидать монастырь только с разрешения начальства. Вход женщин в ограду и кельи был запрещен. За входящими и выходящими из монастыря смотрел привратник, запиравший ворота в восемь часов вечера. Начинания нового наместника понравились далеко не всей братии, часть монахов покинула монастырь. Архимандриту Арсению приходилось приглашать иноков из других обителей. Вскоре он пришел к выводу, что «молодые люди, расположенные к иночеству, минуя шумную Москву, шли спасаться в тихие отдаленные пустыни»²².

Особенно сильное сопротивление попыткам настоятелей установить дисциплину возникало в среде неуканых послушников. При поступлении в монастырь ими нередко двигала возможность заработка, особенно высокого у монастырских певчих. Состав не-

¹⁷ РГАДА. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 149. Л. 70-81.

¹⁸ Евгения (Озерова Е.С.) Страницы из неопубликованного дневника игуменнии Евгении (Озеровой) // Женская Оптина. Материалы к летописи Борисо-Глебского женского Аносина монастыря. М., 2005. С. 298.

¹⁹ В 1862 г. был учрежден Всехсвятский Единоверческий женский монастырь, в 1866 г. – Никольский Единоверческий мужской, в 1879 г. был возрожден старинный Ивановский женский монастырь, после войны 1812 г. обращенный в приходскую церковь и в 1890 г. был открыт Скорбященский женский монастырь.

²⁰ Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода. 1867-1900. Сост. А.М. Завалялов. СПб., 1901. С. 85-86.

²¹ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1.47. 1909. Д 67. Л. 12 об. – 20.

²² Епископ Арсений (Жадановский). Воспоминания. М., 1995. С. 275-276.

указных послушников постоянно менялся. При отчислении послушника из монастыря «за неблагоповедение» консистория уведомляла остальные монастыри московской епархии о запрещении принимать его в монастырь. В 1901 г. список послушников, выгнанных из монастырей московской епархии, состоял из 552 человек. Примерно половина – 231 послушник – были исключены из монастырей Москвы²³.

Дисциплина и духовный уровень во многом зависели от просвещения братии. В начале XX в. во многих монастырях создавались послушнические школы, в которых проводились занятия по катехизису, Ветхому и Новому Завету, церковной истории и уставу. Но в первую очередь установление дисциплины и порядка в монастыре зависело от настоятеля.

Настоятели.

На протяжении нескольких столетий из стен московских монастырей вышло немало выдающихся государственных и церковных деятелей. Во второй половине XIX – начале XX вв. московские обители также нередко возглавляли выдающиеся иерархи своего времени – ректоры семинарий и академий, московские викарии, духовные писатели.

Духовный регламент предписывал избирать настоятелей монастырей из числа «благонравных, и в жительстве иноческом искусных, беспорочных и свидетельствованных, добре ведущих разум писания и устав жития монастырского»²⁴. Но не всегда настоятели были «в жительстве иноческом искусны». Часто ими становились представители «ученого монашества», выходцы из духовных академий, не имевшие практического опыта жизни в монастырях. Как правило, настоятельство в московских монастырях было ступенью в восхождении по иерархической лестнице на пути к епископству. В биографии многих викариев московской епархии и двух московских митрополитов XIX в. был период, когда они являлись настоятелями монастырей Москвы. Митрополит Филарет (Дроздов) в 1816-1819 гг. был настоятелем Новоспасского монастыря, продолжая оставаться ректором Санкт-Петербургской духовной академии, а с 1817 г. – епископом Ревельским. Митрополит Сергей (Ляпидевский) в 1858 г. возглавлял Высоко-Петровский монастырь, в 1859-1861 гг. – Заиконоспасский, после чего был назначен епископом Курским и Белгородским. Викарии московской епархии выбирались чаще всего из архимандритов московских монастырей. Например, Леонид (Краснопевков), в 1849-1850 гг. являлся настоятелем Златоустова монастыря, в 1850-1854 гг. – Знаменского, в 1854-1859 гг. – Заиконоспасского, после чего был назначен епископом Дмитровским, викарием Московской епархии. Московские настоятели нередко исполняли должности ректоров духовных учебных заведений. По традиции, ректоры московских семинарии и академии получали в управление один из монастырей Москвы.

В женских монастырях на пост настоятельницы назначались, как правило, казначея или ризничая этого же или другого монастыря. Большинство московских настоятельниц были родом из дворянских семей, реже ими становились представительницы других сословий. В 1889 г. пять настоятельниц монастырей Москвы были дворянками, игуменья Алексеевского монастыря была из купеческого сословия, Рождественского монастыря – из духовного, Всехсвятского единоверческого – из крестьян, Зачатьевского – из мещан²⁵.

Личность настоятеля или настоятельницы нередко определяла известность монастыря и его процветание. Например, архимандрит Леонид (Краснопевков) установил в Заиконоспасском монастыре «благое и чинное богослужение» и чтение проповедей. Это способствовало тому, что «весьма многие из аристократических московских фамилий стали посещать и семинарскую, и монастырские церкви, смотря по тому, где служил о. Леонид»²⁶.

Фигура настоятеля, как и общий уровень духовной жизни братии монастырей Москвы, имели особенное значение. Находясь в крупном развивающемся городе, имевшем статус первопрестольной столицы, монастыри являлись духовными и историко-культурными центрами города. Во второй половине XIX – начале XX вв. увеличилась социально-просветительная роль монастырей: в них стали открываться школы и приюты, проводиться внебогослужебные собеседования с прихожанами. Все это требовало возвышения жизни самих монашествующих. В начале XX в. особое внимание уделялось открытию школ для послушников и монахов, а также установлению дисциплины и порядка в

²³ РГАДА. Ф. 1188. Оп. 1. Д. 512.

²⁴ Проволович А. Указ. соч. С. 21.

²⁵ Список настоятельниц женских монастырей и общин. СПб., 1889. С. 18-23.

²⁶ Савва (Тихомиров), архиеп. Воспоминания о высокопреосвященном Леониде, архиепископе ярославском и ростовском. Харьков, 1877. С. 43.

монастырях. Негативные проявления во внутренней жизни монастырей часто были связаны с особенностями необщительного устава, традиционного для московских монастырей, столичное положение которых и постоянный приток богомольцев обеспечивали значительное материальное благополучие. Существенная разница между возрастным составом и укладом жизни послушников и монахов, а также между уровнем образования настоятеля и братии, вызывала раздробленность внутри монастырского сообщества и препятствовала введению общежительного устава. Вопросы возвышения монашеской жизни были достаточно насущными в рассматриваемый период, и в ряде монастырей Москвы усилием настоятелей делались попытки приблизить уклад жизни к высоким идеалам монашества. Городские монастыри не были изолированы от мира. Настроения, царившие в обществе, проникали и за монастырские стены. Это стало особенно очевидным на рубеже XIX – XX вв. в связи с ростом оппозиционных и антицерковных тенденций. Подъем духовной жизни и просветительской деятельности монастырей был необходим прежде всего в таком городе, как Москва. Монастыри, находившиеся «в кругу самого мира»²⁷, являлись центрами притяжения для сотен и тысяч паломников и образом своей жизни должны были являть тот идеал монашества, который искали приходившие в монастырь богомольцы.

MONKS AND NUNS FROM THE MOSCOW MONASTERIES AND CONVENTS FROM THE MID OF THE 19th CENTURY TILL 1917

The article analyses specific features of monks' and nuns' life in Moscow monasteries and convents from the mid of the 19th century till 1917. Records of monastic service were used as sources for researching monks' and nuns' social origin, age, educational level and ranking. Research was also conducted into monastery statutes to define their influence on the brotherhood's way of life. The article examines some measures taken to modernize monastic life in Moscow and to increase monasteries' social role in the urban milieu of the capital city. The authority and responsibility of the monasteries' superiors was reflected in their ranking within the monastic hierarchy; in addition, the influence of their personalities was reflected in the reputation and prosperity of their monasteries.

Key words: monasteries, convents, Moscow, second half of the 19th century, early 20th century, monks, nuns, social structure, records of service, monastic statutes, ranking of leading clergy.

T.V. BALASHOVA

*The Moscow Kremlin
Museum*

²⁷ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1/47. 1909. Д 67. Л. 13 об.

НАДЗОР И НАКАЗАНИЯ ГУБЕРНАТОРОВ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)**А.Н. БИКТАШЕВА***Казанский государственный университет**E-mail: biktashi@mail.ru*

В статье анализируются законодательные акты первой половины XIX века с целью изучению правового механизма наказания должностных лиц. Вскрывается зависимость увольнений гражданских губернаторов от результатов деятельности институтов надзора.

Ключевые слова: политика, Российская империя, Казанская губерния, губернатор, дворянское собрание, сенаторская ревизия.

Наблюдаемый в последние годы беспрецедентный всплеск интереса к институциональной истории Российской империи, на мой взгляд, объясняется осознанием роли взаимоотношений центра и периферии в системе государственного управления. Вместе с тем, механизмы имперской власти: кадровая политика, опыт назначений и увольнений высшей бюрократии остаются проблемами малоизученными. В данной статье предпринимается попытка освещения практики вынесения должностных наказаний начальникам губерний.

Правовой механизм наказания губернаторов в российском законодательстве не был проработан законодателями в деталях. В «Наказе губернаторам» от 3 июня 1837 года¹ был систематизирован накопленный опыт губернаторских отставок, изъятый из текстов предыдущих нормативных актов, оговаривался повод привлечения губернаторов к ответственности, перечислялись виды наказаний. Статья 324 состояла из перечня 15-ти случаев, когда «гражданские губернаторы подвергались ответственности пред высшим правительством». Основными являлись: «неисполнение и неточное исполнение Высочайших повелений, указов Правительствующего Сената, министерств...», по ревизии сенаторов..., за причастие к лихоимству, «превышение и бездействие власти», «злоупотребление вверенной им власти», допущение «важных беспорядков», «произвольное вмешательство» в следственные дела и т.д. В статье 325 перечислялись виды наказаний, которым подвергались губернаторы – «замечаниям, выговорам или иным изысканиям, или же суду и удалению от должностей, не иначе, как по ясному доказательству вины, и по Высочайшим повелениям, исходящим непосредственно от Государя императора, или вследствие представлений по установленному порядку, от Правительствующего Сената, Министерств, главных в губерниях начальств, сенаторов, ревизовавших губернию и других уполномоченных сею от высшего правительства лиц». Исследовавший этот вопрос И.А.Блинов к «иным изысканиям» относит денежные штрафы, секвестр на имущество и «опубликование», т.е. предание суду общественного мнения². Рассмотренное для нужд исследования как единый нарратив законодательство по изучаемому вопросу формировалось как прецедентное право. «Наказ» описывал лишь основы механизма отрешения губернаторов от власти, отсылая к процессуальным нормативным актам уголовного и административного содержания. Вместе с тем в «Наказе» очерчен круг физических и юридических лиц, решающих судьбы провинившихся губернаторов – это Сенат, Комитет министров, генерал-губернаторы, сенаторы-ревизоры, личные порученцы императора. Полагаю, что за формулировкой «уполномоченные от высшего правительства» подразумевались жандармские офицеры, негласный надзор которых законодателем не афишировался. Как правило, расследование административных преступлений по должности завершалось либо уголовной, либо дисциплинарной ответственностью.

В законодательстве нет строгого разграничения между дисциплинарной провинностью и преступным деянием губернаторов. С 1816 года инициатива выговора, замечания или штрафных санкций стала исходить «единственно от лиц министров и за их подписанием, извещая каждый раз о сем Комитет министров для сведения. А министру юстиции доводить равным образом до сведения Комитета, когда подобные замечания или

¹ ПСЗ – 2. № 10303.

² Блинов И.А. Губернаторы: Историко-юридический очерк. СПб., 1904. С.243.

выговоры будут деланы от Правительствующего Сената»³. То есть право наложения дисциплинарных наказаний на губернаторов от Сената перешло к Комитету министров – к непосредственному начальству. В действие этот механизм приводился «Высочайшим соизволением».

При Николае I власть Сената по «опубликованию» губернаторов продолжала сужаться. В 1827 году по поводу выговора саратовскому гражданскому губернатору Голицыну⁴ император отреагировал резолюцией – «впредь Сенату никаких выговоров губернаторам не объявлять, иначе, как представляя на мое разрешение». В 1831 году появился именной указ, устанавливающий порядок выговоров и опубликования губернских мест, по которому Сенату дозволялось только ставить на вид и делать замечания, без внесения в формулярный список⁵. Упомянутыми указами верховная власть добивалась правового управления губернией, подчинения структур губернаторской власти министерствам и постепенно изымала исполнительную власть из ведомства Сената.

Самостоятельное место должностным преступлениям впервые было отведено в XV томе Свода законов (1832г.) в разделе «о преступлениях чиновников по службе». Объем V раздела включал 60 статей (256-316 ст.). Судя по их содержанию, в этом законодательстве не проводилось различия между должностными преступлениями и дисциплинарными провинностями, но оговаривалось, что в одних случаях «смотря по упущению» взыскания определяются «без производства уголовного суда», в других «смотря по роду преступления и степени вины» назначаются наказания уголовные. Без производства уголовного суда могли быть назначены следующие взыскания: замечание, выговор, опубликование, временный арест, временное устранение от должности или удаление от нее, денежный штраф. Эти дисциплинарные взыскания, в отличие от судебных, налагались по усмотрению вышестоящего начальства, а наказания за уголовные деяния назначались решением суда. Наказывали чиновников лишением чинов, прав состояния, ссылкой на поселение, ссылкой на каторжные работы. Судебная ответственность «за преступления по должности» могла быть уголовною или гражданскою. Под уголовною подразумевалось злоупотребление властью или полномочиями, под гражданской – обязанность возместить из своих средств ущерб, нанесенный упущениями по службе⁶. Отрешение от должности могло состояться только по суду и только по постановлениям первого департамента Сената. Появление в 1845 году в законотворческой практике Николая I «Уложения о наказаниях» – свидетельство правового поступательного усиления борьбы с должностными преступлениями.

Толкование юридических понятий «превышение власти», «бездействие власти», «злоупотребление властью», применяемых законодателем при увольнениях губернаторов, содержится в специальных работах дореволюционных историков права⁷. В исследовании профессора В.В. Есипова приведено наиболее полное, обобщенное определение терминов «превышение власти» и «бездействие власти». Обратимся к пояснениям этих объектов административной юстиции: «превышение власти есть всякое действие должностного лица в нарушение закона или вне пределов власти, наносящее вред государству, обществу, вверенной части или отдельному лицу и совершенное без умысла учинить какое-либо иное преступление при помощи власти как средства преступления. Бездействие власти есть всякое неупотребление должностным лицом средств предотвращения или преследования злоупотребления или беспорядка, наносящее вред государству, обществу, вверенной части или отдельному лицу и имевшее место без умысла учинить или попустить какое-либо иное преступление при помощи власти, как средства преступления»⁸. По его мнению, самоуправство как превышение, так и бездействие власти не являются способами совершения злоупотреблений. Сравнивая отличия и сходные признаки «превышения и бездействия власти» в текущем законодательстве и на примерах уложений европейских стран, Есипов приходит к выводу, что оба эти понятия широко применяются для

³ ПСЗ – 1. № 26493.

⁴ ПСЗ – 2. № 1656.

⁵ Там же. № 4698.

⁶ Елистратов А.И. Основные начала административного права. М., 1914. С.324-325.

⁷ См.: Есипов В.В. Превышение и бездействие власти по русскому праву. М., 1904; Покровский С.П. Превышение власти во французском административном праве и его отличие от злоупотребления властью. Ярославль, 1914.

⁸ Указ. соч. С. 13.

обозначения всех должностных понятий вообще, за исключением «мздоимства и лихоимства». Вот отчего именно эти понятия наиболее часто фигурируют в судопроизводстве по служебным преступлениям.

Когда же «превышение власти может стать предметом уголовного судопроизводства? То есть выйти за пределы административной юстиции? В случае, когда преступление по должности является «злоупотреблением власти», т.е. при наличии злого умысла со стороны администратора (губернатора). Когда чиновник осознанно выходит за пределы власти очерченных ему законом. При злоупотреблениях власти происходит подмена государственных интересов личной корыстью. В таких случаях, действуя вне закона, но в рамках установленного правового статуса, губернатор теряет характер представительства от верховной власти и становится лицом, злоупотребляющим своими полномочиями. Следовательно, строгость наказания напрямую зависела от наличия или отсутствия «злого умысла» в поступках должностных лиц. Стоит согласиться с исследователями должностных преступлений, что грань эта тонка и часто иллюзорна, да и само несовершенство указного законодательства первой четверти XIX века, под которое подпадает большее число отставок губернаторов, свидетельствует о слабой разработанности русского административного права.

И все же закон – не есть практика административной жизни, а скорее, проект желаемого устройства. Он обращен к реальным людям, расположившимся на должностной лестнице, которым свойственно ошибаться, проявлять своекорыстие, не лишенным слабостей и недостатков. Сила закона одним только фактом своего существования не может исключить возможности совершать неправомерные поступки. Гарантией законности служит само устройство правящей власти, степень развитости институциональных отношений. Применительно к институту губернаторства средством к обеспечению их «пределов власти» выступал административный надзор. Этот контроль осуществлялся в формах отчетности, ревизий, постоянного гласного и негласного надзора.

С момента своего учреждения Сенат являлся высшим административным органом, осуществлявшим надзор над местным управлением. В Своде учреждения Сената за 1832 год в статье 278 к функциям первого (административного) департамента относилось: увольнение и определение должностных лиц, отрешение их от должности, «общий надзор за действиями разных мест управления и происходящие от сего меры взыскания, поощрения и поощрения, разрешение между сими местами споров и пререканий о власти». По мнению С.А. Корфа, именно это «незаметно и бессознательно для самого законодателя» породило зачатки административной юстиции в России, особо проявило себя в Александровское царствование⁹. Под административной юстицией в правовой практике XIX века понималось судебное обжалование актов управления. «Административная юстиция предоставляла для граждан публично-правовую гарантию как способ обжалования актов управления. По этому признаку она отличалась от различных форм административного контроля за законностью управления. Орган юрисдикции устранял незаконность не по собственному почину, а по требованию стороны. При правильной постановке административной юстиции обыватель приобретал право на административный иск¹⁰. Впрочем, в полной мере такая практика так и не сложилась в самодержавном устройстве России. Речь может идти лишь об элементах административной юстиции, входящих в компетенцию первого департамента Сената и реализовывавшихся посредством подачи «жалоб частных лиц». Практика обжалования действий администрации через рекетмейстеров Сената была известна уже в XVIII столетии. В 1810 году в составе Госсовета учреждается особая Комиссия для приема и рассмотрения прошений, проносимых на высочайшее имя¹¹. Среди подведомственных ей дел первыми значились жалобы на администрацию и суды. С 1812 года начал действовать еще один канал подачи «всеподданнейших прошений» – Собственная Его Императорского Величества Канцелярия. После передачи дела соответствующему министру, наведения справок, прохождения процедуры проверки, а иногда с обсуждением в Комитете министров, император назначал сенаторскую ревизию по фактам проверки и расследования поступившей жалобы. Инспекции Сената в течение всего XIX века были основным средством контроля над провинциальной администрацией. Это можно проиллюстрировать статистическими данными, взятыми в

⁹ Корф С.А. Административная юстиция в России. СПб., 1910. Т.1. С.271.

¹⁰ Елистратов А.И. Указ. соч. С. 302.

¹¹ ПСЗ – 1. № 24064. Ст. 88-113.

целом по стране. До сих пор не установлено точное количество сенатских ревизий. Приблизительный их подсчет содержится в «Истории Правительствующего сената за двести лет 1711 – 1911 гг.»¹². Из него явствует, что с 1800 по 1915 гг. Сенат провел примерно 120 – 125 ревизий. Хронологически они распределялись неравномерно. На первую половину XIX века приходилось около 90, а во второй половине века их интенсивность резко снизилась. Таким образом, наибольшее их число падает на первую половину XIX века. Однако и здесь они распределились по периодам правления императоров неравномерно: в Александровскую эпоху прошло 52 ревизии; в николаевское правление – 38¹³. Безусловно, этот количественный ряд весьма условен, но общая тенденция вполне очевидна.

Во второй четверти века тактика правительства по использованию сенаторских ревизий несколько изменилась. Основное их число падает на первое пятилетие николаевского царствования. В результате дальнейшей бюрократизации и централизации административной системы управления внутриведомственный или министерский надзор стал вытеснять «надведомственные», «общие» проверки Сената. Значение их сузилось, изменился их характер. Ревизии стали применять целенаправленно по «адресным» вопросам: для уяснения причин голода, неурожая, эпидемий, народных волнений и т.д. Проверяющим сенаторам вменялось «в отношении чиновников, со стороны коих замечены ими будут маловажные упущения по службе, употреблять более меры исправительных взысканий, а за важные упущения без видимых, однако следов злоупотреблений, не придавая суду, увольнять от должностей»¹⁴. Теперь официальным источником информации о состоянии губернской администрации стали служить донесения жандармских офицеров, находящихся в подчинении III отделения С.Е.И.В. Канцелярии. Иными словами, негласный надзор над местной властью стал предпочтительнее сенаторского, гласного. Менялась концепция власти и вместе с тем – методы контроля, пути поддержания порядка и удержания имиджа власти.

Кроме Сената официальный надзор за местными органами власти осуществлял институт губернской прокуратуры. Прокурор и два его помощника (стряпчие) были подчинены министру юстиции, поэтому формально от губернатора не зависели. Губернский прокурор мог отправлять в Сенат соответствующие донесения и протесты. Его внешний надзор распространялся на производство рекрутских наборов, сбор податей и казенных доходов, осуществление правосудия, деятельность дворянских собраний. Прокурору предоставлялась возможность лично присутствовать на заседаниях и при служебных действиях, требовать сведения и дела для просмотра, делать предложения присутственным местам по существу дел, либо давать заключения по юридическим вопросам. Он мог просматривать журналы и подавать протесты на определения и решения. Без прокурорской надписи – «чел» или «читал» – ни одно постановление присутственного места не могло иметь законной силы. Вместе с тем должностной авторитет губернского прокурора был невысок. Класс этой должности (6-8) был ниже не только губернатора и вице-губернатора, но и председателей палат, поэтому и получаемое жалование было втрое меньше, чем у губернатора. Статусная разница придавала уязвимость отношениям прокурора и губернатора. К тому же, эффективность их деятельности тормозило отсутствие Свода законов до 1832 года, а также профессионально подготовленных юристов.

Екатерина Великая в контекст местного реформирования внесла еще одну возможность внутреннего надзора за деятельностью губернаторов. Как известно, в результате ее губернских преобразований управление на местах было возложено как на правительственные, так и на сословные учреждения. Последние были представлены дворянскими собраниями во главе с уездными и губернскими предводителями. Сама идея дворянского предводительства была заимствована из прибалтийских губерний, где главы местных дворянских корпораций изначально выступали наблюдателями законности управления над органами государственной (коронной) власти. Институциональные последствия перенесения этого опыта на русскую почву отмечались в записке Э. Н. Берендтса «о прошлом и настоящем русской администрации». В ней автор высказал ряд интереснейших мыслей, получивших своё подтверждение на материалах Казанской губернии. По мнению Берендтса, пока во главе местного управления стояли наместники, люди выдаю-

¹² См.: История Правительствующего сената. СПб., 1911. Т. II. С. 596–600; Т. IV. Приложение. С. 513–515.

¹³ Там же. С. 503 – 508.

¹⁴ Цит из: История Правительствующего Сената. СПб., 1911. Т.3. С. 627.

щиеся и влиятельные благодаря придворному положению и семейным связям, роль предводителей была незначительна. Но это положение вещей изменилось на рубеже веков. С начала XIX века губернский предводитель дворянства стал назначаться верховной властью из двух кандидатов, избранных дворянством и представленных губернатором через МВД. Постепенно его статус приравнялся губернаторскому, поскольку при назначении ему присваивался чин IV класса. Предводитель возглавлял дворянское общество, председательствовал в депутатских собраниях, был членом всех губернских Комитетов, комиссий и присутствий. Он имел право обращаться в центральные органы власти и непосредственно к императору. Все это придавало его должности реальный вес. В помещичьих губерниях создавался дуализм власти, олицетворенный в губернаторе и губернском предводителе, стоявших друг против друга¹⁵.

С появлением «Полного собрания законов Российской империи» местное управление разграничивалось на «общее образование управления в губерниях», имевшее распространение на 45 губерний и на «особенные» 19 губерний. Стиль управления «внутренними» губерниями отличался от пограничных, сибирских или закавказских. Для прибалтийских губерний вообще имелось особое «Учреждение» для управления. К середине XIX века в 28 губерниях (из 64-х существующих) выборные органы дворянского самоуправления участвовали в управлении наряду с губернатором. Здесь сфера полномочий губернатора пересекалась с пространством власти выборных органов дворянского самоуправления. Поэтому губернаторы вынуждены были править с оглядкой на мнение дворян. Дворянских корпоративных органов не было в 14 губерниях (в Виленской, Гродненской, Минской, Подольской, Волынской, Киевской, Архангельской, Олонецкой, Вятской, Пермской и сибирских губерниях)¹⁶. Здесь председатели уголовных палат, земские исправники, заседатели земских судов не избирались дворянством, а назначались губернатором.

Для рассмотрения казусов власти обратимся к опыту властвования отдельных губернаторов. Как у любого чиновника, карьера начальника губернии завершалась отставкой. Формально находясь в генеральском чине, его служба пределов длительности не имела. Увольнение губернаторов совершалось именем государя по представлению министра внутренних дел. Результатом этого верховного акта могло стать дальнейшее повышение по службе, перевод в другую губернию, отрешение от занимаемой должности без права продолжения службы, отдача под суд. Отставка могла происходить и по собственному желанию по причине состояния здоровья, семейных обстоятельств, преклонности лет. Процедура увольнения выглядела следующим образом: по представлению министра внутренних дел, император именным указом выносил свое решение на утверждение в Сенат, затем появлялся указ «из Правительствующего Сената» на имя господина министра внутренних дел об увольнении главы губернии. Тексты подобных «сенатских» указов декларировали «Высочайшее соизволение», «Всемиловнейшее повеление» без каких либо личностных акцентов или пояснений. Коллекция делопроизводственных дел, отложившаяся в архиве министерства внутренних дел под общим названием «Об определении и увольнении губернаторов»¹⁷, содержит более полную информацию персонального характера. Эти документы позволяют расширить наши представления о реальных причинах увольнения отдельных губернаторов, судить о практикуемых способах отставки.

К примеру, увольнение вятского гражданского губернатора Павла Степановича Рунича в 1804 году произошло по его собственному прошению. «Обремененный многочисленным семейством и по причине старости, а главное, бедственного положения по причине долгов», он обратился к министру внутренних дел с просьбой уволить его с занимаемой губернаторской должности. В документе указана и более прозаическая причина желаемой отставки: «не имея никакого имения, ни доходов, кроме жалования...не могу содержать себя с моим семейством в звании губернаторском, не входя время от времени в большие и большие долги...в таком расстроенном состоянии я никак не в силах нести тягостей, с губернаторским званием сопряженных»¹⁸.

¹⁵ Берендтс Э. Н. О прошлом и настоящем русской администрации (Записка, составленная в декабре 1903 года). М., 2002. С. 24.

¹⁶ Матханова Н.П. Полномочия губернатора в середине XIX в. региональная специфика // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 53-54.

¹⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп.1. Дд. 13, 87, 117, 178, 236, д. 256.

¹⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп.1. Д. 256. Л.54-55.

В подобных обращениях часто обыгрывался срок выслуги. Рунич, напоминая о 43-летней службе, просил увольнения с переводом в Петербург на любую должность, соответствующую его чину. Зная о просветительских идеалах императора, он оговаривал и то, что намерен дать своим детям хорошее образование, а в вятской глуши у него такой возможности нет. Семейные обстоятельства обыгрывались и в деле таврического гражданского губернатора Г.П. Милорадовича, имевшего 5-х мальчиков и 4-х девочек в семье¹⁹. По болезням «не в силах продолжать службу петербургского гражданского губернатора» просил об отставке 38-летний Сергей Сергеевич Кушников²⁰. С мольбой обращался к императору и Владимир Юрьевич Соймонов: «Всемилолюбивый государь! Снова возобновились болезненные припадки, доводившие уже меня в Казани до дверей гроба. Между тем возросли и долги мои по случаю двухлетней отлучки из Москвы... Умоляю о увольнении меня на год от всех обязанностей по службе»²¹. По-иному оборвалась карьера волынского гражданского губернатора Гавриила Степановича Решетова. В рапорте на имя императора генерал-губернатор Эссен сообщил, что его подчиненный «слабо исполняет возложенную на него обязанность» и не проявляет должного уважения к генерал-губернатору²². Разрешая сложившуюся межличностную ситуацию, Александр I уволил Решетова, сохранив размер его жалования «в пенсион по смерти». Смещение губернаторов по их собственному прошению, «по домашним обстоятельствам», по состоянию здоровья часто являлось делопроизводственной формальностью, за которой скрывалась реальная причина. Казанская губерния особо отличалась богатством подобных сюжетов.

Локализация темы в рамках одной губернии позволяет соотнести декларируемую политику с региональными управленческими практиками, демонстрирует разнообразие легитимных способов вмешательства во властные полномочия губернаторов, позволяет вскрыть конфликты, выходящие за пределы институциональных отношений. Так, в первой половине XIX века в Казани сменилось 16 губернаторов²³. Аплечеев, Мансуров, Розен, Жеванов ушли по причине смерти, Жмакин был смещен переводом в Симбирскую губернию, Пирх уволен по болезни. Из оставшихся 10-ти шестеро губернаторствовали в первую четверть века, трое – во второй. В отмене крепостного права участвовал Петр Федорович Козлянинов. Все казанские губернаторы Александровской эпохи были уволены в судебном порядке, гласным решением первого департамента Сената – это Пуцин, Муханов, Кацарев, Гурьев, Толстой. Нилов ушел в отставку по решению Комитета министров. Военные губернаторы николаевского времени – Стрекалов, Шипов, Баратынский – увольнялись в связи с повышением по службе с дальнейшим пребыванием в Сенате. Тенденция сменяемости казанских губернаторов первой половины XIX века в целом соответствовала общероссийскому фону²⁴.

Об этом свидетельствует хроника событий, происходящих в Казани в первой четверти XIX века. В 1801 году на имя императора поступил донос на казанскую полицию, где с целью получения признаний применялись жестокие пытки. Для выявления обстоятельств дела был отправлен на место царский порученец флигель-адъютант, подполковник барон П.И. Альбедиль. По результатам расследования, военный и гражданский губернаторы П.П. Пуцин и А.И. Муханов были отрешены от должностей «за превышение власти». В 1803 году по результатам ревизии сенатора И.Б. Пестеля, был уволен и осужден «за допущенные беспорядки и злоупотребления» казанский губернатор Н.И. Кацарев. Следующие десять лет в период губернаторства Б.А. Мансурова в губернской администрации кадровых потрясений не происходило, но после его смерти в 1814 году сразу за другим сменились три правителя – Ф.П. Гурьев, И.А. Толстой и П.А. Нилов. Эти отставки были спровоцированы конфликтом с губернским предводителем дворянства. Увольнения

¹⁹ Там же. Л.79-80.

²⁰ Там же. Д.117. Л.75.

²¹ ОПИ ГИМ. Ф. 395. Ед.хр. 123. Л.112.

²² РГИА. Ф. 1286. Оп.1. Д. 117. Л.59.

²³ См.: Губернии Российской империи. История и руководители. 1708 – 1917. М, 2003. С.120-121.

²⁴ Киселев И.Н., Мироненко С.В. О чем рассказали формулярные списки // Число и мысль. М., 1986. Вып.9. С.6-31; Морякова О.В. Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1993 № 6; Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80- гг. XIX в. М., 1991.

губернаторов добивалась посредством жалоб, доносов, обвинений во взятках организация сенаторской ревизии²⁵.

Статистика сменяемости начальников Казанской губернии первой четверти XIX века подводит к пониманию необходимости изучения механизмов правительственной кадровой политики, а также служебных проблем высшей бюрократии. Именно в то время отставка посредством гласного судебного решения имела самое широкое применение в практике административных наказаний российских губернаторов.

INSPECTORATE AND PUNISHMENTS OF THE GOVERNORS (THE FIRST HALF OF NINETEENTH CENTURY)

A.N. BIKTASHEVA

Kazan State University

E-mail: biktashi@mail.ru

In the article the author has been examining the laws and governmental documents concerning the sphere of governor's power in Russian Empire of the first half of XIXth century. She has revealed the correspondence between mechanism of punishment for imperial services and results of senators' inspections.

Key words: policy, Russian Empire, Kazan province, governor, nobility assembly, Senate inspections.

²⁵ См.: Бикташева А.Н, Гизатуллин М.Х, Ильина К.А. Неформальные практики властвования в Казанской губернии (первая половина XIX века). Казань, 2006. С.7-56.

РОССИЯ И ЕВРОПА: МЕЖДУ «СЦИЛЛОЙ» ПАРТНЕРСТВА И «ХАРИБДОЙ» НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

К. Н. ЛОБАНОВ

Белгородский юридический институт МВД

*e-mail:
lobanov_pol@pochta.ru*

В данной статье затрагиваются актуальные проблемы определения конкретного содержания европейского вектора российской внешней политики. Важными аспектами этого направления выступают: интеграция России в европейское экономическое и правовое пространство, энергетический диалог с Европейским Союзом, достижение взаимной безопасности, координация усилий на международной арене, гуманитарное сотрудничество и содействие в приобщении нашей страны к европейским социальным ценностям и политическим институтам. Особенное внимание в статье уделено вопросам обеспечения государственных интересов России и сохранения ее национально-культурной идентичности в контактах с Объединенной Европой, а также определению возможных пределов такого сотрудничества.

Ключевые слова: внешняя политика, межгосударственные отношения, национально-государственный интерес, геополитические позиции, геополитические приоритеты, геополитические противоречия, геостратегия, Россия, Европейский Союз.

В последнее время Россия все больше обращается лицом к Европе. После активных контактов российского руководства с ведущими европейскими державами на фоне перманентного иракского кризиса, вопросов вокруг ядерной программы Ирана и явно «про-европейски» ориентированных действий Президента в вопросах энергетического экспорта европейский вектор российской внешней политики стал более ощутимым. В чем его основные параметры?

Дифферент в направлении более тесного взаимодействия с Европой во всех сферах взаимных интересов объективен и правилен. Во-первых, это естественная реакция на отсутствие видимого прогресса в вопросах партнерства с Соединенными Штатами Америки. Очевидно, что с «ястребами» из окружения президента Джорджа Буша-младшего вообще вряд ли можно говорить о каком-либо партнерстве. Во-вторых, Россия в ее нынешнем далеко не лучшем состоянии вряд ли сможет самостоятельно, а главное мобильно интегрироваться в экономические процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Япония и «азиатские тигры», целиком поглощенные борьбой с последствиями финансовых кризисов и экономическим спадом, со своей стороны также не демонстрируют заинтересованности в долговременных, а главное в равноправных связях с Россией. Вместе с тем, как полагают

многие, такая интеграция может лучше пойти в паре с Объединенной Европой (Европейским Союзом)¹.

Но и здесь нельзя отрицать наличия целого ряда важных обстоятельств.

Первое. За более чем десятилетнюю историю официальных контактов между новой Россией и Европейским Союзом (ЕС) так и не был определен статус российско-европейского партнерства. Поэтому первоочередной задачей нашего политического руководства в отношении Европы должно стать уточнение содержания взаимных отношений. Этот вопрос представляет принципиальное значение для российского общества и государства. Суть его состоит в том, как оценивать сотрудничество Европы и России – как отношения равных субъектов или как отношения сильной и слабой сторон. При всей, как казалось бы, очевидности второго сценария ситуация выглядит далеко не однозначно. Дело в том, что экономические, технологические, финансовые, торговые и иные преимущества Европы перед Россией имеют, так сказать, внешний характер. В реальности же Европейский Союз (или даже более узко – Германия как основной «мотор» европейской интеграции) на рубеже XX-XXI столетий столкнулся с серьезными трудностями стратегического плана. Главное достижение последних лет – введение единой европейской валюты (евро) пока не привело к желаемым результатам. Евро задумывался как альтернатива доллару США и японской иене, а также как средство внутренних накоплений. Вместе с тем, новая европейская валюта оказалась весьма капризным детищем. Ее искусственное удорожание, вызванное, между прочим, не воздействием внутриэкономических факторов, а, скорее, результатами корректировки американского финансового и фондового рынка после терактов 2001 г., приносит больше неприятностей европейским производителям, нежели пользы, так как дорогой евро в этом случае делает экспорт малорентабельным. Сами европейцы также не совсем доверяют евро, ибо залогом стабильности этих денег является здоровье экономики Германии, а она сегодня переживает длительный спад². В результате сами немцы предпочитают делать накопления не в евро, а в долларах США и швейцарских франках. С технологическим рывком у ЕС также ничего не вышло: даже наиболее развитая в экономическом плане Германия не смогла совершить прыжок в постиндустриальное общество. Внедрение европейских фирм в перспективные точки экономического и технологического роста (как рынок, Европа давно иссякла) идет слабо, оставляя приоритет глобальным и региональным конкурентам. Россия же имеет в этом отношении и известный ресурс – с точки зрения инфраструктуры мировой торговли (континентальные энергетические коммуникации, Транссиб, Великий северный путь и т. п.), есть и значительные наработки в области пионерных технологий.

Однако у России есть и главное преимущество: наша страна на нынешнем уровне потребления большей части населения имеет возможность, конечно, при условии активизации борьбы с олигархами и ведения более сбалансированной экономической политики еще некоторое время выжидать, выбирая себе партнеров. Европа же лишена этого выбора: кредит доверия интеграционным процессам крайне невелик и продолжает таять, о чем убедительно свидетельствуют частые общеевропейские кризисы (за последние 2 года их было три – топливный из-за напряженности обстановки в Персидском заливе, сельскохозяйственный из-за болезней домашних животных, политический из-за действий США в Ираке).

Второе. У российского общества и власти нет пока твердой уверенности в том, что отношения с нашей страной для европейцев, и в частности немцев, являются приоритетным направлением, а не очередным маневром с целью шантажировать Америку. Это происходит, главным образом, потому что нынешние правительства европейских стран, включая коалицию в Германии, являются недостаточно сильными. Это подтверждают не прекращающиеся вот уже два года политические скандалы, сотрясающие почти все крупные и малые страны ЕС. Здесь можно вспомнить и дело о внебюджетных фондах правящей в 90-е годы в Германии коалиции ХДС\ХСС и «муниципальный» скандал во Франции, стоивший свободы многим представителям местной элиты³. В Греции за долгие годы молчания обнаружили религиозные чувства (из-за проблемы вокруг Кипра), а на это идеологическая структура ЕС рассчитана не была. В Германии недавно разразился скандал против бывшего министра иностранных дел Йошки Фишера, известного своей

¹ См. например: Montezemolo G. Europe Incorporated: The New Challenge. Chichester. New York. 2005. P. 26-31.

² Bild Zeitung, Oktober 6 2004.

³ Bild Zeitung, Mai 17 2006.

неразборчивостью в интимных отношениях⁴. Даже если допустить, что эти скандалы случайны, то нельзя не отметить, что они демонстрируют степень раскола внутри западноевропейских элит, которые не удерживаются от выяснения отношений даже в период действительно серьезных проблем в политике и экономике.

Однако, вместе с внутренней слабостью западноевропейского политического класса нельзя не заметить и слабость ЕС как организации. И наиболее показательным в данном случае является раскол «нерушимого союза» в период кризиса вокруг Ирака. Так что, выбор не ЕС в целом, а только Германии в качестве главного партнера следует считать весьма правильным шагом нашего политического руководства.

Но даже и на национальном уровне, в условиях столь серьезного и болезненного раскола, вряд ли нынешняя правящая элита Германии решится на какие-то реальные долгосрочные политические решения, которые могут вызвать серьезные внутриполитические дебаты. Тем более, касательно политики в отношении России, которая уже давно ни с чем хорошим у европейцев не ассоциируется.

Третье. Несмотря на все уверения либеральных макроэкономистов, экономическое измерение сотрудничества не существует без политической составляющей. А с политической повесткой дня в российско-европейских отношениях существуют очевидные проблемы. Это связано не столько с вопросами о правах человека в Чечне или свободой слова в современной России – европейский бизнес это интересует в последнюю очередь. Тут нельзя не вспомнить Маркса, который, вероятно, был прав, когда говорил, что нет такого преступления, на которое капитал не пошел бы за 200% прибыли. Проблемы в политических отношениях России и ЕС возникают, скорее, из геополитической незрелости европейских элит, их близорукости.

Нужно помнить, что именно европейцы – что бы там не говорили о роли США – были главными энтузиастами форсированного расширения НАТО на Восток. Это расширение практически ничего не дало Европе, кроме того, что обленившиеся бюргеры окружили себя очередным санитарным кордоном от мнимой «угрозы с Востока». Европейцы бездумно (если не безумно!) втянулись в инспирированный и умело управляемый американцами конфликт в бывшей Югославии и потом искренне удивлялись тому, почему вдруг начался отток инвестиций в США и Азию. И именно европейцы создали в Европе новую разграничительную линию и испортили отношения с Россией. Попутно заметим, что рост проблем в европейской экономике, финансах, и особенно в европейской политике, начался именно в середине 90-х годов. Тогда с большой помпой был дан старт процессу расширения НАТО. Вторая волна кризисных явлений накатывается на Европу на наших глазах. Как только было объявлено о продолжении «разбухания» Атлантического альянса за счет новых стран Восточной Европы и Балтии, Евросоюз опять попал в затруднительное положение, суть которого заключается в том, что страны-абитуриенты на вступление в НАТО и ЕС повели себя в иракском кризисе совсем не «по-европейски», а резко проамерикански. Но об этом чуть позже. Пока же ясно, что как бы не развивалось экономическое сотрудничество России и ЕС, расширения НАТО россияне европейцам не простят. Как вряд ли простят и активное заигрывание с чеченскими головорезами, в котором европейская элита в свое удовольствие принимала и принимает шумное участие, унижая нашу страну.

Четвертое. Не стоит списывать со счетов кровный интерес, который проявляют к европейским вопросам Соединенные Штаты Америки. Европа, как и другие регионы мира, является для США «зоной жизненных интересов», важнейшим источником экономических и финансовых ресурсов. На протяжении последних десяти лет именно на эти ресурсы идет формирование суперинтеграционного образования – Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА). Америка прочно держит в своих руках ключ от Европы. Этот ключ – конфликт на Балканах, которым США умело манипулируют. Не исключено, что в результате нынешнего укрепления евро или при других признаках финансовой, экономической, политической эмансипации ЕС или Германии как национального государства конфликт на Балканах разгорится с еще большей силой. Например, в Черногории, Воеводине или по поводу окончательного расчленения Сербии и создания на радость европейцам «Великой Албании», которая, без сомнения, станет главной базой для наркоторговли и исламского фундаментализма. И тогда про какие-то далеко идущие геополитические перспективы европейцам надо будет забыть навсегда. ЕС уже наглядно доказал в 90-е годы, что он не способен справиться даже с ограниченным по масштабам конфликтом, тем более, что же говорить о чем-то более серьезном.

4. Die Welt, November 12 2006.

Нельзя не учитывать и того факта, что с приемом Стран Восточной и Центральной Европы в НАТО влияние США в этой организации только возросло, поскольку одним из наиболее активных натовских государств стала Польша, ориентированность которой на США хорошо известна. И именно Польша с ее многомиллионным населением будет «разыгрываться» Вашингтоном против Берлина и Парижа в рамках НАТО. Так что, европейцам стоит проститься с гревшей душу идеей об усилении «европейской составляющей» в НАТО. Она, возможно, и будет усиливаться, но контроль над Атлантическим альянсом останется в Вашингтоне. России же следует быть готовой к тому, что на сдвиги в процессе партнерства с Европой США будет отвечать не только хлесткими заявлениями вашингтонских чиновников, но и провоцированием силовых кризисов и даже конфликтов, как в случае с Ираком.

Пятое. Любые иностранные инвесторы заинтересованы в том, чтобы государственная власть в стране пребывания была достаточно сильной, чтобы обеспечивать их безопасность и выполнять взятые на себя обязательства, но достаточно слабой для того, чтобы не контролировать текущую деятельность зарубежных фирм. В этом смысле «Сименс» или «Рургаз» ничем не будут отличаться от «Макдоналдса», который игнорировал российское трудовое законодательство и очень возмущался, когда о соблюдении того зашла речь. Создавать же сферы, изъяты из российского законодательства, опасно и с точки зрения сохранения территориальной целостности страны, и с точки зрения поддержания социальной стабильности. К тому же, методика действий европейского бизнеса уже довольно хорошо изучена: он предпочитает иметь дело с местными руководителями вне зависимости от их политической ориентации, чем с федеральными властями. Поэтому существует опасность того, что в Европе никто интеграцией с Россией заниматься не собирается: там планируют интегрировать Россию по частям. И зондирование почвы со стороны ЕС относительно судьбы Калининграда только подтверждает эту неприятную гипотезу. Так что, в данном случае задача создания «инвестиционной привлекательности» вступает в явное противоречие с внутривнутриполитическими приоритетами властей, у которых менее чем через полгода начнется выборный ажиотаж, где вопрос о единстве страны будет одним из главных приоритетов.

Таким образом, необходимо несколько умерить иллюзии относительно будущего российско-германского союза и российско-европейского партнерства. Это длительный процесс, который пока не вызрел окончательно, и, несмотря на всю реальную заинтересованность германского бизнеса в партнерстве с Россией, он вряд ли даст отдачу в краткосрочной перспективе.

Однако, это не самое важное. Самое важное заключается в том, что для успешного развития российско-германских отношений невозможно рассчитывать только на «немецкую» составляющую этого союза. Все, в конечном счете, будет зависеть от способности и Президента, и правительства продемонстрировать эту свою способность организовывать экономический рост за счет мобилизации и оптимизации внутренних источников и ресурсов.

RUSSIA AND EUROPE: BETWEEN «SCILLA» OF PARTNERSHIP AND «HARIBDA» OF NATIONAL INTERESTS

K. N. LOBANOV

Belgorod Law Institute of Internal Affairs

e-mail:
lobanov_pol@pochta.ru

The article deals with the actual problems of determination of the concrete content of european direction of russian foreign policy. The important aspects of this policy are: the integration of Russia into the european economic and law space; the dialogue with the European Union countries concerning energy policy; the achievement of mutual security; the coordination of international policy; the humane cooperation in order to help our country to join the european culture and political traditions. Special attention is paid to the problems of maintaining the state interests of Russia and preservation of its national and cultural identification during its contacts with European Union countries, and the determination of possible limits of such cooperation.

Key words: external policy, international relations, state interests, geopolitics positions, geopolitics favorities, geopolitics conflicts, geostrategy, Russia, European Union.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ КАК МЕХАНИЗМ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ)

А.В. ГЛУКОВА

*Воронежский
государственный
университет*

e-mail: soc@hist.vsu.ru

В статье рассматриваются специфические особенности постсоциалистических общественных трансформаций: совмещенность во времени различных политических процессов, высокие темпы преобразований, преимущественно бескровный (за исключением Румынии) характер политических переворотов, бедность идейного содержания «бархатных революций» и т.д. По мнению автора, центральной проблемой трансформационного процесса становится институционализация политического конфликта через избирательное законодательство и политическое представительство, соответствующие структуры законодательной и исполнительной власти и т.д. В ходе трансформации должны быть разрешены противоречия между конфликтом и консенсусом, между включенностью и управляемостью; между демократическим одобрением и эффективностью политической системы. Странам Восточной Европы в целом удалось справиться с этими проблемами, следствием чего стало мягкое, эволюционное политическое развитие, несмотря на недовольство масс результатами экономических реформ и глубокую культурную травму. В России правящая элита избрала иной вариант трансформации, подчинив политическое поле административному контролю. Однако нынешняя стабилизация в России имеет порочную основу, поскольку элиминирует политический конфликт как механизм поиска альтернатив и вариантов развития.

Ключевые слова: политический конфликт, постсоциалистическая трансформация, институционализация, консенсус, политическое развитие, элита, стабилизация.

Одним из наиболее перспективных направлений зарубежной и отечественной политической науки в последние полтора десятилетия оставалась транзитология как отрасль научного знания, специализирующаяся на исследовании различного рода переходных процессов и качественного изменения общественных систем. Первая половина 90-х годов XX века была отмечена преимущественно разработкой концепта демократизации, демократического транзита как перехода общества от авторитарных социально-политических структур к демократии, трактуемой, прежде всего, как наличие гарантированных политических прав и гражданских свобод. Однако общемировой феномен ослабления позиций авторитарной власти и все более широкого распространения демократических институтов в научных исследованиях последнего десятилетия подвергается существенной корректировке. Большинство транзитологов осознали, что крах авторитарных режимов не означает беспрепятственного перехода бывших авторитарных обществ в новое демократическое качество и что процесс поставторитарных изменений будет длительным и неоднозначным.

По поводу природы поставторитарных трансформаций звучат и более пессимистические оценки: следствием их становятся не просто «несовершенные демократии», как считалось ранее, но смягченные варианты авторитаризма. Подъем полуавторитаризма рассматривается некоторыми исследователями как закономерная реализация вполне сознательных установок политических элит на сохранение авторитарных систем под прикрытием формально демократических процедур и институтов¹. Как считает американская исследовательница М.Оттауэй, «полуавторитарные режимы не являются несовершенными демократиями, стремящимися к совершенствованию и консолидации. Напротив, это режимы, решившие сохранить видимость демократии, не подвергая себя политическим

¹ См.: Ottawa M. Democracy Challenged: The Rise of Semi-Authoritarianism. Washington, D. C. Carnegie Endowment for International Peace, 2003. IX + 288 p.; Карозерс Т. Трезвый взгляд на демократию // Pro et Contra. – 2005. – Т. 1. – №. 1 (28).

рискам, которые влечет за собой свободная конкуренция»². Таким образом, полуавторитарные режимы – это не результат неудачных попыток демократизации и не демократии, переживающих процесс становления. Это сознательно внедряемые альтернативы демократии, тщательно конструируемые и поддерживаемые политикой находящихся у власти сил. Лидеры успешных полуавторитарных режимов сознательно выбрали путь ограниченной трансформации, более соответствующей их интересам.

Отказ от представлений о предопределенности демократического перехода вывел на лидирующие позиции в политической науке другой концепт – концепт трансформации. Под трансформационным процессом понимается качественная смена экономических, политических и общественных систем, которая не заканчивается переносом формальных атрибутов вновь вводимой системы на новую почву, а предполагает принятие акторами в трансформирующихся обществах новых системообразующих правил и утверждение их в политической, экономической и социальной повседневности. Понятие «трансформация» более нейтрально, свободно от ценностной нагруженности и предполагает любой, в том числе и инволюционный вектор политических изменений, что имело место на рубеже XX-XXI вв. в различных регионах мира.

Пищу для теоретических дискуссий предоставили реальные политические процессы, прежде всего в постсоциалистических государствах Центральной, Восточной и Южной Европы, а также на постсоветском пространстве. Начало XXI века ознаменовалось десятилетним юбилеем постсоциалистического развития государств этого региона. Общепринятой стала точка зрения о завершении строительства «основ капитализма» и о переходе стран региона к этапу консолидации сложившейся общественной системы. Однако вывод о завершении переходного периода не исключает признания кризисного состояния экономической, социальной и политической сфер жизнедеятельности этих обществ. Заметно возросло количество незанятого населения; возникла резкая поляризация доходов и жесткая социально-имущественная иерархия как отличительные черты новой общественной системы. В политической сфере произошло ослабление роли партий, дистанцировавшихся от массовых слоев и общественных групп, превращение их в соперничающие элитные группировки, не справляющиеся с функцией представительства, согласования и нахождения баланса различных интересов. Исчерпание потенциала массовых протестных движений оборачивается деполитизацией, наиболее ярко проявляющейся в молодежной среде³.

После почти 15-летней постсоциалистической трансформации пришло время для серьезной методологической рефлексии предварительных итогов этого сложного и неоднозначного процесса. На сегодняшний день ушла в прошлое эйфория, связанная с надеждой на быстрое превращение как всех бывших социалистических стран Европы, так и постсоветских республик в свободные демократические государства с эффективной рыночной экономикой. Напротив, за молниеносным крахом старой системы последовала затяжная фаза становления новых институтов, которая протекала не так быстро и легко, как первоначально ожидалось. Обещанный Р.Дарендорфом путь по «долине слез» в экономике действительно оказался долгим и извилистым.

На этом фоне были развернуты дискуссии, нацеленные на более глубокое теоретическое осмысление происходящих процессов. Дебаты касались, в частности, вопроса о непригодности для исследования постсоциалистических трансформаций так называемых *grand theories* социальных наук, а также объяснений таких проблем, как очередность реформ, препятствий на пути развития со стороны тех или иных «заинтересованных групп» и неблагоприятного «наследия» социализма.

В связи с этим стал набирать силу старый спор о методологии исследования современных обществ. Речь идет, прежде всего, о полемике между теми субдисциплинами социальных наук, которые именуют себя «сравнительными» (в частности, сравнительная политология), и страноведческими дисциплинами. В контексте постсоциалистических перемен эта дискуссия впервые возникла в американской политической науке как спор

² Ibid. – P.3.

³ Новый социальный облик Восточной Европы: Сб. обзоров и рефератов / РАН ИНИОН. Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем; Редкол. Шаншиева Л.Н. (отв. ред.) и др. М., 2002; Коровицына Н.В. Сравнительный опыт общественных трансформаций в постсоциалистических странах // Социологические исследования. 2002. № 5.

между компаративистами – «транзитологами» (т.е. представителями различных дисциплин социальных наук) и бывшими «советологами», чаще всего имевшими историческое, филологическое, культурологическое образование и являвшимися своего рода экспертами в области страноведения. Однако и для тех, и для других «осень народов» 1989 года стала, по словам К.фон Байме, «черной пятницей». Как и другие, еще более «наукообразные» подходы, подобные теориям модернизации и конвергенции, они не смогли дать правильных прогнозов относительно бархатных и нежных революций конца 80-х гг. прошлого века. Еще менее релевантными оказались эти подходы в анализе новой «бархатной микроволны» 2004 – 2005 годов в постсоветских государствах – в Грузии, на Украине и в Киргизии.

В дебатах о постсоциалистических общественных трансформациях и их теоретических объяснениях ярко проявляются некоторые «семейства» теорий и подходов, которые различаются как по размаху их объяснительных амбиций, так и по степени «открытости» собственных концептов. Общепринятым является различие двух основных подходов – структурного и процедурного. При построении общих моделей демократизации первый опирается на структурные факторы, такие как государство и нациеобразующие, социально-экономические и культурно-ценностные условия и предпосылки. В отличие от него процедурный подход отводит ключевое место действиям политических акторов, выбору и последовательности их решений. Некоторые авторы (В.Меркель) развивают эту дихотомию до 4-х больших направлений научной мысли (системные, структурные, культурные теории и теории акторов). Все они принадлежат к разряду так называемых «больших теорий»⁴.

Принципиальная критика в адрес «больших теорий» высказывается со стороны тех дискурсов, которые в российской научной мысли обозначаются термином «процедурный подход», а точнее – процедурные подходы, модели и теоремы. В познавательном плане они более скромны в своих амбициях и направлены на применение и развитие теорий «среднего уровня». Так, они признают историческую уникальность постсоциалистической трансформации, представляющую собой «отчасти целенаправленное, но динамичное и поэтому не полностью управляемое изменение политической, экономической и социальной систем социалистических обществ»⁵. Именно здесь ярче всего проявляется специфика доминирующего в научных дискуссиях термина «трансформация»: в отличие от экономического или политического транзита как простого перехода из одного состояния в другое, основной акцент делается на преобразованиях и изменениях как на процессах, конечные цели которых не могут быть заведомо заданными или предсказуемыми. Задача исследователя состоит не в объяснении и выявлении универсальных закономерностей трансформации, а в разработке эмпирически обоснованных, возможно более четких высказываний и суждений об отдельных, частичных процессах трансформации. Здесь в центре внимания находится процесс институционализации, а не сами институты.

В настоящее время в исследовании восточноевропейских трансформаций преобладает так называемый «актороцентрический институционализм». Его представители не рассматривают акторов как умело (и хладнокровно) действующих, рассчитывающих соотношение выгод и издержек эгоистов, идеальным типом которых является «хомо экономикус» классических экономических теорий. Напротив, актор для них – намного более сложный субъект. Он стремится к «рациональному» поведению, измеряющемуся соотношением целей (выгод) и средств (причиняющих издержки), но его рациональность является принципиально и непреодолимо ограниченной: знания о мире ограничены, также ограничены каналы получения этих знаний и возможности сбора и распространения информации. Поэтому акторы действуют на основе упрощенных моделей «реального мира», и именно в различиях между этими моделями и реальностью заключены «опасности и риски», обозначаемые термином «неопределенность». Человек не в состоянии правильно просчитать вероятность издержек и выгод всех альтернативных решений, поэтому он принципиально не в состоянии определить «лучший вариант» своих действий. С точки

⁴ Меркель В. Теории трансформации. Структура или актор, система или действие? // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Т.1. Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы. СПб.; М.; Берлин, 2003. С. 55-88.

⁵ Штыков П. Исследования трансформационных процессов в Восточной Германии и Восточной Европе: достижения, проблемы и перспективы немецких социальных наук // Указ соч. СПб.; М.; Берлин, 2003. С. 18.

зрения конфликтологического анализа это означает невозможность (или серьезную затрудненность) рациональных стратегий поведения человека, что обрекает его на иррациональное поведение и, тем самым, увеличивает вероятность возникновения деструктивных конфликтов.

Актороцентрический институционализм позволяет исследователю подняться и в более высокую плоскость конфликтологического анализа. Здесь самой сложной остается проблема взаимодействия между экономическими реформами, политической стабилизацией и поведенческими практиками ключевых акторов трансформации, их способностью к компромиссу. Это взаимодействие является чрезвычайно противоречивым, но именно в нем и кроется главная тайна, проливающая свет на результаты широкомасштабного процесса перемен. Речь идет о роли конфликтов трансформации как главных механизмов этого сложного и многопланового процесса. Конфликты трансформации уже давно привлекают внимание отечественных и зарубежных исследователей⁶, однако их функциональная роль главного механизма преобразований все еще остается недостаточно осмысленной и воспринятой в теории и на практике, по крайней мере, в России.

Трансформация постсоциалистических обществ не просто имеет некоторые отличительные особенности, но по-своему уникальна. В противоположность переходным процессам в Южной Европе и Латинской Америке, особенности восточноевропейского перехода заключаются в одновременности четырех различных процессов: строительстве национального государства; введении рыночной экономики, осуществленной преимущественно политическими методами; демократизации политической системы и построении гражданского общества. Наряду с этими особенностями бросается в глаза и *чудовищная скорость* (Р. Дарендорф), с которой страны Центральной и Восточной Европы начали этот процесс. В течение нескольких месяцев режимы, казавшиеся сверхстабильными, рухнули, как картонный домик, и были заменены демократическими формами правления. Конституции были либо написаны заново, либо обрели посредством многочисленных поправок демократическо-правовые масштабы. Вновь избранные парламенты утвердили первые меры и рамочные законы для введения рыночной экономики; были обеспечены первые реформы государственного устройства, как, например, новые выборы региональных и местных органов власти и реформы органов управления. Все эти преобразования стали следствием разрешения (как правило, мирного, за исключением Румынии) масштабного макроконфликта между силами, заинтересованными в сохранении бывших порядков, и силами, ориентированными на их изменение. Журналисты метко окрестили их «нежными» и «бархатными» революциями, намекая на бескровный характер столь масштабных политических переворотов. Наблюдатели на Западе, напротив, довольно быстро продемонстрировали скептицизм по поводу *характера и содержания* происходящих процессов. Как писал известный французский историк Ф.Фюре, «столько было шума, столько гама, и ни одной новой идеи»⁷. Имелось в виду то обстоятельство, что провозглашенные «бархатными» революциями ценности были заимствованы из революционной риторики XVIII века («свобода», «равенство», «собственность», «права человека»), и как выяснилось впоследствии, не вполне соответствовали характеру задач, вставших перед трансформирующимися странами в совершенно новую эпоху. Бедность идейного содержания «бархатных революций» стала одной из причин последующих неудач радикального реформаторства и дискредитации самого концепта революции. Другой причиной, безусловно, является установка пришедшей к власти антикоммунистической контрэлиты на сохранение и поддержание статус-кво, выдаваемого за обеспечение социально-политической стабильности. «Больше не будет ни революций, ни контрреволюций!» – этот слоган неоднократно звучал на всем постсоциалистическом пространстве от Праги до Москвы. Вместе с тем логика демократической политической конкуренции требует создания соответствующих «правил игры». Отсюда, в практическую плоскость встает вопрос об институционализации политического конфликта, т.е. введении его в качестве

⁶ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996; Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени : пер. с англ. А.А.Васильева и др. СПб., 2002; Федотова В.Г. Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке. – М., 2002; Никовская Л.И. Трансформация в России в контексте социального конфликта : в 2 ч. М., 2003.

⁷ Цит. по: Дарендорф Р. Размышления о революции в Европе // Путь. Международный философский журнал. 1994. № 6. С. 4.

«нормального», законного элемента в структуру политической системы через избирательное законодательство и политическое представительство, соответствующие структуры исполнительной власти и их связь с законодательной властью и т.д. Конфликт обретает, таким образом, свое законное место в системе политической коммуникации, выступая главным механизмом разрешения противоречий и реализации политических инноваций.

Одним из главных противоречий трансформации, по мнению ряда исследователей, является противоречие между конфликтом и консенсусом⁸. Демократия, по определению, является институционализированной системой для возникновения и разрешения всевозможных конфликтов, возникающих при распределении дефицитных ресурсов – власти, социального статуса, материальных ресурсов и т.д. Для этого необходимы жестко фиксированные правила игры и достигаемая на этой основе стабильность политической конкуренции. Фактически это означает достижение так называемого процедурного консенсуса, т.е. согласия относительно демократических процедур, основанного на разделяемом всеми восприятии соразмерности и справедливости институциональных правил. Вместе с тем, на уровне конкретной политики и политических программ никакого долговременного согласия быть не может, и в рядах политической элиты должен сложиться прочный консенсус на этот счет. На уровне программ или политического курса именно конфликты являются необходимым условием демократии.

Однако, интересы в демократическом обществе могут быть реализованы только посредством институтов. Если же институциональная конфигурация политического режима является несоразмерной, то интересы не воспринимаются ни как эффективные, ни как справедливые, и конфликт усложняется, перемещается с уровня политического курса на уровень политической системы. В этом случае политические институты начинают оспариваться и становятся объектом борьбы интересов. Эта борьба принимает особенно ожесточенный характер, если институты отдают предпочтение какой-то одной политической или социальной группе за счет других и отчетливо видны производимые ими эффекты перераспределения. Выигрывающие от существующих институциональных моделей политические силы пытаются стабилизировать институты, в то время как проигрывающие от этого силы стремятся к изменению этих моделей посредством создания коалиций и ужесточения стратегий борьбы.

Для того чтобы заставить основные политические силы в ходе или исходе трансформации реализовывать свои интересы в рамках демократии, а не за их пределами, необходимы так называемые «институциональные гарантии», исключающие возникновение двух конфликтных ситуаций. Во-первых, нельзя допускать того, чтобы только одна политическая сила доминировала в пределах политических институтов и определяла результаты их деятельности. Во-вторых, необходимо воспрепятствовать установлению прочного господства только одного политического института в рамках режима. Только в том случае, если оба эти условия выполняются *одновременно*, акторы, преследующие собственные интересы, будут придерживаться установленных правил. Эти условия особенно важны для многосоставных обществ, где существуют явные религиозные, культурные, языковые, этнические или социально-экономические расколы и где особенно важно избегать долговременного доминирования одной политической группировки в ущерб меньшинствам: это может подорвать доверие к политическим институтам в целом.

Существует целый набор институциональных ограничений для того, чтобы предотвратить доминирование одной-единственной политической силы. Элементами его являются:

- пропорциональная система представительства с низким барьером, предоставляющая шанс даже небольшим по численности социальным общностям быть представленными в парламенте;
- многопартийность, возникновению которой способствует такая избирательная система;
- ярко выраженная (например, посредством возможности вынесения вотума недоверия) роль парламентской оппозиции;

⁸ Рюб Ф.В. Три парадокса консолидации в новых демократиях Центральной и Восточной Европы // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей : в 2 т. СПб.; М.; Берлин, 2003. Т.1. Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы. С. 441.

- эффективная исполнительная власть, наделенная лишь незначительными законодательными полномочиями, и т.д.

В свою очередь, предотвращению господства одного-единственного института способствует четкое разделение ветвей власти. Этому содействует создание второй палаты парламента, федеративное устройство государства, система местного самоуправления, а также соответствующее судопроизводство, в частности, в области конституционного права.

Вместе с тем даже этих многочисленных институциональных рамок все равно может оказаться недостаточно. Сами по себе они не могут гарантировать нормального политического соперничества, если нет консенсусно-ориентированного поведения политических элит, нейтрализующего центробежные и дезинтегрирующие силы в плюралистическом обществе. Если не существует такого консенсуса, то институциональные рамки в действительности являются «суетой вокруг власти» (Сартори) и способствуют лишь обострению политических конфликтов (по принципу «игры с нулевой суммой»), а не их полноценному урегулированию.

Второе противоречие возникает между включенностью и управляемостью, т.е. между стабильной и дееспособной политической властью, которая умела бы справляться с гигантскими проблемами тройной и одновременной трансформации, и представительными политическими институтами, обеспечивающими социальную интеграцию общества. В трансформационных процессах в Центральной и Восточной Европе доминирует система пропорционального представительства, обеспечивающая фрагментацию партийной системы. Она в определенном объеме делает возможным представительство важнейших политических сил в парламенте. «Именно в этнически гетерогенных государствах Центральной и Восточной Европы соразмерное представительство этнических или других меньшинств имеет большое значение для консолидации», – считает немецкий исследователь Ф. Рюб⁹. Однако широкое представительство разнообразных интересов должно дополняться эффективной управляемостью, формулу которой достаточно трудно определить в условиях большой политической фрагментации. Нередко возникают ситуации, когда сама избирательная система (смешанная или мажоритарная) позволяет трансформировать относительное большинство голосов, полученных на выборах, в абсолютное большинство в парламенте, что создает реальную опасность «конституционной диктатуры» (Э. Арато). Институциональные механизмы в таких случаях содействуют не консенсусу, а, напротив, доминированию одной или двух политических сил над остальными, что усиливает политические конфликты относительно институтов, поскольку отлучает от участия в них слишком большие группы избирателей и наказывает проигравших сверх всякой разумной меры.

Что касается управляемости, то в странах Центральной и Восточной Европы было опробовано несколько моделей исполнительной власти. Ни одна страна (кроме России) не приняла на вооружение так называемый суперпрезидентский режим, издержки которого давно и хорошо известны. Создавая дееспособную исполнительную власть, такой режим предрасположен к авторитарной ремиссии, поскольку предполагает слабую парламентскую систему и неразвитый механизм отбора политических лидеров, что ведет к политическому авантюризму и удовлетворению персональных властных амбиций. Другой вариант президентализма – президентско-парламентская система, учрежденная в Хорватии и справедливо считающаяся одной из самых конфликтогенных: судьба Веймарской республики в Германии 30-х годов прошлого века стала горьким тому подтверждением.

Однако возможны и другие варианты: Польша и Румыния предпочли премьерско-президентскую систему; Болгария, Словения и большинство других государств этого региона отдали предпочтение парламентской системе. Последняя предоставляет если и не гарантию, то хотя бы институциональную организацию, которая в состоянии сбалансировать конфликт между управляемостью и политическим участием. Правительства, как правило, являются коалиционными, а оппозиция состоит из нескольких партий, имеет все шансы оставаться политически значимой и готовится к своему будущему вступлению во власть. И что особенно важно для Центральной и Восточной Европы – такие системы могут намного лучше интегрировать этнические и другие меньшинства, чем смешанные или (супер) президентские

⁹ Рюб Ф.В. Три парадокса консолидации в новых демократиях Центральной и Восточной Европы // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей : в 2 т. СПб.; М.; Берлин, 2003. Т.1. Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы. С. 452.

системы правления. Конечно, при неструктурированной партийной системе возможно возникновение поляризованного плюрализма, неспособного гарантировать дееспособную исполнительную власть. Но, тем не менее, парламентская система способна обеспечить более или менее добросовестное политическое соперничество и предоставить институциональные стимулы для кооперации и консенсуса.

Третья проблема заключается в противоречии между демократическим одобрением и эффективностью политической системы, т.е. ее способностью к бесперебойному производству и реализации последовательных решений. Политический выбор в пользу рыночной экономики неизбежно связан с высокими социальными издержками. Безработица, инфляция, повышение цен из-за снижения субсидий, недостаточные сети социальной защиты и связанная с этим высокая незащищенность граждан являются той ценой, которой приходится платить за ожидаемое в будущем экономическое процветание. Если терпение населения на исходе или социальные затраты слишком велики, то демократические политические институты могут помочь заблокировать последовательную экономическую политику. Вместе с тем, это может обернуться затягиванием экономического кризиса, поскольку частая смена популистской и либеральной политики может оказаться наиболее губительной для экономической стабилизации.

Решение этого парадокса опять-таки может обеспечить лишь политический механизм, а именно – открытая и конкурентная политическая система. Политические партии и государственный аппарат посредством институциональной адаптации должны предоставлять доступ к политической власти возникающим группам и открыть им каналы для представительства их интересов. Приватизация не должна способствовать обогащению одной группы за счет всех остальных. Кроме того, необходимо обеспечить всем доступ к институтам социальной защиты, которые предоставляют потерпевшим достаточные средства для выживания, что особенно актуально для безработных и пожилых людей.

Но в реальности страны Центральной и Восточной Европы сталкиваются с противоположной ситуацией. Доступ новых акторов к государству и политической системе является недостаточным. Вместо этого наблюдатели говорят о «чрезмерной политизации», «чрезмерной парламентаризации» и «чрезмерной партизации» политики. Эти определения характеризуют стратегию политических партий по исключению из политического процесса всех остальных акторов, особенно вновь установившиеся группы интересов и другие социальные организации. Доступ к экономическим ресурсам является неясным и неопределенным исходя из спорного положения с приватизацией, неясных отношений собственности и т.д. Институты социальной защиты также непрочны, они все еще находятся в стадии становления и не обеспечивают финансовую и правовую надежность, несмотря на то, что было принято множество соответствующих законов и т.д.

В целом же можно с учетом опыта как восточноевропейской, так и латиноамериканской трансформации сформулировать вывод о том, что успех или поражение экономических и социальных реформ зависит не от сущности отдельных политических мер, а от целостности и продолжительности их реализации. Целостные и продолжительные реформы только тогда могут быть доведены до конца, если политические партии – несмотря на смену правительств – сохраняют неизменным основной набор осуществляемых мер и если они в состоянии реализовать их, несмотря на быстро меняющиеся популистские настроения населения. А это условие, в свою очередь, возвращает к проблеме консенсуса в отношении проводимой экономической и социальной политики, к вопросу о дееспособности политической системы в целом.

Но институционализация, при всей ее важности, не может полноценно противостоять опасности дестабилизации. Поэтому общей стратегией является уменьшение неопределенности посредством самоограничения политических сил или посредством заключения политического союза между ними. Возможны три формы такого союза:

- конституционный союз, понимающий конституцию как основополагающий политический акт, связывающий различные группы и конституирующий их как политическое сообщество;
- экономический союз, ограждающий курс экономических реформ от случайностей политического процесса;
- социально-политический союз, снижающий неопределенность общественной трансформации посредством эффективного социального государства, принимающего на себя ответственность за социальный уровень жизни своих граждан.

Без этих предпосылок в обществе, по-прежнему, будет царить высокая неопределенность и слабая надежда на долгосрочную стабилизацию, с одной стороны, и «хватательные рефлексы», идеологическая и поляризованная партийная конкуренция, популистская мобилизация масс – с другой стороны.

Однако, несмотря на столь серьезные проблемы, сопровождающие трансформационный процесс, в странах Центральной и Восточной Европы удалось достичь главного – обеспечить несколько смен партийных правительств по итогам парламентских выборов, т.е. запустить в действие механизм чередования у власти различных (и даже противоположных) политических сил. Согласно Р. Далю, две смены партийного правительства по итогам парламентских выборов являются главным показателем того, что демократия состоялась и ее движущим механизмом является институционализированный политический конфликт, опирающийся на процедурный консенсус, т.е. согласие в правилах игры. Отсюда – мягкое, эволюционное политическое развитие, несмотря на очевидное недовольство масс результатами экономических реформ и глубокую культурную травму (П.Штомпка).

На этом фоне проблемы России выглядят как прямое следствие полного несовпадения ее трансформации не только с теоретическими моделями, но и с восточноевропейским опытом.

После удачного для власти референдума по Конституции 1993 г. был установлен суперпрезидентский режим, не предусматривающий четкого разделения властей, а также системы сдержек и противовесов. Этот режим был спланирован как средство разрешения конфликта между парламентом и президентом; отсюда последний получил право назначать главу кабинета министров и его членов вопреки желанию Государственной Думы. Смена правительства происходит после избрания президента, а не парламента, т.е. после президентских выборов. Президент имеет сильное право вето по отношению к Государственной Думе и может ее распустить, в то время как Государственная Дума не может отменить президентские указы. Но, прежде всего, не существует четкого правила, какие области политики находятся в ведении президента, а какие – в ведении парламента. Поэтому во всех областях политики долгое время существовал то латентный, а то и открытый конфликт между президентом и правительством, с одной стороны, и Государственной Думой – с другой. В силу институционального дисбаланса ветвей власти этот конфликт не был плодотворным, не обеспечивал эффективного разрешения проблем, связанных с трансформацией российского общества.

Следствием этого стало построение так называемого «политического капитализма» (Я.Станицкис), спекулирующего на использовании общественных фондов, все более приобретающего периферийные и олигархические черты в силу природной неспособности к развитию каких-либо производящих секторов экономики, кроме сырьевого сектора. В обществе и в элитах нарастало недовольство снижающимся международным статусом страны.

После парламентских (декабрь 2003 г.) и президентских (март 2004 г.) выборов в российской политике произошли подвижки, имеющие системный характер и названные исследователями «огосударствлением политического пространства» (А.Соловьев). В их числе:

- полная деполитизация Совета Федерации и установление политико-административного контроля над Государственной Думой (т.е. превращение федеральных представительных институтов в придаток органов исполнительной власти);
- активная селекция медиа-рынка и, в первую очередь, лишение общероссийских СМИ возможности информационно поддерживать оппозиционные политические фигуры и проекты;
- укрепление вертикали власти по линии «Центр – субъекты Федерации» через создание института полномочных представителей президента в семи федеральных округах;
- формирование партийной системы, блокирующей любые общественно-политические импульсы к ее развитию;
- жесткая правоприменительная практика по отношению к политическим конкурентам (причем, как на федеральном, так и на региональном уровнях);
- точечное использование технологий принудительного голосования, опробованного в ряде ключевых для власти регионов (в частности, в Чечне);
- политический раскол бизнеса и создание структур управления гражданскими объединениями;
- разрешение чиновникам класса «А» вступать в политические партии, открывающее легальные пути для укрепления симбиоза политического и административного

сегментов правящей элиты и служащее оправданием для интервенции бюрократии в сферу политики;

- корректировка процедур, затрудняющих проявление автономной политической активности граждан (Закон о митингах и шествиях; Закон о референдуме и т.д.);
- последовательный отказ государства от выполнения своих социальных обязательств¹⁰ и т.д.

Особо следует сказать о партийной реформе, существенно затруднившей трансляцию интересов гражданских структур и одновременно подготовившей почву для непосредственного проникновения исполнительной власти на партийный, и шире – на политический рынки. Инструментом такой интервенции стала «Единая Россия» – номинальная партия, обеспечившая Кремлю контроль над парламентом. Как показали новейшие исследования, благодаря целой комбинации институциональных и политических факторов, «Единая Россия» смогла конвертировать 37,57% голосов избирателей в 68,33% депутатских мандатов. «Подобная норма перепредставленности ведущей партии является беспрецедентной для мировой демократической практики», – считает известный российский исследователь Г.В.Голосов¹¹. Произошло то, от чего предостерегал Э.Арато: сама избирательная система позволила трансформировать относительное большинство голосов, полученных на выборах, в абсолютное большинство – в парламенте, чем создала реальную опасность «конституционной диктатуры»*.

Одним из результатов таких институциональных подвижек стало обрушение политического рынка и партийно-политической системы в целом. Поле российской политики неуклонно превращается в зону административного контроля. Выстраивается элитарный, закрытый от общественности механизм принятия политических решений. Госаппарат становится для власти наиболее удобным орудием контроля над политическим процессами, не требующим компромиссов, согласований и прочих сложных форм коммуникации, необходимых при общении с политическими контрагентами.

Конечно, сегодня такая централизованная форма управления имеет известное оправдание и даже некоторые позитивные стороны, поскольку способствует наведению самого элементарного порядка в коммуникативных процессах между институтами государства и гражданского общества. Однако безальтернативный механизм постановки целей всегда заканчивается капсулированием режима, разрушением даже зачатков демократии и вырождением политики как формы регулирования социальных отношений. С этой точки зрения режим так называемой «управляемой демократии» лишь повышает угрозу непредсказуемого развития, поскольку ни партии, ни парламент не формируют исполнительную власть и не отвечают за деятельность правительства. Они занимаются либо лоббированием узкогрупповых интересов, либо – при ослаблении исполнительной власти – нападками на нее, компенсируя тем самым отсутствие у себя необходимой функции существования.

По мнению А.Миграняна, разделяемому все большим числом отечественных исследователей, во внутренней российской политике идет *консолидация застоя*, которая не дает возможности для роста экономики. «Страна нуждается в кризисах, после которых перед ней, возможно, откроются какие-нибудь перспективы. Ельцинские потрясения и

¹⁰ Соловьев А.И. Институциональный дефолт и деинституционализация политического рынка // Политические исследования. 2004. № 1. С. 12.

¹¹ Голосов Г.В. Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. // Политические исследования. 2005. № 1. С. 119.

* В июне 2005 г. комитет Государственной думы по государственному строительству рекомендовал палате принять во втором чтении президентский законопроект о внесении изменений в избирательное законодательство. Большинство новшеств, которые В.Путин предложил внедрить на выборах всех уровней, уже закреплены в новой редакции закона о выборах в Государственную думу. В частности, предлагалось запретить создание предвыборных блоков, повысить с 5% до 7% максимальный барьер для прохождения в региональные парламенты, а также снизить с 25% до 5% количество допустимого брака в подписях, собираемых кандидатами и партиями в свою поддержку. Из принципиально новых для России положений стоит отметить введение единого дня голосования на выборах всех уровней; пункт о лишении мандата депутатов, перешедших из одной фракции в другую; изъятие из бюллетеней на региональных и местных выборах графы «против всех», которая зачастую становится для избирателей единственной возможностью выразить недоверие «партии власти». См.: Коммерсантъ. 24.06.2005. № 114. В настоящее время все эти поправки уже вступили в силу.

хаос давали возможность для какого-то развития, поскольку хаос лучше, чем любой застой, лишенный перспектив развития. Поэтому нынешняя стабильность внушает гораздо большие опасения, чем ельцинский хаос»¹². Приходится согласиться с тем, что такая стабилизация, как в России, имеет порочную основу, поскольку элиминирует политический конфликт как механизм поиска альтернатив и вариантов развития. Но конфликт, изгнанный из политических структур, изобретенных как раз для того, чтобы его институционализировать, выходит на улицы и площади, и никакой Закон о демонстрациях и шествиях, тщательно отредактированный нынешним думским большинством, не в состоянии будет этому помешать¹³. Массовый протест в январе – марте 2005 г., связанный с отменой социальных льгот, показал, что внешне апатичное общество может достаточно быстро отмобилизоваться и длительное время противостоять непопулярным решениям властей в крайне неблагоприятных «погодных» условиях. Однако это возможно в том только случае, если всерьез задеты глубокие интенциональные потребности и крайне значимые для граждан ценности справедливости и личного достоинства.

Как показала украинская «оранжевая революция», массовая протестная мобилизация, происходящая на центральных улицах и площадях, выступает неразрешимой дилеммой для действующей власти. Применение силы оказывается для нее чрезвычайно рискованным, поскольку не только может вызвать немедленную эскалацию протеста внутри страны, но и резко осложнит отношения с внешним (демократическим) миром, особенно международными и правозащитными организациями. Бездействие, по логике вещей, также будет «работать» на эскалацию протеста и даже радикализацию требований протестующих, поскольку справедливо будет расцениваться как слабость и растерянность власти. В таких случаях облегчается путь толпы к применению насилия, как это произошло в Киргизии летом 2005 г. Общий же вывод состоит в том, что влияние внешней среды на внутриполитические процессы в постсоветских обществах заметно возрастает и выражается, прежде всего, во внешнеполитическом воздействии на легитимацию внутриполитических решений¹⁴. Кроме того, внешний фактор обнаруживает себя через принуждение сторон к переговорам и повышение репутационных издержек в случае отказа от них, а также через выбор противоборствующими сторонами определенных моделей поведения, влияющих и на характер разрешения конфликта. Как считает В.Гельман, в случае Украины «международное влияние помогло снизить риски как силового подавления оппозиции, так и территориальной дезинтеграции страны»¹⁵.

Есть все основания полагать, что Грузия, Украина, Киргизия с опозданием в полтора десятилетия встали на тот же путь, что и страны Восточной Европы. Вероятнее всего, за ними рано или поздно последуют и другие постсоветские государства, приняв «правила игры», присущие современным западным демократиям. К этому подталкивают не только глубокие внутренние противоречия, но и мотивы поведения самих западных правительств, общественности, СМИ. По меткому замечанию В.Пастухова, в основе действий западных лидеров «лежит на самом деле глубокая идеологическая мотивация, базирующаяся на превратном представлении о роли и месте Запада в истории человечества, а во все не рациональный политический расчет»¹⁶. Поэтому переубедить Запад, а тем более остановить его в «экспорте демократии» на постсоветском пространстве, практически невозможно, не порывая с самой логикой демократического дискурса. Либо здесь, включая Россию, признаются основные демократические принципы (свобода выбора, разделение властей, независимость СМИ, эффективная политическая оппозиция), либо принимается какой-то другой, отличный от демократии идеал, реализуется иная модель общественного устройства со всеми вытекающими из этого экономическими и политическими последствиями. Попытка же затушевать существо проблемы, используя для этого всевозможные эвфемизмы («управляемая демократия», «суверенная демократия» и т.д.), вызывает на

¹² . Год новых выборов («Круглый стол»)// Свободная мысль. 2003. № 2. С.47.

¹³ См.: Больше трех не собираться. Закон о митингах и демонстрациях снова ужесточается // Независимая газета. 19 января 2007 г. С.1, 3.

¹⁴ См.: Гельман В. Уроки украинского // Политические исследования. 2005. № 1. С.46.

¹⁵ Там же. С.46.

¹⁶ Пастухов В.Б. Украина – не с Россией (Причины и последствия стратегических просчетов российской политики по отношению к Украине) // Политические исследования. 2005. № 1. С.32.

Западе лишь вполне понятное раздражение¹⁷. Более того, невзирая на негативную реакцию российских официальных лиц, Запад и, прежде всего, США демонстративно увеличивают финансовую помощь на упрочение «российской демократии»¹⁸.

Но если такого рода вопросы вновь встают в практическую плоскость и даже в политическую повестку дня, значит, российская правящая элита за прошедшие полтора десятилетия открытой политической конкуренции так ничему и не научилась. По давным-давно заведенной традиции она пытается решать судьбоносные для страны проблемы либо подкованной борьбой, плохо согласующейся с логикой демократического соперничества, либо открытым административным нажимом. Но это приводит в действие психологический механизм аккумуляции массового недовольства, когда убежденность в том, что «так дальше жить нельзя», начинает постепенно овладевать не только контрэлитой, но и массами. Это означает, что общество возвращается к ситуации конца 80-х гг. прошлого XX века, и движение к открытому, демократическому обществу придется начинать заново, но при существенно осложнившихся внешних и внутренних условиях.

POLITICAL CONFLICT AS A MECHANISM OF THE POSTSOCIALIST TRANSFORMATIONS (EASTERN EUROPEAN EXPERIENCE AND RUSSIA'S PROBLEMS)

The article deals with the specific features of the postsocialist social transformations such as the simultaneous different political processes, the high rate of reformation, the mostly bloodless (excluding Romania) character of the political upheaval, ideological poverty of the “velvet revolution”, etc. According to the author’s opinion, the institutionalization of the political conflict through the electoral legislation and political representatives, the proper legislative and executive structures become the central problem of the transformation process. The contradictions between a conflict and consensus, between an involvement and managing ability, between democratic approval and effectiveness of a political system should be solved during the transformation. Countries of Eastern Europe have generally managed to cope with these problems, resulting in a soft evolutionary political development in spite of the masses’s dissatisfaction with the result of the economic reforms and deep cultural shock. Russian ruling elite has chosen another variant of transformation, having subordinated the political sphere to the administrative control. However, current stabilization in Russia has its faulty basis as it eliminates the political conflict as a mechanism of a search for the alternatives and variants of the development.

A.V. GLUKHOVA

*Voronezh
State University*

e-mail: soc@hist.vsu.ru

Key words: political conflict, postsocialist transformations, institutionalization, consensus, political development, elite, stabilization.

¹⁷ См.: Вершбоу А. Демократия не нуждается в прилагательных // Новая газета. 21.07. 24.07.2005 г. С.8.

¹⁸ См.: Конгресс США не прислушался к президенту России и выделил \$ 85 млн. на поддержку российской демократии // Коммерсантъ. 22.07.2005. № 134.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОБЪЕДИНЕНИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Л.С.ПОЛОВНЕВА

*Белгородский
государственный универси-
тет*

e-mail: LPolovneva@bsu.edu.ru

В данной статье рассматривается проблема функционирования объединений предпринимателей в политической системе России. Автор представляет объединение предпринимателей как организованную группу, выражающую их интересы в России. В статье рассмотрены условия и основные этапы становления и развития объединений предпринимателей в России, по основным их классификациям и проанализированы основные проблемы их взаимодействия с государственной властью в России.

Ключевые слова: политическая система, государственная власть, общественные объединения, группы интересов, объединения предпринимателей, лоббизм, политические технологии.

Демократические процессы в России дают мощный импульс созданию и активной деятельности в политической системе общественных организаций. Они выражают интересы определенных групп и оказывают влияние на органы государственной власти с целью принятия нужных им решений. Наиболее важными общественными организациями являются объединения и союзы предпринимателей.

Объективными условиями становления и развития предпринимательских объединений и союзов являются: концентрация и централизация капитала; наличие у социальных слоев предпринимателей общих экономических, социальных и политических интересов; потребность различных объединений предпринимателей в координации своих действий и усилий для совместного влияния на властные структуры и «группы интересов» работников – профсоюзные организации.

Формирование предпринимательских объединений в России происходило в несколько этапов. Они создавались на рубеже 80-90-х гг. XX в. Вначале это были корпоративные профессионально-отраслевые организации биржевиков, брокеров, банкиров. Затем сформировались союзы: Лига кооператоров и предпринимателей, Союз предпринимателей и арендаторов, Российский союз товаропроизводителей.

1989-1991 гг. – первый этап формирования объединений предпринимателей. На этом этапе создавались корпоративные профессионально-отраслевые организации. Крупный бизнес в лице директоров предприятий создал свою общественную организацию – Научно-промышленный союз, преобразованный в 1992 г. в Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП)¹. В сфере обращения капиталов крупными ассоциациями были Федерация фондовых бирж России и Союз фондовых бирж России. Кроме этого, в зоне контролируемого властью бизнеса были организованы Конгресс бирж, Московская конвенция предпринимателей, Союз нефтепромышленников. Однако, они были малоэффективными, не обладали достаточным влиянием и не являлись в полном смысле предпринимательскими организациями, несмотря на отдельный успех некоторых организаций. Латентной функцией большинства подобных институтов была реализация интересов конкретной личности, а не всего бизнеса в целом.

1992-1993 гг. – второй этап формирования объединений предпринимателей, создание ассоциаций и союзов крупных государственных и акционерных предприятий.

Были образованы Федерация товаропроизводителей России, Лига содействия оборонным предприятиям, Торгово-промышленная палата РФ.

Это период появления новых групп интересов и новых методов лоббирования этих интересов. Основным методом лоббирования являлось политическое воздействие на ветви власти для принятия нужных постановлений или законов, отвечающих корпоративным интересам. Появившиеся многочисленные организации стали основой для создания

¹ Михеев А.В. Объединения работодателей, предпринимателей и власть: реалии и перспективы взаимодействия // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 3. С. 21

ряда политических партий. Среди наиболее крупных их них были: партия Всероссийский союз обновления, Аграрная партия России, Партия экономической свободы². Однако, по результатам парламентских выборов в 1993 г. большинство этих партий не смогли войти в высший законодательный орган страны (за исключением Аграрной партии России). На последующих выборах в Государственную Думу (1995 г.) предпринимательские партии также не добились успеха, а попавшие в Думу руководители предприятий входили в списки крупных партий, таких как КПРФ, ЛДПР³.

1994-1997 гг. – третий этап формирования и развития объединений, который характеризовался интенсификацией процесса создания общероссийских общественных объединений предпринимателей, таких как Круглый стол бизнеса России, Конгресс деловых кругов, Клуб реалистов. Важнейшим для социально-политического развития страны стало формирование крупных корпораций и финансово-промышленных групп, превратившихся во влиятельных субъектов. В середине 90-х гг. крупный бизнес мог диктовать власти свои условия и выстраивать институциональную систему отношений⁴.

1998-2000 гг. – четвертый этап формирования и развития объединений. В этот период создавались советы для осуществления целенаправленных мер координации деятельности объединений. Был создан Координационный совет объединений работодателей, входящих в состав Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений. По словам А. Вольского, из Кремля был подан «намек на то, что президент готов говорить исключительно с объединенной бизнес-элитой»⁵.

2001-2003 гг. – пятый этап в развитии объединений предпринимателей. В этот период времени наблюдалось институциональное равновесие во взаимоотношениях власти и бизнеса при постепенном укреплении позиций федеральных властей. Существенной модернизации подвергнут РСПП, который стал защищать интересы крупного бизнеса. В 2001 г. были сформированы две общероссийские организации – Деловая Россия, членами которой стали компании и фирмы среднего бизнеса из 53 регионов России и Объединение предпринимательских организаций России (ОПОРа), претендовавшее на представительство интересов 850 тыс. предприятий и фирм малого бизнеса⁶. Объединение предпринимательских организаций России включилось в процессы взаимодействия с институтами государственной власти, объединениями бизнеса, некоммерческими организациями. Основной целью деятельности объединения являлось содействие консолидации предпринимателей для участия в формировании политических, экономических и правовых условий развития предпринимательской деятельности в России.

Весьма значительные изменения происходили в Торгово-промышленной палате РФ (ТПП РФ) после того, как в конце 2001 г. президентом ТПП был избран Е.М. Примаков. Основной сферой деятельности этой организации оставались внешнеэкономические отношения российского бизнеса. В 2001 г. в составе ТПП РФ было более 100 союзов и ассоциаций и 21 комитет по различным направлениям деятельности предпринимательства. Организационная структура ТПП РФ и ее региональная сеть, включавшая 156 региональных объединений Торгово-промышленной палаты, являлись самой мощной среди всех российских объединений предпринимателей⁷. В 2003 г. ТПП РФ солидаризировалась с новыми политическими приоритетами власти и усилила свои позиции в политической сфере.

Российский союз промышленников и предпринимателей на протяжении 2001-2003 гг. был наиболее эффективным институтом функционального представительства. В октябре 2001 г. по инициативе РСПП была образована депутатская группа «Деловая Россия», объединившая 48 парламентариев⁸. Благодаря своим представителям в государст-

² Зудин А.Ю. Россия: бизнес и политика (формы организации бизнеса) // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 3. С. 25.

³ Там же. С. 26.

⁴ Михеев А.В. Объединения работодателей, предпринимателей и власть: реалии и перспективы взаимодействия // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 3. С. 22.

⁵ Мухин А.А. Новые правила игры для большого бизнеса в редакции В. Путина. М., 2004. С. 27.

⁶ Виленский А.В. Российские объединения малых предпринимателей как институт гражданского общества // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 60.

⁷ Яковлев А.А. Власть, бизнес и движущие силы экономического развития в России: до и после «дела ЮКОСа». // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 36.

⁸ Там же. С. 37.

венном аппарате и в органах законодательной власти, крупный бизнес сохранил некоторые рычаги влияния на политические решения.

2004-2006 гг. – новый этап в развитии объединений предпринимателей. На этом этапе был осуществлен переход к системе доминирования власти над крупным бизнесом. Дело «ЮКОСа» ознаменовало завершение определенного этапа во взаимоотношениях бизнеса и власти. Предпринимательские объединения отстранялись от участия в выработке и принятии важных государственных решений.

В 2004 г. ослабил свои позиции РСПП в связи с внутренними разногласиями. Члены бюро РСПП стали все чаще выступать с индивидуальными инициативами, не согласованными с руководством или коллегами.

Институт представительства бизнеса – Совет по предпринимательству при правительстве – был распущен в апреле 2004 г. и создан Координационный совет, призванный обеспечить выработку согласованных позиций трех ведущих союзов и ассоциаций бизнеса: РСПП, Деловой России, ОПОРЫ⁹. Элита бизнеса была уравновешена представителями среднего и малого бизнеса. Торгово-промышленной палате РФ не нашлось места в составе Координационного совета. Многие представители российского бизнеса предъявляли серьезные претензии к властвующей элите по вопросам экономической политики государства. Обсуждался вопрос о реформировании РСПП – головного института представительства бизнеса. 30 сентября 2005 г. президентом РСПП был избран А. Шохин.

Тем не менее, явный приоритет в этой иерархии принадлежал «олигархическому уровню». Это нашло выражение в проведении регулярных встреч В.В. Путина с членами правления Российского союза промышленников и предпринимателей¹⁰.

Таким образом, по словам А.А. Мухина, принцип «равного удаления» не сработал. Исследователь считает, что крупный бизнес «держится» на некотором расстоянии от Кремля, однако время от времени та или иная финансово-промышленная группа «приближается» к нему на долгий или короткий срок, в зависимости от своей полезности команде В.В. Путина, который декларирует приоритет государственных интересов. Государство – по-прежнему, достаточно часто выборочно способствует или препятствует экспансии тех или иных бизнес-групп и компаний или даже прямо участвует в их формировании. Имеются случаи, когда государство обращается к ним за прямой поддержкой, необходимой для тех или иных государственных нужд¹¹.

В 2006 г. в России насчитывалось 80 общероссийских объединений и свыше 600 региональных объединений предпринимателей¹².

Предприниматели создавали свои объединения ради достижения следующих целей: лоббирования и защиты своих частных и групповых целей при взаимодействии с государственными структурами; улучшения предпринимательской среды; рационализации функций регулирования и контроля предпринимательской деятельности.

В научной литературе существует несколько классификаций объединений предпринимателей. Определены два типа организационных структур предпринимательских объединений:

- клубный или «горизонтальный». Он был представлен десятками клубов в Москве и многими периферийными клубами, а также секторными объединениями, опиравшимися на узкую членскую базу и не имевшими центрального руководства. К таким объединениям относили Российский биржевой союз, Конгресс бирж;

- тип «головных союзов» с аппаратом управления и специализированных подразделений в виде комитетов или комиссий по основным направлениям деятельности. К «головным союзам относят Российский союз промышленников и предпринимателей и Торгово-промышленную палату РФ¹³.

⁹ Яковлев А.А. Власть, бизнес и движущие силы экономического развития в России: до и после «дела ЮКОСа». // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 39.

¹⁰ Мухин А.А. Указ. Соч. С. 29.

¹¹ Там же. С.30.

¹² Беленцова Е.В. Механизм функционирования лоббистской деятельности в политических институтах современной России // Власть. 2006. № 4. С. 34.

¹³ Зудин А.Ю. Россия: бизнес и политика (формы организации бизнеса) // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 3. С. 21.

Можно выделить несколько типов объединений предпринимателей в зависимости от тех или иных критериев, а именно: по организационным формам и принципам создания; по отношению к властным структурам; масштабам деятельности (общероссийские, отраслевые, региональные, территориальные); формам собственности (частное, государственное и предпринимательство с участием иностранного капитала)¹⁴.

По организационным формам и принципам создания объединения предпринимателей подразделяются на две группы. В первую группу входят коммерческие объединения, созданные на основе законодательства о предприятиях и предпринимательской деятельности и их акционировании, согласно которым предприятия объединяются в союзы, ассоциации, концерны, межотраслевые, региональные и другие объединения в целях расширения своих возможностей в производственном и социальном развитии. В таких объединениях предприятия сохраняют свою юридическую и хозяйственную самостоятельность, а руководящие органы объединений не обладают распорядительной властью и осуществляют свои функции на основании договоров с предприятиями. Уставами данных союзов предусматривается право заключения отраслевых тарифных соглашений от лица представителей собственников, их ответственность за создание социально-экономических и организационных условий, необходимых для эффективной деятельности. Во вторую группу входят некоммерческие объединения, образованные в соответствии с законодательством об общественных объединениях и некоммерческих организациях, обладающие правом законодательной инициативы¹⁵.

По степени и характеру воздействия на власть предпринимательские объединения классифицируются как взаимодействующие на принципах сотрудничества, взаимопонимания, конфронтации, борьбы, нейтралитета и толерантности. Например, финансово-торговые предпринимательские объединения имеют большое влияние в высших структурах власти, в том числе в Администрации Президента РФ. Они взаимодействуют с федеральной властью. Работодатели предприятий отраслей оборонной промышленности, аграрного сектора, находясь в глубоком кризисе, взаимодействуют с властными структурами, используя механизм общественного давления¹⁶.

Объединения предпринимателей применяют различные механизмы при взаимодействии с органами государственной власти. Наиболее распространенными являются следующие механизмы: участие в парламентских или ведомственных слушаниях; прямые контакты с официальными лицами; предоставление результатов собственных научных исследований или специализированной информации во властные структуры; вхождение в коалиции с другими организациями, попытки повлиять на процесс реализации решений; контакты с представителями СМИ; оказание помощи в подготовке законопроектов и проектов нормативных актов; финансирование избирательных кампаний; оказание влияния на назначения должностных лиц¹⁷.

Основными видами представительства интересов являются политическое, парламентское и корпоративное представительства.

Политическое представительство выступает механизмом, обеспечивающим взаимосвязь объединений предпринимателей с органами исполнительной власти. В рамках представительной демократии представительство играет ведущую роль в легитимации политического строя и стабилизации политической системы, обеспечивая контроль «снизу». В отсутствие отлаженного механизма представительства интересов и, в первую очередь развитой системы представительных органов власти, общество выходит из зоны необходимого баланса интересов. Результатом становится расширение непосредственного политического участия, что ведет к дестабилизации системы¹⁸.

¹⁴ Луков В.А., Рябов Е.С. Объединения предпринимателей в современной России. Социальные аспекты воздействия объединений предпринимателей на развитие малого бизнеса. М., 2001. С. 76.

¹⁵ Луков В.А., Рябов Е.С. Указ. соч. С. 77.

¹⁶ Комаровский В.В. Социальный диалог в России // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 22.

¹⁷ Михеев А.В. Объединения работодателей, предпринимателей и власть: реалии и перспективы взаимодействия // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 3. С. 24.

¹⁸ Гупторова А.Л. Представительство интересов или интересы представительства: об особенностях становления репрезентативной системы в современной России / Россия. Политические вызовы. Второй всероссийский конгресс политологов. 21-23 апреля 2000 г. М., 2002. С. 40.

Представительные органы власти в условиях демократии служат политическому выражению дифференциации общества по интересам. Именно механизм представительства, в различных его формах, обеспечивает формирование системы легальных, устойчивых институтов обратной связи и является фактором стабилизации политической системы.

Государственная власть в России инициировала формирование системы представительства при принятии законов, проведении встреч с широким кругом крупных предпринимателей, взаимодействии с их общественными объединениями. Но результатом такого рода намерений становятся декларации о намерениях. Не существует какой-либо общественной организации, реально представляющей интересы предпринимателей. За это право соревнуются Российский союз промышленников и предпринимателей и Торгово-промышленная палата РФ, но ни одна из них не может считаться полноценным представителем их интересов. Эти организации предпринимателей декларируют защиту интересов среднего и мелкого бизнеса, реальность такова, что они не всегда следуют этим заявлениям. Будучи фактически отстраненными от управления в этих организациях, предприятия среднего и мелкого бизнеса оказываются выключенными из системы представительства¹⁹.

Наряду с этим существует множество других способов защиты свои интересы, влияя на принимаемые государственной властью решения. Одним из них является лоббизм. Выделяют три основные формы лоббизма: прямое, косвенное и внутреннее. Прямое лоббирование – это целенаправленная работа с представителями соответствующего государственного органа с целью добиться принятия решения, отвечающего конкретным интересам. Косвенное лоббирование – это организация кампаний с целью оказания давления, которое происходит за пределами государственных органов, в поддержку того или иного решения. Наконец, внутреннее лоббирование – это деятельность какой-либо группировки внутри соответствующего органа с целью добиться различными путями принятия определенных решений²⁰.

Во взаимоотношениях с властными структурами предпринимательские объединения используют многообразные технологии. Наиболее значимыми среди них являются: воздействие на различные государственные органы и организации через систему «корпоративного» лоббизма, представителей законодательных органов, консультационные советы, комиссии и комитеты; подготовка проектов законодательных, административных предложений, выражающих волю и интересы предпринимателей; переговорный процесс; заключение договоров и соглашений, в том числе двусторонних о взаимном доверии между предпринимателями и органами государственной власти.

В зависимости от используемых механизмов, различают лоббирование открытое (публичное или легальное) и закрытое (тайное и нелегальное).

К числу ресурсов лоббирования, как правило, относят административные (когда лоббисты имеют доступ к структурам, принимающим решения); организованные; силовые; информационные и материально-финансовые.

Среди общественных структур, созданных с целью лоббирования интересов предпринимателей на федеральном уровне, можно назвать Экспертные советы при Комитетах Совета Федерации, Государственной Думы.

Главным во взаимодействии бизнеса и власти в России является воздержание от прямого участия в политической борьбе, взаимная целенаправленность на достижение соответствующих результатов в различных сферах и поиск путей консолидации российского общества. Хотя, как показывает опыт последнего десятилетия, отношения предпринимателей с органами власти характеризуются серьезными противоречиями, проявляющимися не только в различных формах диалога, но и в многообразных методах давления представителей бизнес-сообщества. В начале 90-х гг. основная масса предпринимателей поддержала действия властей по основным направлениям реформирования экономики. В середине 90-х стали проявляться сдержанно-негативные оценки деятельности властных структур. В конце 90-х гг. отмечалось конфронтационное противостояние бизнес-элиты с институтами власти в связи с политикой «равноудаления» олигархов. На рубеже XX-XXI вв. возникли конфликтные отношения бизнеса и власти. Это проявилось в связи с расследованиями деятельности группы «Медиа-мост», «Норильского никеля»,

¹⁹ Беленцова Е.В. Механизм функционирования лоббистской деятельности в политических институтах современной России // Власть. 2006. № 4. С. 37.

²⁰ Шапошников А.В. Лоббизм как явление общественной жизни и категория политической науки // Вестник Московского университета. Серия: Политические науки. 2004. № 2. С.49.

АвтоВАЗа, «ЛУКОЙЛА». Это примеры конфликта между предпринимательскими структурами и властью в отношении тактики и способов проведения рыночных реформ, роли в нем институтов государственной власти и частного предпринимательства.

Укрепление государства ставит бизнес-элиту в более жесткие рамки и ограничивает ее влияние на некоторые политические процессы²¹.

Тем не менее, для предпринимательских структур России всегда было характерно стремление к интеграции с институтами государственной власти. Современная тенденция свидетельствует о сращивании предпринимательства с государственными структурами. В среде предпринимательской элиты ценится способность предпринимателя обеспечить доверительные долговременные отношения с государственным аппаратом. Анализ показывает, что если даже достаточно крупная предпринимательская структура теряет позиции во взаимоотношениях с властью, то это негативно сказывается и на результатах ее экономической деятельности.

Объединения предпринимателей участвуют в разработке и реализации планов и программ социально-экономического развития; представлении и защите интересов и прав своих ассоциаций и отдельных предприятий в отношениях с органами государственной власти, органами местного самоуправления.

Многие объединения предпринимателей, взаимодействуя с институтами государственной власти, профсоюзами, участвуют в реализации социальных программ и государственной социальной политики. Предприниматели и государственная власть проводят единую политику доходов и цен. Одобрив нацеленность правительственных программ на формирование активного рынка труда, объединения предпринимателей в ходе коллективных переговоров проводят линию на поддержку работодателей, сохраняющих и создающих рабочие места, ведущих подготовку и переквалификацию кадров, содействующих развитию малого бизнеса.

Таким образом, к основным функциям объединений предпринимателей в политической системе относятся: интеграция различных групп предпринимателей в союзы и объединения; артикуляция и агрегация интересов членов организации; представительство интересов капитала как носителя экономической и политической власти во взаимоотношениях с властными структурами и общественными организациями; заинтересованное участие предпринимателей в разработке согласованной социальной политики.

THE FUNCTIONING OF THE ASSOCIATION OF BUSINESSMEN IN THE POLITICAL SYSTEM OF RUSSIA

L.S. POLOVNEVA

*Belgorod State University,
Studencheskaja St.*

e-mail:

LPolovneva@bsu.edu.ru

This article deals with the problem of functioning of associations of businessmen in the political system of Russia. The author represents the association of businessmen as an organized group expressing the interests of businessmen of Russia. This article studies the conditions and main stages of establishment and development of these associations in Russia; it presents in a more detailed way the main classifications of the associations of businessmen, analyses the problem of interaction between these associations and state power of Russia.

The keywords of this article are: political system, state power, public organizations, groups of interests, the association of businessmen, lobbyism, political technologies.

²¹ Яковлев А.А. Власть, бизнес и движущие силы экономического развития в России: до и после «дела ЮКОСа»// Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 39.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Э.А. АРАКЕЛЯН

*Ставропольский
государственный
университет*

e-mail:
aernest@yandex.ru

В условиях социально-политической модернизации России возрастает роль и ответственность субъектов политического управления, к числу которых автор относит этнополитические элиты регионов. В статье анализируются региональные особенности их генезиса, специфика формирования, а также роль в политической жизни современной России. В заключение автор дает рекомендации, направленные на усиление роли этнополитических элит регионов в консолидации общества.

Ключевые слова: элита, этносы, этнополитические элиты, регион, политический процесс.

В современном российском обществе при всей глубине происшедших в 1990-е годы социально-экономических и политических изменений региональная политическая элита по-прежнему является важнейшим субъектом политического процесса.

Перестройка и начавшиеся в бывшем Советском Союзе реформы привели к ослаблению власти Центра и усилению позиций региональных элит. В 1992 – 1993 гг. регионы РФ постепенно укрепляли свои позиции; одновременно возросли требования к Центру. Это привело к принятию Конституции РФ 1993 г, провозгласившей равенство всех субъектов Федерации¹. Формирование региональных элит происходило не только под влиянием процессов, происходящих в векторе «федерация – регион». Главным фактором становления субъектов власти на местах были связи, возникшие между элитными группами, которые в дальнейшем определили потенциал влияния каждой из них².

Следует учесть, что в республиках в составе РФ существенную роль в повышении веса региональных политических и, в частности, этнополитических элит сыграл повсеместный рост этнического самосознания, выразившийся в требовании большей независимости от Центра, создания подлинной национальной государственности и обеспечения государственного суверенитета этих республик. Региональные этнополитические элиты воспользовались усилением этнонациональных движений, манипулируя ими и одновременно добиваясь от Центра согласия на расширение своих полномочий.

Ресурс общественных сил, поддерживающих местную правящую элиту, не является вечным. Он меняется в зависимости от социально-экономической ситуации в регионе.

В силу этого в различных субъектах РФ сформировались не схожие между собой властные модели. Наиболее заметен этот процесс на уровне национальных республик. В некоторых из них за основу была принята модель президентской республики (Калмыкия). В полиэтничном Дагестане конституцией республики закреплена не имеющий прецедентов институт «коллективного президентства» – регион возглавляет избираемый на два года председатель Государственного совета.

В системе координат, обозначенных выше, этнополитические элиты региона представляют собой социальную группу, являющуюся субъектом подготовки и принятия важнейших стратегических решений в сфере политики, выражающую интересы этноса или этнической группы. Региональные этнополитические элиты обладают необходимыми для этого ресурсами: политическими, административными, экономическими и, самое главное, властью над этническими группами и этносами. Элиты создают нормы, по которым вынуждены жить все слои общества. Вследствие того, что этнополитические элиты региона не могут обладать суверенной властью, они соподчинены общегосударственным элитам и обязаны согласовывать с ними свой курс политики.

¹ Лапина Н., Чирикова А. Региональные элиты в РФ: модели поведения и ориентации // РАН ИНИОН. Центр научн.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем / К.И. Микульский. М., 1999. С.16.

² Там же.

Генезис, структурирование и ресурсы влияния региональных этнополитических элит неразрывно взаимосвязаны. Это объясняется тем, что, не зная источников рекрутирования, социально-психологических характеристик представителей элитного пула, невозможно проанализировать существующие структуры элит³.

Рекрутирование, внутриэлитная консолидация и мобильность, институционализация и легитимация относятся к процессу формирования и воспроизводства элит. Элитогенез не является изолированным явлением, в большей степени он отражает в своей типологии и формах воздействие глобальных процессов социальной стратификации и мобильности. Не может во главе жестко-авторитарного режима стоять открытая, высокоэрудированная и плюралистическая элита.

К представителям этнополитических элит, согласно Понеделкову А.В. и Старостину А.М., следует отнести родоплеменные (тейповые) или национально-земляческие группы, занявшие место во властных элитах и лоббирующие интересы своего этноса (или его части) в системе властных и экономических отношений. В этом ракурсе наибольшие возможности имеют именно региональные этнополитические элиты – правящая верхушка российских национальных республик, которая, с одной стороны, делает интересы так называемого «титального (коренного) этноса» приоритетными, а с другой, используя возможности своего положения, лоббирует интересы республики в высших структурах власти, репрезентирует в эти структуры своих представителей. Как отмечают исследователи, рассмотрение лоббистского потенциала представителей этнополитических элит показывает, что он значительно превосходит возможности обычных региональных политических элит⁴.

В целом значимость этнополитических элит российских регионов определяется рядом причин:

- региональные этнополитические элиты представляют весьма весомый фактор в политической жизни всего общества, являясь относительно самостоятельными и влиятельными субъектами политического процесса, имеющими собственные интересы и определенные ресурсы для их отстаивания;
- региональные этнополитические элиты являются «проводниками» общегосударственной политики на местах, служат опорными основаниями всего государственного механизма;
- региональные этнополитические элиты являются одним из источников пополнения общенациональных элит, доминирующих в центральных властных структурах. Многие ведущие представители общенациональной политической элиты являются выходцами из региональных элит.

В настоящее время определенная стабилизация общей социально-экономической ситуации способствует снижению накала публичного противостояния власти и граждан, а также противостояния внутри элитного пространства. Все эти факторы определяют эволюционный характер формирования элитных групп в политическом пространстве регионов. В таких относительно стабильных социально-экономических и политических условиях для функционирования этнополитических элит становятся значимыми процессы оформления определенных вариантов политического представительства разнообразных этнических, социальных, экономических, силовых, государственных и иных структур, что в итоге закрепляет сумму формальных ролей и статусов в строении этнополитических элит и формирует ее как таковую.

Необходимо особо подчеркнуть, что процесс формирования российской региональной этнополитической элиты, как и институционализации любого другого субъекта политики, требует благоприятного сочетания определенных факторов – «благоприятной внешней среды». В качестве такой «внешней среды» по отношению к оформлению моделей политических действий со стороны членов элитных групп рассматриваются взаимоотношения региональных элит с центром (федеральной российской политической элитой), иными влиятельными структурами (экономическими и национальными группами влияния) и не-элитой (населением регионов). В качестве основных элементов внешней

³ Баранов А., Вартумян А. Политическая регионалистика: курс лекций. М., 2004. Вып.3. С.63.

⁴ Регионоведение (Юг России: краткий тематический словарь) / под общ. ред. Ю.Г.Волкова, А.В.Попова. Ростов н/Д, 2004. С.576.

среды, «благоприятствующих» процессу формирования региональной этнополитической элиты, следует выделить ряд следующих моментов:

- проведение административно-правовой реформы 2000г. (перераспределение политического влияния в отношениях «центр-регионы» в сторону усиления федеральной элиты);
- рост политической активности регионального и федерального бизнеса (снижение идеологической подоплеки политических действий региональной элиты и возрастание прагматических настроений в отношениях региональной политической элиты и центра);
- заметное снижение публичности конфликтов внутри субъектов федерации, конфликтов в отношениях «центр-регион»;
- латентная форма не только внутриэлитных конфликтов в регионах, но и конфликтов по линии «элита-массы».

В 1990-е гг. в регионах РФ сформировались различные политические режимы. Общая их черта – сильная исполнительная власть. В частности, в конституциях ряда республик Юга России изначально был заложен механизм авторитарного управления и президентской системы власти. Это обосновывалось, как правило, необходимостью обеспечения эффективного управления, отсутствием политической и правовой культуры общества, соответствующей новым социально-политическим реалиям.

Выборы дают возможность региональной элите быть менее зависимой от центра. Однако возможности кардинального обновления региональной элиты с помощью выборов ограничены. Проблема рекрутирования управленческих кадров остается острой, не хватает опытных руководителей, управленцев-предпринимателей. Помимо этого, «кумовство, родственные и дружественные связи заменяют объективную оценку возможностей подбираемых кадров», кадровые рокировки и «перетряски» своим логическим завершением имеют, как правило, возврат к кадрам советской номенклатуры.

На сегодняшний день существующая публичная политическая система, призванная репрезентировать весь спектр открыто предъявляемой системы социально-политических интересов, не защищена от воздействий мощной теневой системы этнократии, спонсирующей и формирующей из своих представителей с помощью непрозрачных политических технологий систему политической бюрократии⁵.

Следствием подобных обстоятельств является не просто частичное искажение представительства социально-политических интересов общества, но полная имитация этого представительства. В таких условиях элите проще выполнять работу по обеспечению собственного устойчивого положения. Элита структурируется по принципам личной преданности: каждый начальник, который поднимается наверх, ведет за собой своих преданных людей.

О.В. Гаман-Голутвина, анализируя результаты всероссийского исследования «Самые влиятельные люди России – 2003», отмечает, что избирательным кампаниям нередко предшествует негласный отбор претендентов. То есть, выборы лишь легитимируют результаты теневых договоренностей: наиболее значимые политические решения принимаются в процессе закулисного торга с участием групп интересов и групп давления⁶.

Тем самым, этнополитические элиты «прокладывают себе путь» вопреки действиям и интересам большинства населения страны и ее политического руководства. Конфликт интересов этнополитических элит и иных субъектов политического процесса может привести общество в состояние кризиса.

Еще один аспект анализа состава этнополитической элиты региона представляет собой выявление зависимости между усилением позиций различных структурных групп элиты. Существуют следующие ярко выраженные тенденции в формировании структуры современных российских региональных этнополитических элит:

- ослабление влияния администрации региона в тех субъектах РФ, на территории которых действуют крупные федеральные и местные бизнес-объединения и, наоборот –

⁵ Агапонов А., Игнатов В., Понеделков А., Старостин А. Электоральные процессы и региональные элиты // Власть. 2003. №4. С.86.

⁶ Гаман-Голутвина О. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (1) // Политические исследования. 2004. №2. С. 117.

активное присутствие в составе политической элиты представителей исполнительной власти в регионах, где политическая влияние крупного бизнеса невысока;

- параллельное усиление позиций членов региональных парламентов и крупного бизнеса за счет вхождения известных, состоятельных бизнесменов в состав высшего законодательного органа власти региона;

- существование ряда регионов, состав политической элиты которых отличается некоторым «либерализмом» – несоответствием традиционной схеме доминирования экономических и/или бюрократических групп: в таких регионах более заметно влияние деятелей местных средств массовой информации и глав высших учебных заведений.

Особенности формирования региональной этнополитической элиты определяются не только текущей социально-политической ситуацией в регионе, но и историческими, культурными, социально-экономическими, географическими особенностями регионов. Сочетание действия этих факторов определяют устойчивую специфику местного института власти. В рамках используемого институционального подхода значимость этих факторов преломляется в совокупность показателей, характеризующих внешнюю – формальную – сторону функционирования института политической элиты.

Системообразующим фактором современного этнополитического элитарного общества выступает доминирование определенных (одной или нескольких) структурных (статусных) групп, что в явном виде определяет наличие одного или нескольких фактических центров политической власти в регионах. Таким образом, необходимо подчеркнуть – реальная этнополитическая элита приближается к моноархичной или полиархичной модели функционирования.

Косвенным же образом это проявляется в наличии или отсутствии своеобразной конкуренции в элитной среде, что влияет на значимость управленческого опыта, личные качества политиков, а также на наиболее распространенный стиль руководства в регионе. Так, например, превалирование в составе политической элиты и руководителей экономических структур, и высших государственных чиновников в большинстве случаев определяет тот факт, что в элитной среде естественной является высокая оценка опыта управленческой работы и хозяйствования, умения проводить переговоры и искать компромиссы и навыка публичной работы.

Если же в элитной среде присутствует лишь один источник власти, то, вероятнее всего, высокую значимость приобретет личная преданность «источнику власти», чьи решения будут претворяться в жизнь авторитарным способом, при этом большинство конфликтных ситуаций в элитной среде будут заблаговременно предотвращаться.

Достоинством полиархичной системы этнополитической элиты является относительная открытость элитной среды – элитная группа имеет несколько источников пополнения кадрового состава, а также (в идеале) компромиссный характер процесса принятия решений, когда стратегия развития строится исходя из учета интересов нескольких групп. Потенциальной угрозой устойчивости полиархичной элиты является ее внутренняя разобщенность. Сплоченность же этнополитической элиты (неконфликтность элитной среды) зачастую становится гарантией эффективного или неэффективного руководства регионом. И действительно, в регионах, где протекает конфликтный процесс «дележа портфелей», члены этнополитической элиты с высокой степенью вероятности будут сосредоточены исключительно на достижении собственных целей.

Автохтонность и значение неформальных связей во многом является проявлением культурного наследия и истории развития региона. На территориях с высоким уровнем миграции отношение к «варягам» во власти можно назвать терпимым; в регионах же, где внешняя миграция невысока, а в особенности там, где основную долю населения составляет местная этническая группа, «чужаки» не приветствуются, а кровное родство, землячество, клановость играют существенную роль в ходе построения властных отношений. Реальной остается оригинальность внутренней структуры любого этноса – это строго определенная норма отношений между коллективом и индивидом, негласно существующая во всех областях жизни и быта, как единственно возможный способ жизни. Политические, экономические проблемы, в конечном итоге, невозможно разрешить без опоры на «моральное основание».

В качестве особенностей формирования российских региональных этнополитических элит можно выделить следующие:

- их интересы все больше замыкаются только на подконтрольной территории или сосредотачиваются в отдельных отраслях деятельности;
- происходит постепенное «сращивание» с государственным аппаратом, с одной стороны, и крупным бизнесом – с другой;
- в большинстве регионов страны структура института местной этнополитической элиты соответствует монархической модели функционирования, где центром власти выступает либо административное (представители исполнительной и законодательной власти региона), либо экономическое (крупные бизнесмены) ядро;
- происходит повышение степени консолидации местной этнополитической элитной группы в целом, что во многих случаях способствует усилению ее эффективности;
- региональные этнополитические элиты находятся ближе к населению региона, более подвержены давлению с его стороны и в силу этого могут более оперативно реагировать на его запросы.

Возможность более эффективного отстаивания интересов населения, возрастание роли этнополитических элит как субъектов политического процесса повышает их ответственность за обеспечение стабильности в регионе и стране в целом. Важным направлением деятельности в этой области может стать трансляция идей гражданской интеграции. Это позволит этнополитическим элитам формировать идеи, адекватные состоянию общественных предпочтений, интересов, способные выполнять консолидирующую роль. Для перспективы целостной консолидации подобные идеи должны иметь структурированный характер, создавать позитивное общественное мнение на проводимую политику и реформы, активно оппонировать деструктивным концепциям и мнениям, то есть приобретать характер идеологии, но не быть навязанными обществу, а принятыми им за основу развития.

Укрепление взаимоотношений центральной власти и региональной элиты на основе оптимального разграничения предметов ведения можно рассматривать как положительную тенденцию общественной жизни, работающей на реализацию тезиса «сильный центр – сильные регионы – сильная Россия».

MODERN LINES OF FORMATION OF ETHNOPOLITICAL ELITES IN REGIONS OF RUSSIA

E.A.ARAKELYAN

Stavropol State University

e-mail:

aernest@yandex.ru

In the condition of Russian's socio-political modernization increase the role and the responsibility of subject of political management to the number of which the author carries the ethno-political elites of the regions. In this article is analyzed the regional peculiarity of their genesis, the specificity of formation and also of role in the political life of modern Russia. In the conclusion the author gives the recommendation directed to the strengthening of role of regional's ethno-political elites in the consolidation of society.

Key words: elite, ethnoses, ethno-political elites, region, political process.

ИНСТИТУТ ПРЕЗИДЕНТСТВА ВО ФРАНЦИИ И РОССИИ: НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

А.А. РОМАНОВСКИЙ

Воронежский государственный университет

*e-mail:
politolog@vmail.ru*

В данной статье автор проводит сравнительный анализ института президентства во Франции и России. Сравниваются конституционные полномочия глав государств в этих странах. Автор подчеркивает некоторые схожие черты и, одновременно, кардинальные различия между французской и российской политической практикой функционирования института президентской власти. В частности, обращается внимание на возможность «сосуществования» во Франции президента и премьер-министра, представляющих различные политические силы. Автор также делает некоторые прогнозы относительно дальнейшего развития политических событий двух государств.

Ключевые слова: институт президентства, сравнительный анализ, неоинституционализм, Франция, Россия, сосуществование.

«Все, что записано, будь то даже на пергаменте, обретает ценность лишь тогда, когда осуществляется на практике», – писал в «Мемуарах надежд» основатель Пятой республики во Франции Шарль де Голль¹.

Очевидно, что для того, чтобы сравнивать юридические нормы, имеющие отношение к институту президентства, нужно учитывать конкретную политическую обстановку соответствующих исторических моментов. В то же время сравнение института президентской власти под углом зрения формальных правил игры во Франции и России позволяет более четко подойти к вопросу о правоприменительной практике в дальнейшем.

При оценке современного институционального дизайна в России многие исследователи приходят к выводу, что он имеет много общего с французским. Более того, нередко французской называют саму модель института президентства, существующую в нашей стране².

Действительно, в большинстве ведущих стран мира вопрос о формировании правительства традиционно решается одним из высших органов государственной власти. В США это прерогатива президента, в ФРГ и Великобритании – парламента. В России же (по Конституции РФ 1993 г.) и во Франции (с момента установления Пятой республики в 1958 г.) правительство несет двойную ответственность перед главой государства и законодательным органом власти. Существуют конституционные механизмы, с помощью которых и парламент, и глава государства могут влиять на деятельность правительства. Заметим также, что и в том, и в другом государстве полномочия президента в этом вопросе представляются более действенными.

Формально во Франции президент в большей степени имеет отношение к исполнительной ветви власти, чем в России. Например, если в Конституции нашей страны норма о председательствовании президента на заседании правительства представляет собой право главы государства, то во Франции это уже его обязанность. Даже само название должности «Председатель Правительства» с момента установления Пятой республики было заменено там на «Премьер-министр». К тому же, президент Франции подписывает все нормативно-правовые акты совета министров. Немаловажен факт, что с юридической точки зрения глава французского государства назначает премьер-министра самостоятельно³, тогда как в России президент это делает с согласия Государственной думы⁴.

¹ Цит.: Голль Ш. де. Мемуары надежд. 1958-1962 : пер. с фр. М., 2000. С. 35.

² Краснов М.А. Россия как полупрезидентская республика: проблемы баланса полномочий (Опыт сравнительно-правового анализа) // Государство и право. 2003. № 10. С. 16.

³ Конституция Французской Республики // Конституции зарубежных государств. М., 1997. С. 109.

⁴ Согласно пункту а) статьи 83 Конституции РФ, Президент РФ назначает Председателя Правительства РФ с согласия Государственной Думы. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. М., 1993. С. 34.

Однако, если исходить из норм Конституции, то достаточно сложно определить, полномочия какого президента – французского или российского – сильнее. Если в случае с назначением премьер-министра формально более свободен президент Франции, то в России глава государства может единолично отправить правительство в отставку, тогда как во Франции по Конституции это право принадлежит президенту только в том случае, если премьер-министр сам попросит освободить его от исполнения своих обязанностей. Еще раз заметим, что о реальной практике речь пока не идет.

Убедительнее с юридической точки зрения выглядят и полномочия французского президента по отношению к нижней палате парламента. Речь идет о возможности роспуска Национального собрания. Конституция Пятой республики вовсе не предусмотрела условий для осуществления этого важного полномочия, а значит, гипотетически президент Франции может распустить нижнюю палату под любым предлогом, преодолев лишь формальную процедуру согласования этого вопроса с премьер-министром и председателями обеих палат высшего законодательного органа власти. Нельзя распустить Национальное собрание лишь в течение года после избрания (если предыдущее собрание уже было распущено), во время осуществления полномочий и.о. президента, а также во время действия чрезвычайных полномочий главы государства.

В России же существуют лишь три условия для роспуска Государственной думы⁵. Предусмотрено шесть ситуаций, при которых нижняя палата парламента распущена быть не может⁶. То есть, формально Государственная дума выглядит более защищенной, чем Национальное собрание.

В то же время российский президент обладает важным правом законодательной инициативы, тогда как глава Франции таким правом не обладает (оно принадлежит правительству, а президент фактически может воспользоваться им лишь в том случае, если имеет поддержку парламентского большинства и, как следствие, контроль над правительством).

Однако в общем и целом статус главы государства во Франции и России очень схож. Ведущая роль во внутренней и внешней политике, значительные военные полномочия (и во Франции, и в России президент является верховным главнокомандующим) и даже право помилования – все это прерогативы президента. Общим является и порядок избрания главы государства. Президент избирается всенародно, а это означает возвышение его над различными политическими силами. И во Франции, и в России используется мажоритарная система абсолютного большинства, что придает главе государства большую легитимность. Если кандидат не набирает в первом туре выборов 50% голосов избирателей плюс один голос, то состоится второй тур, в который выходят два лидера избирательной гонки.

Еще раз заметим, что в общем и целом юридические полномочия президентов во Франции и России вполне соразмерны. И если президент Пятой республики обладает правом применения чрезвычайных полномочий, то и роль парламента во Франции (даже формальная) более высока, чем в нашей стране, особенно после реформы 1995 г., которая заметно расширила полномочия этого органа власти⁷.

Иначе сложилась правоприменительная практика – реальность значительно отличается от конституционных норм как во Франции, так и в России. На наш взгляд,

⁵ Статьи 111 и 117 Конституции РФ предусматривают роспуск Государственной Думы ФС РФ Президентом РФ в трех случаях: 1) после трехкратного отклонения Государственной Думой кандидатуры Председателя Правительства; 2) после повторного вынесения вотума недоверия Правительству; 3) после отказа в доверии Правительству, если вопрос поставлен по инициативе Председателя Правительства. В последних двух случаях Президент может выбрать между отставкой Правительства и роспуском Государственной Думы. Там же. С. 48, 50.

⁶ Согласно статьям 92 и 109 Конституции РФ, Президент РФ не может распустить Государственную Думу в следующих случаях: 1) в течение года после избрания Государственной Думы (в случае отказа в доверии Правительству или повторного в течение трех месяцев выражения недоверия Правительству); 2) с момента выдвижения Государственной Думой обвинения против Президента до принятия соответствующего решения Советом Федерации; 3) в период действия на территории РФ военного положения; 4) в период действия на территории РФ чрезвычайного положения; 5) в течение шести месяцев до окончания срока полномочий Президента; 6) во время осуществления полномочий лицом, и.о. Президента. Там же. С. 38, 47.

⁷ См.: Керимов А.Д. Конституционная реформа 1995 г. во Франции и Парламент // Социол. исследования. 1998. № 5. С. 86-89.

именно с позиции неоинституционализма можно увидеть ключевые сходства и различия института президентской власти в этих двух государствах. Известный французский политолог М. Дюверже, анализируя полупрезидентские системы, обращал внимание не только на институциональный дизайн, но и на политическую практику, политические традиции, состав парламентского большинства и характер его взаимодействия с президентом⁸. На то, что конституционные положения о статусе президента важно сопоставлять с политической практикой, обращают внимание и российские исследователи⁹. Попробуем применить некоторые положения методологии, апробированной Дюверже, для сравнительного анализа института президентской власти во Франции и России.

Политическая практика показала, что в обеих странах полномочия главы государства оказались во многом сильнее, чем даже в классических президентских республиках (например, в США). И во Франции, и в России президент фактически стал главой правительства. В то же время, исходя из специфики организации системы управления государством, он может в нужный для него момент дистанцироваться от решений совета министров, перекадывая весь груз ответственности за непопулярные действия на плечи председателя правительства.

Однако в этом вопросе разрыв между юридическими нормами и политической практикой для России и Франции выглядит неодинаково. Если в Пятой республике президент формально обладает единоличным правом назначения премьер-министра, то на практике он учитывает расстановку сил в законодательном органе власти. Более того, установилась традиция, следуя которой премьер-министр объявляет об отставке своего правительства не только на следующий день после президентских, но также и после парламентских выборов¹⁰. В России же правительство служит лишь инструментом президентской власти и всецело зависит от нее, а не от расклада сил в парламенте¹¹. В итоге это приводит к парадоксальным ситуациям. Например, в марте 2004 г. Президент РФ отправил правительство в отставку за несколько дней до выборов главы государства, чтобы «придать определенную интригу вялотекущей предвыборной кампании»¹². Хотя всем было очевидно, что после выборов правительство вновь сложит свои полномочия перед избранным президентом, как и положено по Конституции России.

Вернувшись к французской политической практике, заметим, что президент республики может назначить главой правительства своего политического оппонента, что представляется совершенно немыслимым в нашей стране. Особенно следует отметить тот факт, что в случае, когда глава государства и премьер-министр выражают интересы полярных политических сил, это не приводит к существенным конфликтам. Учитывается и мнение большинства населения посредством представительства в различных, но сдерживающих друг друга органах власти.

При этом реализуется необходимая для истинно демократического государства ротация политической элиты, чего еще пока не было в России. В новейшей же истории Франции такая ситуация имела место трижды:

- 1) в 1986-1988 гг., когда при «левом» президенте Ф. Миттеране действовало «правое» правительство Ж. Ширака;
- 2) в 1993-1995 гг. вновь при «левом» Миттеране – «правое» правительство Э. Балладюра;
- 3) в 1997-2002 гг. уже при «правом» президенте Ж. Шираке работало «левое» правительство во главе с социалистом Л. Жоспеном¹³.

Бывший глава Французской республики В. Жискара д'Эстен, анализируя эти случаи, замечает, что сосуществования президента и премьер-министра были различными по типу. Два первых он называет «сожительствами переходного типа», в связи с тем, что они заняли ограниченный и непродолжительный отрезок времени. Взаимодействие президента и премьер-министра, представляющих противоборствующие политические силы, в эти периоды

⁸ Duverger M. A new political system // European Journal of Political Research. 1997. V 31. № 1.– P. 126.

⁹ См. например: Дегтев Г.В. Становление и развитие института президентства в России: теоретико-правовые и конституционные основы. М., 2006. С. 203.

¹⁰ Ардан Ф. Франция: государственная система : пер. с фр. М., 1994. С. 75.

¹¹ Краснов М.А. Россия как полупрезидентская республика... С. 17.

¹² Цит. по: Глухова А. Момент истины // Коммуна. 2004, март. № 41. С. 1.

¹³ Конституционное право зарубежных стран. М., 2003. С. 119.

проходило в ожидании предстоящих выборов президента. При этом второе сосуществование также было переходным, но обладало двумя чертами, отличавшими его от предыдущего. Здесь отправной точкой было не столько поражение парламентского большинства, поддерживавшего президента, сколько полный его разгром: после выборов 1993 г. во фракцию Социалистической партии вошло лишь 57 депутатов (из 577 депутатов Национального собрания)¹⁴. И хотя конец сосуществованию по-прежнему должны были положить приближающиеся выборы главы государства, имя кандидата, которому предстояло возглавить лагерь действующего президента, оставалось неизвестным. Еще одной особенностью является то, что это сосуществование было менее напряженным, чем предыдущее.

Следует также заметить, что первые два сосуществования проходили в условиях взаимодействия «левого» президента и «правого» премьер-министра, причем президентом в обоих случаях был Ф. Миттеран – лидер Социалистической партии. По мнению Жискара д'Эстена, есть у этих двух сосуществований и еще одна общая черта: они не изменили ни функционирование институтов власти, ни их восприятие общественным мнением. «Президент оставался президентом», – полагает бывший глава государства¹⁵. Выполнение его властных функций осложнялось наличием премьер-министра, враждебно относившегося к президентской политике, но этот последний воспринимался, скорее, как управляющий текущими делами, чем как соперник президента.

Стоит обратить внимание, что согласно опросам общественного мнения, регулярно проводившимся во Франции социологической службой СОФРЕС, количество граждан, желавших, чтобы Ф. Миттеран оставался на своем посту в период сосуществования, только увеличилось. Причем, если до победы «правых» партий на парламентских выборах за это выступало в среднем 48% респондентов, то после установления сосуществования в марте 1986 г. этот показатель только за месяц увеличился с 62% до 69%. В апреле 1986 г. лишь 22% опрошенных считали, что Ф. Миттеран должен уйти в отставку¹⁶. За два года сосуществования образ Миттерана как национального арбитра закрепился в массовом сознании. По данным опроса, проведенного в сентябре 1987 г., половина французов утверждала, что «подлинный Миттеран» – это президент сосуществования, арбитр и гарант национального единства¹⁷.

Третье сосуществование имеет иную природу. Оно не было навязано календарными сроками выборов, а стало результатом решения о роспуске Национального собрания, принятого президентом Жаком Шираком. Как полагает известный французский политтехнолог Жак Сегела, «никогда еще государственный муж не допускал подобного промаха». «Ничто не побуждало этого Президента, хотя и без особого размаха, но вполне разумного, к такому самокалечению», – пишет он¹⁸.

Действительно, по данным социологических опросов, правительству А. Жюппе в этот период не доверяли 70% респондентов (против 28% опрошенных, которые выражали доверие), а самому Шираку – 60% против 38%¹⁹. По мнению В. Жискара д'Эстена, сделав этот шаг, в случае победы оппозиции Ж. Шираку следовало бы уйти в отставку, как это сделал бы, по всей вероятности, в подобной ситуации Ш. де Голль. Состоялись бы новые президентские выборы, и, вероятнее всего, большинство голосов, поданных за президента, совпало бы с парламентским большинством и «продолжилось бы применение правил нормального функционирования Пятой республики»²⁰.

Однако Жак Ширак остался на президентском посту, открыв еще одну форму сосуществования, новую и долгосрочную, рассчитанную на пять лет. Такая практика оказала значительное воздействие на психологию французов и на восприятие ими того, как действуют ин-

¹⁴ Composition de l'assemblée. A l'issue des élections // TNS Sofres. (<http://www.tns-sofres.com/etudes/dossiers/legi2002/histo1993.htm#comp>).

¹⁵ Цит.: Жискара д'Эстен В. Французы. Размышление о судьбе народа : пер с фр. М. 2004. С. 221.

¹⁶ Подробнее см.: Duhamel O. La découverte de la cohabitation // SOFRES. L'état de l'opinion. 1987. P. 49.

¹⁷ См.: Франция глазами французских социологов. М.: Наука, 1990. С. 124.

¹⁸ Цит. по: Сегела Ж. Национальные особенности охоты за голосами. Так делают президентов/ Пер. с фр. М., 1999. – С. 213.

¹⁹ Cotes de popularité des Présidents et Premiers Ministres 1978-2006 // TNS Sofres. (<http://www.php.sofres.com/cote2/>).

²⁰ Цит. по: Жискара д'Эстен В. Указ. соч. С. 221.

ституты республики. Опросы общественного мнения выявили неизменное одобрение гражданами данной ситуации. «В сосуществовании они увидели систему, ограничивающую риск злоупотреблений со стороны правящих верхов, а также практический способ приобщить к власти обе половины расколотой Франции, без необходимости для каждой из них отказаться от своей идентичности: правых представляет Президент Республики, левых – премьер-министр», – констатирует в своих мемуарах Жискара д'Эстен²¹. Наконец, и это особенно важно, данному сосуществованию не пришлось сталкиваться с серьезными конфликтными ситуациями. Между тем этот тип сосуществования серьезно изменил практику функционирования политических институтов. По замыслу де Голля и его последователей, включая Миттерана, правительство должно проводить политику, определяемую президентом. Президент всегда обладал «властью говорить» и «властью делать». Но в период последнего сосуществования «власть делать» перешла к премьер-министру.

По мнению Жискара д'Эстена, эта эволюция не является позитивной, т.к. выхолащивает содержание и принижает сущность президентской должности. Таким образом, выборы в парламент становятся главными выборами в стране. Роль президента помимо его протокольных и представительных функций сводится лишь к тому, чтобы делать выводы из выборов в Национальное собрание, назначая премьер-министра.

Анализируя итоги выборов 2002 г. во Франции, можно сделать важный вывод о том, что на состояние сосуществования оказывают влияние сроки выборов президента и парламента. Вследствие роспуска Национального собрания в 1997 г. парламентские выборы 2002 г. прошли всего лишь на 2 месяца позже президентских²². Таким образом, кандидату, который победил на выборах главы государства, было достаточно призвать избирателей подтвердить сделанный ими выбор, то есть поддержать пропрезидентскую партию. Ведь именно в этом случае президент может назначить премьер-министром человека, который поддерживает его политическую линию. «Система институтов будет восстановлена на нормальной основе, а Президент Республики вновь почти полностью обретет свои функции», – приходит к выводу Жискара д'Эстен, полностью предсказав политическую ситуацию, которая установилась во Франции после выборов 2002 г.²³.

Вывод, сделанный бывшим президентом, очень важен и для прогноза предстоящих в 2007 г. выборов во Франции. После сокращения срока полномочий президента республики с 7-ми до 5-ти лет эти выборы, скорее всего, пройдут по схеме 2002 г. – сначала будет известно, кто возглавит государство, а затем, практически сразу, выявится парламентское большинство. При этом вероятность того, что два народных выбора совпадут, очень велика. В то же время уверенно прогнозировать ситуацию нельзя – следует помнить, что в отличие от «правил игры», заложенных, например, в Конституции США, во Франции, во-первых, могут пройти досрочные выборы президента (в случае его гибели, отставки и т.п.) и, во-вторых, досрочные выборы в Национальное собрание (в случае роспуска его президентом). В этом случае возможность очередного сосуществования оппозиционно настроенных друг к другу президента и премьер-министра будет более вероятна. Однако с учетом того факта, что до очередных президентских и парламентских выборов остается всего несколько месяцев, такая схема развертывания событий если и будет возможна, то лишь в отдаленной перспективе.

Даже если ситуация сосуществования повторится снова, вряд ли она приведет к конфликтному противостоянию сторон, тем более к политическому кризису. Опыт Франции показал, что именно при сосуществовании правительство и парламент, с одной стороны, и президент – с другой, корректируют деятельность друг друга. Вместе с тем и общество, голосуя подобным образом, дает руководству страны определенный сигнал. Если же избирателей устраивает проводимая президентом политика, то они одобряют ее с помощью парламентского голосования, тем самым развязывая ему руки для более решительных действий. На состав правительства оказывают влияние и выборы президента (в данном случае речь не идет о смене главы государства). Так, например, произошло в 2002 г., когда на выборах президента действующий тогда премьер-министр Лионель Жоспен уже в первом туре значительно уступил не только главе государства Жаку Шира-

²¹ Цит. по: Там же. С. 222.

²² Островская Е. Политическая жизнь Франции в свете выборов 2002 г. // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 3. С. 31-32.

²³ Цит. по: Жискара д'Эстен В. Указ. соч. С. 222.

ку, но и националисту Жану-Мари Ле Пену. В итоге лидер Социалистической партии добровольно ушел не только с поста главы правительства, но и навсегда покинул политику²⁴.

Такая ситуация позволила Шираку назначить на должность главы правительства лояльного ему сенатора-центриста Жан-Пьера Раффарена²⁵. Хотя подразумевалось, что Раффарену предстоит возглавлять правительство лишь до парламентских выборов, от исхода которых должна была зависеть его судьба²⁶. Коалиция, созданная президентом Жаком Шираком, продемонстрировала блестящие результаты на выборах в Национальное собрание в 2002 г.²⁷. И премьер-министр окончательно вступил в свои права.

В свете недавних событий обратим внимание и на тот факт, что не только общенациональные парламентские и президентские выборы способны корректировать курс президента и правительства. Совет министров чувствует свою ответственность даже за результаты региональных выборов. После того, как в марте 2004 г. правительственная правоцентристская партия потерпела сокрушительное поражение на выборах, под вопросом оказалось не только политическое будущее премьер-министра Жан-Пьера Раффарена, но и предстоящие три года президентства Ширака²⁸. Это произошло после того, как правоцентристские силы потеряли контроль над всеми региональными советами континентальной Франции, за исключением одного – Эльзаса.

Конечно, результаты региональных выборов не повлияли на расстановку сил коренным образом (в парламенте по-прежнему господствовало пропрезидентское большинство), но премьер-министр тут же подал президенту заявление об отставке. Стоит заметить, что хотя президент Ширак не стал увольнять Раффарена со своего поста, он рассматривал в качестве возможной кандидатуры на пост главы правительства собственного соперника, но популярного среди «правых» Николя Саркози²⁹.

И даже несмотря на то, что новый кабинет снова стал состоять почти на 100% из членов прошираковской коалиции, очевидно, что итоги региональных выборов фактически означали вотум недоверия правящим «правым»³⁰.

Оказал влияние на политику президента и еще один электоральный процесс, который не имел прямого отношения к формированию каких-либо органов государственной власти. Речь идет о референдуме по принятию Европейской конституции во Франции, который прошел 29 мая 2005 г. Аналитики называли кампанию, проводимую Шираком накануне референдума, одним из важнейших моментов в его политической карьере³¹. В свою очередь сам Ширак на теледебатах заявил, что ни он, ни премьер-министр Жан-Пьер Раффарен не покинут свои посты, каковыми бы ни были итоги референдума. Однако французы безоговорочно отклонили Европейскую конституцию. 55% избирателей сказали «нет» на общенациональном референдуме, тогда как «да» – всего 45% (при этом на избирательные участки явилось 70% электората)³². Как отметили многие аналитики, в первую очередь «нет» означал вотум недоверия президенту и правительству, выразив недовольство их политикой³³. «Главная причина провала в том, что референдум пришелся на то время, когда популярность Ширака была предельно низка, а именно Ширак и его правительство выступали за принятие Европейской конституции», – отмечает генераль-

²⁴ Гусейнов Э. Политическая карьера Лионеля Жоспена закончилась // Известия. (<http://main.izvestia.ru/world/article17470>).

²⁵ См.: Лежандр К. Пиар по-елисейски // Итоги. (http://www.itogi.ru/Paper2002.nsf/Article/Itogi_2002_05_13_11_2212.html).

²⁶ См.: Ширак назначает нового премьера // ВВС. (http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_1970000/1970648.stm).

²⁷ См.: Петровская Ю. Ширак взял парламент под контроль // Независимая газета. (http://www.ng.ru/world/2002-06-18/5_shirak.html).

²⁸ Макарычев В. Жак Ширак и его команда проиграли выборы левым // Известия. 2004. 31 марта. С. 3.

²⁹ См.: Петровская Ю. Франция без «легитимного Правительства» // Независимая газета. 2004. 30 марта. С. 8.

³⁰ См.: Терехов А. Ширак повысил своего соперника // Независимая газета. 2004. 2 апреля. С. 6.

³¹ Макарычев М. Битва за конституцию // Российская газета. 2005. 16 апреля. С. 4.

³² Франция оставила Европу без Конституции // Известия. 2005. 31 мая. С. 1.

³³ См.: Там же. С. 3; Шаповалов А. Евросоюз: двери закрываются? Российская газета. 2005. 2 июня. С. 1.

ный директор Центра политических технологий И. Бунин³⁴. В итоге правительство Раффарена ушло в отставку, а новым премьер-министром стал Доминик де Вильпен³⁵. Более того, многие французские политики призывали президента этим не ограничиться. Они предлагали распустить Национальное собрание³⁶. Звучали призывы и к отставке самого Ширака. Как считает политолог А. Дугин, «голосование французов явилось настоящим историческим выбором, фундаментальным актом подлинной демократии, когда народ по-настоящему участвует в определении собственной судьбы»³⁷.

В России же правительство парламентского большинства на практике еще ни разу сформировано не было, хотя в последнее время идеи о возможности его появления стали высказываться достаточно часто. Более того, в нашей стране вообще не было ни одной смены правительства по итогам парламентских выборов.

При этом, как отмечает российский исследователь Г.В. Дегтев, в конституционно-правовом статусе главы государства и в нынешней системе взаимодействия его с правительством имеется достаточный потенциал конфликта за преобладающую роль в определении правительственной политики³⁸.

Таким образом, очевидно, что при всем сходстве институтов президентской власти во Франции и России, которое вытекает из принадлежности обеих стран к республиканской форме правления смешанного (полупрезидентского) типа³⁹, имеется и ряд отличий, которые позволяют говорить о существовании во Франции и России двух разных типов систем с институтом президентства.

Российский исследователь А.В. Кынев предложил семь критериев для классификации таких систем:

- 1) состав избирательного корпуса (избрание народом/ парламентом);
- 2) способ избрания (при всенародном голосовании);
- 3) совмещение/ разделение постов главы государства и главы правительства;
- 4) механизм формирования правительства;
- 5) наличие/ отсутствие у президента права распустить парламент;
- 6) наличие/ отсутствие ограничений на переизбрание;
- 7) порядок замещения поста президента (наличие/ отсутствие института досрочных выборов)⁴⁰.

Исходя из этих критериев, ясно, что по двум из них институты президентства во Франции и в России имеют значительные отличия. Речь идет о механизме формирования правительства и наличии или отсутствии у президента ограничений на переизбрание. Вследствие того, что при отсутствии ограничений на переизбрание еще ни один президент Франции не использовал свои полномочия более двух сроков подряд, наиболее ключевым отличием двух институтов является разный механизм формирования правительства.

Однако следует подчеркнуть, что тип системы с институтом президентства во Франции меняется в зависимости от того, контролирует ли президент парламент посредством политической партии или нет. Если такой контроль установлен, то президент фактически становится главой правительства и получает право самостоятельно решать судьбу совета министров (парламент в данном случае превращается лишь в формальный инструмент). Когда такого контроля нет, формальным становится сам институт президентства. Если придерживаться классификации, предложенной американскими исследователями

³⁴ Цит.: Бунин И. Объединенная Европа «зафранцузила» // Политком. (<http://www.politcom.ru/article.php?id=1886>).

³⁵ Жак Ширак сделал премьером своего «духовного наследника» // Известия. 2005. 2 июня. С. 1.

³⁶ Паклин Н. Выразительное «нет» // Российская газета. 2005. 31 мая. С. 8.

³⁷ Цит.: Дугин А. Провал Европейской конституции: шанс для России // Российская газета. 2005. 16 июня. С. 10.

³⁸ Дегтев Г.В. Указ. соч. С. 216.

³⁹ О том, что в России установлена полупрезидентская республика отмечает, например, Г.В. Дегтев. Дегтев Г.В. Указ. соч. С. 215-216. Полупрезидентской называет Пятую республику во Франции М. Дюверже. Duverger M. [A new political system](#). P. 126.

⁴⁰ Подробнее см.: Кынев А.В. Институт президентства в странах Восточной и Центральной Европы как индикатор процесса политической трансформации // Полит. исследования. 2002. № 2. С. 129.

ми М. Шугартом и Дж. Кэрри и описанной российским политологом Г. Голосовым⁴¹, то, на наш взгляд, можно говорить о чередовании премьер-президентской системы во Франции в периоды сосуществования и президентско-парламентской при ситуации, когда на выборах в Национальное собрание победу одерживает пропрезидентская партия.

При ситуации отсутствия сосуществования, правительство фактически становится полностью подконтрольным президенту. Именно он на практике получает полномочия назначения и отставки премьер-министра и членов правительства, а также возможность применять право законодательной инициативы. Однако такая ситуация, как было сказано выше, чревата структурным преобладанием пропрезидентской партии (в широком смысле слова) и не приветствуется многими французскими гражданами. Вместе с тем, в России реализуется именно такая – президентско-парламентская – модель функционирования института президентства, в которой практически не предусмотрены никакие противовесы и исключено сосуществование как таковое. С точки зрения эффективности своего функционирования, она, очевидно, уступает французской. Ситуация могла бы измениться в случае, если бы в конституционное законодательство были внесены нормы, усиливающие статус правительства, включая его формирование партией-победительницей по итогам парламентских выборов. В свете сложившейся в России ситуации с чрезвычайно популярным лидером, чьи полномочия близятся к концу, вступление его в партию и победа этой партии на парламентских выборах могли бы решить благоприятным образом политическую судьбу действующего главы государства и скорректировать институт президентства.

THE INSTITUTE OF PRESIDENCY IN FRANCE AND RUSSIA: NEOINSTITUTIONAL ASPECTS OF FUNCTIONING

A.A. ROMANOVSKY

Voronezh State University

e-mail: politolog@vmail.ru

In this article the author presents the comparative analysis of the institute of presidency in France and Russia. The constitutional authorities of the head of state in these countries are compared. The author emphasizes similarities and contrasts between French and Russian political practice of the functioning of the institute of presidency. In particular, a lot of attention is paid to the possibility of "cohabitation" of the president and the premier-minister in France, presenting different political powers. The author also predicts the further development of the political events in these countries.

Key words: institute of presidency, comparative analysis, new institutionalism, France, Russia, cohabitation.

⁴¹ См.: Шугарт М.С., Кэрри Дж. М. Президентские системы // Современная сравнительная политология. – М., 1997. – С. 206-208; Голосов Г.В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 272-276.

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И МОЛДОВЫ В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ: ПОИСК НОВОЙ ПАРАДИГМЫ

В.В. ОГНЕВА¹

Л.А. БРЫСЯКИНА²

¹⁾ Орловская региональная академия государственной службы

e-mail: oragsob@mail.ru

²⁾ Молдавский государственный университет

В статье затрагиваются актуальные вопросы гуманитарного сотрудничества России и Молдовы на современном этапе развития. Приводятся интересные данные (фактологические и статистические) отражающие состояние проблемы. Предлагаются пути оптимизации взаимодействия в данной сфере взаимоотношений двух стран.

Ключевые слова: Россия и Молдова, гуманитарное сотрудничество, права человека, соотечественники, Болонский процесс.

Гуманитарное сотрудничество всегда имеет многоуровневый и многоаспектный характер, при этом оно остается наиболее деликатной сферой взаимоотношений. Важной составной частью гуманитарной области является культура – феномен сложный и многогранный. Динамично развивающаяся национальная культура всегда является результатом длительного процесса, в ходе которого развиваются этнос, нация, государство, и они непременно соприкасаются с внешней средой. Россия и Молдова сотни лет сосуществовали и развивались в одном цивилизационном поле. Это объективно нашло свое отражение в культуре наших государств, ибо в изоляции культура увядает.

В условиях независимого развития граждане России и Молдовы продолжают жить, считая зачастую, что общее пространство сохраняется. Сегодня уже очевидно, что многие серьезные изменения в политическом устройстве, экономике, культурном развитии наших стран заданы фактом распада Советского Союза. Он породил глубокий конфликт между желанием построить национальное государство и стремлением сохранить общее прежнее пространство в форме, которая, не различая национальностей, отвечает, прежде всего, реальностям развития языковой и культурной ситуации¹. В условиях демократизации значение культуры возросло во всем мире, стало важным объектом как мировой политики в целом, так и конкретных взаимоотношений государств. Все это выдвинуло гуманитарное сотрудничество в число важнейших проблем на государственном и общечеловеческом уровнях.

Исторически, между странами, входившими в состав единого государства, сформировались гуманитарные связи, которые носят долгосрочный характер. Во многом на эти связи повлияли русскоязычные люди, оказавшиеся за пределами России. Но не только долей этнических русских, проживающих, в частности, на молдавской земле, измеряется гуманитарная область взаимоотношений государств. Эти отношения во многом детерминированы использованием русского языка и распространением русской культуры.

Известный русский историк-эмигрант Г. Вернадский называл Молдавское средневековое княжество Молдавской Русью². Действительно, на протяжении веков Молдова была близка России. В течение столетий шел процесс ассимиляции элементов славянской прародительской культуры.

С возрождением националистических движений во всех без исключения республиках бывшего СССР сдача позиций в области русской культуры и русского языка произошла и в Молдове. Люди болезненно восприняли разрыв культурных, образовательных и научных связей некогда единого пространства. Большую часть населения Молдовы по-прежнему составляют русскоязычные граждане, а это не только русские, но и украинцы, и белорусы, и представители других национальностей, основным языком общения для которых остается русский.

¹ Затулин К.Ф. Культурная и языковая политика в странах Содружества // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2005. №3.

² Суляк С. Проблемы русской культуры и языка в Молдавии // Страны СНГ. Русские и русскоязычные в новом зарубежье. 2006. 1 янв. №137.

В современных условиях мощным инструментом России, охватывающим зону ее стратегических интересов, является культура. Ее роль не особенно заметна в моменты противостояний и потрясений, но именно она лежит в основе благополучия того или иного государства. В свое время влияние русской культуры, подготовка местной интеллигенции в значительных масштабах явились важнейшими предпосылками развития новых независимых государств³.

Сегодняшнее правовое регулирование в области гуманитарных взаимоотношений России и Молдовы осуществляется благодаря таким двусторонним документам, как Соглашение о культурном и научном сотрудничестве, Соглашение о сотрудничестве в области образования, Соглашение о сотрудничестве в области аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. При этом отношения России и Молдовы опираются на исторически сложившиеся традиции культурного общения и дружественные отношения народов обеих стран согласно принципам Всеобщей декларации прав человека, Хельсинского Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, положениям Парижской хартии для новой Европы.

Согласно вышеперечисленным документам Российская Федерация и Республика Молдова «развивают сотрудничество в области культуры, науки, образования, спорта, туризма и молодежной политики, издательского дела и прессы, радио и телевидения, кинематографии на принципах взаимного уважения и паритетности. Россия и Молдова гарантируют свободное и равноправное развитие культурных национальных меньшинств народов России, проживающих на территории Республики Молдова, и молдавского меньшинства, проживающего на территории Российской Федерации. Они будут, в частности, создавать благоприятные условия для сохранения национальной самобытности, культуры, языка, реализации духовных и религиозных потребностей национальных меньшинств народов России и Республики Молдова»⁴.

В последние годы в Молдове складывалась тенденция к улучшению правового положения русского населения. В 2001 г. был принят Закон о национальных меньшинствах, который закрепил ряд важных гарантий для русскоязычного населения, в том числе право на представительство в структурах исполнительной и судебной власти всех уровней, в армии, в органах охраны общественного порядка. В законе государство гарантирует права на полноценное развитие всех языков и культур, бытующих в Молдове, формулирует права и обязанности интеграционного характера, обеспечивающие гармоничный диалог культур, но все это, непременно, на фоне знания государственного языка, молдавской культуры и истории.

Согласно Концепции государственной национальной политики, с 2004 г. русский язык приобрел статус официального языка межнационального общения с применением его во всех сферах жизнедеятельности государства и общества. Важно отметить, что в 2001 г. были предприняты шаги для признания русского языка в качестве официального наряду с молдавским языком, но, как показала реальность, молдавское общество еще не готово к такому решительному шагу. Какое-либо давление в этом вопросе могло привести к эскалации межнационального противостояния. Как противники, так и сторонники этого проекта оказались едины в том, что согласие и толерантность, достигнутые в многонациональном молдавском обществе долгим и болезненным путем, не должны быть нарушены.

После распада СССР по инициативе России на постсоветском пространстве были сосредоточены усилия по формированию правовой базы в защиту русскоязычного населения. В документах, принятых в рамках СНГ, закреплены обязательства государств-членов, предусматривающие своим гражданам гарантию равных прав и свобод. К таким документам относятся: Декларация о международных обязательствах в области прав человека и основных свобод; Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам; Соглашение об обмене информацией в сфере образования государств-участников СНГ; Межгосударственная программа реализации Концепции формирования единого образовательного пространства СНГ; Соглашение о порядке создания и функционирования высших учебных заведений в государствах-участниках СНГ и проч.

³ Лаптев В. Основные предпосылки формирования взаимоотношений Российской Федерации с новыми государствами ближнего зарубежья // Россия и страны ближнего зарубежья: история и современность. М., 1995. С. 242.

⁴ О культурном и научном сотрудничестве между Правительством РФ и Правительством Республики Молдова: Соглашение между Правительством РФ и Правительством РМ от 17.08.1994.

Россия при формировании своей политики поддержки соотечественников за рубежом исходит из того, что основная ответственность за гарантии прав на обеспечение достойных условий существования всех своих жителей несут соответствующие государства. Это положение закреплено в правительственном документе «Основные направления поддержки Российской Федерацией соотечественников за рубежом на 2002-2005 гг.». При этом Россия исходит из того, что любое государство, претендующее на приверженность принципам демократии, обязано не допускать дискриминации по языковому и этническому признакам, а также ограничения гражданских, социально-экономических и других прав «нетитульных» наций. Вместе с тем, Россия придерживается принципа, согласно которому обеспечение прав человека, включая лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, не является исключительно внутренним делом государства. Роль России в обеспечении полного объема гражданских, политических, экономических, социальных, культурных, образовательных и иных прав в соответствии с общепризнанными стандартами определена в качестве основного вектора российской политики в отношении соотечественников.

Учитывая все вышесказанное, абсолютно правомерно говорить о гуманитарном присутствии России во всех республиках бывшего СССР, включая Молдову. Она является гарантом прав русскоязычного населения, которое, по-прежнему, остается в российском цивилизационном поле. Это отнюдь не рецидив «имперских амбиций», потому что Россия не препятствует нормальным и естественным политическим, экономическим, культурным и иным контактам новых субъектов международных отношений во всем мире. Такая политика означает лишь четкое осознание Россией своей роли в мире и в судьбе соотечественников. Проведение в 2005 г. в Санкт-Петербурге Конгресса неправительственных организаций государств СНГ и Балтии по вопросам сотрудничества в сфере науки, культуры и образования еще раз подтвердило положение о том, что на одном энтузиазме России позиции русской культуры и языка не будут сохранены, для этого нужна государственная поддержка.

Статья 10 Конституции Республики Молдова гласит, что «государство признает и гарантирует право всех граждан на сохранение, развитие и выражение этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности». В Законе о культуре подчеркивается, что «культурная деятельность является неотъемлемым правом каждого человека, независимо от национальной принадлежности, социального происхождения, языка, пола, политических, религиозных и других убеждений, местожительства, имущественного положения, образования, профессии и других обязательств»⁵.

В Молдове принят целый ряд документов, регламентирующих межэтнические отношения в стране (Закон об образовании 1995 г., Закон о культуре 1999 г., Закон о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций 2001 г., Концепция государственной национальной политики Республики Молдова 2003 г.), полное претворение которых в жизнь может привести к установлению подлинного равноправия титульного населения и проживающих в Молдове представителей других этносов, к полному удовлетворению их культурных и языковых потребностей.

В системе государственного управления Молдовы работают специализированные органы, которые обеспечивают деятельность государства в этой области. Это – Комиссия по делам национальных меньшинств парламента Молдовы, Департамент межэтнических отношений, Отдел образования по преподаванию языков национальных меньшинств в Министерстве просвещения, а также Институт национальных меньшинств Академии наук Республики Молдова. Силами преподавателей Молдавского славянского университета в Кишиневе регулярно проводятся лекции и практические занятия по вопросам состояния и функционирования русского языка и культуры на образовательном пространстве СНГ.

Но с другой стороны, исполнение молдавского законодательства, имеющего отношение к национальным меньшинствам, на практике не обеспечивает им равных прав с представителями титульного населения. Остаются в силе закон о статусе молдавского как государственного языка, Закон о возврате молдавскому языку латинской графики, Закон о функционировании языков на территории Молдовы, которые послужили первопричиной всплеска межнациональных противоречий. Все это способствовало разжиганию вооруженного конфликта на Днестре в 1992 г., а также расколу самого молдавского многонационального общества на румын и молдаван.

⁵ О культуре: Закон Республики Молдова от 15.09.1999.

При этом большинство инициатив в области русской культуры, образования и развития языка реализуется благодаря помощи России. Например, единственный в республике русский драматический театр им. Чехова, дом-музей Пушкина в Кишиневе и его филиал в селе Долна долгое время находились в трудном финансовом положении, пока российские компании не выделили средства на их поддержку.

Но главную роль в сохранении русской культуры и русского языка, в проведении культурно-просветительской работы в Молдове стараются играть русская диаспора и русские национальные общины.

До 1989 г. русская диаспора Молдовы была самой многочисленной и играла ведущую роль в жизни страны. В настоящее время она раздроблена на мелкие группы, каждая из которых претендует на лидерство и право представлять все русскоязычное население Молдовы.

Сегодня в стране насчитывается около 30 общественных организаций российских соотечественников. Из них в Департаменте межэтнических отношений зарегистрированы только две: Русская община Республики Молдова и Конгресс русских общин. В 2000 г. часть организаций объединилась, создав Координационный совет русских общин (КСРО). Параллельно в республике сосуществуют такие организации, как русская община «Содружество», Фонд славянской письменности и культуры, общественная организация «Русь». Параллельно и независимо от КСРО действует Конгресс русских общин, который также объединяет несколько коллективных членов.

Конгресс русских общин ежегодно проводит в Кишиневе и районных центрах Молдовы Дни русской культуры и духовности, оказывает финансовую помощь русскому театру. При поддержке Конгресса в республике издаются произведения русских авторов Молдовы.

Целью другой неправительственной общественной организации «Русь» является пропаганда культурного наследия русского народа, а также возрождение и сохранение культурного наследия русинов – коренного русского населения Молдавии⁶. Организация выпускает международный исторический журнал «Русин», с помощью посольства Российской Федерации в Республике Молдова проводит международные научно-практические конференции, посвященные вопросам общего исторического наследия России и Молдовы.

Традиционно уже в течение 15 лет ежегодно в городах Молдовы проходят дни славянской письменности и культуры, организацией которых занимаются славянские этнокультурные организации Молдовы совместно с Департаментом межэтнических отношений и органами местного публичного управления.

В период 2003-2006 гг. под эгидой русских общин в Молдове были проведены такие мероприятия, как фестиваль русской книги и прессы, поэтические вечера и конкурсы юных поэтов, концерты русской классической музыки. В школах республики, особенно в дни славянской письменности, проходят классные часы, викторины по произведениям русских классиков, конкурсы, посвященные юбилейным датам. При проведении подобных мероприятий большую роль традиционно играет финансовая поддержка российского государства и капитала. Из федерального бюджета России на оказание помощи соотечественникам в Молдове в 2003 г. было выделено около 250 тыс. долларов США, в 2004 г. эта сумма превысила 300 тысяч. При этом в 2004 учебном году русским школам было передано более 200 тысяч экземпляров учебников, произведена подписка на российские периодические издания для 400 школ в Молдове, в том числе и в Приднестровье на сумму 60 тыс. долларов США⁷.

При всем этом у огромной по численности русской общины в Кишиневе, в отличие от малочисленных общин немцев, поляков, армян, нет сегодня своего Культурного центра, где русские люди могли бы собираться, обсуждать свои дела, знакомиться с российскими периодическими изданиями, устраивать выставки и концерты, встречи с российскими политиками и общественными деятелями. Однако очевидно, что комфортное самочувствие диаспоры может способствовать сохранению социальной, политической и межэтнической стабильности в обществе.

Особого внимания заслуживает вопрос о положении русского языка и русских учебных заведений в Молдове. В начале 90-х гг. доля учащихся в русскоязычных школах и колледжах сократилась почти в два раза. В 2002 г. Министерство образования республики увеличило ко-

⁶ Суляк С. Русины заслужили достойное место в истории Молдавии // Бизнес-Элита. 2006. №31. С. 2.

⁷ Коненко Г. Об этнокультурной политике Республики Молдова // Страны СНГ. Русские и русскоязычные в новом зарубежье. 2005. 15 мая. №123.

личество русских групп в подведомственных ему колледжах до 23 %, а в вузах до 28-30%. В 2006 г. согласно новой государственной политике в сфере образования многократно было сокращено количество студентов, поступающих в вузы на факультеты гуманитарного направления, в том числе и для русских абитуриентов.

В системах высшего образования России и Молдовы на современном этапе идут процессы реформирования в связи с интеграцией в общеевропейский образовательный процесс. Если Россия должна стать полноправным участником Болонского процесса в 2010 г., то Молдова вошла в европейскую систему высшего образования в 2005 г. Болонский процесс – это реакция учебных заведений Европы на явление глобализации. Первый шаг в этом направлении был сделан в 2003 г. в Берлине на конференции министров просвещения европейских стран, где Молдова получила статус кандидата в члены Болонского процесса и с тех пор начала ориентировать свои образовательные реформы таким образом, чтобы в дальнейшем облегчить свое вступление в континентальную образовательную систему.

Участие Молдовы в данном процессе позволит ее университетам начать интеграцию в европейское образовательное сообщество, а стране – более оперативно реагировать на требования сегодняшнего меняющегося и расширяющегося мира. Само понятие «Болонский процесс» созвучно понятию «реформа высшего образования». Большинство университетских центров Молдовы внедрили систему трансферных кредитов и уже перешли на систему циклического образования.

Российские реформы в высшем образовании во многом соотносятся с тем, что происходит в Европе, так как внешняя среда во многом определяет внутреннее содержание. Опыт Молдовы, трудности, связанные с реализацией Болонской программы, могут быть учтены Россией при ее дальнейшем полноценном вступлении в Болонский образовательный процесс.

В целом, важно отметить, что гуманитарная сфера взаимоотношений весьма многогранна и достаточно сложна.

В этой области еще немало предстоит сделать как органам государственной власти обеих стран, так и гражданскому обществу, на котором также лежит ответственность за гуманитарную составляющую межгосударственного общения.

THE COOPERATION OF RUSSIA AND MOLDOVA IN THE HUMANITARIAN SPHERE: SEARCH FOR THE NEW PARADIGM

**V.V. OGNEVA¹,
L.A. BRYSAKINA²**

¹ *The Oryol regional academy of management*

e-mail: oragsob@mail.ru

² *The Moldavian State University*

The actual questions of the humanitarian cooperation of Russia and Moldova at the present stage of development are mentioned in the article. The interesting data are given: facts as well as statistics which reflect the condition of the problem. The ways of optimization of the interaction in the given sphere of mutual relations of two countries are offered here.

Key words: Russia and Moldova, humanitarian cooperation, human rights, compatriots, Bologna process.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

УДК 332.146

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

А.С. ЗУБАРЕВ

Администрация Курской области, первый заместитель губернатора – председатель правительства Курской области

В настоящее время актуальным является создание системы государственного управления на региональном уровне, что обусловлено проблемами социально-экономического развития региона, имеющими различную остроту и приоритетность решений.

В работе предложены основные подходы к построению государственной системы управления региональным развитием, обусловленные «региональными полюсами роста».

Ключевые слова: региональное развитие, политика выравнивания, политика регионального развития, глобализация экономики, ключевые вызовы развитию региона.

В настоящее время деятельность государства в части стимулирования развития различных секторов экономики в регионах обусловлена его общей ролью в регулировании экономических процессов. Сферой экономической активности государственных органов управления как федерального, так и регионального уровней должна стать поддержка стратегически значимых проектов и программ, которые направлены на достижение важнейших целей социального и экономического развития.

При этом в сфере государственного управления находятся такие экономические проблемы, важность которых осознается обществом, деловыми кругами, но они не могут быть решены либо в силу отсутствия экономических субъектов, заинтересованных в их решении, либо в силу отсутствия у частного бизнеса необходимых финансовых ресурсов, юридического обеспечения, правовых и финансовых гарантий.

В современных условиях перед органами управления всех уровней стоят задачи обеспечения эффективной адаптации социально-экономических систем разного уровня к изменяющимся условиям, использования открывающихся возможностей для прогрессивного развития, быстрого устранения возникающих негативных явлений.

Региональное развитие представляет собой режим функционирования региональной экономики, который ориентирован на позитивную динамику параметров уровня и качества жизни населения, обеспеченную устойчивым, сбалансированным и многофакторным воспроизводством социального, хозяйственного, ресурсного и экологического потенциалов территории. В качестве основных целей региональной политики выделяем:

- обеспечение баланса государственных и региональных интересов;
- создание относительно равных возможностей всему населению;
- уменьшение различий в уровне жизни.

В настоящее время чрезвычайно актуальной является задача создания системы государственного управления на региональном уровне, что обусловлено наиболее существенными проблемами социально-экономического развития страны в региональном разрезе.

Политика выравнивания последствий открытия внутреннего рынка заменила политику выравнивания социально-экономического развития регионов, характерную для эпохи первичной индустриализации и рассчитанную на размещение в регионах основных фондов, предназначенных для выпуска типовой массовой продукции, а также предполагающую концентрацию рабочей силы. Бюджетное выравнивание отстающих в адаптации к рыночным условиям регионов пока не привело к ожидаемым результатам. Регионы-лидеры стали терять мотивацию к развитию, а среди остальных территорий начали проявляться иждивенческие настроения.

Медленное внедрение современных инструментов в систему государственного управления региональным развитием:

- проведение административной реформы и внедрение бюджетирования, ориентированного на результат, сосредоточилось в основном на федеральном уровне государственной власти. В силу это трудно определить качество регионального управления, выделить показатели развития российских регионов, зафиксировать их связанность с действиями органов государственной власти;

- отсутствие признанной типологии регионов, позволяющей дифференцировать названные показатели для каждого типа территорий, а на основании этого определить по отношению к ним параметры государственной политики;

- не разработаны механизмы согласования и синхронизации стратегий регионального развития субъектов Российской Федерации, стратегий развития муниципальных образований и федеральных отраслевых стратегий. В результате межрегиональная кооперация фактически отсутствует, бюджетные средства используются недостаточно эффективно;

- не утверждена Генеральная схема пространственного развития Российской Федерации, в которой были бы обозначены федеральные приоритеты в отношении развития конкретных регионов страны, призванных обеспечить и поддержать решение общенациональных задач удвоения ВВП, сокращения уровня бедности и сохранения целостности страны;

- различные аспекты деятельности территориального планирования «разнесены» по различным ведомствам. Реформы инфраструктур (транспорт, связь, энергетика, ЖКХ) и в целом последствия реализации пакета реформ на территориальном уровне нескоординированы и несинхронизированы;

- утрачена культура планирования использования территории. Аналитическая модель новой пространственной организации страны не востребована в правоприменительном и бюджетном процессах. Проектно-планировочная документация сохраняется в том виде, в каком она сложилась еще в советскую эпоху, но относительно эффективно может выполнять свою регулируемую функцию. В современных условиях разработанная в 1994 году Генеральная схема расселения Российской Федерации не выполняет своей координирующей роли по отношению к действиям бизнеса и власти территорий.

Старые административные границы сдерживают развитие социально-экономических процессов в России, экономический рост ее регионов и существенно понижают масштабность региональных стратегий развития. Прежние административные формы российских регионов оказались маловосприимчивы к идущему в мире процессу нового регионального строительства, облакаемого в соответствующие правовые формы. Так, в мире новые крупные регионы становятся более активными игроками на

глобальном рынке: они способны продуцировать более масштабные проекты; их столицы претендуют на более высокий статус в мировой региональной иерархии; схемы развития транспортных путей, системы расселения становятся более простыми и понятными.

Отсутствие интеграции внутренних и внешних факторов экономического развития региона в условиях глобализации экономики. «Регион» в условиях глобализации экономики понимается не как пространственно ограниченная форма территориального образования, а как самостоятельное пространственно локализованное сообщество, основанное на единстве политической и организационной культур и бизнес-культуры, имеющее единую экономическую базу, способную к самообеспечению и саморазвитию.

Для стратегического управления развитием региона необходима организация системы мониторинга факторов экономического развития.

Внешние факторы определяют необходимые условия для осуществления стратегического развития в регионе, в то время как *внутренние* – эффективность деятельности по созданию и сохранению благоприятных условий для воспроизводства регионального хозяйства.

От согласованности существующих потребностей и стратегии регионального развития зависит эффективность управления регионом, что требует использования форм и методов согласования интересов между центром и регионами, усиления взаимосвязи между использованием межрегиональных и внутрирегиональных материальных ресурсов и финансовых потоков, способов совершенствования механизма государственной поддержки социально-экономического развития субъектов РФ, особенно депрессивных регионов.

Ниже представлены **основные подходы к построению государственной системы управления региональным развитием**¹, которые получили широкое распространение в практике.

«Политика выравнивания» уровней развития регионов – это поддержка отдельных регионов в целях ускоренного развития путем перераспределения средств федерального бюджета в их пользу на определенный период времени за счет других регионов. Объективными основаниями для ее проведения являются экологические катастрофы, экономическая депрессия, неблагоприятные условия и др.

«Теория полюсов роста» – констатация и объяснение неравномерности социально-экономического развития, которое в пространственном плане выступает в виде образования «полюсов роста», способных оказывать сильное влияние на основные факторы производства – капитал и рабочую силу. Таким образом, «региональный полюс роста» – это набор развивающихся отраслей, размещенных на определенной территории и способных вызывать активизацию экономической деятельности во всей зоне своего влияния. Образование «полюсов роста» происходит только тогда, когда существует ключевая (ведущая) отрасль, относящаяся к наиболее динамичным отраслям (при наличии благоприятных условий для интенсивного внедрения достижений НТП).

В основу «политики поляризованного развития» заложен принцип дифференцированного подхода к регионам, который свидетельствует о необходимости сбалансированности процессов развития по всей территории страны. Необходимо найти такие «точки экономического роста» и вкладывать в них средства, чтобы получить равномерно распродоточенные центры капитализации страны, что в свою очередь приведет к ускорению экономического роста. Именно в таких регионах могут быть реализованы федеральные проекты, эффект от которых будет распространяться и на другие регионы.

Естественным условием формирования государственной политики, обеспечивающей устойчивое безопасное развитие России в условиях интеграции в мировые процессы, является учет современных тенденций в прогрессе мировой экономики и общества, которые определяют **ключевые вызовы развитию регионов**.

Неопределенность экономической и региональной политики федерального центра. Отсутствие определенного долгосрочного представления о будущем (видения) и обоснованных стратегических приоритетов на Федеральном уровне власти является существенным источником неопределенности для развития регионов. Либеральная экономическая политика федерального центра неизбежно приведет к усилению

¹ Экономика России: итоги и перспективы роста. Министерство экономического развития и торговли Российской Федерации, 2007 г.

территориальных диспропорций даже в условиях устойчивого экономического роста. В этих условиях федеральный центр вынужден прямо (в виде трансфертов) и косвенно (в виде экономического стимулирования размещения производственных сил на периферийных территориях) перераспределять ресурсы между разными регионами и разными уровнями власти.

В настоящий момент идет реформа федеральных механизмов управления региональным развитием, переживает трансформацию система федеральных целевых программ. В перспективе будут внедряться новые принципы формирования целевых программ. Улучшение качества государственного (муниципального) управления в регионах будет происходить, в первую очередь за счет выбранных приоритетов регионального развития и повышения эффективности использования общественных механизмов.

Глобализация экономики и вступление России в ВТО. Рост крупных корпораций выносит центры принятия решений за пределы региона и, зачастую, даже государства, а по своим ресурсам и влиянию крупные корпорации, по крайней мере, не уступают региону. Становятся более доступными глобальные поставщики и рынки потребления, но глобальные корпорации становятся реальными конкурентами региональных предприятий. Вступление России во Всемирную Торговую Организацию сопряжено с принятием ряда жестких обязательств в области регулирования торговой политики и приведением внутреннего экономического законодательства в соответствие с международными нормами. Переходный период вступления в ВТО может быть полностью завершен к 2012-2014 гг. Вступление России в ВТО приведет как к негативным последствиям для национальных производителей (усилению конкуренции), так и откроет новые возможности для выхода на глобальные рынки.

Основными последствиями вступления России в ВТО для предприятий Курской области станет ужесточение и качественное изменение конкуренции на российских товарных рынках. Промышленность вынуждена будет перейти от конкуренции за счет низких цен, конкуренции за счет внедрения новых технологий (инноваций) и повышения качества.

Мировые цены на энергоносители и тарифы естественных монополий. В случае длительного и устойчивого роста цен на нефть существуют риски значительного сокращения уровня потребления нефти в связи с интенсификацией исследований по поиску альтернативных источников топлива (например, водорода).

Снижение цен до 15-20 долларов за баррель сделают отечественную нефть неконкурентоспособной.

Тарифы на услуги естественных монополий в России ниже, чем среднемировые, что дает национальной промышленности конкурентные преимущества. Правительство РФ декларирует курс на поэтапное реформирование естественных монополий, что приведет к повышению внутрироссийских цен на их услуги. В частности, если ориентироваться на заявленные Правительством РФ планы, в течение ближайших двух-трех лет внутренние российские цены на газ будут увеличены примерно в два раза. В 2007-2008 гг. произойдет переход на рыночное ценообразование в электроэнергетике, в результате которого возможен существенный рост цен.

В условиях дальнейшей интеграции России в мировую экономику и сопровождающего это процесс роста внутристрановых издержек конкурентоспособность предприятий Курской области за счет низких цен и «советского наследия» будет поставлена под угрозу. Рост цен на газ станет прямым и косвенным (в виде электроэнергии и транспортных тарифов) ценовым шоком для региональной промышленности.

Возрастание роли нематериальных активов в эпоху экономики знаний и формирование инновационной экономики.

За последние 30 лет доля нематериальных активов в структуре активов ведущих международных корпораций возросла до 70%, причем даже в таких традиционных секторах, как тяжелое машиностроение и коммунальное хозяйство, вклад нематериальных активов достигает 30%. Качество человеческого капитала становится главным фактором развития экономики развитых стран и регионов. В последующие 20 лет наиболее высокие темпы роста прогнозируются в высокотехнологичных секторах, включая информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии, нанотехнологии.

Переход к инновационной модели развития предполагает принципиальную трансформацию экономики в целом: на смену доминирующим крупным транснацио-

нальным компаниям, ориентируемым на объемные капиталовложения и крупномасштабный сбыт, приходит наукоемкое производство, в котором обновление продукции происходит за счет внедрения новых инновационных технологий.

В настоящее время экономика Курской области имеет ресурсно-сырьевую направленность, что требует перехода к комплексной переработке добытого природного сырья, производства новых продуктов, конкурентоспособных на мировом рынке. Необходима оценка интеллектуальной собственности предприятий, нематериальных активов, включающих патенты на изобретение и полезные модели, конструкторско-технологические ноу-хау и приобретенные на них лицензии.

Для усиления инвестиционно-инновационной политики региона необходимо создать инновационные инфраструктуры, ядром которых станут инновационные центры, инжиниринговые центры, технопарки – инновационные кластеры.

Россия унаследовала экономические регионы, создававшиеся в ходе индустриализации и рассчитанные на развитие масштабного массового производства, а потому имеющие централизованную организацию. К тому же, крупные вертикально-интегрированные компании (ВИК) в постсоветский период поглотили большую часть данного производства, что также повлияло на производственно-территориальную организацию российских регионов. В настоящий момент, если судить по структуре российского экспорта, производственных кластеров, конкурентоспособных в глобальном масштабе, практически нет. При этом их появление выступает условием обретения долгосрочной конкурентоспособности, а следовательно, **стимулирование возникновения экономических кластеров** должно относиться к числу приоритетов государственной политики регионального развития для безболезненного вхождения Российской Федерации в глобальный рынок.

PRIORITY GUIDELINES OF REGIONAL DEVELOPMENT POLICY IN THE TERMS OF ECONOMIC GLOBALIZATION

A.S. ZUBAREV

*the government
of Kursk region*

The risk-management of Russian economic development both at regional and government levels has been one of the most vital issues in the context of theoretical researches and practical work.

In this work the economic mechanisms and approaches have been examined, ensuring the stable economic growth, minimizing the risks and taking the state regional policy into account.

The key words: risk-management, human capital, integration, diversification, liberalization, technical gap.

РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Л.Н. БОРИСОГЛЕБСКАЯ¹
С.Г. ЕМЕЛЬЯНОВ²

1) Белгородский государственный университет

e-mail:
boris_gleb@bsu.edu.ru

2) Курский государственный технический университет

e-mail:
esq@kstu.kursk.ru

Управление рисками развития российской экономики как на государственном, так и на региональном уровнях становится на сегодняшний день одной из актуальных тем в рамках теоретических исследований и практики применения.

В этом направлении в работе рассматриваются экономические механизмы и подходы, обеспечивающие устойчивый рост экономики, минимизируя риски с учетом государственной региональной политики.

Ключевые слова: риск-менеджмент, человеческий капитал, интеграция, диверсификация, либерализация, технологическое отставание.

Дальнейшее развитие и рост российской экономики сопряжены с рисками, возникновение которых обусловлено:

- отсутствием условий и стимулов для развития человеческого капитала;
- низким уровнем конкуренции и высокой долей нерыночного сектора;
- неравномерным осуществлением реформ на субфедеральном уровне;
- низким уровнем интеграции российской экономики в международные экономические отношения;
- слабой диверсификацией, создающей высокую зависимость от мировой конъюнктуры цен на основные экспортные товары;
- инфраструктурными ограничениями роста, которые не могут быть преодолены за счет только институциональных реформ и требуют реализации крупных инвестиционных проектов.

Устойчивость к внешним и внутренним рискам, поддержание условий устойчивого экономического развития, эффективная интеграция в глобальную экономику возможны только при наличии надёжных экономических основ – динамично развивающегося финансового сектора, эффективной экономической политики. Чтобы вновь не войти в полосу рисков, аналогичных периоду 1998 г., необходимы новые подходы и механизмы, которые, с одной стороны, уменьшили бы сами риски, а с другой – сделали экономику более устойчивой даже при негативном воздействии глобальных процессов и минимизировали **следующие виды рисков¹**.

Внешние риски, осложняющие экономическую стабильность. Структура экспорта демонстрирует постоянно растущую долю топливно-энергетических товаров: если в 1997 году доля ТЭК в экспорте составляла около 47%, то в 2000-е гг. превышение достигло 60%.

Циклические колебания цен на товары российского сырьевого сектора на мировых рынках создает угрозу периодического снижения доходов от внешнеэкономической деятельности. В зоне риска находится нефтегазовый сектор, для которого характерны колебания цен, в том числе и в сторону понижения, в десятки процентов. Зоной значительного риска является черная металлургия, где рецессия может наступить уже в среднесрочной перспективе.

В России замедляются темпы добычи нефти, на этом основании прогнозируется потеря динамики роста нефтяных экспортных доходов. Рост поставок газа на внешние рынки в настоящий момент не в полной мере покрывается за счет интенсификации до-

¹ Борисоглебская Л.Н., Емельянов С.Г. Управление рисками в современных условиях: учеб. пособие. Курск : Курск. гос. техн. ун-т., 2006.

бычи на действующих месторождениях и ввода в действие новых, что может привести к дефициту газа в будущем.

Внутренние риски, влияющие на экономическую стабильность. За последние годы российская экономика демонстрирует устойчивый рост, однако структура экономики не показывает значительных прогрессивных изменений, так доля ТЭК в ВВП постоянно увеличивается, составив в 2004 году – 29%, в 2005 году – 30%.

Риск повышения конкурентоспособности импортных товаров и услуг на российском рынке (доля импорта в обороте розничной торговли стабилизировалась на уровне 40% с тенденцией к повышению). Отрасли импортзамещения, развернутые в ситуации резкого ослабления рубля по отношению к основным мировым валютам по мере роста рынка и укрепления рубля будут находиться под все возрастающим давлением со стороны импорта (прежде всего, речь идет о легкой и мебельной промышленности, пищевой промышленности, отдельных видах машиностроения и пр.). Это обусловлено целым рядом факторов, таких как:

- рост внутренних цен на сырьевые товары, которые уже практически выровнялись с мировыми, а по отдельным видам продукции и сырья его первичного предела обогнали их (низкие цены на газ пока еще сохраняются за счет жесткого государственного регулирования, что в свою очередь не замедляет их рост);

- стремление к выравниванию тарифов естественных монополий с мировыми;

- укрепление рубля, который становится конвертируемой валютой;

- распространение современных форматов торговли, обеспечивающих импортерам доступность практически всех финансово значимых рынков на территории РФ.

Риски валютной либерализации связаны с тем, что основной долг в настоящее время приходится на кредиты и фактор риска, на первый взгляд, кажется небольшим. Однако следует иметь в виду такие обстоятельства, как изменения мировой финансовой конъюнктуры, которая может привести к удорожанию финансовых ресурсов. Шаги центральных банков ведущих стран по повышению ставок рефинансирования являются подтверждением такой тенденции², что в свою очередь явилось следствием стремительного роста цен в результате либерализации начала 1990-х гг., который существенно превысил рост денежной массы.

С 2003 г. по 2006 г. прирост кредитов нефинансовому сектору российской экономики постоянно увеличивается. Вместе с тем, низкая капитализация банков и связанные с этим показатели нормативы не позволяют банкам адекватно обеспечивать спрос нефинансового сектора. Потребность предприятий в средствах компенсируется самофинансированием и внешними заимствованиями.

В свою очередь у самих банков темп прироста их активов постоянно опережает темп прироста их совокупного капитала. Более того, темп прироста капитала отстаёт и от темпа прироста вкладов физических лиц, и от темпа прироста кредитов нефинансовому сектору.

При сохранении подобной тенденции банковская система в ближайшие годы подойдет к пределам своего роста – 10%-му уровню достаточности капитала, т.е. к пределу, когда Банк России должен принимать предупредительные меры (а при 8% уже будет отзываться лицензия).

Риск, вызванный дефицитом инфраструктурного роста. В качестве одного из примеров такого риска является дефицит генерирующих и сетевых мощностей регионов. Спрос на генерирующие мощности еще в 2004 году достиг 190 тыс. МВт (с учетом оперативного и стратегического резерва мощностей). Спрос на энергию и предложение генерирующих мощностей в 2005 году превысил 200 ГВт. Появление в будущем дефицита генерирующих мощностей связано, прежде всего, с ожидаемым увеличением выбытия мощностей, исчерпавших парковый ресурс. По данным ИЭИ РАН, до 2010 года в России выработает свой ресурс 17 млн. кВт мощностей тепловых электростанций (11,5% суммарной мощности ТЭС), а к 2020 году – 72 млн. кВт (52%). В связи с этим прогнозируется дефицит генерирующих и сетевых мощностей в ряде регионов в период после 2008-2010 годов (он оценивается в 8-10% мощностей даже при инерционном развитии).

² Ершов М. Экономический рост: новые проблемы и новые риски.

Риск снижения качества человеческого капитала (чрезвычайно высокая доля занятых, работающих на должностях, которые не соответствуют полученным квалификациям; высокая текучесть кадров в российских предприятиях и проч.) **и ухудшения ситуации на рынке труда в связи с дефицитом рабочей силы** (сокращение численности трудоспособного населения на 8-10% каждые пять лет после 2010 года).

К тому же, рабочая сила в России постепенно перестает быть дешевой (доля фонда заработной платы в ВВП страны, по оценке МЭРТ РФ, к 2009 году должна достичь 24%).

Проблемы с реформированием системы профессионального образования приводят к тому, что система подготовки кадров не отвечает требованиям динамично развивающейся российской экономики. Квалифицированной и качественной рабочей силы хронически будет не хватать. Различные сектора экономики будут конкурировать между собой за работников, повышая их зарплату.

Риски, связанные с технологическим отставанием. В ближайшие годы заметно возрастет инвестиционная нагрузка на экономику, связанная с ростом капитальных затрат в добывающих секторах. Российские компании, стремясь сохранить свою технологическую и кадровую конкурентоспособность, уже прибегают к ускоренному импорту стандартных технологий, отдельных специалистов и менеджеров, передают подряды на технологически сложные работы западным компаниям, приобретают последние в расчете на получение современных ключевых компетенций. В частности, в России фиксируется отрицательный торговый баланс по экспорту-импорту технологий и платежей по импорту технологий.

Риски, связанные со снижением диверсификации российской экономики и созданием благоприятной политики для приоритетных секторов экономики. Динамично растет все более узкий сегмент промышленности. Лидеры роста, обеспечивающие сейчас 40% роста российской промышленности – нефть, электроэнергия, черная металлургия.

В настоящее время для Правительства России одной из приоритетных целей является стимулирование диверсификации, развитие конкурентных отраслей, не связанных с сырьевыми секторами, и стимулирование роста инновационной экономики.

В пятнадцатилетней перспективе могут быть выделены три основных «кризисных узла», по мнению заместителя министра экономического развития и торговли РФ Р.А.Белоусова³:

– **2007-2008 годы** – снижение легитимности государственных институтов, повышение уровня социальной конфликтности (вследствие нарастания имущественной дифференциации населения), реализация неблагоприятных внешнеполитических и внешнеэкономических факторов, а также снижение конкурентоспособности российских предприятий в связи с открытием внутренних рынков и укреплением рубля;

– **2011-2012 годы** – нарастание ограничений, вызванных сложностями интеграции РФ в мировую финансовую систему, рост импорта при снижении эффективности сырьевого экспорта, что чревато бюджетным и финансовым кризисом, которые будут развиваться на фоне нарастающего дефицита трудовых ресурсов (на этот же период могут прийти пики технологической модернизации в инфраструктурных отраслях, а также износа объектов жилищно-коммунального хозяйства);

– **2015-2017 годы** – реализация долгосрочных стратегических угроз в сфере управления, демографии и здоровья населения, технологий и регионализации страны. В это же время ожидается исчерпание рентабельных эксплуатируемых запасов природных ресурсов – нефти и цветных металлов в стране. Серьезной проблемой может стать формирование территориального «пояса бедности», включая старопромышленные и депрессивные регионы.

При растущих глобальных геополитических и экономических рисках, действие которых может существенно затормозить решение долгосрочных системных проблем, стоящих перед российской экономикой, крайне актуальным представляется выбор экономических механизмов и подходов, которые обеспечили бы устойчивый рост, минимизируя внешние риски. Для этого необходимо следующее.

³ Белоусов А.Р. Долгосрочные тренды российской экономики. Сценарии экономического развития России до 2020 года. М., 2005.

1) Формирование и последовательная реализация структурной политики, которая должна отвечать новым конкурентным вызовам глобальной экономики и включать:

- экономические подходы, основанные на принципах развития передовых технологий и «экономики знаний», создающие условия для долгосрочного, устойчивого экономического развития и роста и уменьшающие зависимость от мировой конъюнктуры;

- внутренние «точки опоры», составляющие основу экономического роста и стимулирующие спрос, необходимый уровень инвестиций и адекватный масштаб и структуру производства, что в свою очередь должно опираться на емкую и прочную финансовую основу, где внешние источники финансирования постепенно вытеснялись бы внутренними финансовыми ресурсами на основе скоординированной денежно-кредитной и финансовой политики;

- формирование долгосрочных финансовых ресурсов для осуществления прогрессивных структурных преобразований в экономике и реализация инновационных проектов. Целесообразно использование механизмов формирования длинных денег при имеющемся денежном предложении (как это имеет место в развитых экономиках), что по сути означает «длинный кредит» в экономике. Это позволяет, во-первых, осуществлять первичное поступление ликвидности в экономику с учетом приоритетов экономической политики, более тесно увязывая денежно-кредитную и структурную политику, а во-вторых, обеспечивает поступление длинных ресурсов в экономику;

- либерализация российской экономики. Осуществляемые меры по валютной либерализации должны сопровождаться разработкой механизмов и рычагов «чрезвычайного» характера, которые можно было бы быстро привести в действие при наступлении кризисных событий. Важно и использование рычагов валютного регулирования, чтобы формирующаяся финансовая стабильность не была подорвана спекулятивными операциями или колебаниями мировой конъюнктуры.

2) Формирование региональных модулей национальной инновационной системы. Национальная инновационная система (НИС) Российской Федерации в качестве неперемного условия своего развития предполагает создание на территории страны зон инновационного развития, в которых концентрируются мобильные высококвалифицированные кадры, для нормальной жизни и работы которых должна быть создана комфортная среда. К тому же, ключевым фактором развития НИС становится доступность рынков информации и финансов, а потому – плотность контактов, коммуникационная близость центров принятия решений. Таким образом, развитие российской НИС должно осуществляться на базе региональных модулей, что требует федерального вмешательства в региональное развитие, в том числе необходима:

- разработка и реализация программ развития закрытых территориальных образований, их эффективной интеграции в экономическую и социальную жизнь территорий, в которых они расположены с уровнем бюджетной обеспеченности населения не ниже достигнутого в 2005 году;

- государственная поддержка наукоградов, число которых достигло в Российской Федерации семи, а также размещение по территории России центров трансферта технологий;

- определение мест размещения в регионах Российской Федерации высших учебных заведений, выполняющих функцию исследовательских университетов, проводящих фундаментальные исследования по приоритетным для государства направлениям развития науки и технологий и обеспечивающим интеграцию научной и образовательной деятельности. Данные образовательные учреждения («системообразующие» и «общенациональные» университеты) должны размещаться в первую очередь в регионах, выполняющих функцию опорных («локомотивов роста») для России и оказывающих наибольшее мультипликативное влияние на другие регионы;

- определение параметров федеральной поддержки региональных программ по созданию своих модулей НИС (развитие производственно-технологической инфраструктуры инновационной деятельности – технопарков, инновационно-технологических центров, бизнес-инкубаторов);

• создание на территории Российской Федерации особых экономических зон (технично-внедренческих и промышленно-производственных) и реализация программы по их правовому выделению и инфраструктурному обустройству.

3) Поддержка и развитие конкурентоспособных экономических (территориальных производственных) кластеров. Высокая конкурентоспособность территории держится на сильных позициях отдельных кластеров, которые представляют собой сообщество сконцентрированных по географическому принципу фирм, тесно связанных отраслей, взаимно способствующих росту конкурентоспособности друг друга и усилению конкурентных позиций на глобальном рынке.

В настоящее время, исходя из структуры российского экспорта, производственных кластеров, конкурентоспособных в глобальном масштабе, практически нет. Причина этого кроется, во-первых, в том, что в ходе индустриализации создавались экономические регионы, рассчитанные на развитие масштабного массового производства и имеющие централизованную организацию; во-вторых, крупные вертикально-интегрированные компании в постсоветский период поглотили большую часть данного производства, что повлияло на производственно-территориальную организацию российских регионов.

Стимулирование возникновения экономических кластеров должно относиться к числу приоритетов государственной политики регионального развития. Территориальные производственные кластеры должны стать формой интеграции и поддержки малого и среднего бизнеса. Традиционные макроэкономические и отраслевые подходы к развитию малого и среднего бизнеса необходимо дополнить региональным, выражающимся в формировании территориальных производственных кластеров.

Таким образом, в современных условиях глобализации экономики России, характеризующейся элементами неопределенности и расширением зон рискованных ситуаций, необходимо определить, ранжировать и минимизировать возможные виды рисков для обеспечения финансово-экономической безопасности российского бизнеса.

RISK – MANAGEMENT OF ECONOMIC DEVELOPMENT IN RUSSIA

L.N. BORISOGLEBSKAYA ¹⁾

S.G. EMEL'YANOV ²⁾

1) Belgorod State University

e-mail: boris_gleb@bsu.edu.ru

2) Kursk State Technical University

e-mail: esg@kstu.kursk.ru

The risk-management of Russian economic development both at regional and government levels has been one of the most vital issues in the context of theoretical researches and practical work.

In this work the economic mechanisms and approaches have been examined, ensuring the stable economic growth, minimizing the risks and taking the state regional policy into account.

The key words: risk-management, human capital, integration, diversification, liberalization, technical gap.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Н.В. ПАНКОВА

Управление федерального имущества и развития материально-технической базы Федерального агентства по образованию

В статье уделяется внимание проблемам формирования единого образовательного пространства Российской Федерации; обеспечения непрерывности и повышения качества образования на основе современных образовательных технологий. При этом рассматривается комплекс единых законодательных требований к функционированию образовательных учреждений, а также возможности многоаспектного партнерского взаимодействия.

Ключевые слова: сфера профессионального образования, качество образовательных услуг, рынок труда, образовательные стандарты, реформирование системы образования.

В ближайшем будущем основным сдерживающим моментом как промышленного, так и в целом экономического роста может стать дефицит трудовых ресурсов, а в настоящее время ощущаемый в сфере производства. Поэтому от структуры и качества производимого системой профессионального образования трудового капитала зависит конкурентоспособность предприятий, а также конкурентоспособность и развитие экономики России в целом.

Профессиональное образование, прежде всего, должно быть направлено на удовлетворение потребности экономики в кадровом потенциале, а также на удовлетворение потребностей населения в образовательных услугах. В последнее время развитие и функционирование системы образования, а также качество образовательных услуг этой сферы вызывает серьезные нарекания работодателей.

Существующая система профессионального образования не смягчает, а наоборот, все больше увеличивает дисбаланс спроса и предложения рабочей силы, поскольку объемы, структура и качество подготовки кадров все больше ориентируются не на реальные потребности, не на происходящие изменения в структуре спроса на профессии и специальности регионального рынка труда, а на сформированные неверным образом потребности населения в образовательных услугах¹.

Вместе с тем в настоящее время в России не существует обоснованной программы реформирования сферы образования. Основные реформы охватывают лишь некоторые составляющие сферы образования и не представляют собой единую модель. Некоторые из инициатив государственных органов по реформированию не подтверждены соответствующими механизмами реализации.

Кроме того, не является профессиональной структура подготовки специалистов, нет прогноза потребности в кадрах. Наряду отсутствием единого образовательного пространства, единых профессиональных и образовательных стандартов, единых образовательных программ, а также не существует системы подтверждения квалификации. По мнению автора, логично выделить в процессе реформирования системы образования три блока:

- стратегический, направленный на определение основных принципов предназначения и развития системы образования;
- практический, направленный на разработку основных принципов функционирования системы образования;
- стабилизационный, направленный на сохранение и предотвращение распада существующей системы образования.

Стратегический блок. Основной задачей при реализации этого блока является создание национальной образовательной доктрины образования. В качестве основных целей национальной доктрины образования предлагаем определить:

- интересы, права и обязанности российских граждан, образовательных учреж-

¹ Материалы Российского общественного Совета по развитию образования (РОСПО). www.rosro.ru.

дений, бизнес-сообщества и государства в сфере образования;

- цели, задачи и стратегические направления развития образования в РФ, содержание деятельности и средств по их реализации;
- модели взаимодействия государства, бизнес-сообщества, общества и учебных учреждений в сфере образования.

Доктрина образования Российской Федерации должна основываться на следующих принципах.

1. Образование является основным фактором повышения благосостояния человека, производительности и конкурентоспособности экономики страны.

2. Управление образованием должно быть направлено на обеспечение взаимодействия государства, бизнес-сообщества и общества в интересах динамичного развития экономики, повышения качества образования и учета интересов общества.

3. Необходима обоснованная и профессиональная финансовая политика государства в области образования.

4. Образование должно обеспечивать равнодоступность получения образования, преемственность процессов обучения, адаптированность образования к динамично изменяющимся условиям рынка и потребностям общества; а также формироваться с учетом необходимости адресной материальной поддержки обучающихся – особо одаренных и талантливых людей, учеников из многодетных семей.

При этом развитие образования должно формировать единое образовательное пространство РФ; базироваться на рациональных принципах предоставления государственных образовательных услуг (права и условия); обеспечивать непрерывность и качество образования в течение всей жизни граждан РФ; основываться на современных образовательных технологиях. Для этого требуются разработка и соблюдение единых законодательных требований к функционированию как государственных, так и негосударственных образовательных учреждений. В результате должны удовлетворяться потребности человека в образовании; обеспечиваться равные стартовые возможности в сфере образования. Тем самым будет гарантирована подготовка новых поколений граждан к выполнению требований современного рынка трудовых ресурсов. Особое внимание нужно уделять созданию условий для обучения социально незащищенных групп населения и расширению их занятости в реальном секторе экономики.

Разработка методики составления государственных и региональных прогнозов потребности в кадрах на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу. Прогноз потребности в кадрах является основанием для двух процессов:

- формирования государственного заказа на подготовку, повышение квалификации и переподготовку кадров;
- информирования населения о прогнозируемой потребности в кадрах в разрезе профессий (специальностей) в целях формирования сознательного отношения к выбору профессии, профилю и уровню получаемого образования.

В настоящее время прогнозы потребности экономики в кадрах в целом отсутствуют. Так, например, можно ознакомиться с прогнозами потребности в кадрах на региональном уровне, но чаще всего данные прогнозы ограничиваются определением потребности для бюджетной сферы. Поэтому необходима разработка методики составления государственных и региональных прогнозов потребности в кадрах на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу с учетом потребности в кадрах реального сектора экономики. Структура формирования прогноза должна осуществляться на региональном уровне и корректироваться на государственном².

Практический блок. Основной задачей блока является создание модели функционирования образования, которая определяется:

- системой государственного заказа;
- разработкой профессиональных стандартов и квалификационных требований;
- внедрением системы тестирования профессиональных знаний, навыков и умений учащихся и их сертификации;
- системой подготовки и оценки качества преподавательского состава;

² Никипелов А.Д. Государство и рыночные институты в современной российской экономике. Доклад на Конгрессе РАСХН, 14.02.2004 г.

- созданием нормативно-правовых документов, регулирующих деятельность профессиональных учреждений;
- формированием требований к учебной документации и программам трудового обучения в общеобразовательной школе.

Система государственного заказа. Государственный заказ на подготовку, повышение квалификации и переподготовку кадров, обеспеченный бюджетным финансированием, должен являться основным инструментом государственного воздействия на управляемые процессы формирования, воспроизводства и развития кадрового потенциала. На наш взгляд, государственный заказ на подготовку кадров должен определяться прогнозом потребности в кадрах региона, сводиться и корректироваться Министерством по образованию и науке РФ с учетом предложений Министерства экономического развития и торговли РФ и Министерства финансов РФ, при участии представителей бизнес-сообщества.

Разработка профессиональных стандартов и квалификационных требований, нормативов финансирования образовательных учреждений, существующие профессиональные стандарты и квалификационные требования не в полной мере соответствуют требованиям, предъявляемым к выпускникам образовательных учреждений. Наблюдаются существенные различия между полученным образованием и требованиями, предъявляемыми к выпускникам сферой производства. Для того, чтобы ликвидировать образовавшийся пробел, необходимо переработать существующие профессиональные стандарты и квалификационные требования. С этой целью необходимо объединить существующие стандарты и требования по отраслевому признаку и выделить перечень специальностей, занятых во многих отраслях промышленности.

Профессиональные стандарты и квалификационные требования должны быть разработаны с привлечением представителей образования и науки, государственных служб, бизнес-сообщества, юристов, высококвалифицированных специалистов. Кроме того, на основе новых стандартов и квалификационных требований необходимо разработать и ввести в практику методику расчета нормативов подушевого бюджетного финансирования, что позволит достигнуть прозрачности финансирования учреждений образования. В частности, учреждения образования будут иметь равные условия бюджетного финансирования, участвовать в планировании и исполнении бюджета, что приведет к необходимой конкуренции внутри отрасли.

Необходимо внедрение системы тестирования профессиональных знаний, навыков и умений учащихся и их сертификации в целях контроля качества обучения на начальном, промежуточном и итоговом этапе обучения.

Система тестирования профессиональных знаний, навыков и умений должна быть разработана с привлечением представителей образования и науки, государственных служб, бизнес-сообщества, высококвалифицированных специалистов и осуществляться независимыми комиссиями при Министерстве образования и науки РФ, в состав которых должны входить представители отраслевых союзов работодателей. При этом на комиссии должны быть возложены обязанности проведения сертификации специалистов (независимо от уровня имеющегося образования) с выдачей документов государственного образца.

Система подготовки и оценки качества преподавательского состава. Высококачественное обучение в профессиональных учреждениях и подготовка квалифицированных специалистов могут быть осуществлены только преподавательским составом, имеющим высокий профессиональный уровень и навыки работы в соответствующих отраслях экономики. Преподавательский состав профессиональных образовательных учреждений должен пройти новую аттестацию на соответствие вышеуказанным требованиям с выдачей документа государственного образца.

С целью повышения уровня образования и профессиональных навыков преподавательского состава и равнозначного признания их уровня на всей территории России необходимо создать учебные центры повышения квалификации в различных отраслях промышленности с едиными системами и программами обучения.

В связи с введением новых стандартов и квалификационных требований необходимо внести изменения и разработать новые нормативно-правовые документы, регулирующие деятельность профессиональных учреждений. Нормативно-правовые документы

должны быть разработаны с привлечением представителей образования и науки, государственных служб, бизнес-сообщества, юристов, высококвалифицированных специалистов.

Определение требований к программам трудового обучения в общеобразовательной школе. В результате отсутствия преемственности между общеобразовательными и профессиональными программами в существующей системе образования у выпускников общеобразовательных учреждений (основного и основного (полного) общего образования) не формируется необходимая профессиональная ориентация и навыки трудовой деятельности. Учащиеся испытывают серьезные затруднения в выборе жизненного пути, соответствующего их способностям, желаниям, творческим и трудовым наклонностям.

Обучение учащихся производится на устаревшей материально-технической базе. Учебно-методическое обеспечение не соответствует запросам рынка. Преподавательские кадры не прошли соответствующей переподготовки. Ощущается также существенная нехватка квалифицированных педагогических кадров. Необходима также разработка учебно-образовательных программ, направленных на преемственность между общеобразовательными и профессиональными программами³.

Стабилизационный блок. Данный блок направлен на устойчивое развитие системы образования. Реализация данного блока должна начаться в первую очередь или параллельно с другими блоками.

В соответствии с представлениями автора, наиболее благоприятные условия для реализации непрерывного образования могут сложиться в новых образовательных структурах – интегрированных образовательных комплексах, реализующих образовательные программы разных ступеней и уровней (начального, среднего и высшего образования), позволяющих обеспечить подготовку, переподготовку и повышение квалификации специалистов.

Отличительными особенностями системы интегрированных образовательных комплексов являются:

- сопряжение уровней профессиональной подготовки в рамках единых образовательных программ;
- многоуровневость и открытость образовательного пространства;
- завершенность каждого уровня образования (получение специальности, приобретение квалификации);
- переход с одного уровня обучения на другой по результатам контроля знаний на конкурсной основе;
- многообразии форм и методов подготовки, создание и освоение новых педагогических технологий, опирающихся на современные информационные и телекоммуникационные ресурсы;
- вариативность учебного процесса;
- ориентации на развитие фундаментальных и прикладных исследований как неотъемлемой составной части подготовки специалистов университетского уровня;
- установление тесных взаимоотношений с производственными структурами и рынком труда; преемственность в изучении дисциплин профессиональных образовательных программ разного уровня.

Создание интегрированных образовательных комплексов позволит повысить качество образования всех уровней; сократить сроки подготовки специалистов; создать новую стратегию управления финансовыми и материальными ресурсами, обеспечить их оптимальное освоение, снизить себестоимость подготовки специалистов; повысить эффективность использования кадрового потенциала, в том числе кадров высшей квалификации; обеспечить возможность выбора студентами траектории профессиональной подготовки, отвечающей их возможностям; осуществить единство требований в оценке качества знаний студентов, обучающихся по программам различных уровней; оптимизировать использование научно-производственной и учебно-лабораторной баз.

Наряду с этим, сущность новой государственной политики Российской Федерации в области образования должна состоять в переходе от преимущественно отраслевого к преимущественно региональному развитию системы образования и соответственно – от отраслевого федерального управления к совместному федерально-региональному управле-

³ Федоров И. Интеграция образования и науки: ключевые аспекты // rsr-online.ru.

нию профессиональными учебными заведениями при соблюдении принципов единого образовательного пространства [1]. Таким образом, развитие образования в регионах создаст возможность многоаспектного партнерского взаимодействия федеральных и региональных структур управления с органами местного самоуправления, профессиональным педагогическим сообществом и общественными объединениями. Безусловно, реформы высшего, среднего и начального образования должны решить задачу создания единой системы, обеспечивающей непрерывность образовательных систем всех уровней на основе пакета социально-экономических, научно-технических, инновационных и образовательных программ. При этом образовательные стандарты должны соответствовать общей концепции развития образования и экономики. Приоритетным направлением ближайших лет нужно считать создание необходимых условий для сохранения и развития региональной системы подготовки профессиональных кадров, превращение образования в средство развития региональных социальных систем на основе консолидации институтов начального, среднего, высшего и послевузовского образования в рамках широкомасштабных социально-экономических преобразований и программ.

PROBLEMS OF FORMATION UNIFIED EDUCATIONAL SPACE OF RUSSIA

N.V.PANKOVA

*The assistant of the head
of department of federal
property and development
of material base of Fed-
eral agency on education*

In the article the attention to problems of formation unified educational space of Russian Federation is given; maintenance of continuity and improvement of the quality of formation on the basis of modern educational technologies. Thus the complex of the unified legislative operational requirements of educational entities, and also capability of multivariable partner interplay is esteemed.

Keywords: educational space , quality of educational, educational technologies, reformed system of educational.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ ИННОВАЦИЯМИ

Е.Д. ЩЕТИНИНА¹
Н.Ю. ПЕРВОВА²

1) Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова

2) Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, Северо-Кавказский филиал.

В статье рассмотрены подходы к организации процесса управления инновациями, например, на основе клиентоориентированных технологий, стимулирования потребительских инноваций. Они доказывают, что ориентация на потребительские инновации способна снизить затраты на инновационный процесс, сократить риски и сроки внедрения инновации. Предложены методические рекомендации по внедрению таких технологий.

Ключевые слова: потребительские инновации, инновационный процесс, метод оценки эффективности потребительских инноваций.

После эпох эффективности (50 – 60-е годы XX в.), качества (70 – 80-е годы), гибкости (80 – 90-е годы) нынешнее время можно назвать эпохой инноваций¹. Инновационная деятельность – единственно реальный способ обеспечения устойчивого конкурентного преимущества для большинства компаний, которым можно успешно пользоваться как в настоящий момент, так и в ближайшем будущем. Но, несмотря на технологические и прочие возможности, многие современные компании не могут полностью удовлетворить потребности клиентов, а значит, обеспечить себе прочные позиции на рынках.

Причина в следующем: в большинстве своем компании не осознают, что радикально изменилась сама природа конкуренции, компаниям предстоит бороться уже не за пассивные целевые рынки – им придется овладевать стратегиями активного сотрудничества с клиентами, что и станет залогом их дальнейшего успеха. Эффективное взаимодействие с клиентами подразумевает освоение методик стимулирования потребительской инновационной активности, сбора, анализа и интерпретации идей потребителей для того, чтобы оперативно воплощать наиболее перспективные идеи в инновационные продукты. Цель взаимодействия – совместное участие в инновационном процессе: потребители должны свободно обмениваться идеями с разработчиками, оперативно делиться опытом и выступать с конструктивной критикой.

Сотрудничество в области инноваций выгодно компаниям по трем причинам. Во-первых, специалистам в отделах исследований и разработок становится проще понять поведение и предпочтения клиентов. Во-вторых, заметно снижаются затраты на реализацию новых идей и совершенствование имеющихся продуктов. В-третьих, клиенты, участвовавшие в развитии продукта и вложившие в него душу, испытывают лояльное отношение к продукту и к компании в целом.

В условиях увеличивающихся затрат на каждом следующем этапе инновационного процесса на первый план выходят проблемы поиска перспективных идей их правильной оценки и эффективной реализации. Ключи к успеху нового продукта часто лежат в предварительной деятельности, предшествующей разработке, однако, к сожалению, этим ранним стадиям уделяется мало времени, усилий и внимания.

В большинстве публикаций к инновационным идеям в основном относят идеи, инициируемые технологией, которые генерируются исследованиями в области науки или технологии, либо являются результатом интуитивного открытия, которые играют важную роль, особенно в радикальных инновациях или возникновении прорывных продуктов. Данная модель получения идей и доведения их до реализации является наиболее разработанной. Но не стоит забывать и недооценивать идеи, которые генерируются самим рынком, чему способствует изучение требований неудовлетворенных покупателей и

¹ Гордон Ян.Х. Маркетинг партнерских отношений. СПб., 2001.

прямых заявок потребителей. Таким образом, важной гранью успешной программы разработки новых продуктов является создание определенной системы генерирования идей.

Именно на этом этапе становится актуальным вопрос о внедрении клиентоориентированных информационных технологий, таких как CRM-система, контакт-центр, Интернет-сайты и пр. Если концептуально учет пожеланий потребителей в повседневной работе предприятия или использование знаний корпоративных потребителей не вызывает затруднений, то их практическая реализация в рамках инновационного процесса оказывается непростой задачей.

Изучение потребностей потребителей или опыта работы других организаций с последующим использованием приобретенных знаний на собственном предприятии заключается в извлечении неявного знания, присутствующего в среде потребителей или других предприятий и его перевод в явную выраженную в конкретной идее форму. Это явное знание может быть преобразовано в инновацию.

Отсутствие четкого понимания сущности этого процесса и сопряженных с ним трудностей служит причиной многих неудачных попыток перенесения опыта и идей потребителей и других предприятий на новую почву и преобразование их в инновации.

Рассматривая специфику потребительских инноваций, основной идеей которых является непосредственное привлечение потребителей к инновационной деятельности, выделим новые компоненты инновационного процесса необходимые для реализации данного подхода:

1) CRM-стратегия, в рамках которой выделяют «инновационный CRM» который отвечает за сбор, отсев, систематизацию и т.д. потребительских идей для воплощения их в инновации (рис.1);

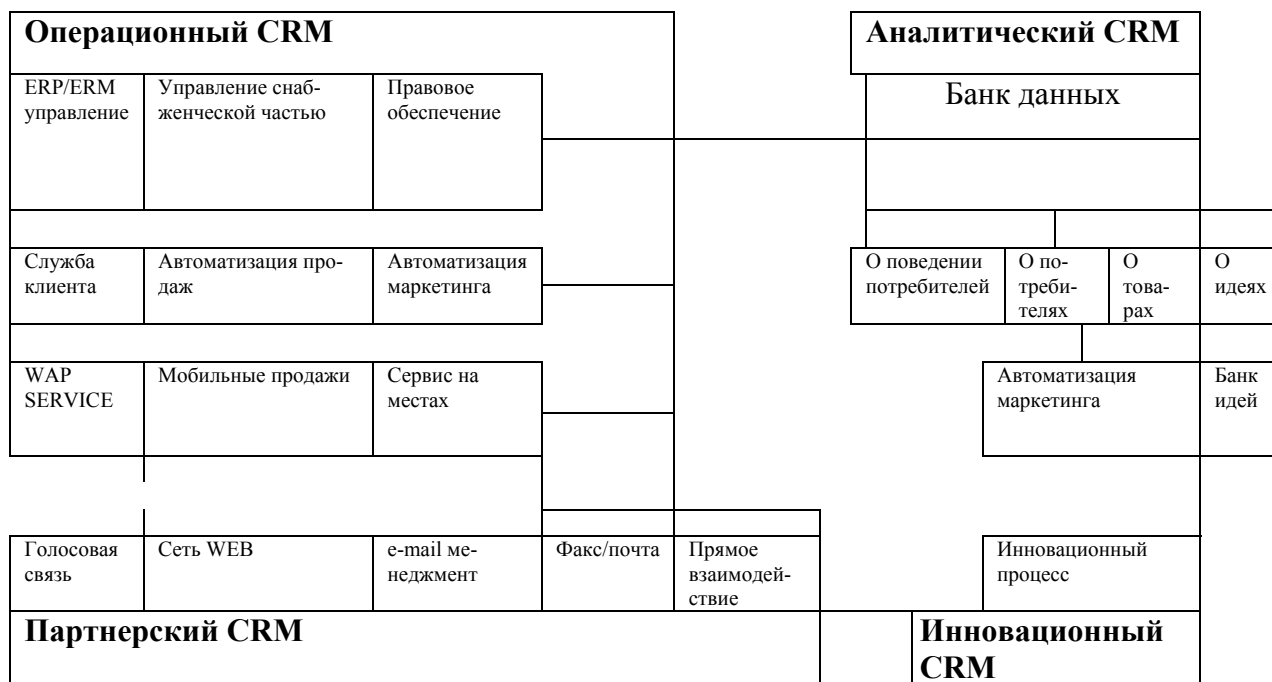

Рис.1. Инфраструктура потенциала CRM в управлении потребительскими инновациями

2) Интерактивные коммуникации с потребителем. В этом случае наиболее перспективным каналом следует рассматривать сеть Интернет, которая обеспечивает нелинейную коммуникацию. В этом случае осуществляется обмен информацией, а также двусторонняя коммуникация между компанией и ее аудиторией в различных контекстах на основе моделей «один на один» и «многие со многими».² Интернет с успехом может быть использован для стимулирования инновационной активности потребителей и изучения

² Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов и их отбору для финансирования, утверждены Госстроем России, Министерством экономики РФ, Министерством финансов РФ и Госкомпромом РФ № 7-12/47 от 31 марта 1994 г.

их отношения к новым продуктам на всех уровнях: от идеи продукта до продукта с подкреплением.

Актуальность анализа инновационного процесса с учетом рассматриваемых компонентов не вызывает сомнения, так как в рамках информационной экономики невнимательное отношение к потребителям, исключение Интернет-технологий приводит к тому, что большинство выводимых на рынок инноваций не имеют коммерческого успеха, что подтверждается имеющейся статистикой.

Помимо решения задач по получению инновационных идей, их отбора, тестирования, само по себе использование потребительских инноваций является хорошей маркетинговой уловкой. Когда именно эмоциональная составляющая продукта играет одну из решающих ролей в определении его успеха на рынке, что проявляется в применении технологий брейдинга? Использование потребительских инноваций позволяет установить эмоциональные связи между производителями и потребителями, в конечном итоге, влияя на лояльность последних.

Такая точка зрения на инновационный процесс требует иных подходов к оценке эффективности реализуемых инноваций. Для измерения эффективности инноваций существуют различные системы показателей, тесно взаимосвязанных между собой. Различия в целях, которые решают хозяйствующие субъекты, проявляются и в разных критериях, лежащих в основе инвестиционных решений и методах оценки экономической эффективности инвестиций в инновации.

В настоящее время приняты следующие основные показатели эффективности инновационного проекта (Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов и их отбору для финансирования, утверждены Госстроем России, Министерством экономики РФ, Министерством финансов РФ и Госкомпромом РФ № 7-12/47 от 31 марта 1994 г.):

- коммерческая (финансовая) эффективность, которая учитывает финансовые последствия осуществления проекта для его непосредственных участников;
- бюджетная эффективность, устанавливающая финансовые последствия реализации проекта для федерального, регионального или местного бюджетов;
- народнохозяйственная экономическая эффективность, которая учитывает затраты и результаты в связи с осуществлением проекта, выходящие за пределы финансовых интересов участников инвестиционного проекта и допускающие стоимостное измерение (используется для оценки крупномасштабных проектов, существенно затрагивающих интересы города, региона или всей России).

Помимо перечисленных критериев, считаем целесообразным использование еще одного критерия – потребительская эффективность, характеризующая степень востребованности инновации потребителем. Может создаться впечатление, что данный критерий является излишним ввиду того, что востребованность инновации рынком выражается в итоге в финансовых результатах реализации инновационного проекта. Однако, потребительская эффективность во многих случаях лежит за горизонтами финансового планирования, выражаясь в лояльности потребителя к компании и ее брендам. Иными словами, проект, экономически эффективный в среднесрочной перспективе (обычный горизонт финансового прогнозирования), может иметь низкую потребительскую эффективность в долгосрочной перспективе. Следовательно, предлагаемый критерий заслуживает отдельного внимательного рассмотрения.

Предлагаемая методика оценки эффективности потребительских инноваций основана на общепринятых подходах к оценке эффективности инновационных проектов, использование которых позволит конкретизировать основные эффекты реализации инновации. Тем не менее, с учетом специфики предмета исследования особое внимание будет уделено ценности достигнутых инновационных результатов для потребителей, что выражается в потребительской эффективности реализуемой через повышение уровня лояльности потребителей.

Потребительская лояльность имеет экономическую основу, что подтверждается исследованиями в этой области³. Поскольку лояльность оказывает весомое влияние на рост доходности компании, необходимость измерения и управления данным показателем имеет здравый смысл.

³ Дженнифер Р. Просто еще один канал? Маркетинговые коммуникации в электронном бизнесе// Маркетинговые коммуникации. 2006. №04 (34). С.244-257.

Предлагаемая методика измерения лояльности и ее влияния на динамику доходов предприятия основывается на методике Федерика Ф. Райчхельда – «остаточного индекса промоутера», и методике моделирования структурных уравнений (МСУ).

Основываясь на исследовании «остаточного индекса промоутера», можно определить динамику изменения лояльности потребителей до и после использования потребительских инноваций, данная методика очень проста в применении, поэтому с успехом может применяться на практике.

Связать проведенные исследования лояльности с реализацией потребительских инноваций можно, используя метод МСУ, что позволит изучить несколько отношений зависимости одновременно. Отличительная особенность МСУ – использование скрытых или ненаблюдаемых переменных. Скрытая переменная – это концепция или конструктив, которую нельзя измерить непосредственно, но которую можно оценить с помощью одного или нескольких показателей или наблюдаемых переменных. В данном случае скрытыми переменными будут являться: потребительские инновации, удовлетворение, лояльность потребителей и эффективность. Наблюдаемые факторы представим через x и y , используя в качестве измеряемых:

- показатели x – полезности, издержки в пользовании, новые выгоды, частота жалоб, число возвратов, оценка удовлетворения (средняя);
- показатели y – число обращений, доля расходов, длительность лояльного поведения (лет), прибыль на инновацию, увеличение выручки, доля рынка, процент успеха нового товара и т.д.

Перечень наблюдаемых факторов может быть определен в зависимости от специфики рассматриваемой инновации. Выстраиваемые в данном случае зависимости представлены на рис. 2. Методология МСУ реализована в различных компьютерных программах, таких как STATA, AMOS и т.д., что облегчает возможности использования этого метода.

Многие организации располагают эмпирическими данными, подтверждающими наличие связи между элементами модели лояльности потребителей и доходностью компании, но лишь немногие смогли изучить эту связь досконально. Каждая организация применяет в исследованиях свою методологию, используя разные объемы выборок и методы статистического анализа. Поэтому получаемые результаты не всегда сопоставимы. Вместе с тем, они дают похожие выводы о взаимосвязи удовлетворенности эмоциональной, потребительской ценности, лояльности с финансовыми показателями этих компаний. Представленная методика дает возможность проследить эффективность потребительских инноваций, имеющих в основе эмоциональную составляющую, влияющих на лояльность и финансовые результаты деятельности компаний.

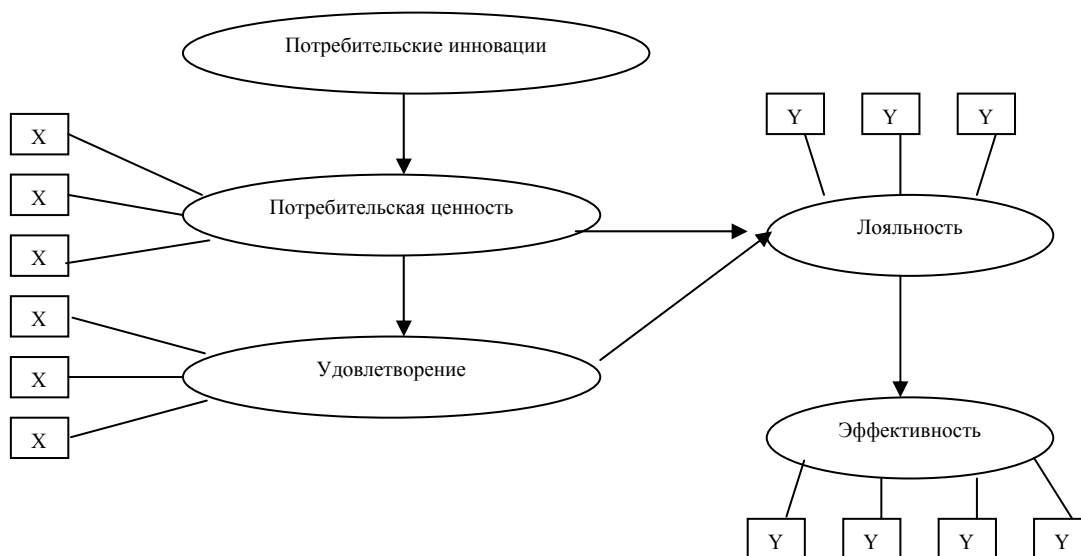

Рис.2. Оценка эффективности потребительских инноваций с помощью МСУ

Очевидно, что не все компании располагают возможностями по внедрению подобных решений, сложные современные технологии не всегда позволяют осуществлять вме-

шательство со стороны потребителей, но это не исключает возможность использовать потребительские инновационные решения, касающиеся только отдельных свойств товаров или услуг.

В итоге можно сделать вывод, что потребительские инновации позволяют взглянуть на вопросы инновационной деятельности, коммуникаций, маркетинга в другой плоскости, что позволит компаниям в условиях все обостряющейся конкуренции добиться успеха.

NEW APPROACHES TO THE MANAGEMENT OF INNOVATIONS

E.D. SCHETININA¹⁾
N.J. PERVOVA²⁾

1) Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov

2) Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov

The approaches to the organization of the process of management of innovations are examined in the article, for example, on the basis of the technologies oriented on the client, the stimulation of the customer innovations. They prove that the orientation on the customer innovations is able to reduce the costs of the innovation process, to cut down risks and the time constraints of the introduction of the innovation. The methodic recommendations to the introduction of such technologies are suggested.

Key words: customer innovations, innovation process, method of assessment of efficiency of customer innovation.

СИСТЕМА ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

К.В. ПАВЛОВ¹⁾
С.В. КОЧЕТКОВ²⁾
О.В. КОЧЕТКОВА³⁾

¹⁾Белгородский государственный университет

²⁾Белгородский государственный университет

³⁾Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова

В установившейся экономике обеспечение устойчивого инновационного развития предприятия возможно при использовании системы показателей регулирования инновационного потенциала. Реализация теоретических выводов и практических рекомендаций по формированию и использованию указанной системы показателей позволит выявить резервы инновационного развития предприятия и определить направления их реализации. Также, предложенная система показателей является одним из элементов комплексной методики оценки инновационного потенциала и позволит определить целесообразность и уровень его использования на предприятии.

Ключевые слова: инновационный потенциал, структура инновационного потенциала промышленного предприятия, показатели регулирования, уровень и эффективность использования, методика оценки инновационного потенциала предприятия, резерв инновационного развития.

В установившейся экономике для повышения эффективности вовлечения новых технологий в хозяйственный оборот необходима разработка методологии инновационного развития предприятий. Решение этой задачи видится в формировании и использовании инновационного потенциала промышленных предприятий. Необходимость инновационного развития предприятий предъявляет новые требования к содержанию, организации, формам и методам управленческой деятельности. Это объективно требует теоретического анализа сущности и тенденций развития инновационного потенциала, выяснения противоречий, негативно сказывающихся не только на экономических результатах непосредственных производителей инновационного продукта, но и на скорости инновационных преобразований.

В этой связи регулирование инновационного потенциала промышленных предприятий предполагает учет таких основных особенностей, как:

- усложнение содержания, структуры и динамики ресурсной базы инновационного развития;
- расширение вариантов использования ресурсов для достижения целей инновационного развития;
- повышение роли вероятностных факторов, связанных с определением направления использования ресурсов инновационного потенциала;
- возрастающее значение интенсификации использования инновационных ресурсов и достижений научно-технического прогресса для обеспечения устойчивого экономического роста.

Главной слабостью советской парадигмы исследования инновационного развития предприятий, коренившейся в характере экономической системы СССР, было полное игнорирование проблемы конкурентоспособности. Можно было вести речь «о соревновании двух систем», на практическом уровне ставились вопросы конкурентоспособности экспортируемой из СССР продукции, но понятие конкурентоспособности предприятия не могло возникнуть в рамках плановой системы хозяйства, так как советские предприятия никогда не являлись автономными самофинансирующимися хозяйственными системами. Другой, более частной слабостью инновационных исследований советского периода было игнорирование процессов распространения инноваций¹.

Начиная с 1992 г., в исследовании инновационных процессов на отечественных промышленных предприятиях сложилась качественно новая ситуация.

¹ Гурков И.Б. Инновационное развитие и конкурентоспособность. Очерки развития российских предприятий. М., 2003. 236 с.

Во-первых, сам состав инновационных процессов принципиально изменился. С распадом централизованной системы планирования исчезла проблематика директивных показателей деятельности предприятий; проблемы организационных структур и стимулирования труда временно отошли на второй план. Одновременно возникли три принципиально новые сферы инноваций – маркетинг, финансы, преобразования собственности и системы руководства предприятиями².

Во-вторых, активизировалась проблема конкурентоспособности предприятия, превратившись в проблему выживания в принципиально новой, конкурентной среде. Восстановление конкурентоспособности превратилось в задачу комплексной организационной трансформации предприятий³.

Все перечисленные факторы отложили свой отпечаток на тематику, формы и методы исследований инновационного развития и конкурентоспособности отечественных предприятий в последнее время.

В современной экономической литературе выделяют три периода, различающиеся по тематике, формам и задачам исследований. Первый период можно обозначить с 1992-1994 гг., второй – 1995-1998 гг. и, наконец, третий период начался после кризиса в августе 1998 г. и продолжается по настоящее время⁴.

В 1992-1994 гг. грандиозный процесс трансформации системы управления постсоветской экономики привлекал внимание многочисленных зарубежных специалистов, не интересовавшихся до той поры Россией⁵. С другой стороны, многочисленные российские исследователи начали стремительное освоение новых концепций, парадигм и инструментария исследования в условиях рыночной экономики. Одновременно российскими исследователями предпринимаются попытки теоретического осмысления собственно инновационного процесса и инновационного потенциала в принципиально новых условиях хозяйствования.

Период 1995-1998 гг. характеризуется обособлением исследований проблем инновационного развития от общей проблематики изучения изменений в поведении предприятий. Это объясняется, прежде всего, в том, что к 1995-1996 гг. произошло базовое освоение основных методов и условий функционирования промышленных предприятий в рыночной среде. Соответственно, в этот период разрабатываются методологические проблемы изучения инноваций, возникает представление об инновациях не как о цели, а как о средстве развития предприятия.

Начиная с конца 1998-го – начала 1999 гг. наступил период институционализации исследований инновационного развития. Начавшийся экономический рост позволил говорить об инновациях как об одном из факторов, его обуславливающих.

По результатам краткого обзора отечественной и зарубежной теории и практики исследований инновационного развития промышленных предприятий, сделаем следующие выводы:

- российская исследовательская практика, опираясь во многом на «заделы» советского периода, добилась за последнее время значительных успехов в описании особенностей инновационного поведения отечественных предприятий;
- подробно описаны на качественном уровне базовые организационные инновации, осуществлявшиеся на промышленных предприятиях в 90-е гг. прошлого века, выявлены определенные приемы организации инновационной деятельности;
- помимо собственно организационных инноваций был описан ряд «инновационных позиций» отечественных промышленных предприятий, прослежены взаимосвязи между этими позициями и институциональным окружением предприятий;
- был предпринят ряд довольно успешных попыток описать социальный механизм управленческих инноваций, распределение внутренних ролей при их осуществлении.

² Гурков И.Б. Инновационное развитие и конкурентоспособность. Очерки развития российских предприятий. М., 2003. 236 с.

³ Doz Y., Thanheiser H. Regaining Competitiveness: A process of Organizational Renewal, in J. Hendry and G. Johnson (eds.): Strategic Thinking: Leadership and the Management of Change. N.-Y.: John Wiley & Sons, 1993.

⁴ См.: Гурков ...

⁵ См.: Doz ...

В то же время, отметим, что по-прежнему в работах, посвященных инновационному развитию отечественных промышленных предприятий, нет четкого представления о структуре и уровне использования инновационного потенциала, что, как нам представляется, и определяет специфическую задачу дальнейших исследований.

В этих условиях нам представляется целесообразным исследование самого понятия «инновационный потенциал», его сущности, структуры, специфики.

Это также объясняется тем, что в настоящее время еще недостаточное внимание уделяется исследованию потенциала предприятия, но оно важно, потому что экономический потенциал общества характеризует лишь общее состояние, общие закономерности развития, не раскрывая при этом сущность процессов, протекающих непосредственно на уровне предприятия⁶.

Для построения прогнозов, составления планов, принятия эффективных решений необходимо располагать объективной информацией о возможностях предприятия в достижении определенных целей в различных направлениях деятельности. Наиболее важным является обладание совокупной, интегральной оценкой, которая включала бы все возможности и учитывала бы все ограничения.

Потенциал – степень мощности в каком-либо отношении, совокупность всех средств и возможностей, необходимых для чего-либо⁷. Понятие «потенциал» введено в практику исследования как попытка определить верхнюю границу возможностей при благоприятных условиях функционирования. Любое предприятие обладает определенным их количеством, однако понятие «потенциал» имеет смысл и определенность, когда четко указано, какие возможности имеются в виду. Они проявляются и могут быть оценены только в конкретных условиях функционирования предприятия и, следовательно, потенциал – это относительная характеристика. При выявлении потенциала предприятия необходимо учитывать, что любая деятельность ограничена пределами, определяемыми возможностями функционирования.

В последнее время это понятие находит все большее распространение, появляются самостоятельные исследования, посвященные анализу различных аспектов этой дефиниции. Сравнительно недавно понятие «инновационный потенциал» стало рассматриваться как самостоятельная экономическая категория. В то же время, нет единого представления о том, какая экономическая сфера фиксируется в данном понятии. Анализ экономических аспектов понятия «инновационный потенциал» выявляет широкий спектр методов его изучения⁸.

К рассмотрению сущности инновационного потенциала следует подходить как к экономической категории, являющейся иерархически организованной системой отношений, находящихся в разной степени приближения к сущности потенциала. При этом раскрывается совокупность не одноуровневых, а логически вытекающих, субординированных и скоординированных относительно друг друга категорий, отражающих определенные экономические отношения, что в итоге характеризует многоуровневую сущность инновационного потенциала. Иными словами, изучению подлежит цепочка «исследование – производство – практическая реализация». Потенциал каждого из звеньев этой системы способен достигнуть максимальной эффективности не сам по себе, а лишь в тесном взаимодействии с потенциалами других звеньев.

В аспекте вышеизложенного можно считать, что инновационный потенциал определяется готовностью и способностью предприятия к использованию инновационных возможностей, реализация которых позволяет обеспечить планомерное и поступательное развитие предприятия посредством целенаправленного преобразования инновации в конечный результат использования инновационного потенциала – ее реализацию. Именно инновационные возможности составляют основное содержание инновационного потен-

⁶ Управление инновациями : в 3 кн. : учеб. пособие / А.А. Харин, И.Л. Коленский; под ред. Ю.В. Шленова. – М., 2003. Кн. 1. Основы организации инновационных процессов

⁷ Бухонова С.В., Куропаткина Л.С. К вопросу об экономическом содержании категории инновационного потенциала // Экономические проблемы вступления России в ВТО : материалы междунар. практ. конф. Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. С. 16-19.

⁸ Ресурсы инноваций: организационный, финансовый, административный: учеб. пособие для вузов / под ред. проф. И.П. Николаевой. М., 2003.

циала. Как нам представляется, источники инновационных возможностей заключаются, прежде всего, в различного рода изменениях.

Нам же представляется важным в этой связи то, что выявление потребностей в инновационном развитии и поиск возможных путей их удовлетворения позволяют инновационный потенциал предприятия определить как совокупную способность имеющихся в наличии у него инновационных ресурсов достигать поставленных инновационных целей с учетом его структуры:

– кадровый потенциал (выявляются потребности в инновационном развитии и определяются возможности их удовлетворения, т.е. выбор производства и реализации тех или иных инноваций). С использованием кадрового потенциала предприятия связаны затраты: на анализ и прогнозирование предпочтений потребителей, продуктовых и технологических инноваций, отбор идей, выполнение фундаментальных и прикладных научных исследований непосредственно на предприятии, оплату услуг по НИОКР сторонним предприятиям и организациям, оплату труда;

– производственный потенциал (определяется возможность производства тех или иных инноваций и уровень их внедрения, т.е. предприятия решают вопрос производства инноваций или приобретения их со стороны. Уровень внедрения характеризуется оценкой показателей использования производственного потенциала). Формирование и использование производственного потенциала осуществляется исходя из затрат на: приобретение или аренду опытного оборудования, расходные материалы, создание опытных образцов, создание или приобретение технологических линий и прочих основных производственных фондов;

– инвестиционный потенциал (определяется возможность реализации тех или иных инноваций, а также делается вывод об использовании их внутри предприятия или в коммерческих целях). Стоимостное измерение инвестиционного потенциала заключается в оценке затрат на: защиту интеллектуальной собственности, стандартизацию и сертификацию производства и продукции, реализацию имеющейся и полученной инновационной продукции, планирование рекламной компании по реализации продукции, реализацию инновационной продукции или продукции, произведенной с использованием инновационной технологии.

Следовательно, все большее внимание уделяется вопросам оценки, использования инновационного потенциала и возможностям его наращивания для реализации инновационных целей предприятия.

Рассмотренные нами различные подходы к пониманию сущности и оценке категории «инновационный потенциал» выявляют недостаточную проработку некоторых аспектов, особенно касающихся вопросов подбора показателей для регулирования потенциала предприятия. Здесь необходимо выявить:

– какие конкретно возможности предприятия можно определить категорией «инновационный потенциал» и оценка каких возможностей позволяет наиболее адекватно определить мощь предприятия и учитывать ее при построении планов и прогнозов. Речь идет о выборе между оценкой реального, достигнутого уровня и максимально возможного уровня при идеальных условиях и различных перспективных уровнях в реализации конкретных инновационных целей;

– какие факторы, условия определяют конкретный уровень потенциала.

Можно говорить о совокупной способности предприятия производить товары и услуги (потенциал производства товаров и услуг), о способности определять и удовлетворять потребности в товарах и услугах, получать прибыль. В плановой экономике одной из важнейших задач является максимальная взаимная увязка ресурсов всех отраслей. В таких условиях оценка потенциала представляется в виде системы показателей, отражающих численность трудовых, материальных ресурсов, величину основных производственных и непроизводственных фондов⁹.

Современные условия хозяйствования, стремительное развитие техники и технологии, очевидно, снимают вообще вопрос о способности, возможности производить това-

⁹ Кочетков С.В. Теоретические аспекты оценки инновационного потенциала предприятия // Обеспечение прогрессивного развития хозяйственных структур в транзитивной экономике : межвуз. сб. науч. тр. : в 2 ч. Воронеж : Воронеж. кооп. ин-т БУПК, 2002. Ч. 1. С. 44-48.

ры и услуги. Ключевыми теперь являются способности определять и удовлетворять потребности, а главное, формировать потребности.

Таким образом, для регулирования инновационного потенциала предприятия необходимо рассматривать его совокупные способности формировать, определять и удовлетворять потребности рынка в товарах и услугах. Кроме того, категория «инновационный потенциал» может и должна отражать только фактический, реально достигнутый уровень способностей в сложившихся условиях.

В этой связи целесообразно применение затратного подхода к оценке инновационного потенциала предприятия, т.е. необходимо исследовать его стоимостное измерение исходя из структурных компонентов – кадрового, производственного и инвестиционного потенциалов.

Любые возможные комбинации способностей предприятия могут и должны характеризоваться исключительно категорией «возможность», т.е. способностью предприятия в достижении конкретной цели при определенной комбинации факторов экономической конъюнктуры. Наконец, существует максимальный уровень возможности предприятия, который формируется наиболее благоприятной (оптимальной) комбинацией факторов экономической и хозяйственной конъюнктуры.

В связи с этим важно подчеркнуть, что способности предприятия можно описать, как минимум, двумя категориями: потенциал и возможность. Наиболее интересным представляется рассмотрение расчетного показателя – разность между потенциалом предприятия и его возможностью. Определим его как инновационный резерв:

$$IR = IP - IV, \quad (1)$$

где IP – инновационный потенциал;
 IV – инновационная возможность.

В плановой экономике цель оптимального функционирования можно определить и как цель снижения совокупного инновационного резерва, поэтому величина потенциала стремится к его максимальной возможности.

С точки зрения государства, экономика, имеющая низкий уровень совокупного инновационного резерва, является и менее гибкой, и менее динамичной. С точки зрения предприятия, решение не представляется однозначным. С одной стороны, предприятие стремится приблизить потенциал к его максимальной возможности, тем самым снижая свой инновационный резерв, с другой стороны, отсутствие (сокращение) инновационного резерва может привести к неадекватным действиям предприятия в случае изменений в окружающей инновационной среде, т.е. в идеале предприятие должно стремиться к некоторому оптимальному уровню инновационного резерва. Таким образом, можно говорить о триединой оценке уровня способностей предприятия в достижении определенных целей: потенциал, максимальная возможность, инновационный резерв. Отдать приоритет той или иной категории трудно, так как потенциал предприятия характеризует его, скорее, с количественной стороны, а инновационный резерв является качественной оценкой.

Нами установлено, что структурными компонентами инновационного потенциала предприятия выступают кадровый, производственный и инвестиционный потенциалы. Следовательно, для регулирования формула инновационного потенциала предприятия будет иметь следующий вид:

$$IP = KP + PP + JP, \quad (2)$$

где KP , PP , JP – кадровый, производственный, инвестиционный потенциалы соответственно.

Исходя из изложенного, величина инновационного резерва будет иметь вид:

$$IR = (KP - KV) + (PP - PV) + (JP - JV), \quad (3)$$

где KV , PV , JV – кадровая, производственная, инвестиционная возможности соответственно (величина инновационного резерва предприятия определяется как сумма кадрового, производственного и инвестиционного резервов).

Далее рассмотрим такие показатели регулирования инновационного потенциала предприятия, как реальный уровень и максимально возможный уровень потенциала. Как нам представляется, реальный уровень инновационного потенциала наиболее целесообразно рассматривать следующим образом:

$$IP_R = IP_{MAX} - IP_{P_i}, \quad (4)$$

где IP_R – реальный уровень инновационного потенциала предприятия;

IP_{MAX} – максимально возможный уровень инновационного потенциала;

IP_{P_i} – потенциал реализации конкретных инновационных проектов предприятия;

i – количество инновационных проектов, достигших конкретных инновационных целей.

В свою очередь расчет максимально возможного уровня инновационного потенциала предприятия будет иметь следующий вид:

$$IP_{MAX} = IP_R + IP_{P_i}. \quad (5)$$

Как показывает практика, из общего количества разрабатываемых инновационных проектов на промышленных предприятиях не все достигают конечной цели ввиду ряда причин, среди которых, например, недостаточный уровень производственного потенциала или сделана ошибка на начальном этапе разработки проекта (использование кадрового потенциала). Также, необходимо определить уровень внедрения того или иного инновационного проекта. В этой связи, на наш взгляд, для регулирования инновационного потенциала промышленных предприятий целесообразно применение такого показателя, как коэффициент использования инновационного потенциала.

Таким образом, коэффициент использования инновационного потенциала предприятия может и должен определяться как отношение реального уровня к максимально возможному уровню инновационного потенциала и стремиться к 1. В связи с этим формула для расчета коэффициента использования инновационного потенциала будет иметь вид:

$$K_I = \frac{IP_R}{IP_{MAX}} \Rightarrow 1. \quad (6)$$

С учетом факторов реализации конкретных инновационных проектов на уровне предприятия коэффициент использования инновационного потенциала будет рассчитываться следующим образом:

$$K_I = \frac{IP_{P_1} + IP_{P_2} + \dots + IP_{P_i}}{IP_{MAX}}, \quad (7)$$

где $IP_{P_1}, IP_{P_2}, \dots, IP_{P_i}$ – потенциалы инновационных проектов предприятия, достигших поставленных инновационных целей или завершенных инновационных проектов.

Исходя из количества разрабатываемых и реализуемых инновационных проектов, рассчитывается коэффициент эффективности функционирования инновационного потенциала предприятия:

$$K_{EF} = \frac{I_P}{I_Z}, \quad (8)$$

где I_P – количество завершенных инновационных проектов предприятия;

I_Z – общее количество разрабатываемых инновационных проектов.

Совершенно очевидно, что коэффициент эффективности функционирования инновационного потенциала предприятия в идеале должен стремиться к 1.

Иными словами, коэффициент эффективности функционирования инновационного потенциала промышленных предприятий рассчитывается отношением реального

уровня инновационного потенциала к стоимостному измерению инновационных возможностей предприятия.

Рассмотренный методический подход к управлению инновационным потенциалом промышленного предприятия позволяет:

- эффективно планировать инновационную деятельность;
- целенаправленно и комплексно создавать системы управления инновационной деятельностью и процессами внедрения инноваций;
- создать функционально-уровневую модель инновационной системы предприятия, которая является одним из факторов обеспечения устойчивого развития предприятия.

Среди других факторов также следует выделить оптимальное сочетание специализации и диверсификации, концентрацию инноваций на приоритетных направлениях и непрерывном совершенствовании продукции, создание новых технологий и товаров, переход к вертикальной интеграции и сетевым структурам, объединение компаний для достижения синергетического эффекта.

Важно подчеркнуть, что представленная система показателей регулирования позволит осуществить оценку и управление инновационным потенциалом конкретной территории с учетом размещения и использования на ней природных ресурсов.

Главным выводом следует считать то, что реализация теоретических выводов и практических рекомендаций по формированию и использованию системы показателей регулирования инновационного потенциала предприятия позволит решить ключевую задачу – использовать инновации или воздержаться от них. Иными словами, указанная система показателей является одним из элементов комплексной методики оценки инновационного потенциала и позволяет определить целесообразность и уровень его использования на предприятии.

SYSTEM OF PARAMETERS OF REGULATION OF INNOVATIVE POTENTIAL OF THE ENTERPRISE

K.V. PAVLOV¹⁾
S.V. KOCHETKOV²⁾
O.V. KOCHETKOVA³⁾

¹⁾*Belgorod State University*

²⁾*Belgorod State University*

³⁾*Belgorod Shukhov State Technological University*

In the established economy maintenance of steady innovative development of the enterprise is possible at use of system of parameters of regulation of innovative potential. Realization of theoretical conclusions and practical recommendations on formation and use of the specified system of parameters will allow to reveal reserves of innovative development of the enterprise and to define directions of their realization. Also, the offered system of parameters is one of elements of a complex technique of an estimation of innovative potential and will allow defining expediency and a level of its use at the enterprise.

Keywords: innovative potential, structure of innovative potential of the industrial enterprise, parameters of regulation, a level and efficiency of use, a technique of an estimation of innovative potential of the enterprise, a reserve of innovative development.

ФОРМИРОВАНИЕ СТАТИСТИЧЕСКОЙ БАЗЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ КРЕДИТНЫХ КООПЕРАТИВОВ В РЕГИОНЕ

О.П. ОВЧИННИКОВА¹
И.В. БОЙЧЕНКО²

¹Орловская региональная академия государственной службы
e-mail: asyo@yandex.ru

²Администрация Яковлевского района Белгородской области

e-mail: yakovladm@belgtts.ru

В рамках реализации Приоритетного национального проекта «Развитие АПК» предусмотрено развитие сельской кредитной кооперации на селе. В данной статье авторы представили разработки, касающиеся создания информационной базы развития сельских кредитных кооперативов. В качестве допущения рассмотрено создание апексного (кооперативного) банка на основе Россельхозбанка и его региональных филиалов. Рассмотрено создание единого информационного центра, формирование кредитных историй пайщиков кредитных кооперативов, создание формы отчетности «Паспорт кредитного кооператива».

Ключевые слова: сельский кредитный кооператив, апексный банк, мониторинг развития сельской кредитной кооперации, ежегодный аналитический доклад, паспорт кредитного кооператива, микрофинансовая статистика.

В настоящее время существует определенный «информационный вакуум» в области осуществления деятельности сельской кредитной кооперации. Так, по словам министра сельского хозяйства А. Гордеева, «...данные о деятельности кооперативов основаны на ведомственной отчетности Минсельхоза и не охватывает весь круг предприятий, задействованных в национальном проекте. Органы государственной статистики пока не предоставляют полной информации, хотя сдвиги к лучшему уже есть: информацию о количестве и вновь созданных сельскохозяйственных потребительских кооперативах стали собирать. Но для оценки эффективности наших мероприятий необходимы сведения и о показателях деятельности кооперативов»¹.

В связи с этим Минсельхоз России предложил ввести соответствующие показатели о деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов (форму 1-ПС) и совместно с Росстатом разработать и утвердить формы статистического наблюдения за деятельностью этих кооперативов.

Однако в данной связи встает вопрос о статистической информации о деятельности сельскохозяйственных кредитных кооперативов, т.е. речь идет о необходимости создания «следающей» системы или мониторинга их деятельности.

Однако в данном случае возникает вопрос о том, что следует понимать под точным прогнозом. Представляется, что речь должна идти не о детальном вычислении траектории развития конкретного кооператива или кооперативного движения в целом, а о выявлении основных тенденций этого процесса – его градиентах.

Процесс управления включает: анализ базового состояния объекта; формулировку желаемой цели; вычисление оптимальной траектории движения к намеченной цели; постоянный пересчет и корректировку траектории по мере выявляемых отклонений. Этот процесс не нов и постоянно осуществляется во всех экономиках и на всех их уровнях – от отдельных компаний до государства в целом (когда формируется бюджет либо разрабатываются программы развития). Ключевой вопрос заключается в том, насколько полно и качественно в процессе управления отражаются основные зависимости, возникающие в ходе функционирования объекта, и насколько эффективен инструментальный расчет и корректировка траектории.

¹ Выступление министра сельского хозяйства России А. Гордеева «О реализации мер по развитию сельскохозяйственной кооперации и расширению возможностей для реализации сельхозпродукции личными подсобными и крестьянскими (фермерскими) хозяйствами». Электронный ресурс: <http://www.mcsx.ru>

Как представляется, именно такой процесс управления необходим для осуществления эффективной деятельности кредитной кооперации.

Таким образом, *мониторинг развития сельской кредитной кооперации* – это сбор данных, характеризующих состояние кредитных кооперативов I и II уровней и их заемщиков, а также прогнозируемое развитие кооперативов по выделенным параметрам. Следует отметить, что решения могут иметь как оперативный, так и концептуальный, стратегический характер.

Ключевые принципы организации мониторинга можно охарактеризовать следующим образом.

Первый принцип – система должна иметь хорошо обоснованную правовую базу в рамках всех применимых юрисдикций. Данный принцип представляется первоочередным и решающим фактором, определяющим надежность системы, так как система, не имеющая прочной правовой базы, или та, в которой правовые аспекты недопонимаются, может представлять опасность для ее участников.

Второй принцип – в системе должны быть обеспечены прозрачность и доступность общих правил и процедур сбора и анализа информации, влияющие на принятие управленческих решений.

Третий принцип тесно связан со вторым, и отличие состоит в том, что он касается правил и процедур управления рисками в системе, устанавливающих ответственность оператора системы и участников и содержащих надлежащие стимулы для управления этими рисками и их сдерживания.

Четвертый принцип определяет построение системы таким образом, чтобы она функционировала с высоким уровнем безопасности, операционной надежности (устойчивости к системным рискам), отвечающей ее целям и потребностям пользователей (органов государственной власти и субъектов хозяйствования).

Пятый принцип подчеркивает, что инструментарий, предлагаемый системой, должен быть практичным для пользователей и эффективным для экономики в целом. Система должна иметь объективные и публично объявленные критерии для участия, обеспечивающие справедливый и открытый доступ к информации и ресурсам.

Шестой принцип относится к управлению. Эффективное управление подкрепляет все остальные ключевые принципы, поскольку именно оно определяет методы принятия решений и их выполнение. Управление должно быть эффективным, подотчетным и транспарантным, независимо от того, кто владеет и управляет системой.

Целями мониторинга развития сельской кредитной кооперации являются:

- во-первых, достижение стабильного и эффективного функционирования кредитных кооперативов, в особенности сельскохозяйственных;
- **во-вторых, выявление на ранних стадиях проблемных мест в развитии и своевременное принятие мер по их предотвращению.**

Представляется, что достижение этих целей будет реализовываться следующими методами:

- сбором, систематизацией и накоплением показателей, характеризующих состояние микрофинансового рынка на уровне региона и, по возможности, Федерации в целом;
- систематическим анализом этих показателей как основой для определения проблемных ситуаций и определения тенденций развития, т.е. мониторингом показателей;
- влиянием на функционирование «игроков» на региональном и федеральном микрофинансовых пространствах путем установления формальных правил.

Показатели, применимые для характеристики состояния и развития кредитной кооперации и ее ресурсной базы, достаточно объемны. Кроме того, для реализации целей мониторинга могут использоваться различные виды справочной информации Федеральной службы государственной статистики, Минсельхоза России, Союза сельских кредитных кооперативов и т.п.

Выше указывалось, что статистика по деятельности и развитию кредитной кооперации весьма ограничена, при этом показатели представлены либо в суммовом выражении, либо в относительных величинах, зачастую не отражая реального состояния дел. Кроме того, развитие сельской кредитной кооперации не может оцениваться отдельно от развития муниципального образования и региона, где находятся рассматриваемые кооперативы. В результате невозможен комплексный анализ их развития, в том числе на основе сопоставления с аналогичными данными других регионов.

Отсутствие целенаправленности и комплексности в сборе статистической информации, действенного контроля за достоверностью статистических данных затрудняет использование имеющихся ресурсов для решения задач стратегического развития сельской кредитной кооперации. Таким образом, возникает настоятельная потребность в организации его мониторинга.

Общие требования по организации мониторинга следующие.

1. Высокая степень централизации работы по мониторингу развития сельской кредитной кооперации на всех этапах ее организации. Это выражается в том, что перечень показателей и их структурное оформление по всем направлениям мониторинга устанавливается соответствующим органом, проводящим мониторинг.

2. Строгое соблюдение централизованно установленных временных рамок выполнения каждого из этапов работы по мониторингу.

3. Идентичность базы первичной информации по отдельным блокам и внутриблочным показателям (например, по отдельным кредитным кооперативам) и централизованным данным.

4. Строгое соблюдение всех технических и организационных параметров проведения мониторинга (ежемесячные данные в разрезе определенных блоков и ежеквартальные аналитические отчеты, сводные полутодовые аналитические записки и годовой документ – «Мониторинг развития сельской кредитной кооперации»)²

Результаты мониторинга входят отдельным блоком в *ежегодный аналитический доклад* «Социально-экономическое развитие региона: состояние, тенденции, проблемы и перспективы» в соответствии с его принятой методологией и как результирующий, документально оформленный итог и системообразующий фактор его организации. В последней своей функции макет ежегодного аналитического доклада рассматривается одновременно и как потенциальная, форматизирующая структура организации аналитической обработки информации о состоянии социально-экономического развития региона и его агропромышленного комплекса. Блок, который будет включать обобщенную информацию проведенного мониторинга, может носить название «Сельская кредитная кооперация».

Одновременно ежегодный аналитический доклад как форма организации «субъектов мониторинга» предстает интерпретирующей системой и по принципу обратной связи – классообразующей системой по отношению к информации о тенденциях регионального развития.

Представляется целесообразным сформулировать основные направления совершенствования региональной статистики применительно к задачам комплексного анализа и мониторинга развития сельской кредитной кооперации.

1. Микрофинансовая статистика:

а) должна быть разработана на основе систематизации и упорядочения существующих данных;

б) должна содержать информацию в основных и относительных величинах, т.е. должна быть удобна для пользователя.

В основу разработки системы показателей должно быть положено глубокое изучение информационных потребностей территориальных органов управления в рамках тех блоков информации, которые будут подвергаться мониторингу.

2. Разработка методологии комплексного статистического анализа экономического, социального и экологического развития региона в целом и в разрезе отдельных отраслей и блоков информации в целях создания общей картины развития кредитной кооперации.

3. Организация системы изучения и анализа информационных потребностей территориальных органов управления, предприятий и организаций, а также всех заинтересованных пользователей информации данного региона.

4. Упорядочение и рационализация информационных потоков статистики на основе координации работы территориальных органов управления и органов государственной статистики, а также налоговых органов, кредитных организаций и микрофинансовых организаций. Серьезным недостатком существующих информационных фондов стати-

² Следует отметить, что мониторинг может проводиться в разрезе деятельности всех кооперативов, но задачами данного исследования определено развитие сельской кредитной кооперации, именно поэтому она и рассматривается в рамках предложенной системы мониторинга.

стики на областном уровне является их замкнутость в пределах своего региона, практически полное отсутствие горизонтальных информационных связей между областными комитетами статистики конкретного Федерального округа.

5. Совершенствование процедур сбора и обработки информации. Требование усиления аналитической работы в органах статистики обуславливает поиск новых, нетрадиционных форм организации информационных фондов статистики, а также технологий их обработки.

Подбор данных в рамках предложенного мониторинга предлагается проводить с помощью ряда показателей, отражающих деятельность кредитных кооперативов и характеристику их заемщиков.

В данной связи уместно предложить создание своеобразного бюро кредитных историй заемщиков кредитных кооперативов (по аналогии с созданными бюро кредитных историй), которое может быть создано при апексном банке. При федеральном апексном банке должен быть создан Центральный каталог кредитных историй.

Субъекты кредитных историй (физическое или юридическое лицо, которое является пайщиком/заемщиком по договору займа (кредита) и в отношении которого формируется кредитная история) и *пользователи кредитных историй* (иной кредитный кооператив, индивидуальный предприниматель, юридическое лицо или органы государственного управления, получившие письменное или иным способом документально зафиксированное согласие субъекта кредитной истории на получение кредитного отчета для заключения договора займа (кредита)) могут получить информацию из Центрального каталога кредитных историй обратившись:

1) с использованием кода (дополнительного кода) субъекта кредитной истории через Интернет-сайт Россельхозбанка;

2) без использования кода (дополнительного кода) субъекта кредитной истории через апексную кредитную организацию, кредитный кооператив или бюро кредитных историй.

Направление запроса в Центральный каталог кредитных историй может непосредственно осуществляться через интернет-сайт Россельхозбанка³.

Запрос направляется посредством заполнения формы на интернет-сайте Россельхозбанка (или федерального апексного банка) с указанием адреса электронной почты, на который будет направлен ответ из Центрального каталога и кода (дополнительного кода) субъекта, который формируется субъектом кредитной истории.

Центральный каталог кредитных историй направляет ответ только по электронной почте.

На интернет-сайте Россельхозбанка (или федерального апексного банка), кроме того, возможно:

- изменить код субъекта;
- аннулировать код субъекта;
- сформировать дополнительный код субъекта (при наличии кода субъекта).

Сформировать код кредитной истории субъект вправе при заключении договора займа (кредита).

Направление запроса в Центральный каталог кредитных историй через кредитную организацию (апексный банк).

Запрос направляется в Центральный каталог кредитных историй без использования кода (дополнительного кода) субъекта через кредитную организацию (апексный банк):

- субъектом (представителем субъекта);
- пользователем (представителем пользователя).

В целях подтверждения правомерности предоставления информации кредитная организация осуществляет идентификацию лица, запрашивающего сведения о бюро, в котором хранится кредитная история, на основании предоставленных документов. Для пользователя кредитной истории необходимо предоставить письменное согласие субъекта на получение кредитного отчета для заключения договора займа (кредита).

Также субъект (пользователь) через кредитную организацию может:

³ В качестве апексного банка может рассматриваться Россельхозбанк как наиболее близкий по своим функциям.

- изменить код субъекта;
- аннулировать код субъекта;
- сформировать код субъекта;
- сформировать дополнительный код субъекта (при наличии кода субъекта).

Сформировать код субъект кредитной истории вправе при заключении договора займа (кредита).

Методология обработки данных, полученных в результате мониторинга, позволяет обеспечить определенную степень их достоверности и предоставляет широкое информационное поле для анализа как единичного кооператива, так и любой группировки микрофинансовых организаций в зависимости от целей анализа.

Структуру документа «Мониторинг развития сельской кредитной кооперации» можно предложить в следующем виде⁴.

I. Основные тенденции развития АПК и сельских кредитных кооперативов.

II. Аналитическая записка.

III. Прогноз основных тенденций развития сельских кредитных кооперативов.

В качестве конечных пользователей следует рассматривать: органы государственного управления (исполнительные и законодательные); органы финансового и налогового контроля; территориальные управления Банка России; кредитные организации; микрофинансовые организации; кооперативы II уровня и их ассоциации; научно-исследовательские институты и высшие учебные учреждения, занимающиеся проблемами агропромышленного комплекса и кредитной кооперации; другие заинтересованные лица. Естественно, что различным категориям пользователей может быть представлен различный объем информации. Например, только аналитическая записка, в зависимости от характера заявки. Кроме того, информация должна предоставляться на платной основе.

Вместе с тем, учитывая комплексный характер оценки социально-экономического развития территории, автор считает необходимым подчеркнуть принцип использования в составляемом документе показателей, имеющих достаточно высокую информативность при различных методах их аналитической обработки. Излишняя «перегрузка» аналитических материалов экономическими показателями, которые могут быть получены при необходимости расчетным путем, приведет к осложнениям и затруднениям в сборе достоверной информации на уровне первичных пользователей и на уровне её обработки и обобщения. Наличие максимально информативных показателей послужит основой для разработки таких интегрированных банков данных, которые обеспечат создание и функционирование гибких универсальных систем статистики и аналитики.

Следует отметить также, что принципиальным отличием от Ежегодного аналитического доклада Мониторинга развития сельской кредитной кооперации является его сопоставимость с предыдущими периодами и результирующее прогнозное описание развития кредитной кооперации. Кроме того, предлагается сделать несколько уровней сложности данного документа в зависимости от уровня пользователя. Так, например, для обывателя данный документ должен нести краткую информацию о том, как развивается агропромышленный комплекс региона и сельская кредитная кооперация, прогноз их развития, а также о ценовой политике аграрной сферы и процентной политике кредитных кооперативов, их юридическом адресе и подобных сведениях, которые интересуют пользователя.

Кроме того, Мониторинг как обязательный элемент должен содержать краткую характеристику реализации ПНП «Развитие АПК» в регионе.

Информация, предоставляемая территориальным органом государственной статистики и региональным апексным банком (представляется, что сбор и обработка данных мониторинга может проводиться только в этих организациях при содействии властных структур), должна предоставляться на коммерческой основе. В зависимости от уровня сложности и подробности предоставляемой информации, плата за данные ресурсы должна быть дифференцирована.

Существование интегрированного банка данных предполагает широкое развитие компьютерной обработки базы данных о развитии сельской кредитной кооперации, ориентированной на ввод, контроль, обработку и выдачу информации.

⁴ Трушин Ю.В. Повышать роль кредитных организаций в развитии инвестиционных процессов в сфере АПК // Деньги и кредит. 2006. №6. С.25-30.

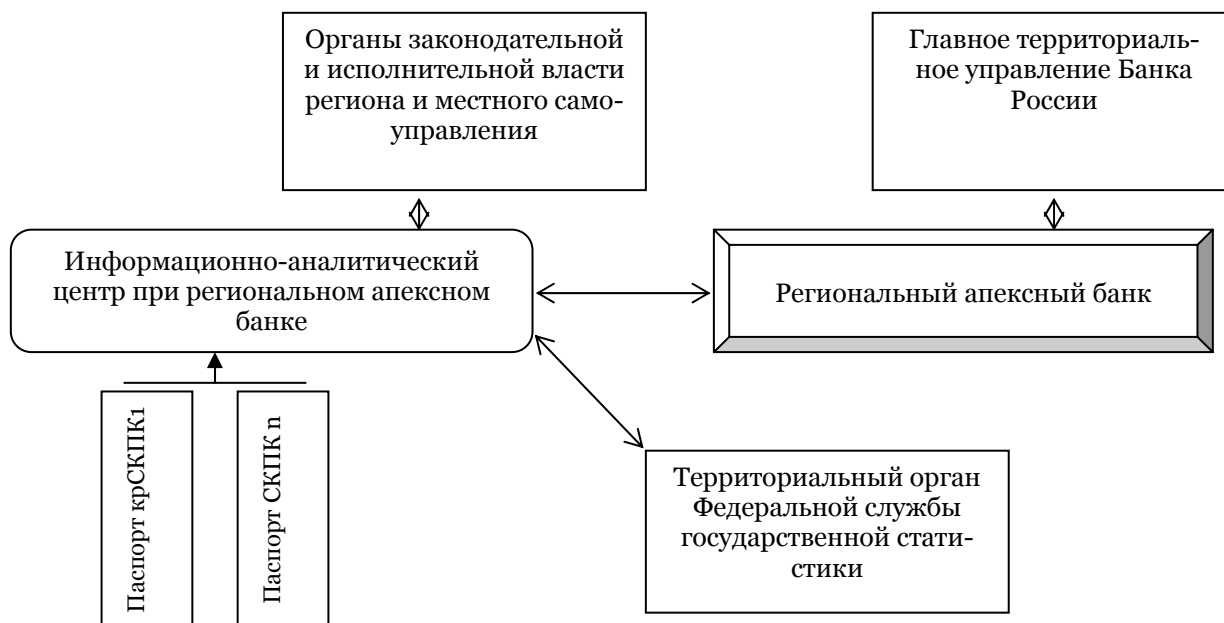

Рис. 1. Передача информации в рамках мониторинга развития сельской кредитной кооперации на уровне региона

Использование различных компьютерных программ, составленных в соответствии с интересами каждого конкретного пользователя, позволит:

- 1) увеличить объем аналитической информации с учетом потребностей пользователей;
- 2) повысить коэффициент полезного действия собираемых экономических показателей.

Интегрированный банк данных в рамках регионального апексного банка должен предусмотреть необходимость построения динамических рядов показателей с целью возможности аналитической оценки тенденций развития сельской кредитной кооперации. Создание интегрированного банка данных обеспечит информационно-аналитическую базу процессов государственного управления на региональном и муниципальном уровнях⁵.

Процесс передачи информации представлен на *рисунке по передаче информации*. Информация, которая передается кредитным кооперативом в информационно-аналитический центр при апексном банке, находится, как представляется, в специальной форме – паспорте СКПК.

Следует отметить, что сбор и аналитическая обработка подобного массива информации – весьма трудоемкий процесс, однако возможности компьютеризации в настоящее время позволяют надеяться на создание подобного Центра в рамках каждого субъекта Федерации.

Ещё один аспект, который имеет непосредственное отношение к подготовительному этапу при внедрении паспортизации сельскохозяйственных кредитных кооперативов, касается раскрытия их внутренней информации. Деятельность сельских кредитных кооперативов в настоящее время носит практически закрытый характер и сродни благотворительным организациям. Помимо заверений руководителей кредитных кооперативов и слабой рекламы, обывателю, да и юридическим лицам, практически ничего не известно об их деятельности. Однако, кредитный кооператив должен предоставлять всем субъектам рыночных отношений информацию о своем позиционировании на рынке (в разумных пределах).

Существование банка данных о деятельности кредитных кооперативов региона на основе их паспортизации предполагает широкое развитие компьютерной обработки этих информационных ресурсов, ориентированной на ввод, контроль, обработку и выдачу информации. Использование различных компьютерных программ, составленных в соответствии с интересами каждого конкретного пользователя, позволит увеличить объём ана-

⁵ См.: Климанов В.В. Региональные системы и региональное развитие в России. М., 2003.

литической информации с учётом его потребностей, а также повысить коэффициент полезного действия собираемой экономической информации.

Кроме того, создание интегрированного банка данных о финансовой деятельности кредитных кооперативов региона на основе их паспортов обеспечит информационно-аналитическую базу процессов государственного управления и планирования на региональном и федеральном уровнях.

Введение формы отчетности «Паспорт кредитного кооператива» позволит сделать мониторинг социально-экономического развития региона более информативным, так как информация о деятельности микрофинансовых институтов, в особенности на территории региона, является закрытой. Однако, для пользователей возможно раскрытие не всей информации, так как в большинстве случаев она и не нужна широкому кругу потребителей и будет являться для них «шумом», а необходима аналитическая сводка, из которой видны будут основные направления деятельности кредитного кооператива, его позиционирование на региональном рынке, участие в региональных программах, спонсорская помощь, процентные ставки и т.п. Таким образом, паспортизация кредитных кооперативов позволит им, как участникам экономического процесса, стать более открытыми и понятными для своих контрагентов.

Следует отметить, что предложения, выдвинутые в данной статье, могут быть использованы органами управления для формирования базы данных не только по сельским кредитным кооперативам, а по всем микрофинансовым организациям региона.

Очевидно, что все вышеизложенное, в конечном итоге, проецируется на управленческую функцию региональных органов власти, позволяя ей быть более эффективной, открытой и действенной.

FORMATION OF STATISTICAL BASE OF RURAL CREDIT CO-OPERATIVE'S DEVELOPMENT IN THE REGION

O.P. OVCHINNIKOVA¹
I.V. BOYCHENKO²

*¹Orlov region academy of public service
e-mail: asyo@yandex.ru*

*²Administration of Yakovlev area Belgorod region
email: yakovladm@belgtts.ru*

In the context of Priority national project "APK development" realization the rural credit co-operation's development in the country was foreseen. In this article the authors produced workings relating to informational base of rural credit co-operative's development creation. As an admission the apex (co-operative) bank creation on the base of Rosselchozbank and it's regional branches was considered. The united informational centre creation, the credit story of credit co-operative's shareholders formation, "Passport of credit co-operative" accounting form creation was considered.

Key words: rural credit co-operative, apex bank, monitoring of rural credit co-operation's development, annual analytical report, passport of credit co-operative, micro financial statistics.

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ МЕЗОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ИННОВАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

С.А.ШАНИН¹
Т.В.КЛИМОВА²

¹⁾Белгородский
государственный уни-
верситет

²⁾Белгородский
государственный
университет

В статье рассмотрена инновационная составляющая экономики регионов, определена позиция Белгородской области по показателям инновационной активности в системе ЦФО, предложены мероприятия по активизации инновационных процессов на региональном уровне.

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, инновационная активность, активизация инновационных процессов.

Развитие конкурентной инновационной модели экономического роста заключается в обеспечении систематической инновационной активности экономики по созданию, освоению и широкому распространению конкурентоспособных новых продуктов, услуг и технологических процессов как главных факторов качественного роста объемов производства, занятости, инвестиций и торгового оборота.

Национальная инновационная система рассматривается как макроуровень по отношению к региональным инновационным системам, которые представляют собой мезоуровень – среднее звено между макро- и микроуровнем – и обладают определенными особенностями. Региональная инновационная система в значительной степени связана с конкретными региональными факторами социально-экономического развития, среди которых – природно-ресурсный и научно-технологический потенциалы, специализация на определенных сферах деятельности, геоположение региона, уровень образования населения и т.д. С учетом этих особенностей формируется инновационная среда регионов, которая в дальнейшем определяет основные векторы и динамику преобразований инновационной системы макроуровня и реализует основные положения научно-технической политики.

Основным показателем инновационного развития экономики микро-, мезо-, макроуровня является, прежде всего, активность и эффективность инновационной деятельности, которая выступает как комплексная характеристика интенсивности, основанная на способности к мобилизации инновационного потенциала.

В работе рассмотрена инновационная составляющая экономики регионов и определена позиция Белгородской области по показателям инновационной активности в системе ЦФО на основе методики оценки инновационной активности и конкурентоспособности, предложенной Погодиной Т.В.¹ Ранжирование регионов ЦФО проводится с использованием следующих статистических показателей:

- 1) внутренних затрат на исследования и разработки в процентах к ВВП или ВРП (X_1);
- 2) доли занятых исследованиями и разработками в процентах к общему числу занятых (X_2);
- 3) объема инновационной продукции в процентах к ВВП или ВРП (X_3);
- 4) затрат на технологические инновации в процентах к ВВП или ВРП (X_4).

Функциональную модель рейтинга инновационной активности можно представить следующим образом: $R = 0,3X_1 + 0,2X_2 + 0,3X_3 + 0,2X_4$.

Параметры 0,2-0,3 характеризуют значимость экономико-статистических показателей и определены экспертным путем.

¹ Погодина, Т.В. Экономический анализ и оценка инновационной активности и конкурентоспособности регионов Приволжского Федерального округа / Т.В. Погодина // Региональная экономика: теория и практика. 2005. № 4. С.34-39.

Следует отметить, что современная статистика, хотя и не в полной мере отражает инновационные процессы в экономике, тем не менее позволяет осуществлять расчет соответствующих рейтингов и на их базе проводить ранжирование регионов.

Проведенные исследования показывают, что в ЦФО самое высокое значение показателя внутренних затрат на исследования и разработки в процентах к ВВП или ВРП за 1999- 2004 гг. характерно для Московской области (3,969% и 4,053% соответственно в среднем за 1999-2001гг. и 2001-2004гг.) Значительно более высокий (чем в среднем по РФ) уровень внутренних затрат на исследования и разработки в процентах к ВРП имели в последние годы также Воронежская, Калужская, Владимирская, Тверская области и г. Москва. Наиболее низкие значения уровня внутренних затрат на исследования и разработки отмечаются в Костромской и Липецкой областях. Тем не менее, во многих областях ЦФО отмечаются положительные тенденции доли внутренних затрат на исследования и разработки к ВРП, что свидетельствует о росте инновационной активности.

Лидерами по второму показателю – доли занятых исследованиями и разработками в процентах к общему числу занятых – являются г. Москва и Московская область, а также Калужская область. В среднем доля занятых инновационной деятельностью в Москве более чем в 3,5 раза выше, чем в среднем по России. В Московской области данный показатель равен 4,066% в 1999- 2001 гг., и в 2002-2004 гг. – 3,586%. Несмотря на то, что произошло некоторое снижение данного показателя, доля занятых в исследованиях и разработках в Московской области продолжает превышать среднероссийское значение. Калужская область также имеет высокое значение данного показателя (примерно в два раза выше, чем в среднем по РФ). Аутсайдером выступает Костромская область со значением доли занятых исследованиями и разработками на уровне 0,064% к общему числу занятых в 2002-2004 гг.

Значение доли инновационной продукции в общем объеме ВРП варьирует в 1999-2001 гг. от 0,579% в Смоленской области до 5,105% в Калужской области и в 2002-2004 гг. от 0,594% в Тульской области до 6,125% в Калужской области. Положительная динамика данного показателя отмечена в Брянской, Костромской, Московской, Липецкой, Тверской и других областях ЦФО.

Следует отметить, что показатель доли инновационной продукции отражает результирующую составляющую инновационного потенциала и характеризует эффективность инновационной деятельности. Так, можно иметь достаточное количество ресурсов и не иметь соответствующих результатов и, наоборот, при ограниченных ресурсах можно достичь значительных результатов. Например, Липецкая область не будучи лидером по предыдущим показателям имеет показатель доли инновационной продукции в ВРП выше, чем, скажем, г. Москва, которая лидировала по доли занятых в инновационной деятельности и по финансовой составляющей (внутренние затраты на исследования и разработки). Это позволяет еще раз сделать вывод о значительной разнице не только в потенциале регионов, но и в управлении этим потенциалом.

Анализ затрат на технологические инновации в процентах к ВРП показывает, что лидировали в 1999-2001 гг. Тульская область (1,928%), а в 2002-2004 гг. – Рязанская область (1,62%). Высокие темпы роста демонстрируют Ивановская, Костромская, Рязанская, Московская области. В Липецкой и Тамбовской областях абсолютное значение данного показателя оказалось самым низким среди регионов ЦФО.

Комплексный анализ всех четырех показателей свидетельствует, что ни одна из исследуемых областей не имела повышения значений всех показателей в 2002-2004гг. по сравнению с 1999-2001 гг. (табл.1, рис.1.). Воронежская, Калужская, Тамбовская, Московская, Рязанская, Тверская области имеют повышения по трем показателям из четырех исследуемых; Ивановская, Брянская, Костромская, Смоленская и Курская области – по двум показателям. На основании вышеназванных четырех показателей были рассчитаны рейтинги инновационной активности регионов ЦФО за 1999-2004 гг. Размах вариации значений рейтинга в 1999-2001 гг. составил 2,6575%, а в 2002-2004 гг. – 3,0126%, то есть возрос на 0,3551%. Это говорит о том, что разрыв между регионами в инновационной сфере увеличивается. Данный факт должен учитываться при реализации программ и стратегий социально-экономического развития, включая и инновационное.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999г.	2000г.	2001г.	2002г.	2003г.	2004г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872
Владимирская область	1,9819	2,1336	2,2571	2,0594	2,0363	1,9079	2,1242	2,0012
Воронежская область	1,1761	1,3867	1,2287	1,3393	1,2403	1,5385	1,2638	1,3727
Ивановская область	1,1154	0,7159	1,2185	0,6319	0,6262	0,6403	1,0166	0,6328
Калужская область	1,8541	3,8048	3,4311	3,9334	3,5835	3,1790	3,0300	3,5653
Костромская область	0,1805	0,5246	0,9851	0,3781	0,8390	1,6785	0,5634	0,9652
Курская область	1,056	1,1053	1,2242	1,0128	0,8654	0,7243	1,1285	0,8675
Липецкая область	0,4896	0,7358	0,7931	0,2151	2,4477	1,0723	0,6728	1,2450
Московская область	2,2471	3,1189	2,9889	2,9993	2,8126	3,6494	2,7850	3,1538
Орловская область	1,6963	1,0226	2,5213	1,2480	0,8626	0,9306	1,7467	1,0137
Рязанская область	0,4705	1,6151	1,5581	2,1595	1,2785	1,0950	1,2146	1,5110
Смоленская область	0,3546	0,3485	0,4144	0,4650	0,5591	0,6340	0,3725	0,5527
Тамбовская область	0,5157	0,7035	0,7491	0,9494	0,8695	1,0756	0,6561	0,9648
Тверская область	1,7378	1,1994	1,6600	1,3999	2,1698	1,5630	1,5324	1,7109
Тульская область	1,6320	1,5858	1,4822	1,1747	0,8311	1,0279	1,5667	1,0112
Ярославская область	1,8132	2,2967	2,7632	1,6872	1,7667	1,4032	2,2910	1,6190
г.Москва	1,9004	2,3978	1,9362	1,9904	1,9925	1,9422	2,0781	1,9750

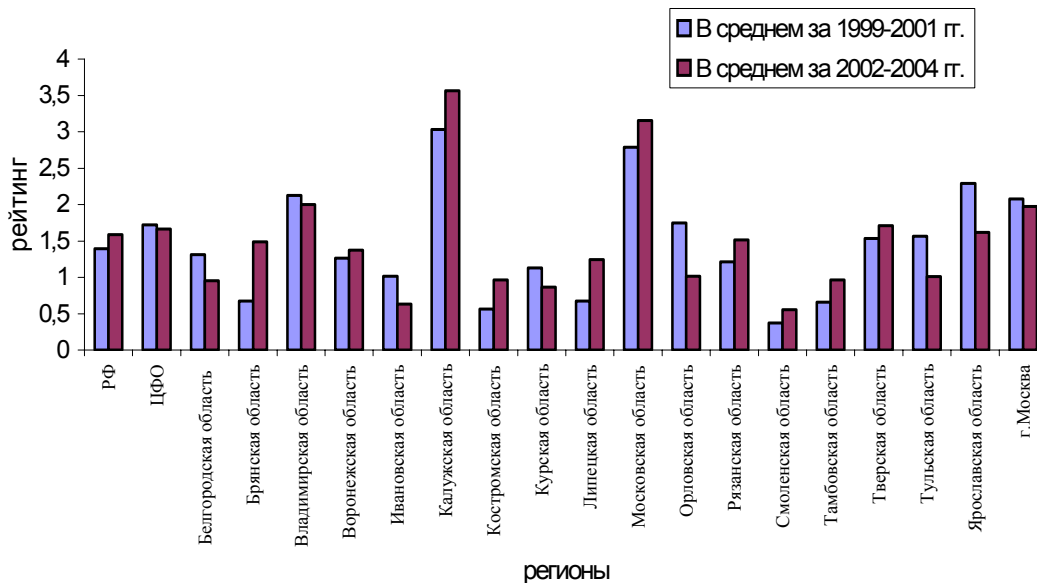

Рис. 1. Распределение регионов ЦФО по рейтингу инновационной активности

Анализ рейтингов инновационной активности проводился по двум направлениям: по изменению его значения в динамике и по уровню рейтинга.

По изменению рейтинга в динамике исследуемые регионы ЦФО разделены на группы:

- 1) быстро растущие (повышение рейтинга более 20% в 2002-2004 гг. по сравнению с 1999-2001 гг.);
- 2) плавно растущие (повышение рейтинга в пределах 20%);
- 3) медленно снижающиеся (снижение рейтинга в пределах 20%);
- 4) быстро падающие (снижение рейтинга более 20%).

По уровню инновационной активности выделены группы регионов:

- 1) с высоким рейтингом (более 2 в 1999-2001 гг. и 2002-2004 гг.);
- 2) значение рейтинга выше среднероссийского;
- 3) значение рейтинга ниже среднероссийского;
- 4) низкий рейтинг (менее 0,6).

Ниже представлена матрица распределения регионов по уровню и темпам изменения рейтинга (табл. 2).

Таблица 2

Ранжирование регионов ЦФО по темпам изменения рейтинга и уровню инновационной активности в среднем за 1999-2001 гг. и 2002-2004 гг.

Темпы изменения рейтинга	Уровень рейтинга			
	Высокий	Выше среднероссийского	Ниже среднероссийского	Низкий
Быстро растущие			Рязанская обл., Брянская обл., Костромская обл., Тамбовская обл., Липецкая обл.	Смоленская обл.
Плавно растущие	Калужская обл., Московская обл.	Тверская обл.	Воронежская обл.	
Плавно снижающиеся	Владимирская обл.	г. Москва		
Быстро падающие		Ярославская обл.	Орловская обл., Белгородская обл., Курская обл., Тульская обл., Ивановская обл.	

Таким образом, были выделены следующие группы регионов.

К числу «лидеров» мы относим Калужскую и Московскую области, в которых отмечается высокое абсолютное значение рейтинга и устойчивые темпы его прироста, при сохранении которых имеются все предпосылки сохранения статуса лидерства и в последующие годы. К «По-

тенциальным лидерам» относится Тверская область, где также отмечаются положительные темпы прироста рейтинга, а его абсолютное значение превышает в среднем по России.

Воронежская, Рязанская, Брянская, Костромская, Тамбовская, Липецкая области составляют самую многочисленную группу и относятся к «развивающимся» регионам. Значение рейтинга у этих регионов ниже среднероссийского. К этой же группе мы относим Смоленскую область с низким рейтингом инновационной активности. Однако данные регионы имеют высокие темпы прироста рейтинга, при сохранении которых они могут обеспечить себе определенное место в группе потенциальных лидеров.

Группу «неустойчивых» образуют Владимирская область и г. Москва. Эти регионы имеют довольно высокий уровень инновационной активности, однако отсутствуют устойчивые темпы их положительной динамики.

В группе «депрессивных» оказались Орловская, Курская, Тульская, Ивановская области и, к сожалению, Белгородская область. В перечисленных областях наблюдалось снижение рейтинга инновационной активности.

Проведенный анализ особенностей развития регионов ЦФО дает представление о состоянии и уровне развития инновационной составляющей экономики этих регионов.

Опираясь на изложенное выше, считаем, что для активизации инновационных процессов на региональном уровне было бы целесообразно:

- разработать и последовательно реализовывать стратегию инновационного развития региона;
- совершенствовать нормативно-законодательное обеспечение инвестиционной деятельности в научной сфере и правовые механизмы ее стимулирования;
- направлять инвестиции в инновационную сферу, т.е. придать им инновационный характер;
- развивать малое инновационное предпринимательство путем формирования благоприятных условий для его образования и функционирования;
- предоставлять льготное кредитование и субсидирование, а также государственные гарантии малому предпринимательству и частным инвесторам для реализации инновационных проектов;
- расширять инфраструктуру инновационной деятельности, обеспечивающей коммерциализацию результатов НИОКР;
- развивать венчурное финансирование научно-технических и инновационных проектов;
- совершенствовать конкурсную систему отбора проектов НИОКР и инновационных проектов, проводить их экспертизу;
- поддерживать исследования по созданию технологий, освоение в производстве которых обеспечит предприятиям региона конкурентные преимущества;
- расширять систему внебюджетных фондов НИОКР для обеспечения проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ;
- создать информационную инфраструктуру научно-исследовательских работ для оказания содействия научно-исследовательским организациям в доступе к информационным сетям и базам данных.

Применение мотивационных механизмов в развитии инновационной деятельности, совершенствование нормативно-законодательной базы позволит органам управления создать благоприятные условия для развития инновационной деятельности в регионе в целом, а активное и эффективное использование инновационного потенциала должно стать инструментом для решения задач социально-экономического развития экономики Белгородской области.

THE POSITIONING OF MEZOECONOMICAL SYSTEM OF BELGOROD REGION IN INNOVATIONAL EXPANSE OF NATIONAL ECONOMY

S.A.SHANIN¹⁾
T.B.KLIMOVA²⁾

¹⁾*Belgorod State
University*

²⁾*Belgorod State
University*

In this article the innovational part of regional economy is viewed, position of Belgorod region according to innovational activity in the system of central Federal Region is determined, the events of activation of innovation process on the regional level are suggested.

Keywords: innovations, innovational work, innovational activity, activation of innovation processes.

ЭКСПЕРТИЗА В СИСТЕМЕ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА КАК МЕТОД ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

С.А. ЗВЯГИН

*Воронежский институт
МВД России*

*e-mail:
temnushov@mail.ru*

В работе рассматривается необходимость включения бухгалтерской экспертизы в систему государственного финансового контроля и ее место в данной системе. Обосновывается точка зрения, предполагающая отнесение бухгалтерской экспертизы к методам, а не к формам финансового контроля. Автор предлагает осуществить сравнительный анализ всех четырех методов финансового контроля, используемых в правоохранительной практике при выявлении и расследовании экономических и налоговых правонарушений, по 15-ти критериям. Помимо отличий между ревизией, бухгалтерской экспертизой, налоговой и аудиторской проверками в процессе сравнительного анализа исследуются сходства в применении рассматриваемых методов.

Ключевые слова: бухгалтерская экспертиза, экспертно-экономические действия, финансовый контроль, экономические и налоговые правонарушения, механизм антикриминогенных влияний, сравнительный анализ.

Осуществление институциональных преобразований, связанных с изменениями в отношениях собственности, либерализация внутренней экономической жизни и внешне-экономической деятельности при практически полном игнорировании регулирующего начала, пассивной роли государства, отсутствии необходимой для подобного рода преобразований нормативной базы и ряд других причин породили широкий диапазон правонарушений, злоупотреблений и преступлений экономической направленности. В подобных условиях обостряются процессы функционирования институциональных структур собственности, продолжается период криминализации хозяйственных и связанных с ними отношений. Это обусловило расширение масштабов правонарушений в сфере экономики, увеличение «качественного» и количественного роста подобных преступлений.

В этой связи наиболее важными являются проблемы борьбы с экономической преступностью, охватывающей систему бухгалтерского учета и отчетности. Поэтому среди обширного арсенала методов и инструментов борьбы и профилактики экономических преступлений, на наш взгляд, соответствующее место должна занять экспертиза в системе бухгалтерского учета.

В начале данной работы хотелось бы внести ясность в подход к формулированию понятия экспертизы в системе бухгалтерского учета: бухгалтерская или судебно-бухгалтерская. Если в отношении других экспертиз (техническая, товароведческая) применимо утверждение, что в сочетании с понятием «судебная» эти экспертизы приобретают статус процессуального действия, но в то же время без такого сочетания они могут проводиться и вне процессуального права, то в отношении экспертиз экономического класса это утверждение теряет всякий смысл.

Действительно, экспертные действия в отношении финансово-хозяйственной деятельности экономических субъектов вне процессуальной формы просто невозможны в силу того, что такие действия могут иметь место и возможны только на основании соответствующих постановлений и решений правоохранительных или судебных органов.

В этой связи принципиального различия в том, какой термин следует применять в отношении экспертных действий в системе бухгалтерского учета (бухгалтерская или судебно-бухгалтерская), не существует.

Вместе с тем, в ряде работ, посвященных современным проблемам бухгалтерской экспертизы, экспертное бухгалтерское исследование предлагается к использованию для «установления истины не только в арбитражном, уголовном и гражданском процессах, но и при решении большинства видов хозяйственных споров между экономическими субъектами». При этом такого рода действия, по мнению автора, следует отнести к несудеб-

ным (инициативным) экспертизам и необходимо назначать в порядке инициативы спорящих сторон¹.

В последние годы на рынке финансовых услуг все чаще в качестве одного из вида оказываемых платных работ предлагается проведение бухгалтерских экспертиз. Используя термин «бухгалтерская экспертиза», предприниматели, оказывающие данный вид услуг, избегают регистрации собственной организации в качестве аудиторской фирмы и получения требуемой в законодательном порядке лицензии и прохождения аттестации.

Исследование финансово-хозяйственной деятельности хозяйствующих субъектов с использованием данных бухгалтерского учета и отчетности на договорной и платной основе по инициативе администрации или собственников (учредителей), в том числе участвующих в каком-либо хозяйственном споре, в законодательном порядке уже отнесено к одному из видов аудиторских услуг (инициативный аудит) и закреплено аудиторским стандартом. Безусловно, в таких случаях авторы в целях получения научных результатов по проблемам бухгалтерской экспертизы прибегают к искусственному расширению диапазона научных исследований и осуществляют подмену понятий бухгалтерской экспертизы и аудиторской деятельности.

Рассмотрение бухгалтерской экспертизы в качестве метода государственного финансового контроля, по нашему мнению, следует начинать, прежде всего, с исследования вопроса о том, следует ли вообще относить бухгалтерскую экспертизу к системе финансового контроля. К сожалению, данная проблема в настоящее время относится к разряду малоизученных. По мнению ряда ученых, судебно-бухгалтерская экспертиза может быть включена в систему государственного финансового контроля. Вместе с тем, в большинстве своем авторами эта проблема не рассматривается и не исследуется несмотря на то, что в практической деятельности очень часто возникают трудности с выбором того или иного метода контрольно-финансовой деятельности.

В ряде публикаций С.Г. Чаадаева высказывается мнение о том, что «судебно-экономическая экспертиза не относится к формам финансового контроля, а является способом установления фактических данных и обстоятельств»². Такой же точки зрения придерживается и ряд других ученых (М.В. Чадин, И.В. Александров и др.).

Данное утверждение подвергается ряду сомнений. Во-первых, в настоящее время можно говорить о трех классических формах финансового контроля: предварительном, текущем (оперативном) и последующем. В этой связи бухгалтерская экспертиза, действительно, не может являться формой финансового контроля. На наш взгляд, основополагающим в этом вопросе является мнение профессора Б.Г. Преображенского, который считает, что ревизии, экспертизы, проверки следует относить к методам, а не к формам финансового контроля³. Вместе с тем, в отдельных работах можно встретить противоположные точки зрения. Например, некоторые авторы аудит относят к формам, а не методам финансового контроля⁴.

Во-вторых, не совсем верно рассматривать экспертизу вне системы финансового контроля. Так, некоторые ученые, исследующие проблемы финансового права и различные аспекты финансового контроля, не предлагают бухгалтерскую или какую-либо другую экономическую экспертизу в качестве инструмента финансово-контрольной деятельности. Как способ выявления и доказывания экономических правонарушений, в ряде работ предлагается лишь «поручение аудитору о проведении обязательной проверки со стороны органов дознания и следствия при наличии санкции прокурора, суда и арбитражного суда»⁵.

¹ Шадрин В.В. Методология и организация бухгалтерской экспертизы: Автореф. дис. док. экон. наук / Шадрин Вячеслав Васильевич. Саратов, 2006. С. 11.

² Чаадаев С.Г. Судебно-экономическая экспертиза / С.Г. Чаадаев, М.В. Чадин // Черные дыры в российском законодательстве. 2001/1. – (<http://www.optim.ru/bh/2001/1/chaadaev/chaadaev.Asp>). С. 15.

³ Преображенский Б.Г. Каким быть финансовому контролю в России / Б.Г. Преображенский // Аудитор. 2004. № 1. С. 7.

⁴ Коровяковский Д.Г. Аудит – форма финансового контроля / Д.Г. Коровяковский // Все для бухгалтера. 2005. № 4. С. 41.

⁵ Апель А. Основы финансового права / А. Апель. СПб.: Питер, 2003. С. 26.

Таким образом, в качестве метода выявления и подтверждения фактов противоправных действий отдельные авторы представляют именно аудиторскую проверку, а не бухгалтерскую экспертизу. В связи с этим возникает проблема и необходимость сравнительного анализа этих методов контрольной деятельности, особенно для целей противодействия экономическим и налоговым правонарушениям.

Общеизвестно, что в системе государственного финансового контроля функции контрольных органов исполняют и правоохранительные органы. Контрольная деятельность правоохранительных органов входит в состав реальной среды, в которой совершается событие экономического преступления. Само существование системы контроля, а тем более степень его эффективности, не могут не оказывать предупредительного влияния на преступное поведение (превентивная функция) и на своевременность обнаружения уже совершившихся правонарушений (охранительная функция учетного процесса). Выявление совершенных экономических правонарушений может быть возможным только при условии использования следообразующей функции учетной деятельности.

Причины низкой эффективности контроля, как объективные, так и субъективные, способствующие возникновению и несвоевременному выявлению экономических и налоговых правонарушений, находятся в зоне деятельности правоохранительных органов и входят в предмет доказывания по многим категориям расследуемых уголовных дел. Все действия по выявлению, расследованию и доказыванию правонарушений в экономической сфере относятся к текущему и последующему финансовому контролю.

Нельзя не согласиться с тем, что борьба с экономической преступностью является одной из основных задач любого общества. Сотрудники правоохранительных органов России сталкиваются с серьезными проблемами при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений экономической направленности. Поэтому, охраняя имущественные интересы государства, экономических субъектов и граждан, финансовый контроль, осуществляемый правоохранительными органами, выполняет защитные функции в узком смысле этого слова, когда имеется в виду лишь антикриминогенная направленность данного метода экономического руководства.

Механизм антикриминогенных влияний финансового контроля основан главным образом на использовании в нем защитных свойств, объективно присущих бухгалтерскому и налоговому учету. Воздействие на учетный процесс контрольных действий позволяет выявить охранительную функцию учета, с помощью которой проявляются многие признаки и следы совершенных экономических преступлений.

В связи с тем, что бухгалтерская экспертиза исследует именно несоответствия данных бухгалтерского учета, ее предмет образуют закономерности возникновения, обнаружения и использования в практике выявления и доказывания преступлений именно судебно-бухгалтерской информации. Бухгалтерская экспертиза исходит из предпосылки объективности отражения в данных бухгалтерского учета и отчетности любых преступных действий, совершаемых в процессе или под видом законных хозяйственных операций. Объективность такого отражения неизбежно порождает судебно-бухгалтерскую информацию как систему признаков преступных действий, обнаруживаемых при исследовании учетно-экономической информации.

Кроме того, в своем исследовании бухгалтерская экспертиза разрешает не только вопросы, связанные с подтверждением и доказыванием совершенных преступных действий. С помощью заключения эксперта-бухгалтера могут быть установлены новые факты, о возможном наличии которых свидетельствовали уже имевшиеся в деле материалы, но для выявления которых нужны были специальные бухгалтерские знания.

Поэтому бухгалтерская экспертиза, на наш взгляд, безусловно, может быть отнесена к методам финансового контроля, осуществляемого правоохранительными органами в сфере противодействия экономической и налоговой преступности.

Следует отметить, что до начала рыночных реформ система финансового контроля предусматривала только три основных метода контрольной деятельности: ревизию, проверку и бухгалтерскую экспертизу. Рыночная экономика и период перехода к ней не только трансформировали ранее существовавшие способы, но и породили новые методы финансово-хозяйственного контроля, неиспользуемые ранее: аудит, налоговая проверка и др. При этом ранее существовавшие методы и способы контрольной деятельности постепенно утрачивают свою актуальность.

Вместе с тем, в правоохранительной деятельности, связанной с выявлением и расследованием экономических и налоговых правонарушений, в настоящее время в разной степени используются практически все существующие методы контрольно-финансовой деятельности: документальная ревизия, аудиторская проверка, бухгалтерская экспертиза и налоговая проверка.

Поэтому проблема правомерности и необходимости применения какого-либо метода из числа названных в конкретной ситуации, определения их сходства и различий интересна и актуальна не только с теоретической, но и с практической точки зрения.

Серьезные трудности вызывает на практике вопрос о том, в каких случаях работники правоохранительных органов должны требовать производства аудиторской проверки или ревизии, а в каких — назначать бухгалтерскую экспертизу или налоговую проверку. При его решении следует учитывать особенности существующих методов финансово-хозяйственного контроля, а также различия между ними, которые вытекают из сущности и правовой природы указанных понятий.

В научных работах, посвященных проблемам финансового контроля, имеют место исследования, связанные с осуществлением сравнительного анализа существующих методов финансово-контрольной деятельности. При этом аналитическому сравнению подвергаются, как правило, пары методов финансового контроля — например: аудит и ревизия (А.Д. Шеремет, В.П. Суйц), бухгалтерская экспертиза и документальная ревизия (В.В. Кононенко, Н.Т. Белуха), бухгалтерская экспертиза и налоговая проверка (В.А. Козлов). В ряде работ анализируются на предмет сходств и различий три метода контроля: бухгалтерская экспертиза, документальная ревизия и налоговая проверка (С.С. Извеков); бухгалтерская экспертиза, документальная ревизия и аудиторская проверка (А.Н. Белов).

В представленной работе мы предлагаем осуществить сравнительный анализ всех четырех методов финансового контроля, используемых в правоохранительной практике при выявлении и расследовании экономических и налоговых правонарушений. Анализ, по нашему мнению, следует произвести по следующим 15-ти критериям:

- цели;
- вид деятельности;
- основа взаимоотношений с контролируемым;
- управленческие связи;
- порядок оплаты услуг;
- практические задачи;
- ответственность;
- порядок получения информации;
- нормативная регламентация;
- место проведения;
- оформление результатов;
- основание для назначения;
- основание для проведения;
- методы исследования;
- объекты исследования.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают сравнительный анализ документальной ревизии и бухгалтерской экспертизы, так как в научных и научно-практических работах дореформенного периода эти два метода финансового контроля находились в тесной процессуальной взаимосвязи. Эта связь диктовалась не процессуальным законодательством, а ведомственными положениями и инструкциями Министерства внутренних дел и Министерства юстиции РФ.

Дело в том, что в соответствии с требованиями нормативных документов прошлых лет судебно-бухгалтерская экспертиза «назначалась после проведения ревизии финансово-хозяйственной деятельности, которая выявила конфликтные ситуации и установила сумму причиненного ущерба, что стало предметом юридического расследования»⁶. Нередко данное утверждение встречается и в современных публикациях и работах⁷.

⁶ Белуха Н.Т. Судебно-бухгалтерская экспертиза / Н.Т. Белуха. М., 1993. С. 30.

⁷ Белов А.А. Судебно-бухгалтерская экспертиза / А.А. Белов, А.Н. Белов. М., 2003. С. 426.

Следует отметить, что методы документальной ревизии активно используются в нынешней контрольной практике при проведении проверок и экспертиз. Тем не менее, данный инструмент финансового контроля практически отошел в прошлое вместе с системой командно-административного управления народным хозяйством и теми контролирующими органами, на которые ранее возлагалась обязанность по проведению документальных ревизий.

Рассматриваемое взаимодействие документальной ревизии и бухгалтерской экспертизы возможно только при осуществлении экспертных бухгалтерских исследований в государственных бюджетных организациях и учреждениях, а также в крупных компаниях и холдингах, в системе которых действует порядок ревизионного контроля нижестоящих хозяйственных единиц вышестоящими.

Очень интересен с точки зрения научного исследования сравнительный анализ бухгалтерской экспертизы и налоговой проверки, тесное взаимодействие которых проявилось в последние годы в связи с ростом количества и сложности налоговых правонарушений. Необходимость в назначении бухгалтерской или налоговой экспертизы по таким делам на практике возникает, когда достоверность содержащихся в акте проверки выводов вызывает сомнение или опротестовывается представителями проверяемого субъекта и если в рамках повторной проверки невозможно устранить содержащиеся в сведениях противоречия или получить ответы на отдельные вопросы.

В том случае, если под ревизией понимать проверку хозяйственной деятельности предприятия за определенный период времени, то налоговая проверка – это та же ревизия, только узко-тематическая, связанная с проверкой налогового законодательства.

Основным критерием отличия экспертизы от других методов финансово-хозяйственного контроля является её процессуальное значение. Налоговая или аудиторская проверка, ревизия не являются процессуальными действиями, а представляют собой реализацию контрольных функций уполномоченными органами, они существуют независимо от наличия или отсутствия уголовного дела. В отличие от этих методов бухгалтерская экспертиза не может существовать вне уголовного дела, поскольку представляет собой процессуально-правовую форму использования специальных знаний.

Различно также процессуальное положение проверяющего, ревизора и эксперта-бухгалтера. В отличие от проверяющего и ревизирующего эксперт-бухгалтер – особая фигура в уголовном процессе со свойственными только ему правами и обязанностями. Лицо, проводящее ревизию или проверку, самостоятельно отбирает необходимые документы. В то же время, эксперт такого права не имеет и исследует только те материалы и объекты, которые ему предоставил орган, назначивший экспертизу, и которые находятся или приобщены к уголовному делу.

Интересны различия в подходе к выявленным недостаткам и нарушениям. Так, документальная ревизия, также как и аудиторская проверка, призвана не только вскрывать, но и помогать устранять выявленные несоответствия, вносить свои предложения. В свою очередь, бухгалтерская экспертиза и налоговая проверка не имеют таких полномочий и направлены на фиксацию нарушений в своих итоговых документах.

В соответствии с задачами ревизор или проверяющие обязаны наряду с изучением фактического положения дел на контролируемом объекте выявлять нарушения и преступления, а расследование и оценка этих преступлений входит в обязанности уполномоченных на то органов. Эксперт же исследует и устанавливает факты лишь в пределах своей компетенции, дает им квалифицированную оценку и не имеет целью своей деятельности выявление фактического положения дел на каком-либо хозяйственном объекте.

По характеру участия в процессе ревизор, аудитор или налоговый инспектор являются должностными лицами и выступают на предварительном следствии и в суде в качестве свидетеля, дают свидетельские показания. Ревизор (проверяющий) составляет акт (заключение), где отражаются результаты ревизии (проверки). Эксперт не дает показаний на предварительном следствии или в суде, а делает заключение на основании своих познаний и исследований. Он является участником процесса и в пределах своей компетенции может задавать с разрешения следствия или суда вопросы обвиняемым и свидетелям.

Предметом аудиторской, налоговой проверки или ревизии, в том числе по требованию правоохранительных органов, могут быть лишь обстоятельства, относящиеся к финансово-хозяйственной деятельности экономических субъектов или служебной дея-

тельности их отдельных должностных лиц. Предметом же экспертизы могут быть любые обстоятельства, выяснение которых требуется по делу (разумеется, если для этого нужны специальные познания).

Очевидно, что между ревизией, проверками и бухгалтерской экспертизой имеются существенные не только процессуальные, но и методические различия. Основное методическое различие заключается в том, что ревизор и проверяющий может применять такие методы фактической и документальной ревизии, которые не вправе использовать эксперт.

Следовательно, несмотря на общее сходство, имеются и отдельные различия между ревизией, проверками и экспертизой в методах исследования. Ревизоры и проверяющие при осуществлении контрольной деятельности могут применять методы фактической проверки: проводить инвентаризации товарно-материальных ценностей, денежных средств, расчетов и обязательств, контрольные запуски сырья и материалов в производство, контрольные обмеры выполненных работ и др. Эксперт-бухгалтер эти методы применять не вправе. Он также не может получать справки от каких-либо лиц, использовать методы фактической проверки (проводить инвентаризации, сверять взаиморасчеты, проверять расчетные операции и т.п.), привлекать к проведению экспертизы других лиц (что нередко делается на практике в ходе ревизии или проверок).

Согласно действующему законодательству, эксперт-бухгалтер может использовать в основном лишь методы документального контроля. Он исследует только те материалы, которые ему представляет следователь или суд. Если в ходе экспертизы возникла необходимость в дополнительных материалах, эксперт ходатайствует перед назначившим экспертизу органом о предоставлении ему таковых или о целесообразности проведения определенных действий фактического контроля (инвентаризация, встречная проверка и т.п.).

Получать объяснения от обвиняемых и свидетелей он может, лишь участвуя в допросах этих лиц, а осматривать какие-либо новые объекты — только в процессе следственного осмотра. В отличие от ревизора или проверяющего эксперт не имеет права собирать документы и другую информацию, которая является доказательством по возбужденному правоохранительными органами делу. Не пользуется он и некоторыми методами документальной проверки, например, восстановлением количественно-суммового учета.

Как мы видим из результатов анализа методов исследования, между способами контрольно-финансовой работы имеются различия и в объектах контрольной деятельности. Объектами исследования ревизии, аудиторской или налоговой проверки являются записи, документы оперативно-технического и бухгалтерского учета, отчетность, материалы инвентаризаций, проверок, но не материалы уголовного дела. Использование при такой проверке или ревизии материалов дела возможно лишь в том случае, когда такие контрольные действия проводятся по поручению правоохранительных органов и это приближает ревизию или проверку по объектам исследования к бухгалтерской экспертизе.

Объектами бухгалтерской экспертизы являются первичные и сводные документы бухгалтерского учета, содержащие фактические данные, необходимые для дачи заключения. В процессе исследования могут использоваться сведения из актов документальных ревизий, заключений экспертов других специальностей, показаний обвиняемых, свидетелей и из других материалов дела, если эти сведения предоставляются в качестве исходных данных и использование их связано с исследованием бухгалтерских документов. Однако, эксперт вправе изучать только материалы дела и не может по собственной инициативе исследовать документы, находящиеся вне данного дела. При этом некоторые материалы дела (например, протоколы допросов свидетелей и обвиняемых, заключения экспертов), являясь объектами исследования эксперта-бухгалтера, могут не быть объектами документальной ревизии.

При проведении сравнительного анализа рассматриваемых методов контроля нельзя не остановиться на имеющихся сходствах, каковыми являются:

- единообразии при использовании источников информации, сходство этих источников;
- используемые методические приемы и контрольно-ревизионные процедуры;
- обоснование своих выводов на документально достоверных доказательствах;
- конкретность и общая база в определении размеров убытков, потерь и недостат;
- итоговые документы являются источником доказательств;

- контролирующие сотрудники должны быть квалифицированными специалистами в области бухгалтерского и налогового учета, отчетности и анализа хозяйственной деятельности;

- могут назначаться и проводиться по постановлению правоохранительных органов;
- выявленные недостатки и нарушения имеют одинаковую адресность в части материальной и юридической ответственности.

В контексте проводимых нами исследований нельзя не затронуть вопрос о принципиальном различии обычной документальной ревизии, проводимой в организациях в плановом порядке или по поручению вышестоящего руководства, и ревизии, которая проводится по поручению правоохранительных органов. Указанные различия могут иметь место практически по всем вышеназванным критериям. Анализируя результаты такого сопоставления, можно прийти к выводу, что документальная ревизия по требованию правоохранительных органов по ряду критериев имеет большее сходство с бухгалтерской экспертизой, чем обычная документальная ревизия.

Рассмотренные отличия между рассмотренными методами финансового контроля не являются исчерпывающими. Таким образом, несмотря на внешнее сходство и процессуальную близость, различия между бухгалтерской экспертизой, документальной ревизией, аудиторской или налоговой проверками достаточно существенны.

EXAMINATION IN BOOK KEEPING SYSTEM AS THE METHOD OF THE STATE FINANCIAL CONTROL

S.A. ZVYAGIN

*Voronezh Institute
of Russian Ministry
of the Interior*

*e-mail: tem-
nushov@mail.ru*

Necessity of accounting examination inclusion for the state financial control system and its place in the given system are considered. The point of view, supposing accounting examination reference to methods, instead financial control forms, is proved. The author suggests to carry out the comparative analysis of all four financial control methods used in law-enforcement practice at economic and tax offences revealing and investigation on 15 criteria. Besides differences between audit, accounting examination, tax and auditor check during the comparative analysis similarities in considered methods application are investigated.

Key words: accounting examination, examination-economic actions, the financial control, economic and tax offences, the mechanism of anticriminality influences, the comparative analysis.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

А.И. НИКИТИН¹

Е.П. КУЗНЕЦОВА²

¹⁾ Белгородский государственный университет

²⁾ Белгородский государственный университет

e-mail:

kuznetsova@bsu.edu.ru

С позиций комплексного подхода в работе рассмотрены основные положения методики формирования организационно-экономического механизма управления конкурентоспособностью регионального промышленного комплекса.

Разработан алгоритм оценки конкурентоспособности промышленной продукции, а также алгоритм управления на региональном уровне конкурентоспособностью промышленных комплексов на основе их инновационных и технологических конкурентных преимуществ.

Ключевые слова: конкурентоспособность промышленного комплекса, продукции или технического объекта, модель промышленного предприятия (комплекса), управляемые системы (объекты), индикаторы конкурентоспособности, оценка конкурентоспособности, множество требований потребителей, алгоритм конкурентоспособности

На современном этапе развития региональных промышленных комплексов РФ специалисты полагают, что для решения проблем эффективного управления ими необходимо наличие и функционирование взаимосвязанных между собой систем управления (подсистем управления), финансово-экономического планирования (бюджетирования), менеджмента качества, управления персоналом и т.д. Как показывает практика создания проектов и совершенствования различных систем управления, такой подход не учитывает, по нашему мнению, того, что составляющие системы управления промышленных комплексов не только взаимосвязаны, но и взаимозависимы и взаимообусловлены, т.е. необходимо наличие в системе управления организаций четких однозначно понятых и действующих механизмов управления ее подсистемы управления.

Как нам представляется, соединение отдельных элементов систем управления обеспечит главное качество управления промышленными комплексами, т.е. целостность и целенаправленное функционирование в условиях действия динамичной внешней среды (рис.1), упорядоченность, устойчивость и надежность всех элементов систем предприятия, обеспечивающих его конкурентоспособность.

С нашей точки зрения, сложная и быстро изменяющаяся внешняя среда обуславливает необходимость непрерывного совершенствования форм и методов управления региональными промышленными комплексами, а также развитие средств обработки информации, что выдвигает проблему оптимального синтеза структуры всех систем промышленного комплекса. Большое внимание уделяется совершенствованию организационной структуры управления. При этом возникают проблемы синтеза структуры управляющих и управляемых систем¹, систем обработки и передачи информации².

¹ Ендовицкий, Д.А. Организация анализа и контроля инновационной деятельности хозяйствующего субъекта. М., 2004. С.156.

² Сулейманов, Н. Инновационная модель системы управления качеством продукции // Стандарты и качество. 2004. №6. С. 58 – 61

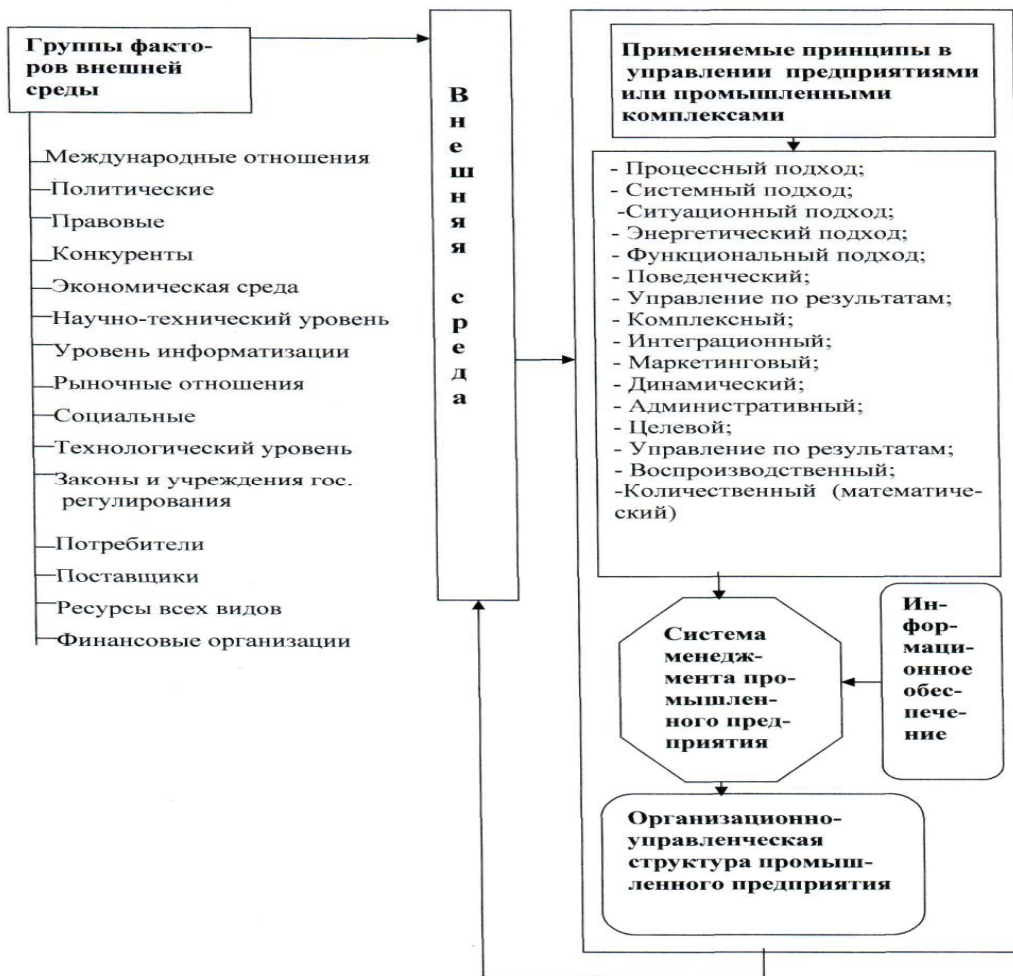

Рис. 1. Иллюстрация модели промышленного предприятия в условиях конкурсного рынка

Под структурой системы и, в частности, системы управления будем понимать организацию системы из отдельных элементов с их взаимосвязями, которые определяются распределением функций и целей, выполняемых системой. Эффективность структуры определяется количеством, значением, формой и содержанием ее составных частей и тем положением, которое они занимают в целом, и существующими между ними отношениями. Поскольку единого подхода к классификации систем управления нет, то такую классификацию предлагаем выполнить следующим образом (рис.2).

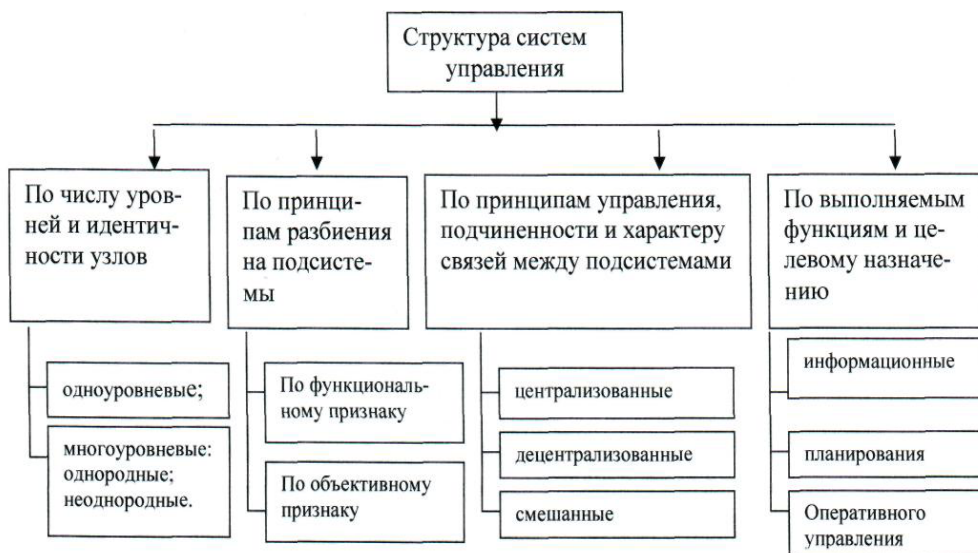

Рис. 2. Иллюстрация классификации структур систем управления

По мере своего развития промышленные предприятия сталкиваются с определенными проблемами и задачами, преодоление и решение которых осуществляется посредством применения различных управленческих принципов, методов и технологий (рис. 1). Основными индикаторами конкурентоспособности региональных промышленных комплексов, отражающими состояние их развития и экономического роста, являются:

- обеспечение платежеспособности предприятия;
- достижение прибыльности от деятельности предприятия;
- переход на стратегичность управления;
- разработка менеджментом предприятия структурированной и адаптивной систем управления;

- обеспечение финансовой и управленческой прозрачности;

- инвестиционная привлекательность;

- стоимостной подход к обеспечению конкурентоспособности предприятия.

Изучение и оценка конкурентоспособности промышленных предприятий и их продукции должны вестись непрерывно и систематически, в тесной привязке к фазам его жизненного цикла, чтобы своевременно улавливать момент начала снижения показателя конкурентоспособности и принимать соответствующие упреждающие решения, т.е. снимать изделие с производства, модернизировать его, переводить на другой сектор рынка. При этом необходимо исходить из того, что конкурентоспособность промышленной продукции в определяющей степени зависит от качества и полноты разработки технического задания проекта и определения интегрального показателя конкурентоспособности продукции. Оценка конкурентоспособности нами предлагается определять в последовательности, согласно блок-схеме, показанной на рис.3.

Рис. 3. Иллюстрация схемы оценки конкурентоспособности промышленной продукции

Основные экономические аспекты, которые необходимо учитывать при управлении конкурентоспособностью промышленных комплексов и их продукции, разделим на следующие группы:

- оценка конкурентоспособности предприятия и его продукции;
- оценка поведения потребителей в системе конкурентоспособности предприятия и продукции;
- модель конкурентоспособности промышленного предприятия и его продукции;
- конкурентная позиция и конкурентные стратегии на различных сегментах рынка;
- исследование конкурентов;
- применение системы информационного обеспечения.

Охарактеризуем сущность и задачи, решаемые для каждой из этих групп.

Применительно к продукции или техническим объектам конкурентоспособность является развитием категории качества. В активных экономических объектах, т.е. предприятиях, организациях, фирмах и т.п., действующих на рынке³, конкурентоспособность представляет собой категорию эффективности, но на более высоком уровне⁴.

При такой постановке в терминах системного анализа рыночная конкуренция может быть описана следующим образом. Имеется экономическая система, включающая в себя ряд функционально однородных промышленных предприятий или объектов, и окружающая эти объекты среда (рис.1.), роль которой сводится – применительно к данной проблеме – к формированию требований к результатам функционирования указанных объектов.

Механизм формирования требований априори объектам неизвестен, а сами требования предъявляются этим объектам в слабо формализованном виде и с высокой степенью неопределенности.

Как требования внешней среды, так и результаты функционирования промышленных предприятий могут быть представлены в виде некоторого множества показателей, имеющих в общем случае различный экономический смысл. Целью каждого объекта является достижение максимально возможного соответствия результатов функционирования предъявляемым требованиям.

Множество объектов может быть упорядочено на основе критерия минимума расстояния между результатами функционирования и требованиями внешней среды. Свойства такого упорядочения могут быть различными. Исходя из эмпирических соображений, можно назвать конкурентоспособными любые объекты из упорядоченного множества с номерами от 1 до n , где n – это максимально допустимое в рассматриваемой ситуации количество объектов, которые принимаются в качестве конкурентоспособных. При этом наиболее конкурентоспособным будет, естественно, считаться мажоранта упорядоченного множества. Очевидно, данную проблему можно описать следующей пятеркой⁵:

$$P = \langle S, D, OC, A, O \rangle, \quad (1)$$

где S – множество объектов, представленных на рынке;

D – множество требований потребителей;

A – множество параметров объектов;

OC – порядок, заданный на множестве объектов потребителями;

O – порядок, заданный на множестве объектов лицом, принимающим решение (ЛПР).

Рассматриваемая проблема описания конкурентоспособности промышленных комплексов относится к предметной области сложных систем. Поэтому все множества, представленные в выражении (1), включают в себя элементы различной физической природы (рис.1), сравнение которых затруднено методологически. Следовательно, необходимо учитывать, что результат решения проблемы (1) в значительной степени будет субъективным. Кроме того, элементный состав этих множеств в общем случае точно определен быть не может в силу различных причин, например, ограниченности ресурсов, отведенных ЛПР на анализ ситуации. Отметим, что множество S включает в себя как объекты, реально существующие на рынке, так и те объекты, которые, по мнению ЛПР, могут на нем появиться в период, учитываемый в анализе. Поскольку часть элементов этого множества относится к конкурирующим, то есть к противни-

³ Фатхутдинов, Р. Управление конкурентоспособностью // Стандарты и качество. 2000. №10. С.10-13.

⁴ Шадрин, А.Д. Менеджмент качества: от основ к практике. М., 2004. С.290.

⁵ Информационное обеспечение управления конкурентоспособностью / под ред. проф. С.Г. Светунькова. М., 2000 С. 267.

ку в конкурентном конфликте, информация о них у ЛПР ограничена и может быть выражена даже в вероятностных категориях. Следует подчеркнуть, что множество D является слабо-структурированным. Оно принципиально не может быть сформировано детерминированными методиками, поскольку строится на основе выборки.

Для промышленных комплексов адаптивность и инновационность являются необходимыми и достаточными условиями формирования их конкурентоспособности. Инновационные конкурентные преимущества основаны на применении, при прочих равных конкурентных преимуществах, технологических преимуществ. Поэтому, по нашему мнению, превалирующими конкурентными преимуществами в общей конкурентоспособности промышленных комплексов и их продукции являются инновационные и технологические конкурентные преимущества. Здесь следует отметить, что некоторые преимущества РФ, отражающие ее инновационный потенциал, дают возможность стране войти в первую половину или даже в треть рейтинга конкурентоспособности⁶.

Инновационные и технологические конкурентные преимущества обеспечиваются высоким уровнем или качеством параметров и характеристик производимой промышленной продукции или технического объекта, а также применением совершенных технологий и средств технологического обеспечения.

Инновационные и технологические конкурентные преимущества увеличивают потребительский эффект, связанный с качественными параметрами и характеристиками промышленной продукции⁷.

Следовательно, управление инновационной и технологической конкурентоспособностью промышленных комплексов и их продукции, по своей сути, должно основываться на применении принципов менеджмента качества. Проблему улучшения качества продукции промышленных комплексов необходимо рассматривать в системном подходе⁸, с учетом различных факторов и аспектов, влияющих на ее качество, т.е. технических, правовых, экономических, социологических и т.д.⁹

Управление на региональном уровне конкурентоспособностью промышленных комплексов на основе их технологических и инновационных конкурентных преимуществ предлагается осуществлять по следующему алгоритму:

- управление маркетинговыми исследованиями по выбору продукции – прототипа или эталона, представляющее собой один из наиболее ответственных этапов процедуры оценки конкурентоспособности промышленной продукции;
- определение критериев оценки качества промышленной продукции, которыми оперирует потребитель;
- разработка интегрального показателя (шкалы) конкурентоспособности продукции (рис.3) и промышленного комплекса в целом;
- определение факторов и зависимостей влияния внутренней структуры промышленного комплекса на ее интегральный показатель конкурентоспособности;
- стимулирование ситуационного подхода в качестве основного к организации управления;
- применение параллельного инжиниринга, предполагающего разработку промышленной продукции с одновременным моделированием процессов изготовления и эксплуатации;
- стимулирование наращивания инновационных конкурентных преимуществ;
- применение лицензионных технологий;
- управление правовой защитой интеллектуальной собственности и прав персонала промышленного комплекса;
- стимулирование научно-технической кооперации;
- управление конкурентоспособностью должно обладать свойством генерации множественности управленческих реакций на изменение внешней среды (рис.1).

Таким образом, в условиях конкурентного рынка промышленным комплексам для выживания и обеспечения их конкурентоспособности необходимо разрабатывать или со-

⁶ Огородов С. Роль государства в повышении конкурентоспособности российских производителей // Проблемы теории и практики управления. 2002. № 1. С.18-24.

⁷ Кротков А.М., Еленева Ю.Я. Конкурентоспособность предприятия: подходы к обеспечению, критерии, методы оценки // Маркетинг в России и за рубежом. 2001. № 6. С.38-42.

⁸ Джорж, Стивен. Всеобщее управление качеством. Стратегия и технология, применение сегодня в самых успешных компаниях. СПб., 2002. С.189.

⁹ Лапидус, В.А. Всеобщее качество (TQM) в Российских компаниях. М., 2002. 431 с.

вершенствовать конкурентное производство, оптимизировать организационно-экономический механизм управления им, создавать современное конкурентоспособное качество продукции. Последнее может быть реализовано, с нашей точки зрения, при применении инновационных и технологических конкурентных преимуществ.

ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC PROVIDING OF RAISING TO THE COMPETITIVENESS OF A REGIONAL INDUSTRIAL COMPLE

A.I.NIKITIN¹⁾

E.P.KUZNETSOVA²⁾

¹⁾ *Belgorod State University*

²⁾ *Belgorod State University*

e-mail:

kuznetsova@bsu.edu.ru

The main aspects of organizational and economic mechanism of competitiveness management of a regional industrial complex are considered in the article with a point of view a complex approach.

The algorithm of evaluation of industrial production competitiveness has been worked out, along with the algorithm of management of an industrial complex competitiveness on a regional level on the basis of their innovational competitive advantages.

Key words: competitiveness of an industrial complex, of production or of a technical object, a model of an industrial enterprise (complex), systems (objects) that are being managed, indicators of competitiveness, multitude of consumers' requirements, algorithm of competitiveness

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ (НА ПРИМЕРЕ ЗАО «КРАСНЕНСКОЕ» БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ В 2002-2005 ГГ.)

Г.И. ЧОГУТ

Воронежский государственный аграрный университет

e-main@vsau.ru

Необходимым условием успешной деятельности сельхозпредприятия вместе с совершенствованием внутривладельческих отношений является повышение эффективности использования земельных ресурсов в сельскохозяйственном производстве.

В целях определения эффективности использования земельных ресурсов, в значительной мере определяющей производственную деятельность сельхозпредприятия, представлены критерии и методика ее определения.

Определена эффективность использования сельскохозяйственной земли в закрытом акционерном обществе «Красненское» Белгородской области.

Ключевые слова: деятельность сельхозпредприятий, эффективность использования, земельные ресурсы, критерии и методика определения.

Экономическая эффективность – это отдача земли в форме сельскохозяйственной продукции, выраженная в натуральных или стоимостных показателях, соотнесенная с издержками производства. Основными экономическими показателями при сравнении, например, систем земледелия, характеризующими уровень использования земли, труда, материально-технических и денежных средств являются стоимость валовой продукции, затраты на ее производство, урожайность и качество продукции, производительность труда, себестоимость, рентабельность, получаемая прибыль.

В условиях экологического и демографического кризиса эффективность аграрного сектора не только на современном этапе, но и в будущем будет диктоваться тремя группами факторов: экономическими, социальными и экологическими¹. Естественные природные условия хозяйства в первую очередь определяют набор сельскохозяйственных производственных отраслей, приемлемых для экологических параметров данного сельхозпредприятия. Поэтому правильный учет экологических возможностей экономически и социально выгоден для предприятия, так как это позволяет получать долговременный и устойчивый эффект за счет научно обоснованной эксплуатации качественно сохраняющихся и постоянно обновляющихся земельных ресурсов. Нарушение этих требований рано или поздно негативно отразится не только на функционировании данного хозяйства, но и на экономике в целом. При выборе целесообразности ведения производства сельхозпредприятиям необходимо принимать в расчет экологическую эффективность землепользования как основополагающий элемент построения производственной деятельности, что, в конечном итоге, скажется и на социальной эффективности и жизни людей².

Основная причина негативного воздействия экологического фактора на деятельность сельхозпредприятия – это несоблюдение механизма формирования адаптивного и эколого-экономически эффективного использования земельных ресурсов, основной принцип которого заключается в соответствии между формой и уровнем интенсивности систем земледелия и степенью экологической устойчивости сельскохозяйственных земель.

Рассмотрим данные о состоянии сельскохозяйственных земель в хозяйстве ЗАО «Красненское» Яковлевского района Белгородской области.

Общая площадь сельскохозяйственных угодий в ЗАО «Красненское» на 2005 год составляет 3916 га, из них пашни – 3517 га (все использованные показатели брались из «Бухгалтерской отчетности организации агропромышленного комплекса» ЗАО «Красненское» за 2002- 2005 годы).

Из них 1945 га сельхозземель подвержены ветровой и водной эрозии, площадь смытых земель составляет 360 га, оврагами занято 42 га, на территории хозяйства 234 га

¹ Кузнецов В.В., Гарькавый В.В., Лысенко Е.Г., Тарасов А.Н. и др. Экология и производство в аграрном секторе экономики: вопросы теории и практика. Ростов н/Д., 1997.

² Экология и экономика природопользования : Учебник для вузов / под ред. проф. Э.В. Гирусова, проф. В.Н. Лопатина. М., 2002.

деградированных пастбищ (табл. 1). Таким образом, нарушенные земли составляют 65% от общей площади сельскохозяйственных угодий хозяйства, что говорит о высокой антропогенной нагрузке на агроэкосистемы.

Таблица 1

**Состав и площадь нарушенных земель
в ЗАО «Красненское» Яковлевского района Белгородской области**

Показатели	(га)
Площадь земель, подверженных ветровой и водной эрозии	1945
Площадь смытых земель	360
Площадь земель, занятых оврагами	42
Площадь деградированных пастбищ	234

Необходимым условием успешной деятельности сельхозпредприятия наряду с совершенствованием внутривозрастных отношений является повышение эффективности использования земельных ресурсов в сельскохозяйственном производстве.

В целях определения эффективности использования земельных ресурсов, как фактора в значительной мере оценивающего производственную деятельность сельхозпредприятия, представлены критерии и методика ее определения.

Методика определения эффективности использования земли в сельском хозяйстве основывается на том положении, что данный показатель определяется как экономический результат сельскохозяйственного производства, скорректированный на величину экологического и социального ущерба, который он повлек за собой. Все это может быть представлено следующей формулой:

$$\text{Э} = \frac{\text{Вп} - \text{Пз} + \text{ПРз} - \text{У} - \text{Ш} + \text{Д}}{\text{Пз} + \text{ПРз}}$$

где Э – эффективность использования земельных ресурсов;

Вп – стоимость валовой продукции, тыс. руб.;

Пз – производственные затраты (без природоохранных затрат), тыс. руб.;

ПРз – затраты, направленные на предупреждение ущерба в сельском хозяйстве от загрязнения и разрушения окружающей природной среды (природоохранные затраты), тыс. руб.;

У – экологический и социальный ущерб, выраженный в стоимостной форме, тыс. руб.;

Ш – фактические штрафы (начеты) за ухудшение состояния окружающей среды, тыс. руб.;

Д – дотации за поддержание качества окружающей среды, тыс. руб.

Стоимость экологического и социального ущерба определяет уровень затрат, необходимых для его устранения. Данные по стоимости устранения различного вида ущерба, причиненного в результате сельскохозяйственного производства в экологической сфере в ЗАО «Красненское» Яковлевского района Белгородской области, в расчете на 1 га за 2002 и 2003 гг., приведены в табл. 2.

Таблица 2

**Стоимость устранения экологического ущерба (руб./га)
в ЗАО «Красненское» Яковлевского района Белгородской области**

Показатель	2002 г.	2003 г.
Стоимость противозерозионной обработки	1500	2000
Стоимость облесения оврагов	770	1500
Стоимость залужения нарушенных земель и неудобий	1700	2200
Стоимость работ по коренному улучшению пастбищ	800	1100

Данные по стоимости устранения ущерба, основным видом которого в Белгородской области является образование водотоков и промоин в результате водной эрозии, имеются за 2004 год.

Стоимость работ, включающих боронование, культивацию, прикатывание, посев с минеральными удобрениями, скашивание, залужение ложбин, за 2004 год составляет 2364,89 руб./га. Площадь залужения в ЗАО «Красненское» равна 16,8 га, следовательно, общая сумма затрат по залужению ложбин – 39730,15 руб.

Для определения эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения также необходим такой показатель, как стоимостное значение предотвращенного экологического ущерба (природоохранные затраты). Данные показатели по ЗАО «Красненское» за 2002, 2003, 2004 и 2005 гг. приводятся в табл. 3.

Таблица 3

**Стоимость предотвращения экологического ущерба
в ЗАО «Красненское» Яковлевского района Белгородской области**

Показатель	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Стоимость внесенных удобрений (тыс. руб.)	4443	2870	2884	5904
Стоимость посадки новых лесополос (тыс. руб.)	83	116,2	91	91
Стоимость ухода за имеющимися лесополосами (тыс.руб.)	775,5	1071,68	1160,08	1160,08
Стоимость работ по улучшению земель, химизации почв и другим агрохимическим работам (тыс. руб.)	56	298	132	110

По федеральной целевой программе «Повышение плодородия почв России» субсидии на компенсацию части затрат на приобретение минеральных удобрений и средства защиты растений и мелиоративные мероприятия составили в 2002 и 2003 гг. 601 тыс. руб.; в 2004 г. – 956 тыс. руб.; в 2005 г. – 1209 тыс. руб.

Наиболее важными показателями для определения эффективности использования сельхозземель являются экономические результаты сельскохозяйственного производства. В ЗАО «Красненское» осваивается модель внутрихозяйственного расчета, при котором подразделениям предоставляется право распоряжаться всей произведенной продукцией, оставшейся после отчисления соответствующей части выручки на общехозяйственные потребности. Основными составляющими данной модели являются следующие (численность самостоятельных структурных подразделений осуществляется по наличию руководителей, способных работать в новых экономических условиях): автомобильный парк, ремонтная мастерская, строительные бригады включаются в цеха растениеводства и животноводства. Годовой личный доход структурного подразделения определяется как разница между стоимостью валовой продукции и материальными затратами и арендной платой. Специалисты хозяйства самостоятельно организуют маркетинг.

В результате сельскохозяйственное производство в ЗАО «Красненское» Яковлевского района характеризуется следующими производственно-экономическими показателями (табл. 4).

Таблица 4

Показатели эффективности производства ЗАО «Красненское»

Показатели	Единица измерения	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Стоимость валовой продукции	тыс. руб.	46651	52528	67874	72293
Производственные затраты	тыс. руб.	43402	46891	56285	69104
Прибыль	тыс. руб.	1130	1433	1138	4048
Рентабельность	%	3,6	5,7	8,5	14,7

С применением данных, содержащихся в табл. 1-4, и формулы:

$$\begin{aligned} \text{Вп} - \text{Пз} + \text{ПРз} - \text{У} - \text{Ш} + \text{Д} \\ \text{Э} = \text{Пз} + \text{ПРз}, \end{aligned}$$

была определена эффективность использования земель сельскохозяйственного назначения в ЗАО «Красненское» Яковлевского района Белгородской области в 2002, 2003, 2004 и 2005 годах.

Показатели стоимости валовой продукции (Вп) и производственные затраты (Пз) брались из табл. 4; показатель стоимости предотвращения экологического ущерба (ПРз) определялся как сумма стоимости внесенных удобрений (тыс. руб.), посадки в данном году новых лесополос и ухода за имеющимися лесополосами (руб./га); стоимость работ по улучшению земель (табл. 3), затраты на ликвидацию нанесенного хозяйственной деятельностью экологического и социального ущерба (У) вычислялись как сумма произведений площадей эродированных, смытых, занятых оврагами земель, деградированных пастбищ (в га) на стоимость противоэрозионной обработки, облесения оврагов, коренного улучшения пастбищ 1 га сельхозземель (табл. 1 и 2), а также стоимость залужения ложбин. Данные по дотациям и субсидиям (Д) приведены выше. Данных по штрафам не имелось.

В результате вычислений была определена эффективность (Э) использования земель сельскохозяйственного назначения в ЗАО «Красненское», которая составила:

2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
0,289	0,258	0,321	0,232

Также было проанализировано соотношение угодий, определяющее устойчивость агроландшафтов на территории хозяйства. По данным за 2005 год, процентное отношение пашни к другим сельхозугодьям (сенокосы и пастбища) составляет 89,8%. Согласно классификации агроландшафтов при разном соотношении угодий в сельскохозяйственных предприятиях Центрально-Черноземного региона, состояние агроландшафта определяется как разрушающееся, распаханность – как чрезмерная, степень нагрузки на агроэкосистемы – очень высокая.

Исходя из проведенных расчетов и исследований, были сделаны следующие выводы:

- повышение эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения наряду с совершенствованием внутрихозяйственного экономического механизма является неперемным условием улучшения сельскохозяйственного производства в хозяйстве;
- в течение трех лет хозяйствования эффективность производства в ЗАО «Красненское» Яковлевского района Белгородской области повысилась с 0,289 до 0,321, что позволяет сделать вывод о повышении эффективности использования сельхозземель;
- в 2005 г. эффективность снизилась до 0,232, что объясняется опережающим ростом цен на промышленную продукцию по сравнению с сельскохозяйственной;
- состояние агроэкосистем и агроландшафта на территории хозяйства характеризуется как неустойчивое и нестабильное, что требует дальнейшего увеличения затрат на предотвращение и ликвидацию экологического ущерба.

EFFICIENCY OF USE OF THE AGRICULTURAL GROUNDS (FOR EXAMPLE JOINT-STOCK COMPANY "KRASNENSKOE" OF THE BELGOROD REGION)

G.I. CHOGUT

Voronezh State Agricultural University.

e-main@vsau.ru

Necessary condition of successful activity of an agricultural production together with perfection of interfarm attitudes (relations) is increase of efficiency of use of ground resources in an agricultural production.

With a view of definition of efficiency of use of the ground resources, appreciably determining industrial activity of an agricultural production, criteria and a technique of its definition are submitted.

Efficiency of use of the agricultural ground in closed joint-stock company "Красненское" of the Belgorod area is determined.

Keywords: activity of agricultural productions, efficiency of use, ground resources, criteria and technique of definition

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БЕЗРАБОТНЫХ ГРАЖДАН И НЕЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ

Ю.В. БОЛТЕНКОВА

Белгородский государственный университет

e-mail:
boltenkova@bsu.edu.ru

Задача повышения качества рабочей силы, актуальность которой подчеркивается известными экономистами и практиками, предполагает принятие превентивных мер в области структурной перестройки подготовки специалистов. Один из путей ее решения – профессиональное обучение безработных граждан и незанятого населения.

Анализ современного состояния системы профессионального обучения безработных граждан показывает, что для нее характерны противоречия и недостатки, снижающие эффективность образовательной деятельности. При формировании новой системы следует учитывать, что основная цель профессионального обучения – восстановление профессиональной мобильности и конкурентоспособности безработных путем предоставления им возможности приобрести новую профессию и повысить квалификацию для последующего трудоустройства. Приоритетным направлением формирования современной системы профессионального обучения безработных является разработка и внедрение инновационных технологий, направленных на изменение характера образования как усвоения суммы знаний, умений и навыков к поисковому, на формирование у обучаемых активного метода познания, умения пользоваться полученными знаниями для их прироста и реализации.

Ключевые слова: рабочая сила, профессиональное обучение, рынок труда, безработица, инновационные технологии.

Задача повышения качества рабочей силы, актуальность которой подчеркивается известными экономистами и практиками, предполагает принятие превентивных мер в области структурной перестройки подготовки специалистов. Один из путей ее решения – профессиональное обучение безработных граждан и незанятого населения.

Безработным гражданам, исходя из потребностей рынка труда, требований работодателей, учета их индивидуальных интересов и профессиональных склонностей, предоставляются самые разнообразные образовательные услуги: от профессиональной подготовки (первоначального обучения) до повышения квалификации по самым различным профессиям – для рабочих и от переподготовки до стажировки – для специалистов. Программы обучения преследуют две основные цели: краткосрочную и долгосрочную. В краткосрочном плане считается, что обновление профессиональных навыков повышает вероятность заполнения имеющихся вакансий. В долгосрочном плане профессиональное обучение в целом улучшает качество рабочей силы и, тем самым, улучшает структуру предложения и снижает профессиональные риски, возникающие по причине циклических долгосрочных колебаний в спросе.

Анализ современного состояния системы профессионального обучения безработных граждан показывает, что для нее характерны противоречия и недостатки, снижающие эффективность образовательной деятельности. При формировании новой системы следует учитывать, что основная цель профессионального обучения – восстановление профессиональной мобильности и конкурентоспособности безработных путем предоставления им возможности приобрести новую профессию и повысить квалификацию для последующего трудоустройства.

Приоритетным направлением формирования современной системы профессионального обучения безработных является разработка и внедрение инновационных технологий, направленных на изменение характера образования как усвоения суммы знаний, умений и навыков к поисковому, на формирование у обучаемых активного метода познания, умения пользоваться полученными знаниями для их прироста и реализации.

Инновации в образовании – естественное и необходимое условие его развития в соответствии с постоянно меняющимися потребностями общества. Инновационные технологии чаще всего апробируются в следующих элементах образовательного процесса:

- в принципах обучения (модульность, вариативность сроков обучения, индивидуализация и т. д.);
- в формах и методах обучения (активные методы, дистанционное обучение, дифференцирующее обучение и т. д.);
- в методах контроля и управления (контроль по модулям, тестирование и рейтинги, корректировка индивидуальных программ на основе оценки его результативности и т. п.);
- в средствах обучения (компьютерные программы, мультимедийные средства, базы данных и т. п.)¹.

Инновационные подходы создают благоприятные условия для развития личности, для реализации ее права на творческое отношение к предмету и процессу обучения. Подготовка работника к функционированию в новом качестве, по новой специальности, а зачастую, и в совершенно новой для него среде требует серьезного осмысления, анализа содержательных моментов, выработки концепции организации переобучения, адекватного социально-экономической ситуации. Для того чтобы этот процесс был эффективен в социальном отношении и экономически оправдан, необходимы подготовка и планирование его поэтапного осуществления, разработка своего рода технологической схемы реализации комплекса мероприятий, который должен отражать целевую функцию, особенности организации процесса на каждой последующей ступени, механизм взаимодействия всех заинтересованных субъектов.

В период социальной трансформации общества происходит изменение сущностных черт трудового сознания человека, которое нередко сопровождается противоречием между официальной политикой и социально-экономической реальностью, между ориентацией и результатами. Рынок труда требует квалифицированных работников, обладающих современными знаниями, умениями и технологиями, способных легко адаптироваться к трудовому процессу. Но нередко овладение возрастающими объемами знаний отнюдь не приближает обучаемого к обозначенной модели его мышления и действия, погружая его в глубинное пространство полученной информации. С другой стороны, в связи с ускорением темпов научно-технического прогресса профессиональные знания и умения быстро утрачивают свою актуальность, меняется номенклатура самих профессий и специальностей, одни начинают исчезать, зато рождаются другие. Поэтому важно добиться такого усвоения знаний и умений, которое даст не только возможность применять их, но также сформирует способность самостоятельно осваивать новые достижения, способность двигаться вместе с ускоряющимся научно-техническим прогрессом.

Необходимость инновационного образования, кроме всего прочего, вызвана сменой парадигмы общественного развития, переходом к новому типу цивилизации – информационному обществу и, как следствие, новыми, более высокими требованиями к интеллектуальным параметрам работника. Основным педагогическим требованием, предъявляемым к инновационным технологиям обучения, является обеспечение креативности образовательного процесса, активизация творческого потенциала, формирование потребностей в непрерывном образовании, блокирование факторов действия факторов, препятствующих распространению нововведений.

Важное место в системе профессионального обучения безработных граждан и незанятого населения занимают государственные образовательные учреждения службы занятости – учебные центры. В них широко применяется вариативность обучения, внедрение современных учебных планов и программ, эффективных технологий и методик обучения, в том числе модульной технологии открытого обучения, дистанционного обучения, мультимедийных программ и др.

Дистанционное обучение возникло сравнительно недавно и именно благодаря этой новизне оно ориентируется на лучший опыт, накопленный различными образовательными учреждениями, использование современных и высокоэффективных педагогических технологий, отвечающих потребностям современного образования и общества в целом. Дистанционное обучение является перспективным способом получения качест-

¹ Модернизация системы образования – объективная необходимость // Человек и труд. 2002. №5. С. 24-25.

венного образования безработными гражданами и незанятым населением, проживающим в удалении от территориальных образований, концентрирующих в себе научные и образовательные центры².

Для выработки у будущего специалиста практических навыков применяют комбинирование дистанционной формы теоретического обучения с традиционными формами практического обучения.

Интерес представляют технологии мультимедиа, поскольку они позволяют реализовать в аудиовизуальной среде интерактивные процессы обучения. Компьютерные обучающие мультимедиа-системы позволяют углубить знания, сделать их более прочными, сократить сроки обучения, создают условия, при которых обучаемый не может оставаться пассивным, а наоборот, активно участвует в процессе работы с мультимедиа-продуктами.

Технологии обучения с использованием аудиовизуальных средств комплексной обработки информации являются одними из наиболее интенсивных. Учебный материал, дидактически подготовленный специалистами, ориентирует на развитие индивидуальных способностей учащихся, а следовательно, способствует реализации опережающего профессионального образования. Индивидуальная диалоговая коммуникация с помощью видео-, графически-текстовых и/или музыкально-речевых вставок настолько интенсивна, что значительно усиливает проявление исследуемого свойства в учебном процессе, повышая его эффективность.

Ключевым направлением в работе органов службы занятости совместно с образовательными учреждениями должно стать принципиально новое структурирование и содержательное наполнение учебно-программной документации, обладающей необходимой вариативностью для обеспечения дифференцированного обучения в зависимости от потребностей рынка труда. В действующей учебно-программной документации нередко отсутствует единство. Многие учебные программы перегружены второстепенным материалом, не имеющим профессионального приложения, что необоснованно приводит к удлинению сроков обучения и его удорожанию. Содержание учебных программ во многих случаях не отвечает задачам интенсификации образовательного процесса, дифференциации, индивидуализации и вариативности обучения. В них часто не сформулированы цели и задачи обучения, что не позволяет объективно оценивать уровень усвоения учебного материала. Разработчики учебно-программной документации практически не используют элементов новой технологии проектирования содержания обучения на основе образовательных стандартов, не предусматривают возможности формирования пакетов учебных модулей, в том числе и модулей трудовых навыков для выполнения конкретной работы или группы работ³.

Показателями эффективности профессионального обучения безработных граждан и незанятого населения являются их высокий профессионализм и конкурентоспособность, трудоустройство непосредственно после обучения, а также минимальный срок поиска работы, быстрая адаптация на новом рабочем месте. Сегодня, ориентируясь на потребности конкурентного рынка, учиться и подтверждать собственную квалификацию приходится непрерывно. Способность и готовность к этому свидетельствует о высоком инновационном потенциале личности.

Основные направления политики занятости в области профессионального обучения можно свести к следующим: формирование социального заказа на профессиональное обучение безработных граждан, а также участие в определении объемов и профилей подготовки рабочих и специалистов в профессиональных образовательных учреждениях различного уровня; оказание услуг работодателям в области опережающего профессионального обучения; профессиональное обучение безработных граждан для работы в негосударственном секторе для развития ремесленничества и нового уровня сферы услуг; предоставление приоритета при направлении на учебу службой занятости социальным группам, отнесенным к особо нуждающимся категориям населения или длительное время находящимся на пособиях по безработице; ориентирование молодежи, не имеющей профессии, на получение ее через профессиональные образовательные учреждения; обеспечение отбора учреждений профессионального образования и наиболее эффективных учебных

² Назаренко В. Дистанционное обучение – технологии будущего // Человеческие ресурсы. 2002. №3. С. 20-21.

³ Шидо В. От теории – к практике // Человеческие ресурсы. 2002. №3. С.18-19.

программ для обучения безработных граждан; развитие прямой и обратной связи между центрами занятости и учебными заведениями в целях повышения эффективности процесса подготовки кадров из числа безработных граждан; осуществление контроля за содержанием и качеством обучения.

Для современной ситуации на рынке труда характерно, что в предложении рабочей силы преобладают, в основном, специалисты с высшим и средним профессиональным образованием, в то же время как среди вакансий, заявленных работодателями в органы службы занятости преобладают профессии рабочих. Поэтому профессиональное обучение должно осуществляться на основе комплексного подхода с учетом уровня образования, профессиональных знаний и умений, производственного и жизненного опыта безработных граждан.

Чтобы реализовать приоритеты политики занятости в области профессионального обучения, важно наладить регулярную информацию населения о ситуации на рынке труда: спросе на рабочую силу, возможностях профессионального обучения; приоритетности задачи направления на профессиональное обучение безработных, нуждающихся в особой социальной поддержке (молодежь, женщин, имеющих малолетних детей и детей инвалидов, уволенных в запас, длительное время не работавших, прекративших получать пособие по безработице в связи с истечением срока его выплаты); продолжении работы по созданию регионального банка данных профессий и специальностей, пользующихся спросом на рынке труда; информировании работодателей о предложении рабочей силы, привлечении их к сотрудничеству в решении вопросов профобучения; использовании для обучения безработных граждан образовательных учреждений разного уровня подготовки и прошедших конкурсный отбор; сочетании разных форм и видов организации обучения, в том числе групповых и индивидуальных занятий, построении учебного процесса в зависимости от первоначального уровня знаний обучаемого.

Прошло то время, когда достаточно было просто направлять на обучение безработных граждан ради того, чтобы они получили любую профессию, которая позволила бы им повысить свою конкурентоспособность на рынке труда. В современных условиях приоритетное направление политики занятости в области профессионального обучения безработных граждан состоит в сближении профессионально-квалификационной структуры рабочей силы с потребностями рынка труда. Сегодня уже никому не приходится доказывать, что профессиональная подготовка безработных граждан и незанятого населения – едва ли не самая важная среди активных мер политики занятости. Но по-настоящему эффективным профессиональное обучение станет только тогда, когда, действительно, будет согласовано с реальными потребностями работодателей.

THE MAIN DIRECTIONS OF THE IMPROVEMENT OF EFFECTIVENESS OF PROFESSIONAL TRAININGS OF UNEMPLOYMENT CITIZENS

Y.V. BOLTENKOVA

*assistant professor
World Economy Belgorod
State University*

*e-mail:
boltenkova@bsu.edu.ru*

The task of the improvement of labor source quality suggests the acceptance of preventive measures in structure reconstruction area of specialist preparation. One of way of decision is professional training of unemployment citizens. Analyze of modern position of system of training shows disadvantages of one which decreases the effectiveness of this system. We must note that the aim of this system is the renovation of professional mobility and competition of unemployment people. The prioritized directions of foundation of modern system of training is the creation and introduction of innovative technologies directed at the alteration of character of education.

Key words: labor force, professional training, labor market, unemployment, innovative technologies

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ АПК РЕГИОНА

Ю.В. НАРОЛИНА

*ГНУ НИИ
ЭОАПК ЦЧР РФ*

*e-mail:
yulona15@yandex.ru*

Дан обзор подходов и методик к оценке инвестиционной привлекательности региона. Показано, что все существующие методики к оценке инвестиционной привлекательности могут быть рассмотрены в рамках четырех подходов. Изложены основные принципы методических подходов к оценке инвестиционной привлекательности региона. Установлено, что, несмотря на все достоинства существующих методик, они имеют ряд недостатков. Обоснована необходимость совершенствования методических подходов к оценке инвестиционной привлекательности региона.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, факторы инвестиционной привлекательности, подходы к оценке инвестиционной привлекательности, методы оценки инвестиционной привлекательности.

Оценка инвестиционной привлекательности территории является важнейшим аспектом принятия любого инвестиционного решения. Так как регион или, точнее говоря, субъект федерации имеет существенные отличия от страны или государства в целом, то механическое перенесение известных и апробированных в международной практике методических подходов оказалось невозможным. Понимание этой специфики привело к разработке в последние 3-5 лет целого ряда различных оценок инвестиционной привлекательности регионов России.

Все методы и подходы оценки инвестиционной привлекательности региона, по нашему мнению, могут быть рассмотрены в рамках четырех подходов:

- на основе основополагающего фактора;
- на основе учета целого ряда факторов;
- на основе балльной оценки;
- рассмотрение инвестиционной привлекательности как агрегированного показателя.

Первый подход основан на выявлении некоего основополагающего фактора (природно-климатические условия, трудовые ресурсы, уровень развития производства и т.д.), который определяет инвестиционную привлекательность. Данный подход отличается сравнительной простотой анализа и расчетов. Он универсален, и его можно использовать для исследования инвестиционной привлекательности хозяйственных систем разного уровня. Однако данный подход игнорирует объективные связи фактора инвестиций с другими ресурсными факторами развития субъектов РФ¹.

Второй подход основан на учете целого ряда факторов, которые с точки зрения влияния на инвестиционную привлекательность являются равноценными. Причем каждый фактор характеризуется целым набором показателей. Преимуществами данного подхода являются:

- возможность сделать выводы о перспективном развитии регионов;
- возможность определить степень реализации инвестиционной привлекательности региона;
- возможность использовать статистические методы для оценки показателей;
- возможность обоснования полученных результатов путем применения критерия степени тесноты корреляционной связи между рассматриваемыми категориями.

Однако данный метод имеет и ряд недостатков, основным из которых является непрозрачность методики выделения факториальных признаков инвестиционной привлекательности. На основе данного подхода были разработаны следующие методики оценки инвестиционной привлекательности региона:

¹ Бакитжанов А., Филин С., Инвестиционная привлекательность региона: методические подходы и оценка// Инвестиции в России, 2001. №5. С.12.

• методика рейтинговой оценки инвестиционной привлекательности региона А.В. Антонова и Л.В. Пархоменко;

• методика Московского государственного университета;

• методика сравнительного анализа.

Согласно методике рейтинговой оценки инвестиционной привлекательности региона, разработанной А.В. Антоновым и Л.В. Пархоменко, инвестиционная привлекательность региона представляет собой систему или сочетание различных объективных признаков, средств, возможностей, обуславливающих в совокупности потенциальный платежеспособный спрос на инвестиции в данный регион. В зависимости от временного горизонта, могут быть выделены текущая и перспективная инвестиционная привлекательность².

Значительная часть факторов инвестиционной привлекательности и выражающих их показателей является общей для всех или большинства структурных уровней экономики. Таковы, например, объем внутренних инвестиционных ресурсов, темпы изменения прибыли и объемов производства, доля убыточных предприятий в общем их количестве.

Другие же факториальные признаки присущи только одному или некоторым структурным уровням. Например, отношение населения к курсу экономических реформ является факториальным показателем, общим только для макро- и регионального уровня.

Для оценки инвестиционной привлекательности на уровне региона целесообразно использовать следующие критерии:

- оценка уровня экономического развития региона;
- оценка уровня инвестиционной инфраструктуры в регионе;
- демографическая характеристика региона;
- оценка уровня развития рыночных отношений;
- оценка степени безопасности инвестиционной деятельности в регионе.

Для получения однозначной оценки об инвестиционной привлекательности того или иного региона необходимо приведенные выше критерии свести к единому обобщающему показателю, используя следующий алгоритм:

1-й этап – анализ ограничений, налагаемых на потенциальные объекты инвестирования;

2-й этап – рейтинговая оценка показателей.

В качестве ограничений выступают такие показатели, как: абсолютная окупаемость инвестиций при заданном проценте по привлечению средств, минимальная рентабельность инвестиций, характер инвестиций и срок кредитования.

На втором этапе, после формирования рабочего списка, целесообразно произвести ранжирование регионов по степени уменьшения инвестиционной привлекательности. Для расчета комплексного рангового показателя оценки инвестиционной привлекательности предлагается следующая формула:

$$\text{КИ.П.} = \sum_{i=1}^n K_i \cdot P_i,$$

где КИ.П. – комплексный показатель инвестиционной привлекательности региона;

K_i – значение i -критерия, характеризующего одну из сторон инвестиционной привлекательности региона;

P_i – рейтинговая оценка i -го критерия.

На заключительном этапе на основе рассчитанного комплексного коэффициента производится идентификация регионов по степени инвестиционной привлекательности по следующим группам:

- наиболее привлекательные регионы;
- регионы высокого уровня;
- регионы среднего уровня;
- регионы низкого уровня.

² <http://nimc.web.tstu.ru/articles/2/2.htm>

Предлагаемая методика позволяет инвестору получить количественное обоснование сравнительной выгодности различных альтернатив вложений финансовых ресурсов при накладываемых им ограничениях.

Методика Московского государственного университета основана на выявлении набора факторов, влияющих на уровень социально-экономического развития региона. При таком подходе сводным показателем выступает сумма множества средневзвешенных оценок по анализируемым факторам.

После расчета интегральных индексов получают ранжированный ряд регионов с точки зрения уровня их социально-экономического развития.

К достоинствам данной методики можно отнести следующие:

- четкая систематизация факторов, определяющих уровень социально-экономического развития;
- ранжирование регионов осуществляется на основе сравнения конкретных числовых значений, наглядно отражающих различия между регионами;
- возможность составлять собственные рейтинги, основываясь на собственных представлениях эксперта о значимости тех или иных факторов и придавая им определенные веса.

Недостатками данной методики являются условный характер оценки предпринимательского климата регионов, игнорирование нормативно-правовой базы в области инвестирования и предпринимательства, большая доля субъективизма при расчете интегральных индексов, а также отсутствие увязки предпринимательского климата и результативности деятельности экономических агентов.

Для сравнительного анализа инвестиционной привлекательности в различных регионах России используются специализированные методики, делающие акцент на темпах и перспективах реформ³.

Важность такой оценки определяется тем, что новые возможности для инвесторов в этих регионах прямо зависят от того, насколько решительно реформы будут применяться на практике. К данной группе методик относятся методики журнала «Малтинэншл бизнес», методики американского журнала «Форчун».

Суть таких методик заключается в сравнении по определенным показателям двух или более регионов с целью выявления преимуществ для вложения средств. Для потенциальных инвесторов такая информация важна в случае рассмотрения двух или более альтернативных вариантов вложения средств в экономику разных регионов.

Достоинством этих методик является предоставление подробной, подкрепленной цифрами информации об объектах исследования. Но отсутствие интегральных показателей делает ее неприменимой для других регионов.

Третий подход, основанный на балльной оценке инвестиционной привлекательности, учитывает величины всех составляющих инвестиционной привлекательности и служит критерием ранжирования различных регионов по их привлекательности для инвестора. Основное преимущество данного подхода состоит в возможности количественного сопоставления основных характеристик инвестиционной привлекательности для разных регионов и выведения результирующего показателя. К данному подходу относятся следующие методики оценки инвестиционной привлекательности региона:

- методика банка Австрии;
- методика индекса BERI;
- методика оценки инвестиционной привлекательности информационного агентства «ЮНИВЕРС».

Методика банка Австрии является одной из первых примененных для анализа инвестиционной привлекательности в нашей стране⁴. Рейтинг каждого региона определяется по 11 позициям: политический рейтинг, экономический рейтинг, финансовый и банковский рейтинг, приватизационный рейтинг, состояние рынка труда, развитие транспорта, связи и коммуникаций, демографический рейтинг, общий социальный рейтинг, этнополитический рейтинг, поведение населения, экологический рейтинг.

³ Новиков А.В. Инвестиционная привлекательность региона: учеб. пособие / отв. ред. Ю.В. Гусев. Новосибирск: НГАЭиУ, 2001. 141 с.

⁴ Исследование инвестиционного климата регионов России: проблемы и результаты. www.g2b.ru/researches/regions/investclimate

По каждой позиции рассматриваются конкретные показатели (от 4 до 18 показателей). Каждый учитываемый показатель оценивается для региона в баллах от 0 до 10. Для определения общего по позиции рейтинга каждому показателю задается свой вес в общей оценке, после чего выводится общий балл региона по каждой позиции и его место среди всех регионов.

С учетом баллов по всем 11 позициям выводится интегрированная оценка в баллах для каждого региона, на основании чего все субъекты Федерации расставляются по занимаемому ими месту в России и распределяются по следующим 6 классам, характеризующим степень благоприятствования иностранным инвестициям:

- 1-й класс – благоприятная ситуация для вложения;
- 2-й класс – относительно благоприятная ситуация;
- 3-й класс – противоречивая ситуация;
- 4-й класс – неблагоприятная ситуация;
- 5-й класс – серьезно неблагоприятная ситуация;
- 6-й класс – опасная для вложения капиталов ситуация.

Помимо данной методики, пример использования таких методик дает индекс BERI, который рассчитывается по 15 показателям (табл. 1).

Каждый показатель оценивается по балльно-процентной шкале и имеет пять вариантов ответа от 0 до 4. Средний балл экспертных оценок умножается на процент удельного веса каждого показателя, затем все это суммируется и выводится итоговый результат. Максимальный индекс может равняться 100, это говорит о том, что система абсолютно устойчива и стабильна.

Недостатком этой методики является ограниченное применение весовых коэффициентов показателей для оценки инвестиционной привлекательности страны с переходной экономикой.

Таблица 1

Оценка инвестиционного климата по индексу BERI

№	Фактор	Удельный вес фактора
1	Политическая стабильность в стране партнера	12%
2	Отношение к иностранным инвестициям	6%
3	Степень национализации	6%
4	Вероятность и степень девальвации валюты и анализ внешних и внутренних факторов, влияющих на нее	6%
5	Состояние платежного баланса	6%
6	Бюрократические вопросы	4%
7	Темп экономического роста	10%
7а	Темп роста валового продукта ниже 3%	2,5%
7б	Темп роста валового продукта с 3% до 6%	5%
7в	Темп роста валового продукта с 6% до 10%	7,5%
7г	Темп роста валового продукта выше 10%	10%
8	Конвертируемость валюты	10%
9	Анализ выполнения договорных обязательств	6%
10	Расходы на заработную плату и уровень производительности труда	8%
11	Возможность использования экспертов и услуг	2%
12	Организация связи и транспорта	4%
13	Взаимоотношения с государственными органами и общественными организациями	4%
14	Условия получения краткосрочного кредита	8%
15	Условия получения и использования долгосрочного кредита и собственного капитала	8%

Эксперты агентства «ЮНИВЕРС» предлагают делать оценку инвестиционной привлекательности регионов на основе выведения результирующего предпринимательского риска, который включает: социально-политический риск, внутриэкономический риск, внешнеэкономический риск. Согласно этой методике, факторы инвестиционной привле-

кательности сгруппированы в 3 блока: социально-политические, внутриэкономические и внешнеэкономические.

По этим факторам, которые оцениваются экспертами, выставляются балльные оценки. В методике предусмотрена десятибалльная шкала оценок. Сводная характеристика средних оценок представляется в виде итоговой таблицы (табл. 2).

Таблица 2

Сводная характеристика средних оценок групп экспертов по блокам факторов инвестиционной привлекательности

Группы факторов	Группы экспертов			Интегральный показатель
Социально-политические факторы: • средний балл • коэффициент вариации				
Внутриэкономические факторы: • средний балл • коэффициент вариации				
Внешиэкономические факторы: • средний балл • коэффициент вариации				
В целом по всем факторам: • средний балл				

Эта методика имеет преимущество в том, что охватывает большое количество факторов и содержит интегральные показатели по всем группам и в целом по факторам.

Недостатки данной методики включают в себя игнорирование роли человеческого фактора, использование для оценки только рисков без предоставления инвесторам потенциала региона.

Сторонники четвертого подхода анализируют широкий набор факторов, однако инвестиционная привлекательность региона в данном случае рассматривается как агрегированный показатель, который определяется двумя характеристиками. Наиболее известной в данном случае является методика, разработанная аналитиками рейтингового агентства «Эксперт-РА»⁵.

В данном подходе в качестве главных составляющих инвестиционной привлекательности региона авторы выделяют категории инвестиционного потенциала и инвестиционного риска. Согласно этой методике, главными составляющими инвестиционной привлекательности являются:

- инвестиционный потенциал как сумма объективных предпосылок для эффективного вложения инвестиций, зависящих от наличия и разнообразия сфер и объектов инвестирования;
- инвестиционный риск как вероятность потери инвестиций или получения дохода от них;
- инвестиционное законодательство как основополагающая правовая база ведения инвестиционной деятельности на федеральном и региональном уровнях.

В соответствии с методикой интегральный инвестиционный потенциал и интегральный инвестиционный риск складываются из определенных групп показателей. Интегральные показатели авторы интерпретируют следующим образом: потенциал региона представляет собой долю региона в общем потенциале России, уровень риска сравнивается с усредненным российским риском, который согласно методике равен 1.

На основе опроса экспертов из российских и зарубежных инвестиционных и производственных компаний определяется оценка весов вклада каждой из составляющих в интегральный потенциал и интегральный риск. Интегральный показатель потенциала и риска рассчитывается как взвешенная сумма частных видов потенциала или риска.

⁵ www.raexpert.ru/ratings/regions/2006/part5

Согласно методике, регионы, отнесенные к группе 1А (высокий потенциал и низкий риск) являются наиболее предпочтительными для всех типов инвесторов. Наименее предпочтительными являются регионы с низким потенциалом и экстремальным риском, отнесенные к группе 3D.

Следует отметить, что данной методике оценки рейтинга инвестиционной привлекательности регионов присущи некоторый схематизм и формальный характер.

Методика комплексной оценки инвестиционной привлекательности регионов А. Шахназаровой, И. Ройзмана, И. Гришиной также основана на четвертом подходе, однако отличительной особенностью этого подхода является учет взаимосвязи инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности. Инвестиционная привлекательность – аргумент X, а инвестиционная активность – функция Y инвестиционной привлекательности, соответственно может быть подобрана функция $Y=f(X)$ ⁶.

Интегральный показатель определяется путем свода числовых значений отдельных частных показателей инвестиционной привлекательности. Числовое значение интегрального показателя инвестиционной привлекательности по Российской Федерации в целом принимается за 1,00 или за 100%, а значения интегральных показателей для регионов РФ определяются по отношению к среднероссийскому уровню:

$$M_i = \frac{\sum_{s=1}^c k_s \frac{p_{si}}{\bar{p}_s}}{\sum_{s=1}^c k_s},$$

где M_i – интегральный уровень инвестиционной привлекательности i -го региона, сопоставимый со среднероссийским уровнем, принятым за 1,00;

$i = 1, \dots, r$ – регионы;

$s = 1, \dots, c$ – сводные частные показатели;

k_s – весовой коэффициент (весовой балл) s -го показателя;

p_{si} – числовое значение s -го показателя по i -му региону;

\bar{p}_s – числовое значение s -го показателя в среднем по РФ;

$\frac{p_{si}}{\bar{p}_s}$ – стандартизованное (нормализованное) значение s -го показателя по i -му региону.

В данной методике для всех показателей применяются одинаковые весовые коэффициенты в размере 1,0.

К преимуществам данной методики оценки инвестиционной привлекательности регионов можно отнести:

- применение конкретных статистических данных и минимальное использование балльных оценок приводит к объективному результату;
- объективность методики подтверждается высокой степенью корреляционной связи между уровнем инвестиционной активности и уровнем инвестиционной привлекательности;
- учет связи между инвестиционной активностью в регионе и инвестиционной привлекательностью.

Однако данная методика не лишена недостатков, которые заключаются в отсутствии качественного анализа и законодательно-правовой базы в области инвестирования.

Несмотря на все положительные стороны существующих методик и подходов к оценке инвестиционной привлекательности региона, общий анализ позволил выделить присущие им недостатки.

⁶ Гришина И., Шахназаров А., Ройзман Н., Комплексная оценка инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности российских регионов: методика определения и анализ взаимосвязей// Инвестиции в России. 2001. №4. С. 7.

Во-первых, величина получаемого ранга не дает возможности определить реальную дистанцию между участниками рейтинга.

Во-вторых, оценки экспертов субъективны, что приводит к различиям в интерпретации одних и тех же экономических индикаторов и явлений.

В-третьих, большинство методик недостаточно учитывают существующие отраслевые возможности региона, а ведь отраслевая специфика и определяет общую инвестиционную привлекательность региона.

В-четвертых, при ранжировании регионов необходимо определить количественно выраженные критерии, унифицированные для всех отраслей.

Отмеченные выше недостатки обуславливают необходимость углубления исследования по вопросу совершенствования методических подходов к оценке инвестиционной привлекательности региона.

METHODICAL APPROACH TO THE RATING OF INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF THE REGIONAL AGRICULTURE

Y.V. NAROLINA

*Russian academy
of agricultural science
Research institute of economics and organization
of agriculture of Central
Chernozem region
of Russian Federation,*

*e-mail:
yulona15@yandex.ru*

The review of approaches and methods to the rating of investment attractiveness of the regional agriculture is given in the article. It is shown that the methods to the rating of investment attractiveness might be seen within four approaches. The main principles of the methodical approaches to the rating of investment attractiveness are described. It is estimated that notwithstanding all advantages of the methods to the rating of investment attractiveness there are also some drawbacks. The necessity of improvement of methodical approach to the rating of investment attractiveness is proved.

Key words: investment attractiveness, factors of investment attractiveness, approaches to the rating of investment attractiveness, methods to the rating of investment attractiveness.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РАСЧЕТАМ ЛИЗИНГОВЫХ ПЛАТЕЖЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

В.В. БОЛТЕНКОВ¹⁾

О.В. БУЛЬБА²⁾

1) Белгородский государственный университет

*e-mail:
vboltenkov@mail.ru*

2) Белгородский государственный университет

*e-mail:
bulba1984@mail.ru*

В настоящее время в России предприятия многих отраслей промышленности остро нуждаются в обновлении основных фондов, в техническом вооружении и перевооружении действующих производственных мощностей и внедрении конкурентоспособной техники. В качестве основного финансового инструмента, который способствует эффективному воспроизводству и обновлению основного капитала на предприятии, выступает и широко используется лизинг. Суть финансового лизинга заключается в инвестировании временно свободных или привлеченных финансовых средств, при которых лизингодатель приобретает в собственность обусловленное договором купли-продажи имущество у определенного продавца и предоставляет это имущество в соответствии с договором лизинга лизингополучателю за плату во временное владение и пользование с возможным последующим выкупом. Одним из наиболее сложных элементов проектирования лизинговой сделки и подготовки договора лизинга является определение суммы лизинговых платежей. Этот этап работы очень важен для лизингодателя и лизингополучателя, поскольку в зависимости от результата расчетов будет формироваться конечная стоимость лизинговых услуг.

Ключевые слова: лизинговые платежи, расчет, определение, аннуитет, амортизация, налог на прибыль.

В современных условиях хозяйствования при лизинге как финансовом инструменте, способствующем развитию производственной деятельности, определение расчетов между участниками лизинговой сделки является актуальным аспектом взаимодействия между ними. Необходимо не только рассчитать сумму лизинговых платежей, но также определить такие важные критерии, как метод начисления, периодичность уплаты взносов, способы уплаты и другие. Особую актуальность и интерес представляет определение суммы лизинговых платежей, которые являются одним из наиболее сложных элементов проектирования лизинговой сделки и подготовки договора лизинга. Этот этап работы в значительной степени важен для лизингодателя и лизингополучателя, поскольку в зависимости от результата расчетов будет формироваться конечная стоимость лизинговых услуг.

Как известно, лизинг в России за последние несколько лет стал широко использоваться в качестве основного финансового инструмента, который способствует эффективному воспроизводству и обновлению основного капитала на предприятии. В свою очередь большинство предприятий в нашей стране остро нуждаются в техническом вооружении и перевооружении действующих производственных мощностей, внедрении конкурентоспособной техники, техники новых поколений. Внедрение новых технологий возможно только на новом оборудовании, на которые не всегда хватает собственных средств. Необходимо привлекать дополнительное финансирование в виде одного из источников инвестиций, реально существующих на финансовом рынке России, поэтому критерии выбора лизинговой схемы определяют как налогооблагаемая база, так и гибкость расчетов между субъектами лизинговой сделки. Для оптимального определения лизинговой суммы необходимо участие всех сторон сделки.

Суть финансового лизинга заключается в инвестировании временно свободных или привлеченных финансовых средств, при которых лизингодатель приобретает в собственность обусловленное договором купли-продажи имущество у определенного продавца и предоставляет это имущество в соответствии с договором лизинга лизингополучателю за плату во временное владение и пользование с возможным последующим выкупом. Лизинг, прежде всего, используют как альтернативный вариант приобретения необходимого имущества в кредит или за счет собственных средств.

В соответствии с законодательством при финансовом лизинге лизингополучатели имеют ряд налоговых льгот, например, в налоге на прибыль, а также если данное оборудование попадает под механизм применения ускоренной амортизации, то и в налоге на имущество. Лизингополучателю при лизинговой сделке не обязательно ставить лизинговое оборудование на свой бухгалтерский баланс, оно может находиться на балансе лизингодателя, и таким образом, лизингополучатель вообще освобождается от уплаты налога на имущество, а лизингодатель может включить возмещение данных затрат наряду с амортизацией в расчет лизинговых платежей.

Одним из наиболее сложных элементов проектирования лизинговой сделки и подготовки договора лизинга является определение суммы лизинговых платежей. Этот этап работы очень важен для лизингодателя и лизингополучателя, поскольку в зависимости от результата расчетов будет формироваться конечная стоимость лизинговых услуг.

Под *лизинговыми платежами* понимается общая сумма, выплачиваемая лизингополучателем лизингодателю за предоставленное ему право пользования имуществом – предметом договора¹.

В настоящее время чаще всего используются три основные методики расчета лизинговых платежей:

- 1) методика, рекомендованная Министерством экономики РФ;
- 2) метод финансовых рент (аннуитетов);
- 3) метод составляющих.

Каждая методика строится на одном из двух подходов. Первый подход заключается в том, что с помощью определенной формулы задается график лизинговых платежей и на его основе рассчитывается график погашения долга по кредиту (метод финансовых рент). Второй подход заключается в том, что график лизинговых платежей рассчитывается на основе заданной совокупности расходов (метод составляющих или метод Министерства экономики)².

При расчете по лизинговым платежам большинство российских лизинговых компаний используют методические рекомендации по расчету лизинговых платежей, разработанные Министерством экономики Российской Федерации в 1996 году. В соответствии с рекомендациями в расчет лизинговых платежей включаются следующие составные части: амортизация лизингового имущества за весь срок действия договора лизинга; плата за кредитные ресурсы; комиссионное вознаграждение лизингодателя; плата за дополнительные услуги лизингодателя и налог на добавленную стоимость, уплачиваемый лизингополучателем по услугам лизингодателя. При использовании данной методики целесообразно рассчитывать лизинговые платежи в определенной последовательности. Сначала необходимо рассчитать размеры лизинговых платежей по годам, охватываемым договором лизинга. Затем рассчитать общий размер лизинговых платежей за весь срок договора лизинга как сумма платежей по годам, а потом рассчитываются размеры лизинговых взносов в соответствии с выбранной сторонами периодичностью взносов, а также согласованными ими методами начисления и способами их уплаты³.

Анализируя каждую составную часть лизингового платежа, можно выделить некоторые особенности, которые зависят от того, кто является участником сделки, лизинговая компания или предприятие-производитель данного имущества. В первом случае – сделка между контрагентами рассматривается как сделка лизингополучателя с посредником, т.е. лизинговой компанией, а во втором – как прямая покупка в лизинг у производителя оборудования. Нельзя не заметить, что в первом случае, предприятие-лизингополучатель оплачивает еще и посредническую маржу, оплата которой приводит к удорожанию суммы сделки. Во втором случае, лизинг используется в качестве формы реализации своего производимого имущества, и, соответственно, в какой-то мере это обстоятельство снижает сумму как комиссионного вознаграждения, так и дополнительных услуг. Данный способ реализации используется относительно недавно и, как показывает практика, пользуется спросом и является перспективным направлением.

¹ Газман В.Д. Лизинг: теория, практика, комментарии. М., 1997.

² Киркоров А.Н. Расчет лизинговых платежей по принципам бизнес-планирования // ЛизингРевю. 2004. №6. С. 4

³ Прилуцкий Л.Н. Финансовый лизинг. Правовые основы, экономика, практика. М., 1997.

Состав лизинговых платежей непостоянен, так как по мере взаимодействия сторон сделки, он может варьироваться в отношении дополнительных услуг. Любые изменения в составе лизинговых платежей, например, предоставление какой-нибудь дополнительной услуги при реализации лизингового договора, можно отразить в виде дополнительного соглашения к договору лизинга. Заключение лизингового договора на десять лет, включая предоставление дополнительных услуг, может существенно завязать стоимость лизингового имущества.

В качестве финансовой защиты от непредвиденных обстоятельств участники лизинговых сделок нередко прибегают к услугам страховых компаний, что также влияет на удорожание предмета лизинга. Но, в рекомендациях не отделены страховые платежи, которые производит лизингодатель – страхователь имущества, от дополнительных услуг. На расчетный размер лизингового платежа по этой методике не влияет периодичность платежей и срочность их выплат. В методике также не учитывается временная стоимость денег, т.е. не предусмотрена поправка на обесценивание денежных средств. Таким образом, графику выплат по договору лизинга не придается особого значения, а также ничего не говорится и о графике погашения основного долга по кредиту.

Помимо общепризнанной методике существует еще одна более обоснованная и математически точная методика, которая наиболее часто используется на практике лизинговых компаний в Германии, Австрии, Японии и других стран – расчет лизинговых платежей по методу финансовых рент (аннуитетов). Аннуитет – это ряд последовательных платежей, осуществляемых через равные промежутки времени. Метод аннуитетов использует процентный подход к определению данных платежей. Предполагается, что все платежи одинаковы в каждом периоде в течение всего срока лизинга. Единовременный лизинговый платеж включает в себя частичное погашение стоимости имущества, сданного в лизинг, а также процент с непоплаченной части стоимости имущества⁴. Весь расчет лизингового договора представляет расчет кредитного договора с определенной ставкой без учета налогов лизинговой компании и иных сопутствующих сделке расходов. После расчета общей суммы лизинговых платежей и единовременной суммы платежей не разбивается на составляющие, а определяется как возврат кредита и процентов за него. Данный процент получил название «лизинговый процент». В методике не описывается, как его определять. Предполагается, что за счет него покрываются все расходы лизинговой компании. Таким образом, лизинговый процент включает в себя проценты по кредиту, вознаграждение лизингодателя, налог на имущество, дополнительные услуги и т.д.

При определении способов оплаты лизинговых платежей необходимо исходить из текущего финансового состояния предприятия и из эффективности общей производственной и сбытовой деятельности на предприятии. В первом случае следует выявить задолженности и кредитоспособность предприятия, а во втором – вероятность чувствительность для финансовой стороны предприятия покрытия своих обязательств по договору лизинга.

На практике выделяют способы уплаты с увеличивающим размером платежа, с уменьшающим размером платежа, с равнозначным размером платежа. Каждый из данных способов содержит в себе свою эффективную значимость, которая определяется в зависимости от условий договора лизинга. На фоне общего экономического роста данный критерий также является немаловажным аспектом взаимодействия сторон и способствует стимулированию и развитию данных отношений.

С другой стороны, финансовые поступления, генерируемые в рамках одного временного периода, имеют место либо в его начале, либо в его конце, т.е. они не распределены внутри периода, а сконцентрированы на одной из его границ. В первом случае поступления называются потоком пренумерандо, а во втором – постнумерандо, и в свою очередь могут также влиять на форму отношений лизингодателя и лизингополучателя. Чем больше направлений и способов взаимодействия имеют стороны, тем больше вероятность эффективности данной сделки⁵.

Выше мы проанализировали методы, которые рассматриваются или имеют влияние со стороны финансового положения лизингополучателя. Со стороны лизингодателя

⁴ Лещенко М.И. Основы лизинга: учеб. пособие. М., 2000.

⁵ Ковалев В.В. Учет, анализ и бюджетирование лизинговых операций: теория и практика. М., 2005. С. 240.

лизинговые платежи могут быть рассчитаны также исходя из финансового положения и интереса участия в данном инвестиционном проекте. Ведь лизингодатель приобретает объект лизинга в кредит под залог данного имущества. Данный метод называют методом составляющих. Данный метод заключается в том, что лизинговый платеж в каждом периоде формируется из суммы денежных расходов лизинговой компании. В данной методике определяющими являются не заданные лизинговые платежи, а заданная структура расходов лизинговой компании. Данный метод, на наш взгляд, чаще всего может использоваться, если лизингодателем является лизинговая компания. Сначала задаются графики расходов: график погашения кредита, проценты по кредиту, налог на имущество, вознаграждение лизинговой компании, НДС в бюджет, а после этого с помощью суммирования данных расходов определяется лизинговый платеж в каждом периоде. Данный вид может быть использован только при приемлемом влиянии его результатов на финансовое состояние лизинговой компании.

Автор статьи «Оценка реального дохода и стоимости лизинговой компании» А. Киркоров в журнале «ЛизингРевю» в №4 за 2005 г. предлагает модифицированный метод расчета лизинговых платежей. Он считает, что для того, чтобы правильно рассчитать лизинговые платежи необходимо в обязательном порядке учитывать два процесса, связанных с ними. Это взаимоотношения сторон по оплате лизинговых услуг – «график перечисления денежных средств» и взаимоотношения по оказанию лизинговых услуг – «график начисления лизинговых платежей». По А. Киркорову, график начисления лизинговых платежей – это периодический график, согласно которому лизингодатель оказывает лизингополучателю услугу по передаче имущества во временное владение и пользование. При этом лизингодатель отражает доходы и выставляет счета-фактуры, а лизингополучатель отражает расходы по договору лизинга в указанные в графике суммы и сроки. По мнению автора, данный график является экономически обоснованным исходя из принципов сопоставимости доходов и расходов лизингодателя. Автор отмечает, что экономический подход, используемый в предлагаемой модифицированной методике полностью отражает экономическую суть лизинга, а также позволяет сбалансировать все показатели как по так называемому бюджету доходов и расходов лизинговой компании, так и по ее бюджету движения денежных средств. Автор полагает, что данные бюджеты наряду с балансом являются тремя основными отчетами, формирующимися финансовой частью инвестиционного проекта. На основании этих трех отчетов и делается вывод об окупаемости проекта, его налоговой нагрузке, достаточности денежных средств и прибылей в каждом периоде⁶.

Экономически грамотный расчет лизинговых платежей обеспечит лизингодателю определенный уровень доходности, а лизингополучателю – приемлемый в конкретных условиях уровень комфортности. Лизинг становится гибким и многообещающим экономическим рычагом, способным привлечь инвестиции, способствовать подъему отечественного производства и привлечению капитала в жизненно важные отрасли экономики страны. Поэтому для обеспечения экономически выгодных и обоснованных условий лизинговой сделки необходим учет современных требований бизнеса в РФ, а также наличие высококвалифицированных специалистов. Более тщательная проработка законопроектов по лизинговой деятельности также может являться стимулирующим фактором ее развития.

К факторам, определяющим реальную эффективность расчетов лизинговых платежей при заключении договора лизинга, мы относим следующие:

1) расчеты должны производиться с условием экономической выгоды для всех сторон сделки. Это будет подчеркивать эффективность данного инструмента;

2) лизинговые платежи должны быть рассчитаны, прежде всего, исходя из финансового состояния лизингополучателя, так как в любом случае он является потребителем объекта сделки;

3) подход к определению лизинговых платежей должен отвечать современным требованиям ведения бизнеса и современному развитию рыночных отношений, а также происходить при наличии высококвалифицированных специалистов с целью обеспечения экономически выгодных и обоснованных условий лизинговой сделки.

⁶ Киркоров А.Н. Оценка реального дохода и стоимости лизинговой компании // ЛизингРевю. 2005. № 4. С.5-10.

С учетом вышеуказанных факторов лизинг способен развиваться более устойчиво не только как форма финансовых отношений, но и как форма предпринимательской деятельности и реализации продукции.

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF ACCOUNTS OF LEASING PAYMENTS

V.V. BOLTENKOV¹⁾

O.V. BULBA²⁾

1) Belgorod State University

e-mail: vboltenkov@mail.ru

2) Belgorod State University

e-mail: bulba1984@mail.ru

The majority of enterprises in Russia needs significantly the improvement of their basic assets, technical reequipment and introduction of competitive technics. The main instrument of effective reproduction is leasing. The sense of financial leasing concludes in the investing of cash assets into reproduction process. One of the big problems of leasing relationship is the definition of amounts of leasing payments. This aspect is important for all parts of deal and it impacts to final means of leasing services.

Key words: leasing payments, accounts, definition, annuity, amortization, income tax.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Аракелян Э.А.** – аспирант кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета
- Балашова Т.В.** – ФГУК ГИКМЗ «Московский Кремль», научный сотрудник
- Балыбердин Ю.А.** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета
- Бикташева А.Н.** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории до XX века Казанского государственного университета
- Бойченко И.В.** – глава Яковлевского района Белгородской обл., г.Строитель
- Болтенков В.В.** – аспирант кафедры мировой экономики Белгородского государственного университета
- Болтенкова Ю.В.** – ассистент кафедры мировой экономики Белгородского государственного университета
- Борисова А.А.** – аспирант кафедры новой и новейшей истории Воронежского государственного университета
- Борисоглебская Л.Н.** – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления на предприятии (в городском хозяйстве) Белгородского государственного университета
- Брысякина Л.А.** – аспирант Орловской региональной академии государственной службы
- Бульба О.В.** – магистрант кафедры финансов и кредита Белгородского государственного университета
- Глухова А.В.** – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и политологии исторического факультета Воронежского государственного университета
- Емельянов Н.В.** – доктор технических наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям Курского государственного технологического университета
- Звягин С.А.** – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Воронежского института МВД России
- Зубарев А.С.** – первый заместитель губернатора – председатель правительства Курской области.
- Зубарь В.М.** – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИА НАНУ
- Климова Т.Б.** – ассистент кафедры экономики и управления на предприятии (в городском хозяйстве) Белгородского государственного университета
- Кочетков С.В.** – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии (в городском хозяйстве)
- Кочеткова О.В.** – ассистент кафедры стратегического управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г.Шухова
- Кузнецова Е.П.** – старший преподаватель кафедры экономики и управления на предприятии (в городском хозяйстве) Белгородского государственного университета
- Литовченко Е.В.** – соискатель кафедры всеобщей истории Белгородского государственного университета
- Лобанов К.Н.** – доктор политических наук, доцент, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России

- Можайский А.Ю.** – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Московского государственного университета
- Наролина Ю.В.** – аспирант ГНУ НИИ экономики и организации АПК Центрально-Черноземного района РФ
- Никитин А.И.** – кандидат технических наук, профессор кафедры экономики и управления на предприятии (в городском хозяйстве) Белгородского государственного университета
- Овчинникова О.П.** – доктор экономических наук, профессор кафедры финансов, кредита и налогообложения Орловской региональной академии государственной службы
- Огнева В.В.** – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой геополитики и внешнеполитической деятельности Орловской региональной академии государственной службы
- Павлов К.В.** – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики Белгородского государственного университета
- Панкова Н.В.** – кандидат экономических наук, доцент, заместитель начальника управления федерального имущества и развития материально-технической базы Федерального агентства по образованию
- Первова Н.Ю.** – аспирант кафедры маркетинга Белгородского государственного технологического университета им. В.Г.Шухова
- Половнева Л.С.** – ассистент кафедры документоведения Белгородского государственного университета
- Прокофьева Е.Ю.** – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории Белгородского государственного университета
- Пушкарев Л.Н.** – ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
- Романовский А.А.** – аспирант кафедры социологии и политологии исторического факультета Воронежского государственного университета
- Ручкин А.Б.** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Московского гуманитарного университета
- Ситникова Е.Л.** – аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин Воронежского филиала Московского государственного социального университета
- Смоленская О.А.** – аспирант кафедры российской истории Белгородского государственного университета
- Чередниченко А.Г.** – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры теологии Белгородского государственного университета
- Чогут Г.И.** – кандидат экономических наук, доцент Воронежского государственного аграрного университета
- Шабуцкая Н.В.** – ассистент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Воронежского филиала Российского государственного торгово-экономического университета
- Шанин С.А.** – доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и кредита Белгородского государственного университета
- Шатохин И.Т.** – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории Белгородского государственного университета
- Щетинина Е.Д.** – доктор экономических наук, профессор кафедры маркетинга Белгородского государственного технологического университета им. В.Г.Шухова